

БЕЛАРУСЬ І СУСЕДЗІ:

**ШЛЯХІ ФАРМІРАВАННЯ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ,
МІЖНАЦЫЯНАЛЬНЫЯ І МІЖДЗЯРЖАЎНЫЯ
АДНОСІНЫ**

Выпуск 7

Гомель
2020

ISSN 2304–4748

Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь

Установа адукацыі
«Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны»

БЕЛАРУСЬ І СУСЕДЗІ:

ШЛЯХІ ФАРМІРАВАННЯ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ, МІЖНАЦЫЯНАЛЬНЫЯ І МІЖДЗЯРЖАЎНЫЯ АДНОСІНЫ

Зборнік навуковых артыкулаў

Заснаваны ў 2012 годзе

Выпуск 7

Гомель
ГДУ імя Ф. Скарыны
2020

Зборнік уключае навуковыя артыкулы, матэрыялы якіх адлюстроўваюць гістарычны працэс фарміравання дзяржаўнасці ў народаў Усходняй Еўропы, узаемаадносіны беларускага этнасу з суседнімі народамі ў розныя гістарычныя эпохі. У іх паказана роля і месца Беларусі ў міжнародна-палітычных працэсах, якія адбываліся ва Усходняй Еўропе, выяўлены ўплыў разнастайных фактараў на сацыяльна-культурныя і дзяржаўна-палітычныя працэсы ў Беларусі і ў суседніх краінах.

Выданне адрацавана прафесійным гісторыкам, настаўнікам, студэнтам і ўсім, хто цікавіцца гісторыяй.

Шосты выпуск выйшаў ў 2017 годзе.

Зборнік выдадзены ў адпаведнасці з арыгіналам, падрыхтаваным рэдакцыйнай калегіяй пры ўдзеле выдавецтва.

Рэдакцыйная калегія:

М. М. Мязга (галоўны рэдактар),
Р. Р. Лазько (нам. галоўнага рэдактара),
С. А. Чаропка, А. М. Бабкоў, А. М. Дуброўка,
А. М. Кротаў, Дз. М. Талочка

Рэцэнзенты:

кандыдат гістарычных навук Л. С. Скрабіна,
кандыдат гістарычных навук А. Дз. Лебедзеў

ЗМЕСТ

Прадмова	.....	6
Барахвостов П. А.	Эволюция институциональной матрицы Великого Княжества Литовского в составе Речи Посполитой.....	7
Шиляев А. П.	Реформа артиллерии ВКЛ при короле Владиславе IV.....	11
Кондратьев И. В.	Юрий Хмельницкий против Ивана Выговского. Политический выбор служебной шляхты Остра и Любеча.....	14
Циватый В. Г.	Концепт «война» и концепт «мир» в историческом и политико-дипломатическом наследии Анджея Максимилиана Фредро (1620–1679): институциональный и темпоральный дискурсы	18
Никитенкова Л. П.	Украинские земли в политике Речи Посполитой и России во второй половине XVII века.....	22
Верамееў С. Ф.	Замойскі сабор 1720 года, яго значэнне і наступствы ў адлюстраванні беларускай гістарыяграфіі.....	27
Ерашэвіч А. У.	Фінансавыя выдаткі ўтрымання ваеннапалонных на тэрыторыі Беларусі ў 20–50-я гады XIX стагоддзя.....	32
Мязга М. М.	Ваенна-палітычная дзейнасць І. Ф. Паскевіча ў кантэксте расійскай знешняй палітыкі другой чвэрці XIX стагоддзя.....	36
Бусько С. І.	Лаўн-тэніс у беларускіх губернях Расійскай імперыі	39
Жихарев С. Б.	Дворяне–землевладельцы в проектировании Белостокско-Пинской железной дороги: коммерческие расчеты и финансовые возможности акционерного учредительства на заре концессионной эпохи в России.....	42
Луговик Т. В.	Хлеб в традиционно-бытовой культуре Полесья конца XIX – начала XX века.....	46
Моторова Н. С.	Распорядительные комитеты белорусских губерний (1874–1914)	50
Міхедзька В. А.	Беларусы ў антыпольскай праграме мінскага губернатара А. Ф. Гірса	53
Федьков А. Н.	Гомельская организация РСДРП в составе украинского социал-демократического союза (спилки) в конце 1906 – весной 1909 года: вхождение, организационный статус и деятельность.....	57
Кротаў А. М.	Вобраз паляка ў творах Я. Купалы.....	60

Чуткий А. И.	Реконструкция этно-конфессионального и социального происхождения выходцев из Беларуси в студенческом контингенте Киевского коммерческого института (по материалам архива вуза).....	64
Комарницкий А. Б.	Население местечек прибелорусских уездов Правобережья и украинское национальное движение в период Украинской Центральной Рады (1917–1918).....	68
Лазько Р. Р.	Аб неабходных папраўках у гістарыяграфіі працэсу станаўлення беларускай дзяржаўнасці на пачатку навейшага часу.....	73
Бабков А. М.	Деятельность Себежского погранобменного пункта в 1921 году.....	88
Федоренко М. А.	Социальное развитие украинских и белорусских земель в конце XIX – начале XX века как предпосылка поражения УНР и БНР: попытка сравнительного анализа	93
Брянцев М. В.	Советско-польские отношения в первой половине 1920 года на страницах провинциальной печати России.....	97
Хмелеўская Г.	Быдгашч, 1920 год – выпрабаванне міласэрнасці.....	101
Яноўскі А. А.	Першыя крокі па стварэнні беларускага ўніверсітэта (некаторыя аспекты пошукаў нацыянальных арыенціраў).....	106
Дубровко Е. Н.	Белорусы в англоязычной прессе времени Парижской мирной конференции.....	109
Мязга М. М.	Л. Абаленскі – паўнамоцны прадстаўнік Савецкай Расіі / СССР у Польшчы.....	114
Короткова Д. А.	Советская работа с белорусским меньшинством в Литве в 1920-е годы (на примере отчета А. Головинского для советского постпредства).....	120
Колос А. В.	Особенности поставок тракторов в аграрный сектор экономики Беларуси в годы нэпа (1921–1927).....	124
Рожкова С. Н.	Советско-германские отношения после прихода Гитлера к власти в белорусской постсоветской историографии.....	128
Толочко Д. М.	Объединение Беларуси осенью 1939 года на страницах газеты «Звезда».....	133
Кутиков И. М.	Оборонительные мероприятия гражданских властей города Гомеля в конце июня – начале августа 1941 года.....	136
Снапковский В. Е.	Белорусский отряд советской дипломатии.....	139

Гавриловец Л. В.	Особенности проведения переселенческой политики на восточных территориях Польши.....	145
Садовник А. В.	Этнический и языковой факторы возникновения Приднестровского конфликта конца 1980-х – начала 1990-х годов.....	148
Беценко Т. П.	Языковые особенности украинских и белорусских народных песен: канонические тексто-образные структуры как факты национальной фольклорной традиции и языково-культурной родственности.....	151
Бобина О. В.	Политика памяти и «декоммунизация» в Украине: Николаевский топонимический корпус (1991–2020).....	156
Звесткі аб аўтарах	.....	161

ПРАДМОВА

Гістарычны шлях Беларусі ў значнай ступені быў прадвызначаны яе геапалітычным становішчам, тымі адносінамі, якія існавалі ў беларускага этнаса з суседнімі народамі і дзяржавамі. Гэтыя адносіны маюць шматвекавую гісторыю, на працягу якой яны мелі розны, часам і драматычны характар. У працэсе ўзаемадзеяння беларуская культура ўзбагачалася, інтэгруючы ў сябе здабыткі іншых народаў. Са свайго боку і беларусы аказвалі ўплыў на суседнія народы, якія ўспрымалі дасягненні прадстаўнікоў беларускага этнаса ў матэрыяльнай і духоўнай сферах.

Рэгіён Усходняй Еўропы, у якім знаходзіцца Беларусь, выдзяляўся адметнасцю дзяржаватворчых працэсаў. Гэта наклала свой адбітак і на гісторыю беларускай дзяржаўнасці. Беларускія землі на працягу сваёй гісторыі ўваходзілі ў шэраг дзяржаўных утварэнняў. Полацкае княства, Вялікае княства Літоўскае, Рэч Паспалітая, Расійская імперыя – гэта тыя дзяржаўныя ўтварэнні, якія выступілі этапамі на шляху развіцця беларускай дзяржаўнасці. Вынікам гэтага працэсу стала стварэнне ў 20 ст. беларускіх нацыянальных дзяржаў навейшага часу. У перыяды, калі беларусы ўваходзілі ў шматнацыянальныя дзяржавы, яны мелі больш цесныя стасункі з тымі ці іншымі народамі. У розны час характар гэтых стасункаў мог мяняцца. Ва ўзаемадзячынненнях беларусаў практычна з усімі суседнімі народамі мы знойдзем перыяды як плённага ўзаемадзеяння, так і дастаткова вострых канфліктаў. Гэта непазбежна, такая дыялектыка гістарычнага развіцця. Пры гэтым неабходна ўлічваць, што на кантакты беларусаў з іншымі народамі, перш за ўсё суседнімі, вялікі адбітак накладала тая акалічнасць, што Беларусь размешчана на цывілізацыйнай мяжы паміж Усходам і Захадам. Гэта параджала імкненне мяжуючых цывілізацый распаўсюдзіць менавіта свой уплыў на беларускія землі. Дадзеная тэндэнцыя назіраецца яшчэ з Сярэднявечча, калі беларускія землі сталі аб'ектам інтарэсаў як прыйшоўшага з Візантыі праваслаўя, так і заходняй каталіцкай царквы. Потым Беларусь стала полем міждзяржаўнага супрацьстаяння Польшчы і Расіі.

У канцы 19 – пачатку 20 ст. з фарміраванне сучасных нацый пачаўся новы этап узаемаадносін беларускага этнаса са сваімі суседзямі. Яго адметнасць заключаецца ў тым, што народы Усходняй Еўропы ў гэты час актывізавалі барацьбу за стварэнне сваёй нацыянальнай дзяржаўнасці. Асабліва моцны шуршок гэтаму працэсу дала Першая сусветная вайна. Маладыя дзяржавы пачалі шукаць сваё месца на палітычнай карце Еўропы. Гэты працэс надаў новыя рысы ўзаемаадносін паміж народамі рэгіёна і створанымі ім дзяржавамі. Менавіта міжваенны перыяд прадстаўляецца надзвычай важным і цікавым пры вывучэнні дзяржаватворчых, сацыякультурных і грамадска-палітычных працэсаў у ўсходнееўрапейскім рэгіёне.

Кожнае пакаленне гісторыкаў стварае новыя інтэрпрэтацыі хаду гістарычнага працэсу, у тым ліку ў дачыненні сваіх краін і суседніх народаў. У гэтых інтэрпрэтацыях па-новаму тлумачацца шмат якіх гістарычных з'явы. Гэта ў значнай ступені датычыцца і матэрыялаў, якія ўключаны ў дадзены зборнік. Храналагічна прадстаўленыя ў зборніку артыкулы ахопліваюць перыяд ад Позняга Сярэднявечча да пачатку 21 ст. У іх разгледжаны актуальныя праблемы гісторыі ўсходнееўрапейскага рэгіёна, тыя, якія сёння выклікаюць да сябе вялікую цікавасць даследчыкаў. Аўтарамі прац з'яўляюцца аўтарытэтныя гісторыкі Беларусі, Расіі, Украіны, Польшчы. Знаёмства з артыкуламі зборніка дазваляе сфарміраваць уяўленне аб поглядах гістарыяграфіі названых краін на шэраг актуальных праблем іх гісторыі. Матэрыялы зборніка прадстаўляюць інтарэс для прафесійных гісторыкаў, а таксама для ўсіх, хто цікавіцца гісторыяй беларускай дзяржавы і суседніх краін і народаў.

М. М. Мязга,
д-р гіст. навук, прафесар

П. А. Барахвостов
Белорусский государственный
экономический университет

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ МАТРИЦЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В СОСТАВЕ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Проанализирована эволюция институциональной матрицы ВКЛ в составе Речи Посполитой. Показано, что следствием образования федерации, объединившей социумы с различным типом доминирующих институтов, явилась трансплантация институтов экономически более развитого государства на другого участника союза. Отсутствие должного государственного управления этим процессом обусловило дисфункцию трансплантированных институтов, приведшую к институциональному кризису, который в условиях разобщенности политических элит явился причиной распада всей образованной социальной системы.

Сложный период трансформации институциональной среды бывших социалистических стран актуализировал проблему разработки теории институциональных изменений в результате трансплантации институтов из других систем. В этой связи перспективно использование теории институциональных матриц [1, 2], развитой в трудах Д. Норта, К. Поланьи, С. Кирдиной и др. В соответствии с данной теорией, общество представляет собой социальную систему, образованную тремя взаимосвязанными и взаимозависимыми подсистемами: экономической, политической и социокультурной. Развитие каждой из них обеспечивает сложная система институтов, в которой можно выделить *базовые* институты, определяющие направленность коллективных и индивидуальных действий и образующие *институциональную матрицу*.

В институциональной матрице *одновременно* присутствуют два типа институтов, взаимодействующих между собой по принципу «доминантность – компенсаторность» [3, р.хix]: редиистрибутивные и рыночные. Редиистрибутивная модель предполагает институты редиистрибуции (аккумуляции – согласования – распределения), общественно-служебную собственность, общественный/служебный труд, жалобы в виде обратной связи, институты унитарно-централизованного политического устройства и элементы коммунитарной идеологии. Модель рынка – это отношения купли-продажи, частная собственность, наемный труд, прибыль как сигнальный институт, федеративные начала государственного устройства, субсидиарная идеология.

Институциональная матрица ВКЛ до образования Речи Посполитой обладала доминирующими базовыми институтами редиистрибутивного типа, что проявлялось, в первую очередь, в виде окончательно оформившегося при Витовте (1392–1430) централизованного государства и одаривания за верную службу из государственного фонда как основного механизма получения собственности. Достаточно раннее (относительно западноевропейских стран) формирование жесткой редиистрибутивной вертикали было связано с особенностями ландшафтно-климатических условий (обилием болот и непроходимых лесов, неблагоприятным климатом и, как следствие, скудным прибавочным продуктом в сельском хозяйстве, сложностью поддержания транспортных коммуникаций), требовавших особого кооперативно-интегрирующего взаимодействия внутри социума, а также с наличием постоянной внешней угрозы как с Востока, так и с Запада. Однако расположение ВКЛ на цивилизационном (византийско-западноевропейском) пограничье обусловило формирование выраженных институтов альтернативного типа. Некоторые из них являлись следствием медленной институциональной конвергенции с Польским королевством после Кревской унии: Магдебургское право, с 1387 г. регулировавшее по европейскому образцу экономическую деятельность и общественно-политическую жизнь горожан и

защищавшее их имущество и сословное состояние; понятие о шляхетских привилегиях, нашедшее свое символическое выражение в гербах, появившихся в ВКЛ в 1413 г.; беспрецедентная для Восточной Европы кодификация права, выраженная в Судебнике 1468 г. и Статутах 1529, 1566 и 1588 гг., содержащих ряд весьма прогрессивных для своего времени положений (разделение властей, признание приоритета писаного права, индивидуализация ответственности). Другие же достались ВКЛ в наследство от Киевской Руси: вечевые русские традиции в функционировании органов местного самоуправления; юридически закрепленная веротерпимость, обусловленная необходимостью сохранения единства государства, включавшего два крупных, различных в религиозном отношении региона – языческий, а впоследствии католический северо-запад и земли бывшей Киевской Руси, населявшиеся православными христианами.

Усиливавшаяся внешняя угроза с Востока – со стороны Московского княжества, конкурировавшего с ВКЛ за роль собирателя русских земель – обусловила необходимость углубленной интеграции с Польшей. Результатом этого стало образование одной из первых в истории федераций – Речи Посполитой.

В Польше еще ко времени Кревской унии существовала более развитая, чем в ВКЛ, некоммунальная собственность. В силу более плодородных земель отдельные семьи были способны самостоятельно, без кооперации с другими членами общества, вовлекать части материально-технической среды в хозяйственное использование, поддерживать их эффективность и независимо распоряжаться полученными результатами. Основной же функцией государства являлась не организация, а поддержание эффективного взаимодействия между обособленными хозяйствующими и социальными субъектами. Таким образом, доминирующими в институциональной матрице Польши были рыночные институты.

Если, как было отмечено выше, отдельные элементы институциональной матрицы более сильной в экономическом отношении Польши (преимущественно в социокультурной и политической сферах) понемногу трансплантировались в ослабленное внешними угрозами ВКЛ с 1385 г., то Люблинская уния запустила процесс полномасштабного перенесения «слепок» всей польской матрицы на образовавшееся государство. С одной стороны, это значительно стимулировало развитие рыночных институтов, с другой – в условиях изначальной институциональной рассогласованности частей федерации институты мутировали.

После 1569 г. в ВКЛ имели место серьезные экономические преобразования. Исчезла характерная для восточных славян чересполосица, а крестьянская община была фактически ликвидирована – ответственность за выполнение податей возложили не на нее, а на отдельные семьи (“дымы”). Панские хозяйства, по польскому образцу, становились фольварками – теперь выращивали зерно не для собственных нужд, а на продажу. Однако в поле, вместо вольнонаемных рабочих, использовали крепостных, переведенных с характерного до этого оброка на барщину, период которой постоянно увеличивался. Это тормозило дальнейшие рыночные преобразования на селе, поскольку крестьяне, не имевшие ни времени, ни возможности производить сельскохозяйственный продукт на своих наделах, оказались исключены из товарно-денежных отношений.

В XVIII веке новым шагом в развитии рыночных институтов стали мануфактуры. Идея их активного создания на государственных землях ВКЛ связана с именем гродненского старосты А. Тизенгауза. Однако организованные им предприятия были вотчинного типа, не использовавшими наемного труда. Частные же мануфактуры, одна из которых, построенная Радзивиллами в Слуцке, к примеру, производила легендарные пояса, вообще не сбывали товар на рынок, а только поставляли его ко двору своего хозяина-магната.

Сообразно с федеративными началами нового государства, трансплантация новых институтов в политической сфере была осторожной и допускала параллельное существование прежних. В частности, по Люблинской унии, ВКЛ сохранило основы своего государственного управления – законы (Статут 1588 г. оставался ключевым источником права на землях ВКЛ вплоть до 1840-х гг.) и административно-территориальное деление.

Судебная система княжества также осталась преимущественно нетронутой. Несмотря на то, что высшим судебным органом стал единый Сеймовый Суд Речи Посполитой, в обеих частях федерации были созданы отдельные апелляционные инстанции – Коронный Трибунал для Польши и Литовский Трибунал для ВКЛ. Система местного самоуправления – городского в виде магистратов и шляхетского в виде сеймиков – и так оформленная на манер западной соседки в предыдущее столетие, получила после Люблинской унии дополнительный импульс к развитию и по существу уже не реформировалась.

При этом ВКЛ, утратившее при объединении Украину, не могло рассчитывать на абсолютную симметрию в образованной федерации. Носителем верховной власти являлся король, постоянная резиденция которого находилась в Польше и который свои литовские владения практически не посещал (ярким свидетельством этого является неумолимое запустение Дворца великих князей литовских с XVII века). Практически сразу после создания Речи Посполитой, со смертью последнего Ягеллона в 1572 г., монархия стала выборной, в которой правитель не принимал решений без согласия двухпалатного Сейма – общегосударственного законодательного органа, действовавшего на основе равновесия сил. Что важно, принципы функционирования Сейма сформировались в Польше задолго до Люблинской унии (окончательно к 1505 г.), Литва в их разработке участия не принимала.

Важнейшую роль в деятельности Сейма играл Сенат (верхняя палата), в который входили представители органов управления всех земель Речи Посполитой, в том числе ВКЛ. Посольская изба была нижней палатой Сейма и состояла из избранных шляхтой депутатов (послов). Примечательно, что количество депутатов от воеводств и земель Польши регулировалось обычным правом, в ВКЛ же действовал прежний принцип избрания шляхетских депутатов – по два от каждого повета. Иными словами, политическая элита и шляхта ВКЛ были широко представлены в высшем законодательном органе Речи Посполитой и имели возможность отстаивать интересы своего государства.

Однако характерным показателем дисбаланса является то, что в случае кончины короля до избрания нового роль главы государства отводилась Архиепископу гнезненскому. Епископ виленский, к слову, в порядке старшинства в Сенате Сейма шел даже не вторым, а пятым – после предстоятелей гнезненского, львовского, краковского и куявского. Православные и униатские митрополиты в Сенате не заседали. Среди светских сенаторов первым считался краковский каштелян, чередование с каштеляном виленским (занимавшим в светской иерархии третье место), логичное для обеспечения равноправия, не предусматривалось. Более того, Сейм, за редкими исключениями, собирался на территории Польши. Хотя в 1673 г. было принято решение, согласно которому каждый третий сейм Речи Посполитой должен был проходить в ВКЛ (в Гродно) и на нем маршалком (председательствующим) мог быть один из местных депутатов, на практике оно крайне редко выполнялось [4, с. 55].

Особенности политической сферы обусловили трансформацию социокультурной подсистемы институциональной матрицы ВКЛ как части Речи Посполитой. В первую очередь усилилась экспансия католицизма, быстро размывшая характерную для ВКЛ веротерпимость. В 1573 г., в период междуцарствия, Варшавская конфедерация приняла документ о защите религиозной толерантности, рассматриваемой в качестве одной из основ государственного строительства Речи Посполитой, но католическое духовенство его не подписало, и вопрос оказался подвешенным в воздухе. Политика последующих королей, особенно из династии Ваза, хоть и пыталась избежать эксцессов западноевропейской Контрреформации, была четко направлена на искоренение протестантизма, распространившегося в среде литовских магнатов и просветителей в середине XVI века, и урезание прав православия, пространство которого стало сжиматься после заключения Брестской церковной унии 1596 г. Если до образования Речи Посполитой, магнаты ВКЛ могли быть как православными (Константин Острожский), так и протестантами (Николай Радзивилл Черный), после 1569 г. такие примеры уже не встречались. Вследствие этой

политики религиозной унификации, в XVII веке Речь Посполитая столкнулась с массовыми народными восстаниями на Украине, одним из лозунгов которых была свобода вероисповедания.

Из Польши в ВКЛ пришли идеи примата свободы, понимаемой, однако, как предоставление исключительных прав только шляхте, крестьянство же, понимаемое как свободное еще в Статуте 1529 г., теперь окончательно стало восприниматься в качестве бесправных холопов. Возникшая стратификация общества – деление его на обладающих «вольностями» шляхтичей и бесправные низшие сословия – обосновывалась идеологией сарматизма. При этом приобщение к «золотым вольностям» стало ассоциироваться у литовско-белорусской шляхты с переходом в католичество и отказом от родного языка в пользу польского. Эрозия изначального двуязычия Речи Посполитой растянулась на столетие – в 1697 г. официальным государственным языком остается только польский. Примечательно, что сословия крестьян и мещан были затронуты полонизацией в значительно меньшей мере. Со временем границы имущественных страт практически совпали с границами конфессиональными и языковыми, что перенесло проблему неравенства в национальную плоскость.

Как мы видим, интеграция в федерацию двух государств с различными доминирующими базовыми институтами привела не только к положительным эффектам, но и к мутации трансплантированных институтов. Переход к фольварочному типу хозяйства, хоть и был шагом по укреплению рыночных институтов в аграрной сфере, сопровождался «вторым изданием крепостничества», еще более закабалившим крестьянство. Федеративные основы политической сферы, характерные для институциональных матриц рыночного типа, вследствие слабости ВКЛ не были реализованы в полной мере. Натиск католицизма в социокультурной сфере подорвал сохранявшуюся со времен первых литовских князей веротерпимость и привел к неведомым до Люблинской унии межконфессиональным конфликтам.

Далее, в Великом княжестве Литовском до 1569 г. право наследования осуществлялось по обычаям, зародившимся еще в Киевской Руси. Имущество, включая землю, делилось между всеми наследниками. После Люблинской унии в ВКЛ, по образцу западных стран, появился майорат: недвижимое имущество стало переходить к одному человеку – старшему сыну – и не могло быть поделено. Автоматическое перенесение в ВКЛ западноевропейской примогенитурности стимулировало создание огромных латифундий–ординаций, которые были подобны отдельным государствам со своим налаженным хозяйством, административным аппаратом и даже войском. Возник конфликт институциональных моделей. Магнаты на уровне своих ординаций реализовывали власть как абсолютные монархи, выстраивая ее на основе отношений редистрибуции. К примеру, препятствовали осуществлению Магдебургского права в своих городах – Радзивиллы, крупнейшие ординаты ВКЛ, назначали глав магистратов, в то время как по закону те должны были избираться. На уровне государства же магнаты потакали развитию рыночных институтов, используя демократические свободы, заложенные в основу политической системы Речи Посполитой, – *liberum veto*, право на конфедерацию – в своих личных интересах. Невиданный размах приобрел подкуп шляхетских депутатов Сейма, каждый из которых мог сорвать принятие любого решения, просто не согласившись с ним. Стала ослабевать верховная власть, снижалась эффективность работы Сейма. В течение 1652–1763 гг. были распущены без принятия решений или сорваны 53 сейма Речи Посполитой [5, с. 609].

Внутри институциональной матрицы Речи Посполитой возникли противоречия, обусловившие *кризис*. Для его устранения необходимо было твердое государственное управление. Речь Посполитая могла распространить шляхетские привилегии на другие сословия, отменить крепостное право и превратиться в буржуазную республику наподобие голландской Республики Соединенных провинций. Речь Посполитая могла урезать шляхетские привилегии и запустить процесс централизации государства, что и предлагалось

сделать в Конституции 3 мая 1791 г. Однако затяжное бездействие властей обусловило третий вариант выхода из кризиса – гибель Речи Посполитой в результате вмешательства внешних акторов.

Таким образом, исторический опыт ВКЛ свидетельствует о том, что образование интеграционного союза социумами с различным типом доминирующих институтов представляет для этих социальных систем точку бифуркации. Следствием подобной интеграции является трансплантация институтов экономически более сильного государства на других участников объединения. При отсутствии государственного управления этим процессом возможна мутация трансплантированных институтов и, как следствие, кризис, который в условиях разобщенности политических элит может привести к распаду всей системы.

Источники и литература

1. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.
2. Кирдина, С. Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X–Y–теорию Кирдина. – СПб. : Нестор-История, 2014. – 468 с.
3. Polanyi, K. The Livelihood of Man (Studies in Social Discontinuity) / K. Polanyi. – N.–Y.: Academic Press, Inc, 1977. – 280 p.
4. Лойка, П.А. Рэалізацыя акта Люблінскага сойма 1569 г. у гістарычнай рэчаіснасці другой паловы XVI –пачатку XVII ст. / П.А. Лойка // Выбраныя навуковыя працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта: У 7 т. Т. 2. Гісторыя. Філалогія. Журналістыка / Адк. рэд. А. А. Яноўскі. – Мн.:БДУ, 2001. – С.52-64.
5. Радаман, А. Сойм /А. Радаман // Вялікае княства Літоўскае. Энцыклапедыя. Т. 2. – Мн.: БелЭн, 2007. – 790 с.

УДК 94:358.11(476+474.3+438)«15/16»

А. П. Шиляев

Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

РЕФОРМА АРТИЛЛЕРИИ ВКЛ ПРИ КОРОЛЕ ВЛАДИСЛАВЕ IV

В представленной статье рассматриваются основные направления реформирования артиллерии ВКЛ во время преобразований, проведенных в начале 1630-х гг. королем Речи Посполитой Владиславом IV. Особое внимание уделено законодательной регламентации артиллерийской службы, созданию постоянного артиллерийского парка и вопросам его содержания. Рассмотрены и основные причины военных преобразований, а также их последствия, как положительные, так и отрицательные.

В начале 17 в. армия Речи Посполитой показала свое превосходство над различными внешними противниками и в целом отвечала условиям своего времени. Однако уже к 30-м гг. 17 в. в войске ВКЛ и Речи Посполитой назрела необходимость дальнейших преобразований. После реформ Стефана Батория армия Речи Посполитой в основном комплектовалась за счет наемных подразделений, хотя продолжало существовать и посполитое рушенье. Наемниками становились как иностранцы, так и местные жители. Со временем привлекать значительные массы иностранных наемников становилось все сложнее. К 17 в. численность полевых армий все более возрастает. При этом на содержание наемников

уходили значительные средства, что делало невозможным долговременное ведение боевых действий. Также, фактором, усложнявшим привлечение иностранцев в войско ВКЛ стала и тридцатилетняя война (1618–1648), где к 1630-м гг. было уже занято значительное количество иностранных наемников.

Одним из вариантов преодоления этих негативных явлений мог стать переход к найму солдат из местных жителей, при сохранении подготовки и обучения их по западному образцу, что и стало основой военных реформ Владислава IV.

Кроме преобразований в пехоте и кавалерии, реформам во время правления Владислава IV подверглась также и артиллерия. Значение артиллерии постепенно возрастало, если в 16 в. пушки в основном применяли при осаде крепостей и городов, то с начала 17 в. артиллерия начинает все более активно применяться и в полевых сражениях, значительно меняя саму тактику боя. Одним из первых активно применять многочисленную легкую полевую артиллерию начал шведский король Густав II Адольф [1, с. 714].

В армии ВКЛ при Стефане Батории точного количества артиллеристов и определенного отношения их количества к пушкам не существовало. Пушкарей вербовали непосредственно перед войной и постепенно доукомплектовывали во время боевых действий, чтобы восполнить потери. После войны пушкарей освобождали от службы, таким образом, в конце 16 в. артиллерия ВКЛ еще не выделилась в постоянный отдельный род войск [2, s. 70].

Такое положение дел приводило к несогласованности и путанице, а также к нехватке артиллерийских орудий и самих артиллеристов, как произошло, к примеру, при осаде Смоленска в 1609–1611 гг. Отсутствие артиллерии, как самостоятельной постоянной единицы, объяснялось еще и тем, что по закону 1576 г. пушки, порох и ядра король был обязан содержать за счет собственных средств, которые и без того были достаточно ограничены [2, s. 105].

До 1632 г. артиллерийский парк состоял из королевских орудий: отдельно коронных, отдельно литовских, кроме того некоторое количество орудий имели крупные города и часть магнатов. Общее количество орудий армии Речи Посполитой в начале правления Владислава IV оценивается приблизительно в 200 единиц, при этом орудия были разных калибров и качества. Владислав IV предполагал создать королевские цейхгаузы, где бы производились и хранились артиллерийские орудия и необходимое для них снаряжение, что упорядочивало и облегчало их доставку в войска, в случае начала боевых действий.

В 1632 г., на сейме, вводится новая должность – старшего над артиллерией коронной. К 1634 г. командующий артиллерией появляется и в ВКЛ, первым, кто занял эту должность, стал Николай Абрамович. В обязанности старшего над артиллерией входило производство новых орудий и содержание цейхгаузов. В распоряжении старшего над артиллерией имелись помощники: оберстлейтенант, цейхмейстеры или инспекторы артиллерии и цейхварты, которым подчинялись пушкари [3, s. 62].

В 1634 г. были изданы специальные «*Króla Władysława IV artykuły dla artylerii*». Частично эти артикулы повторяли нормы, которые встречались ранее в общевойсковых уставах, так артиллеристов обязывали соблюдать порядок и дисциплину, не наносить вреда мирным жителям, находится в готовности и не покидать расположение батарей или цейхгаузов, исправно нести стражу, не покидая своих мест до ее окончания, запрещались азартные игры, строго наказывалось пьянство во время службы и поединки. Если кто пьяный без ведома офицеров для своей потехи стрелял из орудий, то его ждала смертная казнь. При этом просто выстрел из орудия без приказа и ведома офицера карался только штрафом и кандалами [4, s. 225–227, 230]. В случае дезертирства, прямой измены, переходя на сторону неприятеля или контактов с ним, наказанием, как и в остальных войсках служила смертная казнь, при этом казни могли подвергнуть и тех, кто не доносил о подобных преступлениях [4, s. 227].

Имелись в артикулах и новые, характерные для артиллеристов положения. Было запрещено без приказа офицеров допускать кого-либо в цейхгауз или в расположение

батареи в войске. Кузнецы, столяры и прочие ремесленники, которые обслуживали орудия обязаны были следить за их исправностью и надлежащим состоянием боеприпасов и снаряжения, за небрежное обслуживание артиллерии грозило наказание вплоть до смертной казни [4, s. 228].

Утром и вечером пушкари были обязаны явиться к офицерам и получить от них определенные указания. В случае необходимости пушкари, а также ремесленники обслуживающие орудия должны были быть готовы к возможности применения артиллерии, даже если они не несли в это время вахту. Все артиллеристы и обслуживающие орудия ремесленники должны были быть готовы вместе с орудиями и снаряжением в любое время по приказу выдвинуться к месту расположения командующего артиллерией и ждать от него дальнейших распоряжений. Кроме того, при возникновении пожара в цейхгаузе или на батарее, особенно при угрозе взрыва, ликвидировать возгорание обязаны были пушкари под руководством офицеров артиллерии [4, s. 228]. При допуске иноземцев и иных посторонних с разрешения короля в цейхгаузы для осмотра орудий и снаряжения полагалось пристально за ними следить и особенно за их прислугой «*aby czeladź pomienionych cudzoziemcow nie zrobiła czego nieporządnego abo szkody jakiej*» [4, s. 229]. Ключами от цейхгаузов заведовали цейхвартовые, которые обязаны были не допускать посторонних, ключи разрешалось передавать только пушкарям с условием их обязательного возврата.

Встречаются в артикулах и положения, касающиеся фейерверкеров, урядников, одной из обязанностей которых была организация и непосредственное изготовление пороха и его составляющих в цейхгаузах [4, s. 230]. Расчетное время для подсчета жалования устанавливалось в размере 30 дней в месяц, при этом в зависимости от условий жалование могло выплачиваться ежемесячно или ежеквартально [4, s. 230].

В последнем 26 артикуле указывалось, что старший над артиллерией (которого в артикулах называют оберштером или полковником) имеет право при необходимости вносить некоторые коррективы в положения артикулов. Кроме того, король объявлял полковника артиллерии, его оберстлейтенанта, цейхмистров, цейхвартов и прочих артиллеристов под своим покровительством и даровал им некоторые вольности и привилегии [4, s. 230–231].

По сравнению с общевоинскими уставами в артиллерийских артикулах заметно намного меньшее применение смертной казни. Фактически высшую меру наказания можно встретить только в положениях, касающихся измены, самовольной стрельбы из пушек в состоянии опьянения и при халатном обслуживании орудий для ремесленников. Данное обстоятельство свидетельствует о большей ценности артиллерийских специалистов по сравнению с простыми солдатами, в отношении которых смертная казнь применялась намного чаще.

На сейме 1637 г. королю Владиславу IV удалось убедить шляхту в необходимости государственного финансирования артиллерии, в результате было принято решение о выделении четверти доходов с королевских земель (*drugą kwarta*) на содержание орудий и цейхгаузов. Полученные средства позволили наладить производство новых пушек и артиллерийского снаряжения [2, s. 106; 5, s. 436]. Стоит отметить, что в ВКЛ денежный взнос на содержание артиллерии был воспринят как добровольная плата, размер ее определялся на местных сеймиках.

В ходе преобразований на территории ВКЛ были созданы цейхгаузы в Вильно, Могилеве, Орше, Полоцке и Смоленске. Также работали литейные мастерские по производству пушек в Вильно и Олькенниках, однако большинство орудий производили для своих нужд магнаты. В целом ситуация с артиллерийским парком в ходе реформы заметно улучшилось, однако, как и в случае с остальными воинскими частями, реформа была проведена лишь частично и способствовала большему усилению частных магнатских войск, при том что после 1635 г. войско ВКЛ было очень сильно сокращено.

Источники и литература

1. Дельбрюк, Г. Всеобщая история военного искусства / Г. Дельбрюк – М. : Эксмо, 2008. – 864 с.
2. Gorski, K. Historia artylerii Polskiej / K. Gorski. – Warszawa, 1902. – 327 s.
3. Wisner, H. Wojsko litewskie I poł XVII wieku. Cz. 3. / H. Wisner // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. – 1978. – Т. 21. – S. 45–148.
4. Króla Władysława IV artykuły dla artylerii // Polskie ustawy i artykuły wojskowe: od XV do XVIII wieku / S. Kutrzeba – Krakow: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellonskiego, 1937. – S. 225–232.
5. Volumina legum: w 9 t. / J. Ohryzka. – St. Petersburg : Przedruk zbioru praw staraniem xx. pijarów w Warszawie, od roku 1732 do roku 1782, wydane, nakładem i drukiem Jozofata Ohryzki, 1859–1860. – Т. III : Ab anno 1609 ad annum 1640. – 482 s.

УДК 94(474.5)"16"

И. В. Кондратьев

Национальный университет
«Черниговский колледж» имени Т. Г. Шевченко

ЮРИЙ ХМЕЛЬНИЦКИЙ ПРОТИВ ИВАНА ВЫГОВСКОГО. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЫБОР СЛУЖЕБНОЙ ШЛЯХТЫ ОСТРА И ЛЮБЕЧА

В середине 17 в. значительная часть украинской шляхты стала казаками и взяла участие в формировании новой элиты – казацкой старшины. Со времен Речи Посполитой на Левобережной Украине было два центра формирования мелкой шляхты – Остер и Любеч, как центры староств Киевского воеводства. Представители любечской и остерской шляхты взяли активное участие в политической борьбе после смерти Богдана Хмельницкого.

Новое государство, построенное Б.Хмельницким во время Национальной революции украинского народа середины 17 в., опиралось на новую социальную элиту, которая состояла как из новой казацкой старшины, так и старой «дореволюционной» шляхты [11, с. 18]. На Левобережной Украине крупными «шляхетскими» центрами были Любеч и Остер – бывшие центры староств Киевского воеводства. Со времен Хмельницкого все гетманы брали эту шляхту под свою проекцию с гарантией сохранения прав и имущества [8, л. 4 об.; 12, с. 49–43; 20, с. 54–55; 24, с. 242].

После смерти Б.Хмельницкого, в начале июня 1657 г. гетманом стал его сын Юрий. Несмотря на это, 2 сентября 1657 г. временным гетманом был избран Иван Выговский [15, с. 119–120; 30, с.31]. В августе 1658 г. началось восстание И.Выговского против московского господства. 24 августа в местечке Гоголев казаки напали на стрельцов и запорожцев, часть их была уничтожена, часть попала в плен. В Киеве московским воеводам удалось остановить восстание [2, с.54].

В сентябре 1658 г. И.Выговский подписал с Речью Посполитой Гадяцкий договор [6, с. 37; 31, с. 199–200]. В это время, на стороне гетмана выступил выходец из мелкой шляхты Любечского староства Иван Сулима [15, с. 123; 30, с. 278]. На приеме Выговским московского посла 11 сентября 1658 г. присутствовали представители казацкой старшины с любечскими корнями: Семен Савич Легонович (Легонович Савич) – полковник каневский (июнь 1658–1659 гг.), Аникий Силич – полковник черниговский (1657–1663 гг.), Федор Коробка и другие [30, с. 77, 411].

Казаки Черниговского полка во главе с А.Силичем взяли участие в разгроме московского войска в Конотопской битве 27–29 июня (7–9 июля) 1659 г. [30, с. 246]. Тем не

мене, Черниговский полк присоединился к восстанию против гетмана, были уничтожены гетманские отряды в Чернигове, Нежине, Березне и Мене [17, с. 81; 28, с. 64; 30, с. 323].

В сентябре 1659 г. Выговский передал булаву Юрию Хмельницкому (1659–1663 гг.), после чего выехал в Речь Посполитую. После избрания Ю.Хмельницкого, московские войска начали карательную акцию. Полностью было сожжено местечко Гоголев, а все его жители были перебиты [2, с. 55].

В 1659 г. Ян II Казимир неоднократно жалуется привилегиями соратников Ивана Выговского – представителям как остерской, так и любечской шляхты. 27 марта (по другим данным – 20 марта [7, с. 448; 21, с. 109–110]) 1659 г. Ян II Казимир утвердил за «уроджением» Яремою Нечайовим и «малжонкою его» с.Йолча и с.Березки в «лоевском тракте». Пожалование было сделано за «военные заслуги» [26, лл. 47–47 об.]. 30 мая 1659 г. король Ян II Казимир дал киевскому протопопу Михаилу Гунашевскому села Крехаев та Боденьки с Крехаевской Слободой, что на Остерщине, а также мельничку в Борках на р. Остер [7, с. 451; 21, с. 115–116]. В тот же день Стефан Сулима получил от короля на ленном праве «добра Димер» (с.Димер Чернобыльского староства) [26, лл. 73 об. – 74]. Северин Сулима тогда же получил «добра Козар» (с.Козары на Остерщине) [7, с. 452; 21, с. 162–163; 26, лл. 74–75 об.]. А Теодор (Федор) Сулима – села Йолча и Березки бывшего Любечского староства [26, лл. 75–76].

16 июня 1659 г. был заключен «консенсус», по которому «уроджонные» Сулими уступили «уроджонному» Павлу Тетере два села, получив на это королевское согласие. В дела королевской канцелярии было вписано пожалование шляхетства Павлу Тетере и его потомкам [11, с. 808]. В этот же день, за Стефаном Сулимой на ленном праве было утверждено местечко Дымер. За службу военную в Войске Запорожском Федор Сулима получил села Йолча, Березки, Яблонька над реками Днепр и Припять [11, с. 809]. В этом же году Северин и Стефан Ивановичи Сулимы погибли во время подавления восстания против Выговского [15, с. 123; 30, с. 278].

30 июля 1661 г. поставленный поляками переяславский полковник и сын гетмана Ивана Сулимы Федор получил королевский универсал на вышеупомянутые села – Юльче (Йолча) та Березки [14, с. 18]. Позже, за пожалованием короля Михала Корубута Вишневецкого (1669–1673 гг.) Йолча перешла в аренду к Сулимирским–Розсудовским. Еще одно любечское село Ковпыничы – на ленном праве к Григорию и Томиле Силичам [29, с. 229–230]. Шляхтич Иван Красовский в 1659 и 1661 гг. получил привилегию Яна II Казимира на с.Волынку и с.Чернотичи [18, с. 566]. Казак Сосницкой сотни Иосип Красовский 5 июля 1659 г. получил подтверждение своих прав на с.Волынка на сейме в Варшаве [15, с. 131–132]. В 1673 г. подтверждение Красовским на Волынку и Чернотичи было дано королем Михалом [18, с. 566]. Составители так называемой Переписной книги 1666 г. обращали внимание, что «за Днепром (в Великом княжестве Литовском – И.К.) любецкие земли пустых сел... любецкие вотчины ест многия по obu стороны Днепра, а владеют казаки» [10, с. 186].

Представителей служебной шляхты бывшего Остерского и Любечского староств находим и в окружении Юрия Хмельницкого. Среди любечан сторонником гетмана провозгласил себя Павел Яненко, но уряд киевского полковника возвратить ему не удалось [14, с. 29]. Возможно, что Павел Яненко в 1659 г. находился в Остре [9, л. 12]. На сторону Ю.Хмельницкого перешел и бывший сторонник Выговского слабинский сотник Иван Домонтович [3, с. 62].

Свой уряд сохранил генеральный обозный и выходец из мелкого остерского боярства Тимофей Носач [14, с. 7]. В окружении гетмана также был В.Дворецкий, один из «москвофилов» того времени [13, с. 245; 14, с. 8]. Но в целом, сторонников Ю.Хмельницкого среди казацкой старшины Переяславского и Нежинского полков оказалось не много [15, с. 168], наиболее активно его поддерживали правобережные полки [14, с. 8].

18 апреля 1660 г. Ю.Хмельницкий издал универсал с приказом сотникам Черниговского полка ожидать наступления коронной армии: «ляхи с ордою, которых сам Выговский сорок тысяч привел» [25, с. 154]. Уже в июне 1660 г. казаки Черниговского полка в составе армии

В.Золотаренка отправились в поход. Войска должны были захватить Гомель, Речицу и Березину, уже в 20-х числах октября казаки вступили в Могилев [5, с. 127; 30, с. 369]. В разгар военной компании, 23 июля 1660 г. универсал гетмана получил любечский сотник Савва Унучко вместе с Артемом Красковским, Иваном Мишуком и «зо всею тамошнею шляхтою» [19, с. 190–191; 20, с. 61; 27, лл. 165–166]. В том же году гетманский универсал получил Осип Красковский, который утвердил свои права на с. Волынка [1, с.14]. 5 сентября 1660 г. Василий Болдаковский закрепил за собой с.Рогоца – владение семьи с 1587 г. [16, с. 1–3; 25, с. 167].

Остерский боярин та киевский казак Степан Жук 2 мая 1660 г. получил универсал Ю.Хмельницкого на владение островком «Щитев фольварок» под Остром. В 1666 г. он был упомянут как собственник мельницы в Остре. Очевидно, эти пожалования свидетельствуют о его прошлом высоком статусе в Войске Запорожском [14, с. 29].

В сентябре 1660 г. московский воевода В.Шереметьев начал поход на Правобережную Украину, но его войско было разгромлено. Казаки Ю.Хмельницкого, которые шли ему на подмогу, потерпели поражение. По Слободищенскому (Чудновскому) договору Войско Запорожское признало власть польской короны на основе Гадяцкого договора 1658 г. [4, с. 297]. Верными Переяславским договоренностям с Москвой осталась только небольшая часть войск, среди которых был вышеупомянутый В.Дворецкий [2, с. 56; 14, с. 28].

9 декабря 1660 г. на казацкой Раде в Корсуне гетманом снова избрали Ю.Хмельницкого. В его окружении, как и ранее, был генеральный обозный Т.Носач, генеральный писарем был избран П.Тетеря. Пытаясь изменить вектор своей политики Ю.Хмельницкий направил посольство к Яну II Казимиру [14, с. 13]. На стороне гетмана был и Павел Яненко-Хмельницкий, который в феврале 1661 г. получил от Яна II Казимира универсал на маетности [14, с.14]. А вот переяславский, нежинский и черниговский полковники отказались признавать власть Ю.Хмельницкого. Выбранный наказным гетманом Яким Сомко и Василий Золотаренко выступили за сохранение союза с Москвой [14, с. 14; 23, с. 123]. В 1661 г. киевским полковником стал сторонник московского вектора Василий Дворецкий [14, с. 28].

Фактически этот раскол и положил началу деления Гетманщины по Днепру и дальнейшую Руину. В 1662 г. наказной гетман Сомко, желая усилить свою власть, пытался привлечь на свою сторону выходцев из мелкой шляхты бывших Любечского и Остерского староств Киевского воеводства. В январе 1662 г. ним был восстановлен Остерский полк. Тогда же его наказным полковником стал боярин Богдан Билык–Смолвик. В окружении гетмана был переяславский полковник Семен Гладкий, а также выходец из любецкой шляхты черниговский сотник Василий Болдаковский [14, с. 19, 20–21].

Таким образом, представители остерской и любечской шляхты принимали активное участие в политической борьбе после смерти Богдана Хмельницкого, находим их представителей в окружении Ивана Выговского, Юрия Хмельницкого, Якима Сомка. После поражения Выговского, наиболее пропольско ориентированная часть шляхты была вынуждена эмигрировать на территорию Речи Посполитой.

Источники и литература

1. Акты фамилии Полуботок с 1669–1734 г. (Из архива графа Г. Милорадовича). – Чернигов: Типография Губ. правления, 1889. – 62 с.
2. Александрович, М. Н. Остерский уезд. Вып.1. / М. Н. Александрович. – Киев: Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1881. – 110 с.
3. Бузун, О. В. Історія Остерщини (нариси історії) / О. В. Бузун. – Чернігів : Вид. журн. «Сіверянський літопис», 2010. – 112 с.
4. Галушка, А. А. Російсько-польська війна 1654–1667 / А. А. Галушка // Енциклопедія історії України: у 10 т. – Т. 9. – Київ: Наукова думка, 2012. – С. 297.

5. Горобець, В. Українсько-російські змагання за Білорусь (1654–1659 рр.) / В. Гообець // Національно-визвольна війна українського народу середини XVII століття: політика, ідеологія, військово мистецтво. – Київ: Генеза, 1998. – С.112–130.
6. Гуржий, О. Українська козацька держава в другій половині XVII – XVIII ст.: кордони, населення, право / О. Гуржий. – Київ: Основи, 1996. – 223 с.
7. Джерела з історії Національно-визвольної війни українського народу 1648–1658 рр. – Т. 4: 1655–1658 рр. – Київ: Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського, 2015. – 540 с.
8. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.Вернадского (далее – ИРНБУВ). Ф. 1. Д. 58260.
9. ИР НБУВ. – Ф. X. – Д. 11891.
10. Коваленко, О. Б. Переписна книга Любеча та його округи 1666 р. / О. Б. Крваленко, В. М. Сапон // Любецький з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київської Русі: Матеріали Міжнародної наукової конференції, присвяченої 900-літтю з'їзду князів Київської Русі у Любечі. – Чернігів: Сіверянська думка, 1997. – С. 183–191.
11. Когут, З. Російський централізм і українська автономія: Ліквідація Гетьманщини: 1770–1830 / З. Когут. – Київ: Основи, 1996. – 317 с.
12. Кондратьев, І. Політичний вибір служебної шляхти замків Київського воєводства в середині XVII ст. (на прикладі шляхти Любецького та Остерського староств) / І. Кондратьев // Вісник Чернігівського національного педагогічного університету. Серія: Історичні науки... – Вип.145. – Чернігів: ЧНПУ, 2017. – С. 49–53.
13. Короткі українські регіональні літописи. – Київ: Кліо, 2016. – 446 с.
14. Кривошея, В. Козацька еліта в національній революції середини XVII ст. (Гетьманат Юрія Хмельницького) / В. Кривошея // Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І. Ф. Кураса НАН України. – Вип. 39. – Київ: ІПЕНД ім. І. Ф. Кураса, 2008. – С. 7–36.
15. Кривошея, В. В. Козацька еліта Гетьманщини / В. В. Кривошея. – Київ: ІПЕНД імені І. Ф. Кураса НАН України, 2008. – 452 с.
16. Лазаревский, А. Л. Исторические заметки о некоторых селах Черниговской губернии / А.Л. Лазаревский // Черниговская памятка на 1896/97 год. Карманная справочная книжка. Отд. III. – Чернигов: Губернская типография, 1896. – С. 1–32.
17. Літопис Самовидця. – Київ: Наукова думка, 1971. – 208 с.
18. Модзалевский, В. Л. Малороссийский родословник / В. Л. Модзалевски. – Т. 3 (Л–О). – Киев: Типо-Литография С. В. Кульженко, 1912. – 824 + 24 с.
19. Модзалевский, В. Л. Малороссийский родословник / В. Л. Модзалевски. – Т. 4 (П–С). – Киев: Типо-Литография С. В.Кульженко, 1914. – 832 + 26 с.
20. Мякотин, В. А. Очерки социальной истории Украины в XVII–XVIII ст. / В. А. Мякотин. – Т. I. – Вып.1. – Прага: Издательство “Ватага и Пламя”, 1924. – 288 с.
21. Пам'ятники історії Східної Європи. – Т. V (Руська (Волинська Метрика). Книга за 1652–1673 р. – Острог – Варшава – Москва: ТЗОВ «ПРИНТ–ХАУЗ», 1999. – 608 с.
22. Руська (Волинська) метрика. Регести документів Коронної канцелярії для українських земель (Волинське, Київське, Брацлавське, Чернігівське воєводства) 1569–1673. – Київ: Кліо, 2002. – 984 с.
23. Савчук, Н. О. Українська держава за гетьманування Ю. Хмельницького (1659–початок 1663) / Н. О. Савчук. – Кам'янець-Подільський: «Каліграф», 2001 – 236 с.
24. Смолій, В. Українська національна революція XVII ст. (1648–1676 рр.) / В. Смолій, Степанков В. – Київ: Вид. дім "Києво-Могилянська академія", 2009. – 448 с.
25. Універсали українських гетьманів від Івана Виговського до Івана Самойловича (1657–1687). – Київ – Львів: Наукове товариство ім. Т. Шевченка, 2004. – 1087 с.
26. Центральный государственный исторический архив Украины в г.Киеве (далее – ЦГИАК Украины). – КМФ. 36. – Оп. 1. – Д. 220.

27. ЦГИАК Украины. – Ф. 57. – Оп. 1. – Д. 7.
28. Черниговская летопись. 1587–1750 // Архіви України. – 1989. – № 5. – С. 56–74.
29. Bobiński, W. Województwo kijowskie w czasach Zygmunta III Wazy. Studium osadnictwa i stosunków własności ziemskiej / W. Bobiński. – Warszawa: Uniwersytet Warszawski, 2000. – 599 s.
30. Kroll, P. Od ugody Hadziackiej do Cudnowa. Kozaczyzna między Rzeczpospolitą a Moskwą w latach 1658–1660 / P. Kroll. – Warszawa: WUW, 2008. – 452 s.
31. Szymala, J. Hadziacz 1658–2018. Szkic historyczno-wizualny / J. Szymala // Kultura i Historia. – 2018. – Т. 34, № 2. – S. 197–209.

УДК 94(438):327

В. Г. Циватый

Киевский национальный университет
имени Тараса Шевченко (Украина)

**КОНЦЕПТ «ВОЙНА» И КОНЦЕПТ «МИР» В ИСТОРИЧЕСКОМ
И ПОЛИТИКО-ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ
АНДЖЕЯ МАКСИМИЛИАНА ФРЕДРО (1620–1679):
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ И ТЕМПОРАЛЬНЫЙ ДИСКУРСЫ**

Предметом анализа является трактат известного польского публициста и политика Анджеев Максимилиана Фредро (ок. 1620–1679) «Фрагменты писем о мире и войне», опубликованный им в 1660 г. Фредро интересовался различными вопросами политической, социальной, военной, дипломатической и экономической жизни своего времени, однако особенно его занимало государственное устройство Речи Посполитой, а также место, занимаемое в этом устройстве королём. Он посвятил значительную часть своего литературного наследия функциям, качествам, способу избрания идеального монарха. Также уделяется внимание главным элементам политического устройства польско-литовского государства и шляхетской ментальности, концептам «война» и «мир» в темпоральном измерении.

В данном исследовании особое внимание уделяется развитию, институционализации и формированию ментальных установок, мировоззренческих конструктов, внешнеполитических и дипломатических идеологем в политико-психологической конструкции идей относительно трансформации европейской системы государств в раннее Новое время (XVI–XVIII вв.) в темпоральном измерении [7, с. 9–13].

Среди войн раннего Нового времени особое место занимают – Итальянские войны (1494–1559 гг.) и Тридцатилетняя война (1618–1648 гг.) [8; 9]. В ходе этих войн в теории и практике дипломатии как государств Запада, так и государств Востока формировались концепты «война» и «мир» [1, с. 6–29; 7, с. 11–13].

В раннее Новое время Европа всегда искала лидера-государство. Одним из таких самых крупнейших государств Европы в XVII в. стала Речь Посполитая. Однако, уже начиная со второй половины XVII в. её военное могущество начало стремительно падать и в итоге привело весьма к нерадостному институциональному финалу [16].

Особенностью Польско-Литовского государства стало и его политическое устройство: оно отличалось и от соседней России, и от западных стран-соседей. Королевская власть польского короля и великого князя литовского была всецело зависима от шляхты и сейма. Только получив согласие сейма, король имел право отправить дипломатического агента и посольство, а также принимать новые законы, набирать армию, вводить новые налоги и т.д. Определённые ограничения существовали и со стороны сената (senatus consulta).

Основополагающим инструментарием на сейме становится принцип единогласия (*liberum veto*) [15, s. 301–319].

История общественно-политической, политико-правовой, политико-дипломатической и историко-философской мысли Речи Посполитой весьма многоаспектна и неоднозначна. Одним из наименее исследованных периодов, в этом контексте, является эпоха раннего Нового времени, в частности – вторая половина XVII – начало XVIII вв. Исследователи вновь более предметно обратились к этому периоду интеллектуальной истории Речи Посполитой и её государств–соседей во второй половине XX – начале XXI вв. [2].

Ярким представителем политической и общественно-исторической мысли Речи Посполитой эпохи раннего Нового времени является Анджей Максимилиан Фредро (ок. 1620–1679) – польский историк, политик, государственный деятель, военачальник, дипломат, философ, публицист и, в целом – незаурядная личность и политическая фигура в политико-дипломатической жизни Европы раннего Нового времени. Он получил своё первое образование в Краковской академии, а затем продолжал обучение во Франции и Нидерландах. Свою карьеру, как государственного деятеля, он начал с 1643 г. Он был воевода подольский, каштелян львовский с 1654 г., староста кросненский, сенатор, делегат и маршалок сейма с 1652 г. С 1678 г. – член приближённого королевского совета, на котором слушались вопросы и принимались соответствующие решения политико-дипломатического характера, в контексте общественной дипломатии. Был автором реформаторских проектов, отстаивая принципы демократизма и мира, нейтральности в делах межгосударственных, если возникали ситуации конфликтные и остро военные (на грани войн). Отстаивал необходимость хозяйственных реформ в Речи Посполитой (в духе меркантилизма). Был автором реформаторских проектов, касающихся образования, культуры, политики, дипломатии и военных дел [10].

Как историк Анджей Максимилиан Фредро прославился работой «*Gestorum populi Poloni sub Henrico Valesio...*» («История народа польского в правление Генриха Валуа») [11, s. 249–255]. По стилю и композиции хроника Анджея Максимилиана Фредро наследовала Публия Корнелия Тацита. Хронист подробно и с уважением писал о казаках–запорожцах. Сочинения Анджея Фредро дают нам представление об идеалах и идеях польской аристократии XVII в. За свои концептуальные политико-правовые взгляды, государственную деятельность и стиль подачи материала получил почетное звание «польского Тацита».

О росте интеллектуального интереса к творчеству львовского каштеляна свидетельствуют не только многочисленные научные статьи и диссертационные исследования, но также и переводы с латинского на польский язык и переиздание его трудов в 1999, 2014 и 2015 гг. в двуязычном (латино-польском) формате, вышедшие один за другим после долгого перерыва. Важно отметить, что интеллектуальное наследие Анджея Максимилиана Фредро соотносится в современной сфере исторического знания как один из лучших примеров европейских демократических традиций и практики второй половины XVII в. 1648–1679 гг. – это период наиболее продуктивной теоретической и практической деятельности Анджея Максимилиана Фредро. Приоритетными темами его трудов являются: государственное устройство польско-литовского государства; проблемы войны и мира в европейской международно-политической жизни; соотношение теории и практики демократических идей; институциональная история, теория и практика европейской дипломатии; политические и философские постулаты и категории в Европе раннего Нового времени; роль короля и королевской власти в Речи Посполитой; рассуждения о политической власти, теории и практике королевской власти, образах и символах власти и т.д. [4; 19, s. 182–204].

Эпистолярное наследие Анджея Максимилиана Фредро составляют следующие научные и публицистические труды: «О военных делах»; «Фрагменты писем о войне и мире» (в переводе Ягоды Хмелевской и Франтишека Вуйтевича); «История поляков в правление

Генриха Валуа» (в переводе Владислава Сырокомли); «Поговорки разговорного языка»; «Политико-нравственные предостережения» (в переводе Яна Игнация Янковского); трактаты «Рассуждение об избрании на Королевство Польское при жизни короля Яна казимира IV» и «Письмо другу», а также сеймовые речи [11, s. 249–255; 12, s. 540–555; 13; 14; 15, s. 301–319].

В своих трудах правовой статус монарха Анджей Максимилиан Фредро определял, как статус гаранта государственного порядка, воплощение и идеал общественного согласия, идеал гражданского единства и общественной дипломатии. Вместе с тем, чрезвычайное усиление его власти воспринимается автором как угроза и нарушение того же государственного порядка, который должен охраняться гражданами, в случае нарушения королём своих компетенций – посредством *liberum veto*.

Для Анджея Максимилиана Фредро большую роль играли этические (для него – де-факто религиозные) нормы, соблюдение которых монархом он считал необходимым.

Политико-правовые взгляды и дипломатические концепты Анджея Максимилиана Фредро формировались под влиянием как нормативных документов, так и политико-правового наследия его предшественников и современников. В плане идеологии ему были близки идеи гуманизма и неостоицизма. Политический дискурс его эпистолярного наследия объединяет различные институциональные элементы: теоретические и практические; традиционные (классические) и актуальные (современные); гражданские (общественные) и монархические; мирные и военные модели и т. д. Анджей Максимилиан Фредро был прекрасно знаком с трудами Никколо Макиавелли, Франческо Гвиччардини, Франсуа де Кальера, что способствовало его интеллектуальному обогащению. Он высоко оценивал их подходы к переговорным практикам и инструментарию в общественно-политической и дипломатической жизни государства. Но в целом он считал макиавеллизм не актуальным и отвергал его как политико-правовую доктрину [3; 6, с. 271–285; 18, s. 77–92].

В 1660 г. увидело свет произведение Анджея Максимилиана Фредро «Фрагменты писем о мире и войне». Это произведение быстро набрало популярности и вскоре было переиздано во Франкфурте в 1685 г. (издатель Георг Ферстер). Главная идея этого труда состояла в отстаивании демократических принципов *liberum veto* вразрез с позицией короля: королевская власть пыталась предложить королевские реформы, главным уделом которых должна была стать ликвидация *liberum veto* и институционализация (введение элекции) *vivente rege*. Речепосполитовское общество и аристократия XVII в. были не готовы к восприятию данных подходов и концептов Анджея Максимилиана Фредро, и как следствие – это произведение получило в большей своей степени негативные отклики современников. Это произведение по достоинству было оценено лишь в историографии XX–XXI вв.: «...без сомнения [*«Фрагменты...»* – В.Ц.] являются наиважнейшим произведением Фредро» [17, s. 85]. Самая большая по объёму часть «Фрагментов...» автором была озаглавлена как «Принципы правления христианских государей». Они были зафиксированы в виде 26 рекомендаций, адресованных монарху [5, с. 205–219; 14].

Данное произведение было издано в 1660 г. в спешке, подстёгнутой оживлённой дискуссией о планах королевских реформ. Этим обстоятельством можно объяснить и некоторую сумбурность, недосказанность, непоследовательность, завуалированность и противоречивость автора. Что вполне закономерно в силу выше изложенной ситуации.

В этом произведении Анджей Максимилиан Фредро отстаивает позиции приверженности принципам мира, принципам пацифизма, и отказа от войн как средства институционального развития Речи Посполитой: «...Мудро сделает правитель, который ... удержится от всех войн» [14, s. 128–129]. Он полагал, что именно войны выступают сдерживающим фактором, главной преградой и препятствием для соответствующего уровня королевской власти и управления государством.

«Фрагменты писем о мире и войне» всецело исповедуют дух коллегиальности и демократии во всех делах государственных: от политико-дипломатических до избирательных: «...вместе обсуждать общее благо. Должен исследовать и расспросить, чего

хотят подданные» [14, s. 126–127]. Ключевым тезисом «Фрагментов...» является постулат о принятии королём во внимание мнения своих подданных, будь то дела мирские, или военные: «...в молчании, прислушиваться к дискуссии...» [14, s. 130–133]. Усиление королевской власти через её авторитарность, Анджей Максимилиан Фредро считал неприемлемым для надлежащего развития Речи Посполитой, ибо это негативно скажется на устройстве мира и военном противоборстве, межгосударственных отношениях и отношениях с соседними государствами. Главным недостатком «реформаторов», в т.ч. и «новых политиков», Анджей Максимилиан Фредро считал их нежелание руководствоваться при реализации провозглашённых проектов и фактических действиях блюсти традиции государственного устройства Речи Посполитой, быть верными разумному пониманию концептов «мира» и «войны» [5, с. 205–219; 7, с. 9–13].

Таким образом, основу общественно-политических и политико-дипломатических взглядов Анджея Максимилиана Фредро (1620–1679) составили теоретические подходы, интерпретации и трактовки о государственном устройстве Речи Посполитой, особенностях королевской власти и речепосполитовской практики государственного управления и реализации королевской власти. В своей теории и практике политической деятельности особо дихотомичным для него стал проблемный вопрос о праве на сопротивление королю, и дихотомии концептов «война» – «мир». В сферу его интересов и трактовок подпадали практически все направления государственной деятельности короля и функционирования королевской власти – политическое, военное, дипломатическое, правовое, религиозное, нравственное, управленческое (назначение на должности) и т.д. Роль монарха Анджей Максимилиан Фредро определял, как наставника и поучителя для своих сограждан, своих подданных. Их общей целью должно было стать достижение всеобщего блага Речи Посполитой, как в условиях мира, так и войны.

Источники и литература

1. Бобкова, М. С. Историописание и историческая мысль Западной Европы Позднего Средневековья / М. С. Бобкова // *Историописание и историческая мысль западноевропейского Средневековья* : в 3-х книгах. – Книга 3. – М.: ИВИ РАН, 2010. – С. 6–29.
2. Вирський, Д. Річпосполитська історіографія України (XVI – середина XVII ст.) / Д. Вирський. – Ч. 1–2. – К., 2008. – 330 с.
3. Кальер Ф., де. О способах ведения переговоров с государями: Перевод первого французского издания 1716 г. / Ф. де Кальер. – М., 2000. – 210 с.
4. Камінський Сулима, А. Історія Речі Посполитої як історія багатьох народів, 1505–1795. Громадяни, їхня держава, суспільство, культура / А. Камінський Сулима. Пер. з пол. Я. Стріхи. – К., 2011. – 263 с.
5. Мерзтва, Я. А. «Идеальный монарх» в сеймовых речах Анджея Максимилиана Фредро / Я. А. Мерзтва // *Петербургский исторический журнал*. – 2017. – № 4. – С. 205–219.
6. Циватый, В. Г. Дипломатический инструментарий Никколо Макиавелли и институты европейской дипломатии раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.) / В. Г. Циватый // *Перечитывая Макиавелли. Идеи и политическая практика через века и страны: Сборник научных статей* / Под ред. М. А. Юсима. – М.: Наука, 2013. – С. 271–285.
7. Циватый, В. Г. Ментальные и смысловые интерпретации концептов «война» и «мир» в теории дипломатии и практике международных отношений раннего Нового и Нового времени: ретроспективный и институциональный дискурсы / В. Г. Циватый // *Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (1918 г. – начало XXI в.)*: редкол.: А.П. Косов (гл. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ, 2019. – С. 9–13.
8. Barbiche, V. *Les institutions de la monarchie française à l'époque moderne. XVI-e – XVIII-e siècle*. / V. Barbiche – Paris, 2012. – 369 p.

9. Black, J. A History of Diplomacy. / J. Black. – Reaktion Books, 2010. – 312 p.
10. Eder, M. U źródeł aforystyki polskiej: Studium o "Przysłowiach..." Andrzeja Maksymiliana Fredry / M. Eder. – Wrocław: Oficyna Wydawnicza Atut, 2008. – 280 s.
11. Fredro, A. M. Dyskurs o mianowanie na Królestwo Polskie za żywota Króla Jmci Jana Kazimierza IV / A.M. Fredro // Ochmann–Staniszewska S. Pisma polityczne z czasów panowania Jana Kazimierza Wazy, 1648–1668: Publicystyka, eksorbitancje, projekty, memoriały. – Tom 1. – Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1989. – S. 249–255.
12. Fredro, A. M. Epistola ad Amicum / A. M. Fredro // Vir consilii... – Leopoli: Typis Collegij S.J., 1730. – S. 540–555.
13. Fredro, A. M. Monita Politico–Moralia. Przestrogi Polityczno–Obyczajowe / A. M. Fredro. – Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Badań Literackich PAN, Stowarzyszenie „Pro Cultura Litteraria”, 1999. – 368 s.
14. Fredro, A. M. Scriptorum / A. M. Fredro. – Warszawa: Narodowe Centrum Kultury, 2014. – 848 s.
15. Fredro, A. M. W obronie liberum veto; Od czego zależy trwałość Rzeczypospolitej / A.M. Fredro // Filozofia i Myśl Społeczna XVII Wieku. – Tom I. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1979. – S. 301–319.
16. Markiewicz, M. Historia Polski. 1492–1795 / M. Markiewicz. – Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2009. – 760 s.
17. Rynduch, Z. Andrzej Maksymilian Fredro: Portret literacki / Z. Rynduch. – Gdańsk – Wrocław, 1980. – 330 s.
18. Skrodzki, M. Andrzej Maksymilian Fredro – polski Machiavelli? / M. Skrodzki // Nowożytnicze Zeszyty Historyczne. Z. 3. O kształt Europy Środkowo–Wschodniej. Materiały z III Ogólnopolskiej Studenckiej Konferencji Naukowej Historyków Nowożytników. – Kraków: AT Group, 2011. – S. 77–92.
19. Stankiewicz, W. O małym pospolitym ruszeniu: kilka współczesnych refleksji / W. Stankiewicz // Zeszyty Naukowe Akademii Obrony Narodowej. – N 1 (98). – Warszawa: Wydawnictwo Akademii Obrony Narodowej, 2015. – S. 182–204.

УДК 39(476)

Л. П. Никитенкова

Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

УКРАИНСКИЕ ЗЕМЛИ В ПОЛИТИКЕ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ И РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

Статья посвящена проблеме украинских территорий в политике РП и России после антифеодальной войны 1648–1654 гг. Автор рассматривает отношения на примере деятельности казацких полковников, таких как С. Палий и И. Мазепа, которые ориентировались, в зависимости от ситуации, то на Москву, то на Варшаву.

Украинские земли были разобраны на протяжении XIII–XV вв. между ближайшими соседями: Польшей, ВКЛ, Угорщиной, Молдавским княжеством. С конца XV в. в борьбу за так называемые порубежные территории включилось и Московское государство.

Вторая половина XVII в. – один из сложных периодов украинской истории. Это время гражданской войны после смерти Б. Хмельницкого, политического обособления Левобережной и Правобережной Украины, интервенции ближайших соседей. На 1660 г.

наметилось деление Войска Запорожского на левобережное, которое ориентировалось на Москву, и правобережное – с ориентацией на Варшаву [6, с. 72]. В 1663 г. прошли выборы гетманов Правобережной и Левобережной Украины, что свидетельствовало о существовании двух территориальных единиц [7, с. 155]. Гетман Левобережной Украины «Иван Брюховецкий не имел значительной поддержки среди казачества и весной 1664 г. попросил царское правительство предоставить в его распоряжение в качестве личной охраны двухтысячный отряд царских войск, а также ввести постоянный гарнизон в его столицу – город Гадяч» [5, с. 41].

Закончившаяся Андрусовским миром 1667 г. русско-польская война зафиксировала отказ России от западной части Украины в пользу Польши, что подтверждено было «вечным миром» 1686 г. Слухи, дошедшие до казаков и населения правого берега Днепра, породили уныние, потому что полувековые восстания, перенесённые бедствия оказались бесплодными. Народ пугал возврат ненавистных панов, ксендзов, униатов. Рассчитывать на помощь России на некоторое время стоило забыть.

Украинские земли не могли существовать без союза с ближайшими соседями. Это понимали казацкие полковники, такие как С. Палий, И. Мазепа – люди, не лишённые человеческих страстей, но обладавшие государственным умом и по своему разумению решавшие задачи свободы, независимости своей страны. С помощью этих незаурядных личностей Москва и Варшава в конце XVII в. пытались решить территориальные вопросы.

Одним из известных организаторов колонизации Правобережья был фастовский полковник Семён Палий. И. Крипьякевич так говорит о полковнике: «На первое место выдвинулся Семён Палий (Гурко), левобережец родом, начинал военную школу при Дорошенко, бывал в Запорожье, участвовал в походах против турок..., наконец, как фастовский полковник, приобрёл себе имя удачливого колонизатора и воителя. «Богато тут легло моего труда, – позже говорил он, – взял я это место пустым, заселил его, построил церкви Божьи, да украсил их» [8, с. 214].

В первые годы колонизации края Палий избегал столкновений с поляками. С 1683 по 1688 гг. на него не было ни одной жалобы со стороны шляхты и властей польских. Он исполнял все условия, на которых получил право поселения в степи, то есть воевал с турками и татарами, что в свою очередь обеспечивало безопасность новых поселений и упрочивало доверие народа к Палию [1, с. 75].

Кроме «широкой популярности, необходимо было иметь и административную хватку, чтобы управлять таким огромным краем, население которого собиралось со всей Украины. Палий стал фактическим хозяином территории, которая охватывала тогдашние полки Белоцерковский, Каневский, Черкасский, Чигиринский и Уманьский. На этой территории Палий имел неограниченную власть, и она именовалась «Палиивщина». Власть его была настолько сильна, что он не выполнял даже королевских наказов» [11, с. 142].

Д. Бантыш-Каменский о появлении на политической арене Украины Палия писал: «Тогда явились на той стороне Днепра два храбрые воина, наносившие беспокойство завистливому Мазепе: Самусь и Палий. Первый, поставленный гетманом от польского короля, имел пребывание в городе Виннице и с шайкою отважных запорожцев наводил ужас на татар, возвращал свободу пленным христианам, отсылал крымцев в Москву и Польшу, получал от обоих дворов большое награждение. Второй, родом из Борзны, находился под начальством Самуся и, именуясь только полковником Фастовским, как князь удельный управлял землями до самого Днестра и Случи, собирал дань с жителей, не допускал татар нападать на Польшу и Россию» [2, с. 345-346]. Палий мечтал об объединении Правобережья с Гетманщиной и потому уже в 1688 г. предложил Мазепе принять Фастовщину под свою булаву [4, с. 112].

На Левобережной Украине утеснительное положение народа усиливалось постепенно при всех преемниках Хмельницкого, особенно при Самойловиче и Мазепе.

При поддержке В. Голицына, фаворита Софьи Алексеевны, гетманом Левобережной Украины в 1687 г. избрали Ивана Степановича Мазепу. Вот как описывал С. Соловьев выборы Мазепы: «Голицын стал на скамью и сказал казакам, что их царские величества дозволяют им по их старому войсковому обычаю избрать гетмана и что каждый может свободно подать свой голос: так пусть же объявят, кто им люб. На несколько времени водворилось молчание, потом несколько голосов поблизости произнесли имя Мазепы, другие подхватили, и скоро по всей толпе раздались восклицания: «Мазепу в гетманы!»... Новый гетман присягнул и подписал условия, после чего получил из рук Голицына булаву, бунчук и знамя. Голицын указал на Мазепу как на человека, ему, следовательно, правительству, удобного; это указание должно было иметь важное влияние на выбор, и Мазепа должен был не на одних словах поблагодарить боярина: он дал ему десять тысяч рублей» [13, с.389-390]. «Одаренный от природы умом необыкновенным, получив у иезуитов отличное образование, Мазепа кроме малороссийского языка, знал латинский, немецкий и польский; имел дар слова, искусство убеждать; но с хитростью, осторожностью Выговского, соединял в себе злобу, мстительность, любостязание Брюховецкого; превосходил Дорошенко в славолюбии, всех в неблагодарности. Соединяя с умом образованным дар обворожительный – вкрадываться в изгибы сердца человеческого, сей властитель народа мог быть душою подчиненных, но он не заботился о том» [2, с. 341).

Став гетманом, Мазепа подписал «Коломацкие статьи», которые усиливали власть царизма на украинских землях, лишали гетмана права вести внешнюю политику, снимать старшин с занимаемых постов без позволения царя. Правда, ряд невыгодных для Украины статей не выполнялись потому, что И. Мазепа быстро стал любимцем Москвы и мог позволить себе игнорировать их. Новый гетман при укреплении своей власти сделал ставку на старшину, шляхту, духовенство. Еще с большим рвением и настойчивостью, чем его предшественники, принялся И. Мазепа укреплять положение свое и старшины, раздавая земли и крестьян. «Чтобы положить начало родовой аристократии в Малороссии, он создал новый класс, отличный почетом и преимуществами, - бунчуковых товарищей, куда попадали сыновья казацких старшин, по указанию гетмана; они, вместе с выделившимися еще прежде из массы казачества, знатными и войсковыми товарищами, составили первый зародыш наследственного дворянства в Малороссии» [1, с. 70).

Насколько нелюбим был народом последний, настолько народное сочувствие лежало к Палию, как к представителю крестьянских интересов, противника панства. Власть его была настолько сильна, что он не выполнял даже королевских наказов» [11, с. 142]. Популярность Палия росла, что очень тревожило Мазепу. Поводом к самым частым столкновениям Палия со шляхтичами было его заступничество за крестьян. Но присутствовал здесь и политический мотив – изгнать шляхту с правобережной и степной Украины и создать казацкое государство. Но полковник понимал, что воевать со всей Речью Посполитой у него нет сил, поэтому действовал хитро и достаточно успешно, выживая из имений мелкую шляхту и заводя дружбу и делясь территорией с крупными магнатами. Сапеги, Замоиские, Любомирские упоминаются в качестве покровителей Палия [1, с. 87].

Первое столкновение Палия с поляками произошло в 1688 году. Поводом послужило известие о том, что Палий через Мазепу просил русских царей принять его под руку Москвы, а Белоцерковский полк причислить к Гетманщине. Палий поляками был арестован и посажен в тюрьму [1, с. 76]. Его казаки двинулись на Полесье и начинают грабить имения польских панов. Весной 1689 года Палий с помощью казаков убежал из тюрьмы и уже открыто начинает действовать против польского правительства. Выбивает шляхтичей из имений, заступает за крестьян, с оружием в руках борется с польским войском, посланным для его усмирения. Опять же через Мазепу обращается к России с просьбой о принятии его полка под царскую державу. Отказ следует за отказом. После возврата из плена Палий ежегодно предлагает Мазепе походы против татар, турецких городов. Мазепе выгодно предложение белоцерковского полковника, так как расширится подвластная ему территория. Походы в

1690, 1691 году успешно проведены [1, с. 79]. В декабре 1692 г. Мазепа писал царям: «Лучше было бы принять Палея со всеми людьми и городком Фастовым под царскую руку; если он, будучи малороссиянином по происхождению и приобретши такую знаменитость, перейдёт к неприятелю, то в Малороссии поднимется волнение, прельщённые своеволием и добычею, многие люди потянутся отсюда к нему» [13, с. 492].

Москва не желает нарушать вечный мир с Польшей, подписанный в 1686 г., и предлагает Палию отправиться в Запорожье как нейтральную территорию, а потом уже оттуда переходить в Гетманщину.

Царские подарки из Москвы должны отвернуть Палия от Крыма. Воодушевлённый вниманием Палий успешно воюет против татар и поляков в 1693 году, за что тайно получает богатые подарки и жалованье для своего полка. Для того, чтобы сделать более явными свои сношения с русским правительством, Палий всенародно объявляет о подношениях. В начале 1694 года белоцерковский полковник последний раз предпринимает сообща с левобережными полками удачный поход против татар, опять обращается с просьбой о переселении, получает отказ и решает действовать иным путём [1, с. 81].

Палий действует как вооруженная сила, которая оказывает русским военную помощь в совместной борьбе с татарами. И надеется на то, что сможет получить царскую милость, которая выразится в принятии освоенной территории, как сторожевого поста против турок. И Палий возобновляет свои предложения о подчинении России, но уже с угрозой о необходимости его подчинения Крымскому хану, так как с Польшей у него явно враждебные отношения. Мазепа ходатайствует перед Москвой о положительном решении вопроса. «Теперь Палею уже нельзя прекратить ссор с поляками, потому что с обеих сторон побито человек с двести. Палий хочет оставить Фастов и поселиться в Умани: чтоб он, поселяясь там, не призвал к себе татар на помощь против поляков; призовет татар, станет воевать и разорять поляков – опасно, чтоб и этой стороны не разорил, потому что захочет писаться гетманом и с этой стороны казаков переманивать; чтоб не был он другой Хмельницкий, надобно заблаговременно размыслить, как с ним поступить? Лучше малую искру загасить, чем большой огонь тушить, особенно для того, чтоб не произвёл он в Малой России мятежа и перевозом жителей опустошения; удержать же их будет тогда невозможно, потому что малороссийские жители имеют на той стороне пасеки и всякие угожья» [13, с. 504].

По отношению к шляхте политика Палия не изменилась. Он опустошал дворы тех шляхтичей, которые обращались за правительственной помощью. Об этом свидетельствует от 18 декабря 1695 г. «Письмо полковника Семена Палия к начальникам польских хоругвей о том, чтобы они не выгоняли казаков с назначенных им квартир, в случае отказа, Палий угрожал им войной» [9, с. 326]. Такое положение дел не могло долго существовать, так как данное сословие являлось основой политической системы, сложившейся в Речи Посполитой. Новый король РП Август II в 1699 г. подписал Карловицкий договор с турками, по которому Турция вернула Польше украинские земли. Потребность в казаках, защищавших южные границы, отпала на время, и шляхта на сеймах стала активно жаловаться на казаков и требовать их усмирения и роспуска, а также активно стала изгонять их. В апреле 1699 г. Палий разослал к дворянам киевского воеводства открытый лист, в котором было сказано: «Извещают меня мои сотники и жалуются на неуважение ваших милостей, что вы изгоняете казаков из квартир, причем многим из них нанесли увечья и раны; люди эти находятся там не своевольно, но по неперемому желанию короля Речи Посполитой; им не отказано в службе, как я подробно изъяснял вам уже в предыдущих к вам письмах; ваши милости вчиняете ненужные бунты и истязаете людей невинных, потому извольте ваши милости удержать свое непотребное злопамятство, ибо я, в свою очередь, всегда готов постоять за свое оскорбление и за страдание невинных людей моих, изувеченных и убитых вами; о чём извещая вас, вторично прошу ваших милостей воздержите непотребное своё честолюбие, не тревожьте и не изгоняйте людей, заслуживших себе у Речи Посполитой право на хлеб и на квартиры, чтобы потом и сами ваши милости могли пребывать в добре» [10, с. 367–368].

Но вскоре на пацификационном (примирительном) сейме в июне 1699 г. было принято следующее постановление о казаках: « Так как согласно с постановлением, состоявшимся во время благополучной коронации нашей, об очищении от казаков воеводств киевского и брацлавского, казаки, находящиеся в вотчинных имениях этих воеводств, равно как и в имении киевских епископов – Фастов, до сего времени не удалились, несмотря на требование гетманских универсалов, пользуясь бывшими в продолжение этого времени беспорядками и длившеюся ещё войною с турками; так как они не переставали удручать постоем и насилиями шляхетские имения, охраняемые столь многочисленными сеймовыми постановлениями «О свободе земских имений от всяких повинностей», то мы, не нуждаясь более в казацкой милиции, вследствие благополучно заключённого трактата с Портою, постановляем сеймовою властью распустить и упразднить все полки, как пешие, так и конные... На высокопревосходительного кастеляна краковского, гетмана великого коронного возлагается сеймом обязанность в течение двух недель после окончания сейма объявить приказом своим всему казацкому войску о том, что Речь Посполитая отказывает ему в дальнейшей службе и, под опасением наказаний,... привести в исполнение упразднение казацкого войска» [1, с. 103]. И 20 августа 1699 г. коронный гетман С. Яблоновский издаёт «универсал к наказному гетману Самусю, к казацким полковникам: Палию, Искре, Абазину и Барабашу и ко всем казакам о том, что, вследствие решения сеймового, казачество уничтожено, казаки из полков разойтись по домам, а, в случае слушания, будут разогнаны силою, для чего и отправлено в Украину польское войско» [14, с. 368]. А так как, по количеству, по географическому расположению, наконец, по своему влиянию на крестьян, полк Палия был первым, значит, с него и надо было начинать. Таким образом, «считая турецкую угрозу несущественной, король Август II летом 1699 г. потребовал от лидера казачества полковника С. Палия распустить пять правобережных полков» [12, с. 192].

Население Правобережной Украины не собиралось добровольно поступиться своими приобретениями. Жители отказывались исполнять распоряжения польских властей, не допускали шляхту в местечки и сёла, чинили им всяческий отпор. Мирными методами польское правительство не могло ничего сделать против казаков Самуила Самуся на Богуславщине, Семёна Палия на Фастовщине, Захара Искры на Корсунщине, Андрея Абазина на Брацлавщине [3, с. 281].

Начало нового столетия характеризовалось тем, что польское правительство активно действует дипломатическим путём через Россию, своего союзника в Северной войне. Россия же, в свою очередь, ставку сделала на Мазепу. Начались дипломатические игры, где Палий и Мазепа показали себя хитрыми, умными, думающими не только воинами, но и политиками.

Источники и литература

1. Антонович, В. Содержание актов о казаках на правой стороне Днепра (1679–1716) / В. Антонович // Архив Юго-Западной России. Часть 3. Акты о казаках (1679–1716). – Том 2. – Киев: Типография Е. Фёдорова, 1868. – С. 1–197.

2. Бантыш–Каменский, Д. Н. История Малой России от водворения славян в сей стране до уничтожения гетманства / Д. Н. Бантыш–Каменский. – Киев: Час, 1993. – 656 с.

3. Борисенко, В. Й. Курс української історії: 3 найдавніших часів до ХХ століття / В. Й. Борисенко. – 2-ге вид. – Київ: Либідь, – 1998. – 616 с.

4. Велика історія України: у 2-х тт. Том 2 / Зладив М. Голубець. – Київ: Глобус, 1993. – 400 с.

5. Великанов, В. С. Российский гарнизон в Гадяче в 1664–1668 годах (эпизод становления российского военно-административного присутствия на Украине) / В. С. Великанов // Славяноведение. – 2018. – № 4. – С.40–49.

6. Верстюк, В. Ф. Україна від найдавніших часів до сьогодення. Хронологічний довідник / В. Ф. Верстюк, О. М. Дзюба, В. Ф. Репринцев. – Київ: Наукова думка, 1995. – 688 с.
7. Грушевський, М. С. Історія України / М. С. Грушевський. – Київ: Akademia, 1994. – 256 с.
8. Крип'якевич, І. П. Історія України / І. П. Крип'якевич. – Львів: Світ, 1990. – 520 с.
9. Письмо полковника Семёна Паляя к начальникам польских хоругвей. 1695. Декабрь 18. // Архив Юго-Западной России. Часть 3. Акты о казаках (1679–1716). – Том 2. – Киев – 1868. – С. 326–327.
10. Письмо Семёна Паляя к дворянам повета овруцкого. 1699. Апреля 12. // Архив Юго-Западной России. Часть 3. Акты о казаках (1679–1716). – Том 2. – Киев. – 1868. – С. 367–368.
11. Полонська-Василенко, Н. Історія України. / Н. Полонська-Василенко: в 2 т. Від середини XVII століття до 1923 року. – Т. 2. –3-те вид. – Київ: Либідь, 1995. – 607 с.
12. Семенов, В. И. История Украины с древнейших времен до наших дней / В. И. Семенов, Л. А. Радченко. – Харьков: Торсинг, 2002. – 480 с.
13. Соловьёв, С. М. Сочинения. / С. М. Соловьёв : в 18 кн. Кн. VII. Т. 13–14. История России с древнейших времён. – Москва: Мысль, 1991. – 783 с.
14. Универсал гетмана великого коронного Станислава Яблоновского. 1699. Август 20. // Архив Юго-Западной России. Часть 3. Акты о казаках (1679–1716). – Том 2. – Киев – 1868. – С. 368–370.

УДК 930(476):271.4–9(476)«1720»

С. Ф. Верамееў
Гомельскі дзяржаўны
ўніверсітэт імя Ф. Скарыны

ЗАМОЙСКІ САБОР 1720 ГОДА, ЯГО ЗНАЧЭННЕ І НАСТУПСТВЫ Ў АДЛЮСТРАВАННІ БЕЛАРУСКАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ

У дадзеным артыкуле прасочваецца, як і ў якой ступені гісторыя Замойскага сабору 1720 г., яго значэнне і наступствы разглядаліся ў беларускай гістарыяграфіі на розных этапах яе развіцця. Аўтар робіць выснову, што дадзеная праблематыка вывучана вельмі слаба, вылучае прычыны гэтага.

Замойскі сабор 1720 г., як і іншыя найбольш значныя падзеі ў гісторыі Уніяцкай царквы на беларускіх землях, выклікае розныя, супрацьлеглыя трактоўкі з боку даследчыкаў. Трохсотгоддзе гэтага Сабору актуалізуе як неабходнасць вывучэння яго гісторыі, значэння і наступстваў, так і асэнсаванне гістарыяграфічных здабыткаў у гэтай галіне. Асабліваю цікавасць уяўляе даследчыцкі вопыт беларускіх навукоўцаў мінулага і сучаснасці, іх погляды адносна спектру пытанняў, звязаных з Замойскім Саборам.

Адным з першых сярод беларускіх даследчыкаў да гэтай тэматыкі звярнуўся М. В. Каяловіч, адзін з ідэолагаў заходнерусізма. У сваёй працы “История воссоединения западнорусских униатов былых времён”, выдадзенай у 1873 г. у Санкт-Пецярбургу, ён сцвярджаў, што Сабор замацаваў «многие латинские нововведения» ва Уніяцкай царкве і адмяніў «многие православные обряды» [1, с. 7–8]. Далейшая лацінізацыя Уніяцкай царквы, як адзначаў М. В. Каяловіч, працягвалася і ў наступны, постсаборны перыяд, што ў выніку прывяло да з’яўлення сярод уніятаў руху «к воссоединению с Православной церковью» [1, с. 9]. Такі падыход падзялялі і іншыя гісторыкі–заходнерусісты, творчасць якіх прыпадае на XIX – пач. XX ст., у прыватнасці, Р. Я. Кіпрыяновіч [2, с. 125–127].

У 1880 г. у Вільні выйшла праца Г. Хрусцэвіча пад назвай «Исторія Замојскаго собора» [3]. Гэта было першае ў дарэвалюцыйны час спецыяльнае даследаванне дадзенай тэмы, бо як М. В. Каяловіч, так і Р. Я. Кіпрыяновіч спецыяльна яе вывучэннем не займаліся, узгадваючы Замојскі Сабор пры разглядзе іншых пытанняў гісторыі Уніяцкай царквы. Г. Хрусцэвіч лічыў, што Сабор прынёс шкоду царкве, яго пастановы адкрывалі перспектывы для яе далейшай лацінізацыі і, тым самым, стваралі ўмовы для яе *«гибели в самом непродолжительном времени»* і *«слияния с церковью римской»* [3, с. 303, 305]. Толькі гістарычныя ўмовы, на думку Г. Хрусцэвіча, не дазволілі Уніяцкай царкве загінуць: узнікненне ў канцы XVIII ст. руху за ўз'яднанне з праваслаўнай царквой, а потым і *«воссоединение»* 1839 г. [3, с. 303–304]. Адсюль вынікала заканамернасць і справядлівасць ліквідацыі Уніяцкай царквы ў Расійскай імперыі. Як бачна, Г. Хрусцэвіч цалкам падзяляў пануючы ў той час падыход да трактоўкі значэння Замојскага сабору. З навуковага пункту гледжання каштоўнасць яго даследавання, крамя распрацоўкі дадзенай тэмы, заключалася яшчэ і ў тым, што ў ім быў змешчаны шэраг дакументаў, што датычыліся гісторыі Сабору (вызнанне веры Папы Урбана VIII, тэкст брэве Папы Клімента XI і інш.). Тым самым, яны былі ўведзены ў навуковы абарот. Адзначым, што ў Беларусі поўны комплекс адпаведных дакументаў не апублікаваны да сённяшняга часу.

У 1904 г. у Гродна выйшла праца С. К. Паўловіча «Опытъ истории униатскаго провинціального собора (1720 годъ)» [4]. С. К. Паўловіч таксама прытрымліваўся меркавання, што Замојскі Сабор не прынёс ніякай карысці для Уніяцкай царквы, замацаваў лацінскія элементы ў царкоўным жыцці і, тым самым, *«отшатнул навсегда православных от унии»*. Разам з тым, яго пазіцыя ўяўляецца некалькі супярэчлівай, бо ў іншым месцы сваёй працы ён пісаў пра *«некоторые благотворные результаты»* Сабору [4, с. 252]. С. К. Паўловіч узяў пытанне аб палітычных наступствах замојскіх пастаноў. Гэтыя наступствы, на яго погляд, заключаліся ў пераўтварэнні рускага (меліся на ўвазе жыхары беларускіх і украінскіх земляў – С. В.) ў паляка. Апошняе, у сваю чаргу, стала адной з прычын узнікнення *«движения в пользу возвращения к православию»* [4, с. 254].

Погляды дарэвалюцыйных гісторыкаў–заходнерусістаў падзяляў і праваслаўны гісторык, протаіерэй К. Зноска, які жыў у міжваенны час у Заходняй Беларусі. У 1933 г. у Варшаве выйшла яго праца «Историческій очеркъ церковной унии: Ея происхождение и характеръ», якая ўключала раздзел, прысвечаны Замојскаму Сабору [5, с. 181–188]. На думку К. Зноскі, Сабор *«довел унию до такого состояния, при котором переход из унии в латинство становился нечувствительным и которое предвещало, по-видимому, в недалеком будущем полное слияние унии с латинством»* [5, с. 187]. Ён адзначаў, што праціўнікі яго пастаноў, у асаблівасці з ліку белага духавенства, былі *«далеко не в радостном настроении»* [5, с. 188].

У першай чвэрці XX ст. у беларускай гістарычнай навуцы сфарміраваўся накірунак, які атрымаў назву *нацыянальнай гістарыяграфіі*. Прадстаўнікі гэтага накірунку асэнсоўвалі ролю Уніі ў гістарычным развіцці Беларусі, але Сабор пакінулі па-за ўвагай. Так, зусім не ўзгадваў пра Замојскі сабор 1720 г. у сваёй «Кароткай гісторыі Беларусі» В. Ластоўскі [6]. Няма звестак пра гэты царкоўны форум і ў працы У. М. Ігнатоўскага [7].

Цікавую думку адносна наступстваў прынятых рашэнняў выказаў А. І. Цвікевіч у сваім даследаванні, прысвечаным заходнерусізму. Ён лічыў, што замацаванне падчас Замојскага сабору шэрагу каталіцкіх элементаў у царкоўным жыцці выклікала незадавальненне сярод духавенства, частка якога *«звьярнула свае надзеі на Расію»*. Гэта, у сваю чаргу, стварала падставы для ўзнікнення заходнерусізму [8, с.8].

У асяроддзі беларускай эміграцыі закранаў пытанне аб Саборы ўраджэнец Беларусі праваслаўны епіскап Апанас Мартас, што належыў да Расійскай праваслаўнай царквы за мяжой (РПЦЗ). Галоўная выснова А. Мартаса – Замојскі Сабор меў на мэце выключна лацінізацыю Уніяцкай царквы. Адзначалася, што яго ўдзельнікі абмяркоўвалі *«уничтожение следов “схизмы” в исповедании веры, в церковных обрядах и богослужебных книгах»* [9].

Такім чынам, погляды А. Мартаса тоесны таму падыходу да ацэнкі значэння Замойскага Сабору, які сфарміраваўся ў дарэвалюцыйны час. А. Мартас паўтарыў таксама тэзіс дарэвалюцыйных гісторыкаў–заходнерусістаў аб тым, што айцы Сабору прынялі *«учение о непогрешимости папы»* [9], што, насамрэч, не адпавядае сапраўднасці.

Беларускі грамадскі дзеяч у эміграцыі І. Касяк у сваёй працы па гісторыі Праваслаўнай царквы на Беларусі даў характарыстыку Замойскаму Сабору ў іншым ракурсе. На погляд, Сабор быў скліканы *«для больш поўнай паланізацыі вуніятаў»*, а адно з прынятых рашэнняў заключалася ў тым, каб *«царкоўнае ўрадаванне і пропаведзі былі толькі на польскай мове»* [10, с. 31]. Адзначым, што пытанне аб ролі Замойскага Сабору ў нацыянальна-моўных працэсах на беларускіх землях у далейшым у беларускай гістарыяграфіі не распрацоўвалася.

Як А. Мартас, так і І. Касяк спецыяльна вывучэннем гісторыі Сабору не займаліся, звесткі, якія яны прыводзяць у сваіх працах, вельмі кароткія. Напрыклад, у працы І. Касяка гэтаму пытанню прысвечаны толькі невялікі абзац [10, с. 31].

У сваю чаргу, *беларуская савецкая гістарыяграфія*, для якой, як і для ўсёй савецкай гістарычнай навукі ў цэлым, была ўласціва нязначная ўвага да рэлігійнай тэматыкі, а то і поўнае яе ігнараванне, Замойскі сабор, яго значэнне і наступствы не спецыяльна не вывучала. Кароткая ўзгадка яго (невялікі абзац) ў адной з нешматлікіх прац савецкага часу, прысвечаных гісторыі Уніі – брашуры В. Ф. Гапановіча і Л. А. Царанкова мела характар канстатацыі факту, акрамя гэтага там адзначалася, што пасля сабору *«езуіты і уніяты яшчэ больш рашуча сталі пераводзіць праваслаўнае насельніцтва ў новую веру»* [11, с. 29].

Найбольш плённым з навуковага пункту гледжання стаў постсавецкі этап развіцця беларускай гістарычнай навукі. Буйнейшы на сённяшні момант даследчык гісторыі Берасцейскай царкоўнай уніі ў Беларусі, аўтар доктарскай дысертацыі па гэтай тэматыцы С. В. Марозава вылучыла комплекс прычын склікання Сабору: гэта неабходнасць палепшыць матэрыяльны стан епархіяльнага духавенства, больш дакладна вызначыць узаемаадносіны базыльянаў і мітрапаліта, усталяваць адзінства абраду літургіі і яго ўзаемаадносіны з лацінскім абрадам, умацаваць царкоўную дысцыпліну і ажывіць рэлігійнае жыццё. Той факт, што Сабор узначальваў нунцый – Еранім Грымальдзі, на яе погляд, надаваў гэтаму царкоўнаму сходу большы аўтарытэт. Адносна значэння прынятых рашэнняў С. В. Марозава лічыць, што *«Собор не ввел ни одного нововведения, но только утвердил и легализовал уже существующие и практиковавшиеся обычаи. Он не смог сдержать процесс латинизации униатской церкви, и в последующие годы в нее проникли новые латинские налеты»* [12]. С. В. Марозава звяртае ўвагу на важнасць Сабору, які даў новы штуршок развіццю уніяцкай Кіеўскай мітраполіі, параўноўвае яго ролю з Трыдэнцкім саборам 1545–1563 гг. ў гісторыі Каталіцкай царквы.

Сюжэт, звязаны з Саборам, упершыню з’явіўся ў абагульняючых працах па гісторыі Беларусі. Так, у фундаментальнай шасцітомнай гісторыі Беларусі (том 3) прысутнічае невялікі раздзел пад назвай *«Замойскі сабор. Стаўленне духавенства да лацінізацыі уніяцкай царквы»* [13, с. 168–169]. Аўтарам гэтага раздзелу таксама з’яўляецца С.В. Марозава. Значэнне Сабору яна ацэньвае станоўча, адзначае, што ён адыграў *«значную ролю ў кансалідацыі ўніяцкага руху, пераадоленні абрадавай разнастайнасці»* [13, с. 168]. З Замойскім саборам яна звязвае пачатак буйной царкоўнай рэформы, якая, у сваю чаргу, *«спрыяла ўмацаванню нормаў царкоўнага жыцця, умацаванню дысцыпліны, уніфікацыі абраднасці, паляпшэнню духоўнай адукацыі, пераадоленню недахопу богаслужэбнай літаратуры»* [13, с. 169]. С. В. Марозава слушна адзначае, што прынятыя ў Замосці рашэнні былі ўспрыняты ўнутры Уніяцкай царквы неадназначна. Калі базыльяне былі актыўнымі прыхільнікамі іх імплементацыі, то, у сваю чаргу, белае духавенства аднеслася да іх больш стрымана, ці ўвогуле іх не прымала. Гэта прывяло да раздваення уніяцтва, якое, разам з тым, у першай палове 18 ст. стала самай масавай канфесіяй ў Беларусі [13, с. 69].

Артыкул, прысвечаны Замойскаму Сабору, змешчаны ў «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» і, у асноўным, утрымлівае фактычныя звесткі. Значэнне Сабору ахарактарызавана ў артыкуле наступным чынам: ён «спрыяў упарадкаванню нормаў царкоўнага жыцця, уніфікацыі абраднасці на ўзор рымска-каталіцкай царквы, палітычнаму духоўнай адукацыі» [14, с. 403]. Фактычныя звесткі пра Замойскі Сабор выкладзены і ў артыкуле У. Пашкевіча «Уніяцкая царква ў Беларусі ў пачатку XVIII ст.» [15]. Неабходнасць яго склікання даследчык звязвае з цяжкімі выпрабаваннямі, якія перажыла Уніяцкая царква падчас Паўночнай вайны і якія парушылі яе ўнутранае жыццё. Пералічваючы прынятыя ў Замосці рашэнні, У. Пашкевіч адзначае, што «нягледзячы на некаторыя лацінскія новаўвядзенні», Сабор указваў на «неабходнасць захавання практыкі і звычаяў усходняй царквы» [15, с. 83].

Неабходна адзначыць даследаванне штодзённага жыцця ўніяцкага парафіяльнага духавенства беларуска-літоўскіх зямель 1720–1838 гг. Д. В. Лісейчыкава, у якім уздымаецца пытанне аб тым, як рэалізоўвалася пастанова Сабору аб забеспячэнні парафій катэхетычнай літаратурай. Д. В. Лісейчыкаў на падставе вывучэння архіўных матэрыялаў адзначае, што «Собраніе припадковъ» Л. Кішкі было далёка не ў кожнага святара [16, с.89]. З ліку найноўшай навуковай літаратуры адзначым таксама кандыдатскую дысертацыю Л. І. Масейчук, прысвечаную тэалагічнай адукацыі парафіяльнага ўніяцкага духавенства на беларускіх землях у 1743–1839 гг. Л. І. Масейчук звяртае ўвагу на тое, што пастановы Сабору абумовілі неабходнасць унесці змены ў прафесійную падрыхтоўку святароў [17, с. 11].

Часткай сучаснага беларускага гістарыяграфічнага ландшафту з’яўляюцца працы праваслаўных даследчыкаў, якія прапаноўваюць свой погляд на падзеі гістарычнага мінулага. Праваслаўныя даследчыкі – гэта святары Беларускай праваслаўнай царквы Маскоўскага патрыярхату, выкладчыкі Мінскай духоўнай акадэміі і Мінскай духоўнай семінарыі. Адною з вядучых тэмаў, якую яны распрацоўваюць, з’яўляецца гісторыя Уніі на Беларусі. Спецыяльных прац, прысвечаных Замойскаму Сабору, у колах праваслаўных даследчыкаў пакуль што не з’явілася, ён узгадваецца пры разглядзе іншых пытанняў, звязаных з гісторыяй Уніяцкай царквы. Значэнне Сабору ацэньваецца як адназначна негатыўнае. Галоўны тэзіс праваслаўных даследчыкаў заключаецца ў тым, што Сабор адыграў вялікую ролю ў лацінізацыі Уніяцкай царквы, зацвердзіў курс на далейшае развіццё гэтага працэсу [18; 19; 20]. Найбольш катэгарычна ацэньвае ролю Сабору святар Л. Сенчанка. У сваёй публікацыі ён піша, што ў выніку «была провозглашена тотальная латинизация обряда в Униатской Церкви», пасля чаго «униатская литургия...перестала быть похожей на православную литургию» [19]. Відавочна, што сучасныя беларускія праваслаўныя аўтары прытрымліваюцца ў гэтым пытанні падыходу дарэвалюцыйных гісторыкаў, працы якіх выкарыстоўваюцца таксама і ў якасці крыніцы гістарычных фактаў. Пры гэтым, некаторыя палажэнні гістарыяграфіі XIX пераймаюцца некрытычна. Напрыклад, тэзіс аб тым, што рашэнні Сабору былі настолькі радыкальнымі, што гэта выклікала складанасці с іх зацвярджэннем з боку Рымскага Папы [20, с. 21]. Дадзены тэзіс вылучаў яшчэ Р. Я. Кіпрыяновіч [2, с. 125], але ён не знаходзіць аргументаванага і пераканаўчага пацвярджэння.

Падсумоўваючы, адзначым, што нягледзячы на несумнеўнае значэнне (у незалежнасці ад ацэнкі прынятых пастановаў) Замойскага сабору 1720 г. ў гісторыі Уніяцкай царквы Рэчы Паспалітай, гэтая падзея ў беларускай гістарыяграфіі вывучана слаба і не асэнсавана. Найбольш змястоўныя гістарычныя працы з існуючых у беларускай гістарыяграфіі на дадзены момант і прысвечаных Сабору, былі напісаны яшчэ ў другой палове XIX – пач. XX ст. з пазіцый расійскага праваслаўя. Беларуская гістарыяграфія не дае пераканаўчага адказу на пытанне: ці садзейнічаў Замойскі Сабор лацінізацыі Уніяцкай царквы, замацаваўшы шэраг лацінскіх элементаў у царкоўным жыцці, ці наадварот, яго пастановы зацвердзілі ўжо існуючыя на той момант звычаі. Незразумела таксама, дзякуючы або насуперак замойскім пастановам адбывалася пранікненне новых лацінскіх элементаў у Уніяцкую царкву у постсаборны перыяд. Разнадумства сярод даследчыкаў абумоўлена рознымі падыходамі да

ацэнкі дзейнасці Замойскага Сабору і яго наступстваў, некрытычным перайманнем поглядаў папярэднікаў, а таксама слабасцю крыніцавай базы, недахопам фактычнага матэрыялу. Паказальна, што ў Беларусі не апублікаваны комплекс дакументаў па Замойскаму Сабору, а гісторыкі, што прама ці ўскосна звяртаюцца да гэтай тэмы, абапіраюцца на працы дарэвалюцыйнага часу, асабліва змешчаную ў гэтых працах гістарычную інфармацыю. Уяўляецца, што гісторыю, значэнне Замойскага сабору і яго наступствы трэба разглядаць у больш шырокім гістарычным кантэксце, вызначыўшы, якія абрады, звычаі і вучэнні, уласцівыя Заходняй царкве, і ў якой ступені ўжо праніклі і замацаваліся ў царкоўным жыцці ўніятаў у перадсаборны перыяд. Неабходны таксама аб'ектыўны аналіз маштабаў лацінскіх запазычанняў пасля 1720 г., іх адпаведнасці ці супярэчнасці прынятым у Замосці рашэнням.

Падрыхтоўка грунтоўнага спецыяльнага гістарычнага даследавання, прысвечанага Замойскаму Сабору 1720 г. – справа будучыні.

Крыніцы і літаратура

1. Коялович, М. О. История воссоединения западно-русских униатов старых времен / М.О. Коялович. – СПб.: Тип. Второго отд-ния Собств. е.и.в. канцелярии, 1873. – 400 с.
2. Киприанович, Г. Я. Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве с древнейшаго до настоящего времени / Г.Я. Киприанович. – Вильна, 1899. – 288 с.
3. Хрусцевич, Г. История Замойскаго собора (1720 года) / Г. Хрусцевич. – Вильна. Типография Губернскаго Правленія, 1880. – 308 с.
4. Павлович, С. К. Опыт истории униатскаго провинціального собора (1720 годъ) / С. К. Павлович. – Гродна, Губернская типография, 1904. – 260 с.
5. Зноско, К., прот. Исторический очеркъ церковной унии. Ея происхождение и характеръ / прот. К. Зноско. – М.: Издательство «Мартисъ», 1993. – 233 с.
6. Ластоўскі, В. Ю. Кароткая гісторыя Беларусі / В. Ю. Ластоўскі. – Мінск, Універсітэцкае, 1993. – 126 с.
7. Ігнатоўскі, У.М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі / У. М. Ігнатоўскі; Уступ. арт. А. П. Грыцкевіча. – 5-е выд. – Мінск: Беларусь, 1992. – 190 с.
8. Цьвікевіч, А. «Западно-руссизм»: Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. / А. Цьвікевіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 352 с.
9. Мартос, А. Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни / архиепископ А. Мартос. – Буэнос-Айрес, 1966. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://pravoslavie.by/page_book/glava-ii-belorusskaja-pravoslavnaia-cerkov. – Дата доступа : 10.09.2019.
10. Касяк, І. З гісторыі Праваслаўнай царквы беларускага народу / І. Касяк. – Нью-Йорк, Выданьне Беларускай Цэнтральнай Рады, 1956. – 190 с.
11. Гапановіч, В. Ф. Учарашні і сённяшні дзень уніяцкай царквы / В. Ф. Гапановіч, Л. А. Царанкоў. – Мінск, Беларусь, 1985. – 96 с.
12. Морозова, С. В. Замойский собор / С. В. Марозова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pawet.net/library/history/bel_history/marozava/98.html. – Дата доступа : 10.09.2019.
13. Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 3. Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII–XVIII стст.): рэдкал.: М. П. Касцюк (гал. рэд.) і інш. Мінск, Экаперспектыва, 2007. – 344 с.
14. Казуля, С. Замойскі сабор / С. Казуля // Энциклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Т. 3. Гімназіі–Кадэццыя Мінск: БелЭн, 1996. – С. 403
15. Пашкевіч, У. Уніяцкая царква ў Беларусі ў пачатку XVIII ст. / У. Пашкевіч // З гісторыі уніяцтва ў Беларусі (да 400-годдзя Брэсцкай уніі) / пад рэд. М. В. Біча і П. А. Лойкі. Мінск, Экаперспектыва, 1996. – С. 77–84
16. Лісейчыкаў, Д. Штодзённае жыццё ўніяцкага парафіяльнага святара беларуска-літоўскіх зямель 1720–1839 гг. / Д. Лісейчыкаў. – Мінск: Медысонт, 2011. – 198 с.

17. Мосейчук, Л. И. Теологическое образование приходского униатского духовенства на белорусских землях в 1743–1839 гг.: автореф. дисс...канд. ист. наук: 07.00.02. / Л. И. Мосейчук. – Минск: Беларуская навука, 2019. – 27 с.

18. Хотеев, А. свящ. Замоиский собор 1720 года (очерк из истории Брестской унии) / А. Хотеев // Воскресение. – 2018. – № 8. – С. 5

19. Сенченко, Л. иерей. Последствия принятия Брестской церковной унии (1596 г.) для православного населения на белорусских землях в XVI–XVIII вв. / иерей Л. Сенченко [Электронный ресурс]. – Режим доступа :<https://minds.by/articles/posledstviya-prinyatiya-brestskoj-tserkovnoj-unii-1596-g-dlya-pravoslavnogo-naseleniya-na-belorusskih-zemlyah-v-xvi-xviii-vv#.XmFovtSLTGg>. – Дата доступа : 15.02.2020.

20. Шеститко, В. свящ. Латинизация греко-католической церкви в Речи Посполитой: исторический, литургический и канонический аспекты / свящ. В. Шеститко. – Минск: Братство в честь св. Архистратига Михаила, 2017. – 92 с.

УДК [94(476)+355.415.8 (476)(091)] “18”

А. У. Ерашэвіч

Беларускі дзяржаўны
эканамічны ўніверсітэт

ФІНАНСАВЫЯ ВЫДАТКІ ЎТРЫМАННЯ ВАЕННАПАЛОННЫХ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў 20–50-Я ГАДЫ XIX СТАГОДДЗЯ

Артыкул прысвечаны фінансавым аспектам утрымання замежных ваеннапалонных руска-турэцкай вайны 1828–1829 гг., польска-рускай вайны 1831 г., Крымскай (Усходняй) вайны 1853–1856 гг. на тэрыторыі Беларусі. Даследаванне базуецца на выкарыстанні дакументальных матэрыялаў мясцовых архіваў, якія дапаўняюць і карэктуюць фактычныя даныя, прыведзеныя ў працах даследчыкаў па дадзенай праблеме.

Акрамя размяшчэння на тэрыторыі Беларусі, частка якой з’яўлялася тэатрам баявых дзеянняў у час вайны 1812 г., у ходзе разгортвання паўстання 1830–1831 гг., ваеннапалонных “Вялікай арміі” і польскай арміі Царства Польскага, тут праходзіла частка жыцця турэцкіх “вязняў” руска-турэцкай вайны 1828–1829 гг. і магчыма Крымскай (Усходняй) вайны 1853–1856 гг.

Парадак утрымання турэцкіх ваеннапалонных рэгулявала санкцыяніраванае імператарам палажэнне аб палонных ад 9.07.1829 г. з 59 параграфу [1; 6, арк. 253–267]. Згодна з гэтым заканадаўчым актам нормы грашовай выдачы залежылі ад ваенных званняў. Штаб-афіцэры маглі атрымліваць забеспячэнне натурай і грашыма ў два разы больш обер-афіцэраў, а “пашы меншых генеральскіх ступеней” – удвая больш штаб-афіцэраў [5, арк. 229]. У час знаходжання ў месцах сталага размяшчэння пашам ніжніх ступеняў павінны былі выдзяляць па 1 руб., афіцэрам – па 50 кап., ніжнім чынам – па 12 кап. у суткі на кожнага чалавека [1, с. 480]. Турак, якія трапілі ў палон са зброяй у руках, за выключэннем старых людзей больш 50 год і лядашчых, меркавалі прыцягнуць да выканання казённых работ. Да пачатку будаўнічых работ турэцкія “вязні вайны” мусілі размясціцца ў Віленскай, Гродзенскай, Валынскай губернях і 1 тыс. чал. у Брэсце. Размяшчэнне палонных турак абмежавалі аднымі гарадамі. У выпадку патрэбы ў адзенні і абутку на кожнага ваеннапалоннага прадугледжвалася асігнаванне замест ранейшых 20,95 руб. ужо 24,55 руб. на чал. [1, с. 481]. Грошы на ўтрыманне ваеннапалонных турак адпускаліся з казённых палат па распараджэнні міністра фінансаў на кошт дзяржаўнага казначэйства [6, арк. 264–264 адв.].

З 6 тыс. палонных гарнізона турэцкай крэпасці Варны 2 тыс. чал. былі прызначаны ў якасці рабочай сілы для будаўніцтва ўмацаванняў Бабруйскай крэпасці [12, арк. 31]. У кастрычніку 1828 г. палізу Бабруйска было ўжо каля 2 тыс. палонных турак [15, с. 423].

Як вядома з дасланага 18.02.1829 г. рапарта маёра Крывапішына на імя ўпраўляючага Галоўным штабам генерал-ад'ютанта А. І. Чарнышова ў Бабруйск з Кіева прыбылі 933 палонных турак з гарнізона Анапы, з якіх 42 чал. размясцілі ў ваенным шпіталі, а астатніх 891 чал. пры 4 афіцэрах раскватаравалі ў 49 вёсках Бабруйскага ўезда. З выдзеленых 12 кап. сутачных грошай ніжнім чынам афіцэры закуплялі харчовыя прадукты. Афіцэр для асобных даручэнняў выдаў бабруйскаму каменданту 1 тыс. руб. асігнацыямі для набыцця для турак кашуляў і вылучыў па 1 руб. на кожнага палоннага пад квітэнцыі афіцэраў для набыцця для ніх галаўных убораў – челмы [13, с. 113,114]. Мінская казённая палата 28.02.1829 г. загадала Бабруйскаму ўезднаму казначэйству накіраваць грошы для маючых прыбыць у Бабруйск 1554 чал. ваеннапалонных турак. На выпраўленне адзення ў выпадку неабходнасці на кожнага чалавека выдаткоўвалася разам па 20,95 руб. асігнацыямі і меддзю (на шынель – 8,73 руб., куртку – 4,68 руб., штаны – 4,53 руб., паўботы з чорнай юхты – 3 руб.) [4, арк. 488 адв, 489; 5, арк. 229]. Бабруйскі камендант генерал-маёр Берг 26.03.1829 г. рапартаваў аб прыбыцці 3 партый ваеннапалонных агульнай колькасцю 1257 чал.: 12 бім-, 59 юс-пашаў, 1186 “простых” турак, якія да пачатку крапасных работ былі размешчаны ў ваколіцах Глуска [14, с. 12–13].

Берг ранняй вясной 1829 г. абвясціў палонным туркам аб іх прыцягненні да крапасных работаў. Тады туркі заявілі наступнае: «наш султан не загадаў нам тут працаваць, і мы не будзем; няхай што жадаюць з намі робяць!». Тады Берг правёў застрашальную акцыю: арыштаваў 5 завадатараў смуты, прагнаў іх шпіцрутэнамі праз 500 чал. перад усімі палоннымі. Гэтая дзейная мера заспакоіла астатніх, і палонныя туркі пачалі працаваць, хоць і не работалі аддана. Калі аб гэтым даклалі імператару, ён загадаў выплочваць палонным туркам заробленыя імі грошы па ўзору салдат пяхоты, і тыя сталі працаваць больш рупліва. Аднак потым выйшаў новы загад, паводле якога частка грошай выдаткоўвалася на паляпшэнне быту палонных, іншая частка паступала на набыццё ім адзення для адпраўкі на Радзіму, а на рукі нічога не выдавалася [15, с. 423–424].

Знаходжанне палонных турак у Бабруйскім уездзе не было працяглым. Пасля заключэння руска-турэцкага Адрыянапольскага мірнага дагавора 2(14).09.1829 г. у канцы 1829 г. пачалася рэпатрыацыя ваеннапалонных турак. У канцы сакавіка 1830 г. 1556 палонных турак з Мінскай губерні праз Адэсу адправіліся на радзіму [13, с. 116].

Ваеннае супрацьборства расійскай і польскай армій у час паўстання і вайны 1830–1831 гг. выклікалі часовы наплыў ваеннапалонных з абодвух бакоў [16].

Праз тэрыторыю беларускіх губерняў углыб Расійскай імперыі рухаліся значныя групы польскіх “вязняў вайны”, якіх планавалі размясціць у Бабруйскай крэпасці, накіраваць на ваенную службу ў Каўказскі, Сібірскі і Арэнбургскі асобныя карпусы, пасылаць ва ўнутраныя губерні, размеркаваць у крапасныя арыштанцкія роты інжынерага і марскога ведамстваў. Ваеннапалонных з ліку жыхароў літоўскіх губерняў накіроўвалі ў Дынабургскую крэпасць. 20.05.1832 г. ваенны міністр Расійскай імперыі А. І. Чарнышоў падпісаў загад, згодна якому ніжнія чыны польскай арміі размяркоўваліся на ўкамплектаванне Балтыйскага флоту (2 тыс. чал.), Чарнаморскага флоту (3 тыс. чал.), асобнага Сібірскага корпуса (1 тыс. чал.), асобнага Арэнбургскага корпуса (1 тыс. чал.), асобнага корпуса ўнутранай варты (9,6 тыс. чал.). Польскіх артылерыстаў накіроўвалі для ўзмацнення артылерыйскіх гарнізонаў, кавалерыстаў – каўказскіх лінейных казацкіх палкоў. Зборнымі пунктамі прыёму польскіх вайскоўцаў сталі Усцілуг, Брэст, Гродна. Згодна табелі размеркавання, былых ваеннаслужачых польскай арміі накіроўвалі на службу наступным чынам: на Балтыйскі флот з Гродна і Вільны да Пскова, у асобны Сібірскі корпус – з Брэста і Мінска да Смаленска, у асобны Арэнбургскі корпус – з Брэста да Магілёва ў суправаджэнні войскаў 1-й арміі, а з Магілёва да Калугі – пры ўдзеле войскаў унутранай варты [10, арк. 116–117 адв., 120–122].

Расійскія ўлады адчувалі недахоп ніжніх чыноў, неабходных для праводу і суправаджэння ваеннапалонных. Згодна загаду ад 4. 11. 1831 г. рэзервовыя батальёны 14 пяхотнай дывізіі, якія размяшчаліся ў Оршы, Барысаве і Талачыне і суправаджалі польскіх ваеннапалонных, павінны былі 17.11.1831 г. выступіць у зноў прызначаныя ім кватэры ў Слабодска-Украінскай губерні [10, арк. 49–49 адв.]. Праход польскіх ваеннапалонных праз беларускія гарады і мястэчкі суправаджаўся значнымі стратамі з іх боку ў выпадку хваробаў, выклікаў ўцёкі ці іх спробы. Як пісаў камандзір рэзервовай брыгады 13 і 14 пяхотных дывізіяў палкоўнік Трыпольскі 8.11.1831 г. да віцебскага генерал-губернатара М. М. Хаванскага, з партыі ваеннапалонных у 321 чал., якая 31.10.1831 г. праходзіла праз Бабінавічы, памерла 5 чал., на шляху да Віцебска – яшчэ 3 чал., у губернскім цэнтры – 4 чал. З астатніх 309 чал. аказалася 166 хворых (53,7%), з якіх 51 чал. быў прыняты ў часовы шпіталь, 60 чал. размясцілі ў астрогі, а 51 чал. – у гарадской лазні без ніякага карыстання [10, арк. 40–40 адв.]. 17.11.1831 г. віцебскі губернатар дакладаваў аднайменнаму генерал-губернатару, што ў гарадскім шпіталі з 600 чал. польскіх ваеннапалонных было 427 хворых (71,2%). 132 здаровых “вязняў вайны” часова ўладкавалі ў турэмным замку, 80 чал. – у гарадской лазні. Таму ён настойліва прасіў прыпыніць рух чарговай партыі ваеннапалонных з Магілёва [10, арк. 51]. 6 і 13. 11. 1831 г. з Бабінавічаў у Віцебск прыбылі партыі польскіх ваеннапалонных паручніка Страхава (321 чал.), прапаршчыка Краснянскага (94 чал.), падпаручніка Нешчэрета (188 чал.), у якіх было адпаведна 170, 51 і 72 чал. хворых [10, арк. 79]. У 4 вярстах ад мяжы Барысаўскага ўезда з Мінскім у Астрашыцкай карчме 25.09.1833 г. яе самавольна пакінулі 9 польскіх ніжніх чыноў. З арыштанцаў партыі ў 11 чал., у тым ліку 8 польскіх ваеннапалонных, якая праходзіла праз Магілёўскую губерню, зняволеныя адабралі зброю ў канвойных і здолелі збегчы, але двое уцекачоў былі злоўлены сялянамі у вёсцы Усяжы Мінскага ўезда, а 9 астатніх – у маёнтку графа Тышкевіча Гарадок пры карчме Мастоў. За затрымку 8 уцекачоў з ліку польскіх ваеннапалонных 14 сялян задаволілі ўзнагародай па 25 руб. кожнаму, альбо агулам сумай у 350 руб. асігнацыямі [2, арк. 2 адв., 13–14, 20].

Згодна загаду І. І. Дзібіча-Забалканскага ад 19. 01. 1831 г. адпраўляемым па ваенным дарогам у Расію ваеннапалонным з дзяржаўнай казны адпускалася грашовае ўтрыманне: у межах Расіі з губернскіх казённых палат на кошт дзяржаўнага казначэйства генералам па 4 руб., штаб-афіцэрам – па 2 руб., обер-афіцэрам – па 1 руб. асігнацыямі ў суткі, акрамя выдачы ніжнім чынам казённага правіянту [9, арк. 1, 3, 14]. Прававы статус ваеннапалонных вызначала «Положение о пленных и добровольно переходящих польских чинах» ад 21.05.1831 г. [7, арк. 690–705 адв.; 9, арк. 237–246]. Ніжнім чынам, якія рухаліся да межаў Расіі, да іх залічэння на службу належыла выдзяляць правіянт з дадаткам мясной і віннай порцыяй, але толькі на 2 дні ў тыдзень. Генералы атрымлівалі на рукі па 4 руб. асігнацыямі ў суткі, штаб-афіцэры – па 2 руб., обер-афіцэры – па 1 руб. [13, с. 131]. Вышэйшы імператарскі загад ад 5. 06. 1831 г. прадугледжваў магчымасць выдачы для высылаемых з польскіх ва ўнутраныя расійскія губерні падазроным асобам пад нагляд паліцыі пэўных сумаў жалавання: генералам і штаб-афіцэрам па 2 руб., обер-афіцэрам – па 1 руб., дваранам без чыну – па 50 кап. у суткі. Немаючыя чыноў і недваране маглі разлічваць на атрыманне кармавых грошай згодна табелі для арыштанцаў пасля прад’яўлення патрабаванняў грамадзянскіх губернатараў з агульных губернскіх даходаў на кошт галоўнага казначэйства [7, арк. 670]. Вядома, што 19 “польскіх мяцежнікаў”, якія накіроўваліся ў Бабруйскую крэпасць, у Мінску 15. 08. 1831 г. атрымлівалі па 1 руб. і па 50 кап. у суткі. 25. 09. 1831 г. грошы маглі набыць 37 чал., а 17.12.1831 г. – 32 чал. (шляхта і ксяндзы Царства Польскага па 50 кап., а з Расіі – па 25 кап. на чал.) [9, арк. 326–326 адв., 327, 385–386, 475–475 адв.]. Упраўляючы Галоўным штабам ад 19.12.1831 г. паведаміў міністру фінансаў, што імператар Мікалай I загадаў выдаваць літоўскім паўстанцам дваранскага паходжання, як і палонным з Царства Польскага, па 50 кап. у суткі на чал. [8, арк. 130]. 11. 02. 1832 г. выйшла распараджэнне аб вылічэнні дадатковага ўтрымання памерам у 5 кап. медзю на кожнага чалавека для польскіх ваеннапалонных ніжніх чыноў і для прызначаемых на службу

літоўскіх мяцежнікаў, якія па розным выпадкам спыняліся на маршруце руху, неабходных ім у час прыпынкаў для нарыхтоўкі гарачай ежы і на соль [8, арк. 274]. Падобныя грошы паступалі, паколькі было загадана вярнуць выдаткаванія на прыварак і соль для польскіх ваеннапалонных мінскім часовым ваенным губернатарам 2012,55 руб., прыбылыя з дзяржаўнай казны [8, арк. 506–506 адв.]. Згодна табелі плацяжу жыхарам за сутачнае харчаванне партыі ваеннапалонных палешанай ежай у Віленскай губерні плацілі па 42,5 кап., у Гродзенскай – па 29 кап., у Мінскай – па 25,5 кап., у Віцебскай – па 33 кап., у Магілёўскай – па 32 кап., у Беластоцкай акрузе – па 26,5 кап. серабром на чал. [10, арк. 155].

У 1833 г. ваеннапалонным былой польскай арміі для вяртання на радзіму мусілі выплочваць грошы: афіцэрам на прагоны адпаведна займаемых імі чыноў (ніжнім ваенным чынам давалі па 3 каня для 2 чал.), выдаваць аднаразовыя сродкі для харчовага забеспячэння [3, арк. 1–1 адв.].

Ужо ў пачатку Усходняй вайны 1853–1856 г. 14. 04. 1854 г. з друку выйшла чарговае палажэнне аб замежных ваеннапалонных. Пазней 11. 02. 1855 г. імператар зацвердзіў пералік рэчаў і сумы грошай для набыцця для ваеннапалонных адзення. Размяшчэнне на тэрыторыі Беларусі “в’язняў” Крымскай вайны застаецца спрэчным і патрабуе дадатковых архіўных пошукаў. Ва ўсялякім разе вядома, што міністр унутраных спраў Расійскай імперыі С. С. Ланской цыркулярам ад 14. 01. 1856 г. паведаміў віцебскаму губернатару, што ў Віцебскай губерні было прызначана на часовае жыхарства 500 ваеннапалонных турак з гарнізона Карса. Іх размеркавалі наступным чынам: у Віцебск – 100 чал., у Невель, Себеж, Люцын, Полацк, Лепель, Гарадок і Веліж – па 50 чал., у Дрысу і Сураж – па 25 чал. У Дынабург і Рэжыцу турэцкіх ваеннапалонных не накіроўвалі, паколькі гэтыя гарады размяшчаліся на галоўным тракце, праз якія пастаянна праходзілі войскі і рэкруцыя партыі [11, арк. 1, 1 адв.].

Такім чынам, на тэрыторыі Беларусі воляй лёсу ў выніку руска-турэцкай вайны аказаліся да 2 тыс. ваеннапалонных турак, у ходзе і пасля сканчэння польска-рускай вайны і паўстання 1830–1831 гг. – больш 2 тыс. польскіх ваеннапалонных, пасля паражэння Расіі ў Крымскай вайне 1853–1856 г. – напэўна 500 ваеннапалонных турак. Усе “в’язні вайны”, як правіла, знаходзіліся на тэрыторыі беларускіх губерняў непрацяглы час, атрымлівалі, у залежнасці ад вайсковых званняў, пэўныя сумы сутачных грошай на кошт дзяржаўнага казначэйства. Гэтыя фінансавыя сродкі выдаткоўваліся для забеспячэння ваеннапалонных харчаваннем, адзеннем, абуткам, у якасці дапамогі падчас вяртання на радзіму, але ўсё ж такі не здолелі ўратаваць жыццё значнай колькасці з ніх.

Крыніцы і літаратура

1. Высочайше утверждённое 9. 07. 1829 г. положение о пленных // ПСЗ – 2. – Т. 4. – № 2977. – С. 478–483.
2. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). Ф. 295. Воп. 1. Спр. 386. Арк. 2 адв., 13–14, 20.
3. НГАБ. – Ф. 295. – Воп. 1. – Спр. 387. – Арк. 1–1 адв.
4. НГАБ. – Ф. 333. – Воп. 1. – Спр. 113. – Арк. 488 адв., 489.
5. НГАБ. – Ф. 333. – Воп. 1. – Спр. 706. – Арк. 229.
6. НГАБ. – Ф. 333. – Воп. 1. – Спр. 707. – Арк. 253–267; Ф. 333. – В. 1. – С. 707. – Арк. 264–264 адв.
7. НГАБ. – Ф. 333. – Воп. 1. – Спр. 739. – Арк. 670, 690–705 адв.
8. НГАБ. – Ф. 333. – Воп. 1. – Спр. 740. – Арк. 130.
9. НГАБ. – Ф. 333. – Воп. 3. – Спр. 488. – Арк. 1, 3, 14, 326–326 адв., 327, 385–386, 475–475 адв.
10. НГАБ. – Ф. 1297. – Воп. 1. – Спр. 5858. – Арк. 40–40 адв., 49–49 адв., 51, 79, 116–117 адв., 120–122, 155.

11. НГАБ. – Ф. 1297. – Воп. 1. – Спр. 25057. – Арк. 1.
12. НГАБ у Гродне. – Ф. 1. – Воп. 3. – Спр. 173. – Арк. 31.
13. Самович, А. Л. Военнопленные XIX – начала XX в. в западном регионе России (историческое исследование) / А. Л. Самович. – М.: Военный университет, 2011. – 258 с.
14. Самович, А. Л. Турецкие военнопленные 1828–1829 гг. в Минской губернии / А. Л. Самович // Вести Института современных знаний. – 2008. – № 3. – С. 12–15.
15. Тимченко-Рубан, Г. И. Очерк деятельности великого князя и императора Николая Павловича как руководителя военно-инженерной частью / Г. И. Тимченко-Рубан. – СПб.: Тип. Усманова, 1912. – Т. 1. Инженерная организация и техника. – 1912. – VII, 498 с.
- Warmiński, J. Losy jeńców rosyjskich w powstaniu listopadowym 1830–1831 / J. Warmiński. – Lublin: Towarzystwo Naukowe KUL Jana Pawła II, 2006. – 249, 3 s.

УДК 94:327(470)"18":929*І. Паскевіч

М. М. Мязга
Гомельскі дзяржаўны
ўніверсітэт імя Ф. Скарыны

ВАЕННА-ПАЛІТЫЧНАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ І. Ф. ПАСКЕВІЧА Ў КАНТЭКСЦЕ РАСІЙСКОЙ ЗНЕСНЯЙ ПАЛІТЫКІ ДРУГОЙ ЧВЭРЦІ XIX СТАГОДДЗЯ

У артыкуле паказана, што ваенна-палітычная дзейнасць І. Ф. Паскевіча была непарыўна звязана з асноўнымі напрамкамі знешняй палітыкі Расіі другой чвэрці XIX ст. Адзін з іх – гэта расійская экспансія на Блізкім і Сярэднім Усходзе, што знайшло адлюстраванне ў войнах з Персіяй і Асманскай імперыяй. Другі – барацьба супраць ліберальных і нацыянальных рухаў у Еўропе, увасабленнем чаго стала падаўленне польскай і венгерскай рэвалюцый пры актыўным удзеле І. Ф. Паскевіча.

Напалеонаўскія войны ў Еўропе завяршыліся фарміраваннем Венскай сістэмы міжнародных адносін. Расія з’яўлялася адным з асноўных стваральнікаў і абаронцаў названай сістэмы. Гэта ў многім прадвызначала расійскую знешнюю палітыку ў разглядаемы ў артыкуле перыяд. Яшчэ адна важная праблема міжнародных адносін таго часу – гэта ўсходняе пытанне, ад вырашэння якога залежаў лёс Асманскай імперыі, народаў Балкан і Блізкага Усходу.

З узыходжаннем на расійскі трон Мікалая I, на час царавання якога прыходзіцца найбольш актыўны перыяд дзяржаўнай дзейнасці Івана Фёдаравіча Паскевіча, у расійскай палітыцы на першы план выходзяць дзве задачы. Першая з іх звязана з захаваннем Венскай сістэмы, перш за ўсё такога яе элемента, як нязменнасць існаваўшых у еўрапейскіх краінах кансерватыўных дзяржаўна-палітычных сістэм, падаўленне ліберальных і нацыянальных рухаў. У гэтай справе Расіі належала вядучая роля. Мікалай I таксама лічыў неабходным і магчымым для Расіі ў той момант вырашыць на яе карысць усходняе пытанне, пашырыць яе ўладанні на Блізкім Усходзе. На дасягненне названых мэт расійскай знешняй палітыкі і была накіравана ваенна-палітычная дзейнасць І. Ф. Паскевіча.

З пачатку 1820-х гг. міжнародныя адносіны ў многім вызначаліся ўсходнім крызісам, які быў выкліканы нацыянальна-вызваленчым паўстаннем грэкаў супраць асманскага панавання. Калі Аляксандр I праводзіў дастаткова стрыманую палітыку ў дачыненні да Асманскай імперыі, то пры Мікалаю I курс стаў значна больш жорсткім, і справа відавочна набліжалася да чарговай руска-турэцкай вайны. Яе вынікам магло стаць ажыццяўленне імперскіх планаў Расіі на Балканах і Блізкім Усходзе. Такі ход падзей не задавальняў

еўрапейскія дзяржавы, перш за ўсё Англію. Адным са сродкаў супрацьдзеяння планам Расіі лонданскі кабінет абраў правакаванне вайны паміж ёю і Персіяй. Расія з першай паловы XIX ст. у сваёй імперскай палітыцы на Каўказе перайшла да адкрытых тэрытарыяльных захопаў. Кантроль над Каўказам даваў магчымасць умацаваць уплыў Расіі ва ўсім рэгіёне Блізкага і Сярэдняга Усходу. Па сутнасці, палітыка Расіі ў адносінах да Каўказа, як справядліва адзначаюць аўтары выдання «История внешней политики России», наліла нацыянальна-каланіяльны характар [1, с. 215].

У 1826 г. уварваннем персідскай арміі ў расійскія ўладанні ў Закаўказзі пачалася руска-персідская вайна. На яе пачатку персідскія войскі мелі значную колькасную перавагу і наступалі. Гэта дало падставу Мікалаю I адхіліць ад камандавання Аляксея Пятровіча Ярмолава і прызначыць галоўнакамандуючым расійскімі войскамі на Каўказе І. Ф. Паскевіча. Перамога пад Елізаветаполем дала магчымасць адкінуць персідскія войскі ад расійскіх уладанняў.

Вясной 1827 г., выконваючы распараджэнне Мікалая I, І. Ф. Паскевіч павёў наступленне на Эрэвань. У чэрвені пачалася асада горада. Старыя сцены Эрэвані пачалі абвальвацца ўжо пасля першых залпаў рускай артылерыі, але гарнізон трымаўся ўпарта. Менавіта разбурэнне крэпасной сцяны ў многіх месцах прымусіла персаў у канцы верасня перайсці да перамоў аб здачы крэпасці і капітуліраваць 1 кастрычніка 1827 г. Характэрна, што галоўная мячэць Эрэвані была адразу ператворана ў праваслаўную царкву [2, с. 220–221, 330, 332]. Падзенне Эрэвані карэнным чынам змяніла становішча на Каўказе. У сярэдзіне кастрычніка рускія войскі занялі Тэўрыз. Насельніцтва горада на чале з мусульманскім духавенствам вітала іх. Але затым узнікла незадавальненне ў сувязі з абкладаннем гараджан гандлёвымі падацямі [3, с. 12, 20, 77].

Пад час мірных перамоў І. Ф. Паскевіч бачыў сваю важнейшую задачу ў тым, каб змагацца з англійскім уплывам у Персіі. Заключаны ў 1828 г. па выніках вайны Туркманчайскі дагавор быў адным з шэрагу нераўнапраўных дагавораў, навязаных Персіі вялікімі дзяржавамі. Так, Расія атрымала манапольнае права мець ваенны флот на Каспійскім моры, вялікія ільготы ў гандлі з Персіяй, якая павінна была выплаціць і вялікую кантрыбуцыю. Расія пашырыла свае каланіяльныя ўладанні ў Закаўказзі, далучыўшы Эрэванскае і Нахічыванскае ханствы [1, с. 225]. У выніку вайны ў многім дзякуючы намаганням І. Ф. Паскевіча Расія значна ўзмацніла свае пазіцыі на Сярэднім Усходзе.

Другая дзяржава, якая выступала праціўнікам пашырэння расійскага ўплыву на Каўказе – Асманская імперыя. Ва ўмовах усходняга крызісу таго часу справа дайшла да чарговай руска-турэцкай вайны. 14 красавіка 1828 г. Мікалай I падпісаў маніфест, які абвясчаў вайну Асманскай імперыі. Сярод мэт вайны ў маніфесте гаварылася пра неабходнасць далучэння да Расіі чарнаморскага ўзбярэжжа Каўказа з гарадамі Анапа і Поці. Рускай арміяй на Каўказскім фронце павінен быў камандаваць І. Ф. Паскевіч. Шмат хто з рускіх афіцэраў мэту вайны бачыў у тым, каб вызваліць армянскі народ з пад улады Асманскай імперыі. Важнейшым дасягненнем І. Ф. Паскевіча ў першую ваенную кампанію стала ўзяцце Карса 5 ліпеня 1828 г. У кампанію 1829 г. рускімі войскамі быў узяты Эрзерум. У выніку атрыманых рускімі перамог турэцкая армія на Каўказскім фронце была практычна поўнасцю знішчана [4, с. 66, 77].

Поспехі рускай арміі на Азіяцкім тэатры ваенных дзеянняў спрыялі падпісанню выгаднага для Расіі Андрыянопальскага міру 1829 г. Згодна з ім на Каўказе Расія атрымала новыя тэрыторыі: чарнаморскае ўзбярэжжа ад вусця Кубані да Поці. Тым самым быў завершаны працэс далучэння да Расіі Закаўказзя. Расія атрымала права свабоднага гандлю на тэрыторыі Асманскай імперыі, якая павінна была выплаціць вялікую кантрыбуцыю, яўна перавышаючую яе плацёжаздольнасць [1, с. 237]. Фактычна пасля Андрыянопальскага міру Асманская імперыя трапіла ў залежнасць ад Расіі, для якой было выгадна мець слабога суседа. Узмацніліся імперскія пазіцыі Расіі на Блізкім і Сярэднім Усходзе. Узначальваўшы ў той час расійскае міністэрства замежных спраў Карл Васільевіч Нессельродэ адзначаў, што

Асманская імперыя пасля Андрыянопальскага міру магла існаваць толькі пад пратэктаратам Расіі і павінна была падначальвацца толькі яе жаданням [5, с. 253].

Пасля заканчэння вайны з Асманскай імперыяй намаганні І. Ф. Паскевіча былі накіраваны на пакарэнне горных народаў Паўночнага Каўказа, супраць якіх ён правёў ваенную кампанію 1830 г. Каб трывала інтэграваць каўказскія землі ў склад Расіі, ён у красавіку 1830 г. звярнуўся да цара з прапановай увесці тут расійскі вобраз праўлення і расійскія законы [2, с. 351].

Пасля завершэння вайны з Асманскай імперыяй ваенна-палітычная дзейнасць І. Ф. Паскевіча была звязана з барацьбой царызма з нацыянальнымі і ліберальнымі рухамі ў Еўропе. 17 (29) лістапада пачалося нацыянальна-вызваленчае паўстанне ў Царстве Польскім, дзе Мікалай I быў канстытуцыйным манархам. Да канца 1830 г. уся тэрыторыя Царства была вызвалена ад рускага войска. У студзені польскі сейм прыняў рашэнне аб звяржэнні Мікалая I з польскага прастола. Рускую армію, якой было даручана падаўленне польскага паўстання, пасля смерці І. І. Дзібіча летам 1831 г. узначаліў І. Ф. Паскевіч. Маючы вялікую перавагу ў сілах (у бітве за Варшаву руская армія налічвала 90 тыс., а польская – 35 тыс.), ён змог у верасні 1831 г. падавіць польскае паўстанне. За гэта атрымаў ад цара тытул князя Варшаўскага.

Вынікам падаўлення паўстання стала ўзмацненне палітыкі русіфікацыі на землях былой Рэчы Паспалітай. Была адменена польская канстытуцыя 1815 г. Уведзены ў 1832 г. «Арганічны рэгламент» ліквідаваў элементы польскай дзяржаўнасці на тэрыторыі Царства Польскага: польскае войска, сейм. У тым жа годзе І. Ф. Паскевіч быў прызначаны намеснікам у Польшчы. На польскіх землях было ўведзена ваеннае становішча, якое ўжо не адмянялася да канца царавання Мікалая I. Устанаўлівалася дзяленне польскіх зямель на губерні па ўзору Расіі, уводзіліся расійскія грашовая сістэма, сістэма мер і вагаў, заканадаўства, была пабудавана Варшаўская цытадэль [6, с. 129].

1848 г. прынёс у Еўропу новую хвалю рэвалюцый. Сярод найбольш значных рэвалюцыйных выступленняў была венгерская нацыянальная рэвалюцыя. Венгры 14 красавіка 1849 г. абвясцілі сваю незалежнасць ад Габсбургаў. Расія, верная сваёй палітыцы барацьбы з нацыянальным рухам у Еўропе, выказала гатоўнасць прыйсці на дапамогу аўстрыйскаму імператару Францу Іосіфу I. Цар Мікалай I так тлумачыў неабходнасць інтэрвенцыі ў Венгрыю: «Не ўмяшаўся б, калі б свая рубашка не была б бліжэй да цела, гэта значыць, калі б не бачыў у Бэме і іншых машэніках у Венгрыі не адных ворагаў Аўстрыі, але ворагаў сусветнага парадку і спакою... якіх знішчаць трэба для нашага ж спакою» [1, с. 357]. Базай для падаўлення венгерскай рэвалюцыі стала тэрыторыя Царства Польскага, намеснікам у якім з'яўляўся І. Ф. Паскевіч. Яму цар даручыў камандаванне рускімі войскамі, перад якімі была пастаўлена задача падавіць венгерскую рэвалюцыю. У чэрвені 1849 г. пачалася расійская інтэрвенцыя ў Венгрыю. Умяшанне Расіі адыграла галоўную ролю ў разгроме венгерскай рэвалюцыі і выратаванні імперыі Габсбургаў, якая з'яўлялася перашкодай для многіх народаў у справе стварэння нацыянальных дзяржаў. Падавіўшы венгерскую рэвалюцыю, расійскі ўрад канчаткова замацаваў за сабой статус жандарма Еўропы.

Крымская вайна вярнула І. Ф. Паскевіча да спраў, звязаных з блізка-ўсходнім напрамкам расійскай палітыкі. Ён быў прызначны галоўнакамандуючым рускай арміяй на паўднёвых і заходніх граніцах і 3 красавіка 1854 г. прыбыў у Дунайскую армію. Але летам па стану здароўя І. Ф. Паскевіч пакінуў армію. У канцы 1854 г. ён прыбыў на тэатр ваенных дзеянняў у Крым, але хутка зноў адбыў з арміі з-за праблем са здароўем. У выніку ў Крымскай вайне, якая была звязана з каланіяльнымі планами царызма на Блізкім Усходзе, І. Ф. Паскевіч ужо не адыграў прыкметнай ролі.

Такім чынам, ваенна-палітычная дзейнасць І. Ф. Паскевіча ў час царавання Мікалая I была накіравана на рэалізацыю важнейшых напрамкаў расійскай знешняй палітыкі таго гістарычнага моманту. У час сваёй службы на Каўказе ён ажыццяўляў камандаванне рускай арміяй у войнах з Персіяй і Асманскай імперыяй. Па сваёй сутнасці з боку Расіі гэта былі

каланіяльныя войны. Іх вынікам сталі новыя тэрытарыяльныя захопы Расіі на Каўказе і навязванне Персіі і Асманскай імперыі нераўнапраўных дагавораў, якія ставілі іх у залежнасць ад Расіі. У 1830-я – 1840-я гг. І. Ф. Паскевіч выступаў у ролі актыўнага правадніка палітыкі Мікалая І, якая была накіравана на падаўленне нацыянальнага і ліберальнага рухаў у Еўропе. Дадзеная палітыка пазбаўляла шэраг народаў магчымасці стварыць свае назалежныя нацыянальныя дзяржавы і перайсці да канстытуцыйнай больш дэмакратычнай формы дзяржаўнага кіравання. Уклад І. Ф. Паскевіча ў названы палітычны курс праявіўся ў яго актыўным удзеле у падаўленні польскага 1830–1831 гг. і венгерскага 1848–1849 гг. паўстанняў.

Крыніцы і літаратура

1. История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1956 г.). – М.: Международные отношения, 1999. – 448 с.
2. Бантыш–Каменский, Дм. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов: в 4 ч. Ч. 3–4. Репринтное издание 1840 г. / Дм. Бантыш-Каменский. – М.: «Культура», 1990. – 382 с.
3. Щербатов, А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич: Его жизнь и деятельность: в 7 т. Т. 3 / А. П. Щербатов [электронны рэсурс]. – СПб.: Типография Р. Голике, 1891. – 542 с. – Режим доступа: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003918726#?page=20> – Дата доступа: 24.04.2019.
4. Валентини. Обзор главнейших действий генерал-фельдмаршала князя Варшавского графа Паскевича-Эрewanьского проив турок в Азии / Валентини [электронны рэсурс]. – Санкт-Петербург: типография Николая Греча, 1836. – 87 с. – Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/433433>. – Дата доступа: 24. 04. 2019.
5. Дебидур, А. Дипломатическая история Европы : в 2 т. Т. 1 / А. Дебидур. – М.: «Культура», 1990. – 509 с.
6. Нарысы гісторыі Польскай Дзяржавы і Народа. X–XXI ст.ст. – Варшава: Выдавецтва Demart Sp. Z. o. o., 2005. – 312 с.

УДК 796.342

С. І. Бусько

Беларускі дзяржаўны
ўніверсітэт фізічнай культуры

ЛАЎН-ТЭНІС У БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНЯХ РАСІЙСКОЙ ІМПЕРЫІ

Артыкул прысвечаны ўзнікненню лаўн-тэніса у беларускіх губернях Расійскай імперыі на мяжы XIX–XX ст. Аўтар разглядае станаўленне дарэвалюцыйнага аматарскага тэнісу ў Беларусі як частку агульнарасійскага працэсу фарміравання культуры адпачынку. Вылучаны асноўныя этапы развіцця дадзенага віду спорта, акрэслены сацыяльныя групы аматараў гэтай формы баўлення часу. Нададзена ўвага інфраструктуры лаўн-тэніса і правілам гульні ў дарэвалюцыйны час у беларускіх губернях.

Праблемы генезісу айчыннага спорту мэтазгодна разглядаць у шырокім культурна-гістарычным кантэксце, праз прызму рэалій Расійскай імперыі. Спорт у беларускіх губернях нараджаўся, фармаваўся, развіваўся, як і ў іншых краінах, пад уздзеяннем мноства фактараў: аб’ектыўных і суб’ектыўных, сацыяльна-эканамічных, культуралагічных, рэлігійных, палітычных, ваенных, геаграфічных. Але, як і ў любой краіне, зараджэнне спорту ў Беларусі,

мела сваю лакальную спецыфіку. Істотна важна раскрыць гэтую спецыфіку, выявіць асаблівасці, характэрныя рысы ўзнікнення і станаўлення айчыннага спорту.

Фактар свабоднай, разняволенай асобы – найважнейшая перадумова зараджэння спорту. Беларускія губерні Расійскай імперыі ў другой палове XIX ст. страцілі назапашаныя традыцыі індывідуалізму эпохі Адраджэння і Асветніцтва. Больш за тое, фарміраванне спорту прыйшлося на перыяд, калі гарадское насельніцтва складала адносна невялікі працэнт. Толькі некалькі гарадоў з’яўляліся досыць значнымі па еўрапейскіх мерках: Вільня, Беласток, Магілёў, Менск, Гародня, Дзвінск. Параўнальна невысокія паказчыкі гарадскога насельніцтва адбіваліся на агульным узроўні развіцця спартыўнага руху ў Расійскай імперыі ў цэлым, і ў беларускіх губернях у прыватнасці [5, с. 246].

Дарэвалюцыйная гісторыя лаўн–тэніса ў беларускіх губернях цікавая па некалькіх аспектах. З аднаго боку, разгляд гэтага пытання дазваляе пераадолець канцэпцыю, што складвалася з 1930-х гг., аб адсутнасці спартыўных традыцый у нашым рэгіёне да 1917 г. З іншага боку, лаўн–тэніс – элітарны спорт, наяўнасць і маштабы распаўсюджвання якога дазваляюць ацаніць працэсы станаўлення новага буржуазнага грамадства, сацыяльныя змены, фарміраванне гарадской культуры баўлення вольнага часу.

Гульня, падобная на тэніс, была вядома яшчэ са сярэднявечча. Аднак першыя афіцыйныя правілы сучаснага лаўн–тэніса распрацаваў толькі ў 1874 г. маёр брытанскай арміі У. Уінгфілд. Амаль адразу тэніс распаўсюджваецца па Еўропе, у тым ліку і ў Расійскай імперыі. Самы вядомы першы прыклад, гэта апісанне гульні ў рамане Льва Талстога «Анна Кареніна», падзеі якога адносяцца прыкладна да 1875 г. [6, с. 195].

У беларускіх губернях тэніс з’яўляўся па некалькіх кірунках і прайшоў два асноўныя этапы. Першы этап – да пачатку XX ст. (прыкладна да 1906 г.). У гэты час, як і пазней, лаўн–тэніс быў нятаннай забавай, якую маглі дазволіць сабе толькі самыя заможныя дваране нашых губерняў. Ужо ў 1890 г. ў Нясвіжы для Радзівілаў быў пабудаваны тэнісны корт з неабходным абсталяваннем, што прывезлі з Велікабрытаніі. Увогуле, у дзевяностыя гады XIX ст. вялікую ролю пачалі гуляць забавы, якія паходзілі з англійскіх краёў. Самым відовішчным быў поспех тэніса – корт з’явіўся ў шматлікіх сядзібах, а гульні выклікалі шмат эмоцый у гледачоў. Настаўнік гімнастыкі Полацкага кадэцкага корпусу Аляксей Палтарацкі падчас кразнаўчай вандроўкі з кадэтамі ўздож Дзвіны у 1901 г. так апісваў адну з сядзіб: «Старый барскі дом в великольном виде и снабжен всеми приспособлениями современного комфорта. Метеорологическая станция с самопишущими приборами, телефонное сообщение с почтовой станцией. При усадьбе аптека с небольшой больницей, содержимые графом Медемом. Племянница графа взяла кадет под особое покровительство и обучила их играть в лаун–теннис. Кадеты чрезвычайно увлеклись новой для них игрой и показали быстрые успехи» [4, с. 81]. Цікава, што сам настаўнік (з заможнай дваранскай сям’і) прыехаў у Полацк з Санкт–Пецярбургу і з лаўн–тэнісам быў добра знаёмы.

Соф’я Тышкевіч згадвала ў сваіх успамінах у пачатку XX ст.: «Казімір Любамірскі часта гасцяваў у сваіх англійскіх родзічаў у іх гістарычных замках. Там пачаў займацца спортам. Пасля вяртання дахаты набыў абсталяванне, у тым ліку сеткі, шары, ракеты. Адзін з кортаў пабудавалі ў Ландвараве, дзе і навучыў гуляць усіх родзічаў. Спачатку гульцоў было мала, але праз некаторы час суседзі парабілі корты ў сваіх рэзідэнцыях. Пачаліся сур’ёзныя гульні» [8, с. 74]. Паступова лаўн–тэнісная інфраструктура стала абавязковай умовай для дваранскіх сходаў і месцаў адпачынку. Так, корты былі пабудаваны на самым папулярным курорце нашага краю – у Друскеніках, таксама яны былі пры дваранскіх губернскіх сходах. Соф’я Ромер дае іх характарыстыку, апісвае сваіх партнёраў па гульнях у Вільні – сярод іх біскуп Э. Фон Роп, Юзаф Тышкевіч (дарэчы, корты ў Ландвараве належалі менавіта яму), Ян Плятэр–Зіберг [9, р. 60.].

Падзеі рэвалюцыі 1905 г. сталі знакавай мяжой у развіцці лаўн–тэніса ў беларускіх губернях. Пад уплывам агульнарасійскіх працэсаў адбываецца фарміраванне грамадскіх спартыўных арганізацый, даюць вынікі рэформы ў галіне адукацыі і арміі, дзе фарміруецца

сістэма заняткаў фізічнай культурай і спортам. Матэрыяльныя цяжкасці пераадоляваліся парознаму. Першы варыянт практыкаваўся ў арміі, дзе за грошы вайсковай адзінкі па ініцыятыве афіцэраў будаваліся тэнісныя корты, тым больш у гэты час адчынілася першая беларуская вытворчасць неабходнага тэніснага абсталявання – фабрыка братаў Цыганковых. Напрыклад, афіцэры Брэсцкай крэпасці арганізавалі сабе пляцоўкі для лаўн-тэніса, куды дапускаліся і члены сем’яў: «После обеда от 5 до 8 часов многие из инженеров вместе с членами их семейств играли в ляун-теннис на бетонной площадке, устроенной на территории питомника в самой крепости. При этом участвующие в игре по очереди устраивали для всех чай под раскидистыми черешневыми деревьями. Ляун-теннис был единственным видом спорта, который процветал среди инженеров крепости» [2, с. 66]. Ініцыятарам пабудовы кортаў быў палкоўнік М. В. Караткевіч-Начаўны, які прывёз гэту традыцыю з папярэдняй працы ў Варшаве. Таксама корт для лаўн-тэніса быў і на тэрыторыі філіяла Санкт-Пецябургскай кавалерыйскай школы ў Паставах (1899–1914 гг.).

Другі варыянт стварэння ўмоў для гульні ў лаўн-тэніс была сістэма прыватных устаноў адукацыі, дзе па ініцыятыве кіраўніцтва закупалі неабходнае з капіталу навучальнай установы. Так, Беластоцкае рэальнае вучылішча падчас абнаўлення гімнастычнага залу і пляцоўкі ў 1901 г. атрымала дазвол ад папярэдняга Віленскай навучальнай акругі на закупку абсталявання для лаўн-тэніса [3, с. 4].

Дазвол грамадскіх аб’яднанняў у Расійскай імперыі прывёў да ўзнікнення шматлікіх, у тым ліку і спартыўных, арганізацый. Яны дазволілі за кошт горада, мецэнатаў ці калектыўных збораў стварыць тэнісныя корты ва ўсіх губернскіх беларускіх гарадах. Мінскае таварыства аматараў спорту атрымала права на стварэнне трэка, разам з трэкам ў губернатарскім садзе з’явіўся і тэнісны корт. Гарадзенскі яхт-клуб сярод сваіх устаўных мэт пры рэгістрацыі пазначыў навучанне гульні ў лаўн-тэніс. Магілёўскае таварыства фізічнага развіцця таксама клапацілася аб моладзі: «Дабрачынны камітэт зладзіў на пустым участку нешта накшталт спартыўнага клуба. Былі гімнастычныя прыборы, лесвіцы. Былі нават тэнісныя пляцоўкі з магчымасцю браць «ракеты» на пракат» [1]. У Вільні корты для гараджан былі размешчаны як і ў Мінску – у Бернардынскім садзе.

Прыкметай цікавасці да лаўн-тэніса і адначасова адлюстраваннем паступовага пашырэння яго межаў стала выданне з 1912 г. ў Расійскай імперыі штомесячнага часопіса «Лаун-теннис» пад рэдакцыяй А. Макферсана. Там публікавалі пастановы, справаздачы і цыркуляры Усерасійскага саюза лаўн-тэнісных клубаў, звесткі пра дзейнасць лаўн-тэнісных клубаў усёй Расіі, справаздачы аб спаборніцтвах, замежную хроніку, спецыяльныя прафесійныя артыкулы па лаўн-тэнісе, фельетоны і вершы, каляндар для тэнісістаў, карыкатуры і іншыя матэрыялы. Пытанні развіцця тэніса у 1910–1914 гг. дастаткова падрабязна разглядаліся і папулярнымі агульнаспартыўнымі выданнямі, у першую чаргу часопісам «Русский спорт». Забяспечанасць інфармацыйна-даведачнымі матэрыяламі па лаўн-тэнісе ў Расійскай імперыі была досыць высокая: «Лаун-теннис. Игра в мяч, развивающая ловкость, силу и верность глаза» (М. Волкаў, 1890), «Английские игры на открытом воздухе. Руководство для воспитателей и для юношества» (Я. Дзямент’еў, 1891), «Лаун-теннис. История его развития, техника и тактика игры» (П. Патрон, 1914) і інш. Агульная колькасць выданняў – больш за пяцьдзсят, не толькі Масква ці Санкт-Пецябург, але і Львоў, Адэса, Кіеў, Ніжні Ноўгарад, Рыга. Лаўн-тэніс стаў часткай алімпіскага руху, што таксама ўплывала на попыт сярод гараджан.

Такім чынам, лаўн-тэніс стаў адным з першым відаў спорту, што з’явіўся на тэрыторыі беларускіх губерняў у канцы XIX ст. На працягу першых дзвух дзесяцігоддзяў ён заставаўся арыстакратычнай забавай, але пасля 1905 г. пачынае набываць папулярнасць сярод заможнага гарадскога насельніцтва і навучэнцаў. Гэтаму спрыяла і заканадаўства, і рост грамадскай свядомасці, і папулярызацыя праз друк і Алімпійскія гульні.

Крыніцы і літаратура

1. Власов, А. А. Воспоминания о Могилеве // Русский путь. – Режим доступа: http://www.rp-net.ru/book/archival_materials/vlasov.php. – Дата доступа: 18.03.2020.
2. Догадин, В. М. Вместе с Д. М. Карбышевым / В. М. Догадин // Отечественные архивы. – 2002. – № 2. – С. 55–79.
3. О постройке гимнастического городка в Белостоке // Літоўскі дзяржаўны гістарычны архіў (ЛДГА). Ф. 567. Воп. 12. Спр. 487.
4. Полторацкий, А. Старым варяжским путем / А. Полторацкий. – СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1903. – 121 с.
5. Суник, А. Российский спорт и олимпийское движение на рубеже XIX – XX веков / А. Суник. – М.: Советский спорт, 2004. – 764 с.
6. Хмельницкая, И. Б. Спортивные общества и досуг в столичном городе начала XX века. Петербург и Москва / И. Б. Хмельницкая. – М.: Новый хронограф, 2011. – 336 с.
7. Širkaitė, J. Sofijos Romerienės vaikų vystėsi ir jaunų vystėsi Vilniuje / J. Širkaitė // Vilnius kaip dailės mokymo ir sklaidos centras / sudarė V. Jankauskas. – Vilnius: Vilniaus dailės akademijos leidkla, 2003. – P. 53–64.
8. Ustrzycki, M. Ziemianie polscy na Kresach w latach 1864–1914. Świat wartości i postaw / M. Ustrzycki. – Kraków: Arcana, 2006. – 406 s.

УДК 94:66.013.512:656.2(438.15+476.7–37Пинск)«1862»

С. Б. Жихарев

Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

ДВОРЯНЕ–ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЫ В ПРОЕКТИРОВАНИИ БЕЛОСТОКСКО-ПИНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ: КОММЕРЧЕСКИЕ РАСЧЕТЫ И ФИНАНСОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ АКЦИОНЕРНОГО УЧРЕДИТЕЛЬСТВА НА ЗАРЕ КОНЦЕССИОННОЙ ЭПОХИ В РОССИИ

В начале 60-х гг. XIX в. усилилось внимание местного крупно помещного дворянства к строительству железной дороги Белосток–Пинск, что вызвало попытку создания акционерного общества Литовской железной дороги. В то же время отказ государства в обеспечении минимальной гарантированной прибыли на ценные бумаги Литовской железной дороги означал проблематичность учреждения акционерного общества. При отсутствии гарантированного дохода на акции проект утрачивал привлекательность для спекулятивного биржевого или коммерческого банковского капитала. Вопреки первоначальным расчетам, участникам проекта теперь предстояло инвестировать в ее постройку собственные средства и принимать на себя все риски связанные с ее будущей эксплуатацией.

В 1861 г. помещик Слонимского уезда Гродненской губернии Иван Завиша направился сначала в Варшаву, а затем в Вильно для получения поддержки местных властей на постройку железной дороги из Белостока через Пружаны в Пинск и далее на Волынь (Литовская железная дорога). В сентябре этого же года он участвовал в Берлине в переговорах с предполагаемыми инвесторами проекта результаты которых не известны [1, л. 6].

27 марта 1862 г. группа землевладельцев из 8 западных губерний обратилась к главному управляющему путей сообщений и публичных зданий Российской империи К.В. Чевкину, заявив о своем желании создать акционерное общество (АО) для строительства Белостокско-Пинской железной дороги [2, л. 1]. Двенадцать крупнопоместных

дворян, среди которых преобладали представители титулованной знати (см. таблицу 1), просили главу путейского ведомства помочь в получении концессии на проведение изысканий и составление проекта железной дороги между Белостоком и Пинском. Техническую сторону дела учредители планировали возложить на инженера Лундта, разделявшего идею постройки Литовской железной дороги [2, л. 2].

Таблица 1 – Учредители АО Литовской ж.д. [2, л. 1; 3, с. 287; 4, л. 6; 1, л. 1]

№	фамилия, имя	звание	титул	занимаемая должность	губерния или государство	
1	Т. Бобр–Пиотровский	поместный дворянин			Волынская	
2	П. Витгенштейн		Князь	флигель–адеютант	Минская, Витебская, Виленская, Ковенская	
3	Э. Друцкий–Любецкий		Князь	пинский уездный предводитель дворянства		
4	А. Замойский		Граф		Виленская	
5	И. Завиша		Князь		Минская, Гродненская	
6	Стефан		Потоцкие	Граф		Гродненская
7	Константин			Граф		
8	В. Сангушка		Князь		австрийский подданный	
9	Р. Сангушка		Князь		Волынская, Подольская	
10	К. Скирмунд		Князь		Минская, Пинский уезд	
11	М. Тарновский		Граф		Волынская	
12	И. Тышкевич		Граф		Виленская, Ковенская	

Концессионная система учреждения частных акционерных обществ, утвердившаяся в России после появления закона о компаниях на акциях 1836 г., вводила разрешительный порядок создания железнодорожных компаний. Практическое следование принципам концессионной системы требовало при учреждении каждого нового частного железнодорожного общества санкции со стороны самого императора.

28 июня 1862 г. Александр II своим указом разрешил строительство железной дороги из Белостока до Пинска, но на условиях, прописанных в концессиях Волго-Донской и Московско-Ярославской железных дорог. В отличие от двух последних на АО Литовской железной дороге не распространялась правительственная гарантия на акционерный капитал. В тексте указа оговаривалось также отсутствие исключительных прав, льгот, финансовых субсидий или преференций, предоставляемых Белостокско-Пинской железной дороге со стороны государства. В тоже время учредители Литовской железной дороги могли рассчитывать на помощь местных властей в беспрепятственном проведении изысканий на территории вверенных им в управление губерний [2, л. 2].

На основе концессии железной дороги Белосток–Пинск был подготовлен проект устава общества Литовской железной дороги (смотри таблицу 2).

Таблица 2 – Проект устава АО Литовской ж.д. (Беловежа-Пружаны–Пинск–Корец) [4, лл. 23–37; 3, с. 287]

место пребывания АО	срок пользования ж.д.	состоит из 3-х отделений	основной капитал	
			акции	
			количество	цена 1 акции
город	лет	участки	штук	рублей
1	2	3	4	
Вильно	85	Белосток–Пинск	160000	50
		Пинск–Корец		
		Корец – австрийская граница		

10 июля 1862 г. глава путейского ведомства К.В. Чевкин обратился к Киевскому, Подольскому и Волынскому генерал-губернатору. В адресованном на имя князя Васильчикова письме он просил сделать распоряжение об оказании содействия инженер-капитану Лунду в производстве нивелировочных и изыскательных работ. На начальном этапе изысканий предполагалось выполнение нивелировки от Пинска в направлении Волынской губернии до местечка Корец, а также на месте совпадения рек Горынь, Стырь и Припять с Пиной. Это требовалось сделать для определения высоты горизонта проектной линии в Пинске [4, лл. 3–3 об.]. Аналогичные письма рассылались губернатору Минской губернии, военному губернатору Виленской, генерал-губернатору Гродненской и Ковенской губерний.

Учредители АО Литовской железной дороги полагали, что линия не потребует крупных строительных издержек. Спроектированная на равнинной местности, где отсутствуют крупные водоемы, она сможет функционировать без дорогостоящих искусственных сооружений. Оптимальные топографические и гидрографические условия местности, а также выгодная трассировка железной дороги обеспечат минимальные затраты на строительные работы. В таблице 3 указана структура поперечной стоимости сооружения железной дороги между Белостоком и Пинском.

Таблица 3 – Планируемые расходы на постройку одной версты ж.д. Белосток–Пинск [4, лл. 17–17 об.]

№	статья расходов	сумма (руб. сер.)
1	проведение изысканий	80
2	окончательный выбор линии и составление проектов и смет по всем видам работ	10
3	выплата компенсаций владельцам за отчуждаемые под железную дорогу земли и недвижимое имущество	400
4	земельные работы в расчете под двойной путь, подготовка площадок для станций и переездов	5000
5	искусственные сооружения и возведение моста через реку Нарев	1500
6	создание двухсторонней защитной лесной полосы и изгородей от метелей	200
7	строительство сторожевых и рабочих домов, создание железнодорожных переездов	1100
8	постройка меблированных станционных зданий с водоснабжением и освещением, сооружение мастерских и обеспечение их всем необходимым оборудованием	5000

Продолжение таблицы 3

№	статья расходов	сумма (руб. сер.)
9	одноколейный железнодорожный путь и его принадлежности (балласт, рельсы, скрепления, шпалы, стрелки, крестовины, поворотные круги, сигнализация)	10000
10	трехпроводочный телеграф со столбами и приборами	160
11	подвижной состав (паровозы, вагоны, платформы)	5000
12	экипировка служащих, ручные сигналы	100
13	функционирование центрального управления, координация строительных работ, выплата дивиденда по акциям на период сооружения железной дороги (20% с вышеуказанных сумм)	5725
14	государственный контроль на период постройки и непредвиденные расходы	632
15	ВСЕГО	35000

В нижеприведенной таблице 4 (столбец 3) показана величина финансовых вложений планируемого АО Литовской железной дороги в наращивание промышленного, сельскохозяйственного и лесного производств в районах западных губерний, примыкающих к железной дороге. По мысли авторов проекта увеличение производства в названных отраслях должно интенсифицировать товарное движение по линии Белосток–Пинск, а значит, будет способствовать формированию ее прибыли [4, лл. 15 об. – 16]. Учитывались расходы на создание посреднической инфраструктуры (постоянные железнодорожные станции, конторы, комиссионерства), обеспечивающей рыночный обмен между производителями края и потребителями их продукции в отдаленных губерниях. В планы будущего АО Литовской железной дороги входило даже основание парохозяйства на Припяти [4, л. 18].

Таблица 4 – Финансово-экономические параметры железнодорожной линии Белосток–Пинск [4, лл. 17 об. – 19 об.]

длина всех участков	общая стоимость постройки	инвестиции в хозяйственный рост края	капитал формируется:	
			на основе акций	
верст	(тыс. руб.)	(руб. серебром на 1 версту)	первая эмиссия	вторая эмиссия
		35000+20% (10000)	24.04.1863 г.	осень 1863 г.
1	2	3	4	
226	7910 (8000)	45000	1,5 млн. руб.	остальная сумма

Таким образом, отсутствие правительственной гарантии минимального дохода на акции Литовской железной дороги сделало ее постройку малопривлекательной для спекулятивного биржевого или коммерческого банковского капитала. При отказе со стороны государства в обеспечении минимальной гарантированной прибыли на ценные бумаги Литовской железной дороги учреждение акционерного общества становилось проблематичным. Участники проекта теперь должны были инвестировать в постройку железной дороги собственные средства, а также принять на себя все риски связанные с ее будущей эксплуатацией, что не входило в их планы.

Источники и литература

1. Центральный государственный исторический архив Украины (ЦГИА Украины). – Ф. 2227 (Коллекция документов Виленского музея). – Оп. 1. – Д. 63. Проект Устава и дополнительные рекомендации по созданию общества Литовской железной дороги. – 7 лл.
2. Национальный исторический архив Беларуси в Минске. – Фонд 295 (Канцелярия минского губернатора). – Оп. 1. – Д. 1458. Императорский указ по докладу главноуправляющего путей сообщений и публичных зданий о постройке железной дороги от Белостока до Пинска. – 3 лл.
3. Литовская железная дорога // Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния. Составил член Императорского русского географического общества Генерального штаба подполковник П. Бобровский. – Ч. 1. – СПб: Тип. деп. Ген. штаба, 1863. – С. 287–288.
4. ЦГИА Украины. – Фонд 442 (Канцелярия Киевского, Подольского и Волынского генерал-губернатора). – Оп. 39. – Д. 63. Дело о строительстве железной дороги между Белостоком и Пинском Обществом Литовской железной дороги. – 74 лл.

УДК 392.8:664.66(476.2)«18/19»

Т. В. Луговик

Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

ХЛЕБ В ТРАДИЦИОННО-БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЕ ПОЛЕСЬЯ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье определено место хлеба в рационе жителей Полесья конца XIX – начала XX вв., рассмотрены обычаи, запреты и приметы, связанные с его приготовлением и употреблением, раскрыт семиотический аспект и символизм в процессе приготовления хлеба, проанализирована роль хлеба в полесской традиционно-бытовой культуре.

Одним из наиболее архаических и одновременно – динамично развивающихся элементов национальной культуры является народная кухня. Она включает не только традиционные блюда, способы их приготовления, застольный этикет, но и обычаи, связанные с приготовлением, употреблением пищи, предметы домашней утвари и т. д. Особый интерес представляют историко-этнографические регионы, в пределах которых сформировались отдельные структуры питания (рацион, типы блюд, обработка, хранения, потребления продуктов, запреты и ограничения в повседневной и ритуальной пище и т. д.).

Основными компонентами системы питания на Полесье были продукты земледелия, и в частности – хлеб. В начале XX в. этнограф Ф. Вовк отмечал: «Если не заходя далеко в прошлое, сравним пищу населения века или полвека назад с настоящей пищей, увидим, что за небольшой период произошел заметный переход к растительной пище» [1, с. 82]. По мнению исследователя народного питания Л. Артюх, ни одно другое традиционное блюдо не могло сравниться с хлебом в количестве способов приготовления и разнообразии готовых изделий [2, с. 3]. Значительный удельный вес хлеба в рационе жителей полесского региона подтверждает и тот факт, что словом «брашно» часто называли еду, как таковую» [3, с. 68]. Таким образом, хлеб являлся одним из ключевых продуктов питания и органической частью материально-бытовой и духовной культуры населения Полесья.

Повседневный хлеб был традиционно ржаной. Ф. Вовк отмечал, что в конце XIX – начале XX вв. на Черниговском и Волынском Полесье употребляли ржаной хлеб [4, с. 87]. В карпатских селах преобладал овсяный (Бойковщина, Лемковщина) и кукурузный (Гуцульщина) хлеб. Поскольку основная масса крестьян в XIX в. испытывала недостаток продуктов питания, к хлебному тесту подмешивали картофель, горох, фасоль; в неурожайные годы – отруби, толченые желуди, крапиву, подорожник. Повсеместно преобладал хлеб из заквашенного теста, лишь в карпатских селах – пресный (овсяный «ошипок», кукурузный «малай», «корж»). Традиционно на завтрак пекли круглые лепешки – «лепешки», «пидпалки», «паляницы», на обед – маленькие пирожки и булочки («пышки»). Пирожки наполняли начинкой: картофелем, квашеной капустой, вареной фасолью, пшенной кашей, летом и осенью – вишнями, сливами, черникой, калиной. Среди наиболее распространенных видов хлеба на территории белорусского Полесья стоит выделить градовый, пушной, половый, картофельный, мякинный. Градовый хлеб («градовка») изготавливался из непросеянной ржаной муки, часто с примесью отсева. Мелкая солома, пустые колосья и мука, полученные при молотье, шли на приготовление пушного хлеба («пушники»). Половой хлеб («половшку») выпекали из двух частей: первой – ржаной, второй – ячменной, овсяной, гречишной, пшеничной (ингредиенты брали по отдельности либо смешивали в определенных пропорциях) [5, с. 101]. В годы неурожая зерновых выпекали картофельный хлеб из ржаной муки и сырого очищенного картофеля. Будучи свежим, он отличался хорошими вкусовыми качествами, однако из-за высокого содержания крахмала очень быстро черствел и утрачивал свой вкус. В более зажиточных семьях пекли хлеб из ржаной муки, просеянной на сито. Пшеничная мука до середины XX в. использовалась только для обрядово-ритуальных изделий, в основном для свадебного караваия и пасхальных куличей.

На Полесье сформировалось особое, уважительное отношение к хлебу. Считалось большим грехом уронить на пол даже крошку хлеба. Если это происходило, его подымали и три раза целовали перед тем, как положить в рот. Верили, если этого не сделать – «Бог пакарае голадам». Отрезав от буханки хлеба кусок, запрещалось класть отрезанной стороной к стене – от хозяев будут отворачиваться «госці і людзі». Также нельзя резать хлеб с двух сторон: «з гэтага другога боку чорт яго будзе есці» [6, с. 539, 554–555]. Мелкие крошки и кусочки хлеба обязательно сжигали в печи.

В народной традиции хлеб использовался в качестве оберега: его брали с собой в дорогу, чтобы охранял в пути; клали на место, где лежал покойник, чтобы очистил и победил смерть. При выборе места для будущего дома по углам на ночь оставляли кусочки хлеба или зерно: если они до утра исчезали, место считалось ненадежным и строительство перемещалось. Чтобы уберечь посевы от града, на улицу выставляли хлебную лопату, повязанную рушником или куском полотна, которыми покрывался освященный кулич. В случае большой стихийной угрозы обереговое действие усиливали кочергой, посвященной пасхальной вербой. Когда сильно гремел гром – вместе с лопатой выставляли рогац («вилошник») или обходили три раза кругом избы с хлебной кадкой.

С помощью хлеба предсказывали судьбу. Если буханка в печи развалится на две половины, это предвещало смерть хозяина или хозяйки. Появление в хлебе вертикальной трещины сулило отъезд или раздел семьи; горизонтальная трещина или отставание корочки хлеба предсказывала скорое замужество дочери или уход сына «ў прымы» [6, с. 548].

Процесс приготовления хлеба также окружала система правил, запретов и примет. С давних времен хлеб пекли женщины – как правило, раз в неделю, иногда – чаще. Это, в большей степени, это зависело от количества членов семьи. Нельзя было готовить хлеб по большим праздникам и в воскресенье. Кроме того, для ментальности жителей Полесья характерны ритуально-физиологические запреты. Один из основных – хлеб не могла выпекать «нечистая» или больная женщина. Вера в опасность загрязнения, источником

которой становится женщина во время особого физиологического состояния, распространялась и на другие процессы, направленные на ферментацию продуктов питания [8, с. 81].

Процесс приготовления теста, как правило, был типовой. Тесто замешивали на воде в деревянной деже и ставили на ночь в теплое место. В качестве закваски использовали опару – немного теста, оставленного от предыдущей выпечки. Утром тесто вымешивали, добавляли муку, снова оставляли в деже на 1,5–2 часа, чтобы оно поднялось. Затем брали тесто для одной булки и, приглаживая его мокрыми руками, придавали изделию овальную или круглую форму. Как отмечала Л. Герус, «круглая форма хлеба, с одной стороны, обусловлена практичностью и удобством в изготовлении, с другой – ассоциируется с кругом – образным знаком солнца» [2, с. 9]. Всаживая первый хлеб в печь, хозяйка крестила его, делала мизинцем правой руки дырку со стороны и тихо говорила «Бы ши красный хлеб удался в mine» [2, с. 14]. Хлеб вкладывали в печь на хлебной лопате, застеленной высушенными капустными, кленовыми, дубовыми листьями, как правило, на 1,5–2 часа. В восточных районах историко-этнографической Волыни, всадив в печь последнюю буханку хлеба, хозяйка ударяла лопатой в челюсти печи. После этого она не садилась на стул, иначе хлеб мог упасть в печи [2, с. 15]. К слову, первую испеченную буханку хлеба не разрешалось давать соседям и гостям. Ее нужно было съесть еще теплой в кругу семьи. Считалось, что пар, исходящий от горячего хлеба, насыщает умерших родственников.

Важным сакральным объектом выступала хлебная дежа. Особое значение придавали материалу, времени суток и фазе Луны, в которые она изготавливалась. Считалось, что в деже, сделанной на растущей Луне, тесто будет лучше подходить. Новую дежу ошпаривали настоем хмеля, что также способствовало хорошему подходу теста. Дежу не рекомендовалось вымывать дочиста, иначе она «прагаладае й знаровіцца» [6, с. 540]. Этнограф Н. Сумцов считал, что изобретение дрожжевого теста произошло именно вследствие ферментации остатков теста от предыдущей выпечки. Дежу категорически запрещалось ставить на пол. Ее «ставілі пад абразамі на «пакутнай лаве» (на покутці)» либо на кожух [6, с. 539]. Когда «хлеб переставал всходить», дежу ставили на пороге дома и трижды заливали кипятком [7, с. 1022]. Знаковую суть порога хаты подчеркивает и современный исследователь В. Конопка: «Нельзя обойти вниманием то, что в сознании крестьян порог имел очень глубокое и архаичное значение. Еще у древних славян он был местом пребывания предков, ведь именно под порогом хоронили умерших» [4, с. 78]. В некоторых губерниях Полесья применяли литье кипятка на перекрещенные острые предметы (серп, нож). Хлебная дежа в украинцев Полесья постепенно теряла свое обрядовое предназначение уже с начала XX в. В связи с распространением пшеничной муки, дрожжевое тесто на кулич и каравай вымешивали в деревянных корытах, причем отдельных, которые хранили в определенном месте в кладовой. В бочке же продолжали замешивать ржаное (позже – ржано-пшеничное) ферментированное тесто на обыденный хлеб до второй половины XX в.

До середины XX в. на территории Полесья существовала традиция «исповеди дежи» в Чистый четверг. Фольклорист А. Топорков отмечал, что ритуал очищения дежи был известен не только на Восточном Полесье, но и в Гродненской, Могилевской и Курской тогдашних губерниях. Рано утром бочку тщательно мыли, накрывали вышитым полотенцем (скатертью), сверху клали хлеб, соль, снова накрывали, обвязывали красным поясом (кромкой) и выставляли на столбе ворот либо в углу двора. Поставив бочку на должное место, хозяйка обметала метлой вокруг избы, чтобы «никакая дрянь в дом не залазила». По мнению А. Топоркова, смысл ритуала выноса хлебной дежи заключался в наполнении ее силой весеннего солнца и оживающей природы. Этнограф Л. Орел считает, что дежу выносили «чтобы Бог ее увидел». Она утверждает, что данный обряд сохранился на полесских территориях до начала XX в. Обряд «исповеди дежи» нашел отражение в фольклорных текстах, а на Ровенщине его даже произносили в церкви во время проповеди

[8, с. 28–29]. Этнограф В. Кравченко отмечал, что часть этого текста использовалась в качестве заговора при покупке дежи в начале XX в.: «На Волыни дежа имеет за собой большой культ, например: 1. Если в кадке клепок не парное число, то в ней не будет удаваться хлеб; 2. Как покупают бочку, приговаривают: – «Бочка, бочка, надо тебе вехтя и ножа» [9, с. 249]. О том, что в разных частях Полесья сохранился обычай в Чистый четверг выносить кадку «к исповеди», упоминают в своих работах Л. Орел, С. Гвоздевич, А. Зюбровський [10, с. 704, 11, с. 857]. В. Кравченко в этнографическом очерке о Волыни отмечал, что обряд «исповеди дежи» сохранилась до начала XX в.: «Как только солнце своими первыми лучами благословит дежу, – ее забирают в дом, наносят пшеничное тесто, а вечером, во время «тайной вечери», едят тот хлеб, что испекут, и т. п.» [4, с. 78]. Обряд «исповеди дежи» проявляет высокий семиотический статус и глубокую архаичность, тесную взаимосвязь христианских верований и биологических ритмов.

Особый сакральный смысл был заложен в ритуале замены старой дежи на новую: «старую і нову дзежу ставяць на адной пасціцы побач і на накрыўкі абедзвюх кладуць хлеб–соль. Пасля знаёмства новая дзяжы са старой і просьбы добра служыць у новай робяць першую ўтвору і абедзве дзяжы закрываюцца агульным покрывалам. Калі цеста атрымалася, старую дзяжу асцярожна разбіраюць і спальваюць у выпаленай пад хлеб печы» [6, с. 542].

Отдельного внимания заслуживает приготовление печи к выпечке хлеба. Перед началом работы напаленную печь чисто выметали. В момент «вымета» печи и укладки в нее хлеба никто не должен входить в дом, создавать шум или движение – это предвещало несчастье: «Ко мне сейчас сосед приходит, то: – Закрывайте дверь, чтобы я на голую печь не пришел! – Ну, щоб не было нищеты» [4, с. 472]. Стоит отметить, что значительная часть жителей украинского Полесья соблюдает эти запреты и сейчас [2, с. 3–4]. Хорошей приметой было ступить через порог дома хозяину, когда буханки еще были в печи – это предвещало хороший урожай. После выемки хлеба необходимо было заполнить печь – вбросить туда хотя бы несколько поленьев. Смысл этого действия раскрывается на фоне народных космологических представлений: печь надо заполнять, чтобы на том свете душа по тех дровах дойдет до рая. Чем большим количеством дров заполняла хозяйка свою печь в течение жизни, тем больше вероятность попасть в рай [4, с. 476].

Как подчеркивает М. Глушко, качество выпекания хлеба косвенно зависело от технико-конструктивного совершенства печи [2, с. 6]. Для получения качественного хлеба ее надо было хорошо напалить. Необходимым условием была соответствующая температура, которую проверяли несколькими способами: посыпание череня мукой, протягивали руку в печь. Выпечен ли хлеб, проверяли тоже несколькими способами – стучали по буханке или прикладывали нос [5, с. 94]. В процессе выпекания старались, чтобы буханки, положенные в печь рядом, не срастались. Такое изделие, называемое в Украине «двойняшки» («близнецы») родители разламывали над головой ребенка, «который долго не говорит, чтобы говорил, или дитя слабое — чтобы большое росло или бегало скорей» [3, с. 78]. В селах Волынской и Ровенской обл. с хлебом, оставленным после выпечки в печи («забывчивом хлебом») обходили поля, чтобы уберечь от уничтожения посевов птицами, дикими кабанами, считая, что вредители «забудут туда дорогу, либо наоборот – давали родным людям с собой на память [2, с. 3].

Таким образом, хлеб являлся одним из наиболее древних продуктов питания и значимой частью ежедневного рациона жителей полесского региона на протяжении многих веков. Кроме сугубо утилитарной функции, хлеб выступал органической частью материальной и духовной культуры, влиял на формы взаимоотношений в обществе, способствовал передачи народных обычаев, обрядов, традиций, норм общественной морали и правовых обычаев. В традициях хлебопечения на Полесье проявилась стойкость архаичных элементов, синкретизм первобытных и христианских представлений и верований. Однако уже с конца XIX ст. в ряде полесских губерний процесс приготовления и выпечки

обыденного хлеба постепенно перестал сопровождаться обрядовыми действиями, а до середины XX в. сохранились лишь отдельные обычаи, касающиеся главным образом приготовления обрядового хлеба (коровай, кулич).

Источники и литература

1. Вовк, Ф. Етнографічні особливості українського народу: студії з української етнографії та антропології / Ф. Вовк. – К.: Мистецтво, 1995. – 336 с.
2. Глушко, М. Походження та джерела вчиненого хліба в українців (культурно-генетичний аспект) / М. Глушко // Народознавчі зошити. – 2012. – №1 (103). – С. 3–704.
3. Артюх, Л. Ф. Їжа та харчування в Київській Русі / Л. Ф. Артюх // Етнографія Києва і Київщини: традиції і сучасність. – Київ: Наук. думка, 1986. – С. 65–83.
4. Боренько, Н. Народне харчування в системі життєдіяльності поліщуків: концептуальні засади польових досліджень / Н. Боренько // Народознавчі зошити. – 2006. – Зош. 3–4. – С. 465–480.
5. Новгородский, Т. Традиционные блюда и напитки белорусов / Т. Новгородский // София: электронный научно-просветительский журнал. – 2018. – № 2. – С. 100–107.
6. Зямля стаіць пасярод свету: Беларускія народныя прыкметы і павер'і / уклад. прадм., пераклад, бібл. У Васілевіча. – Мн: Маст. Літ., 2010. – Кн. 1. – 574 с.
7. Конопка В. Оранка та сівба ярих злакових культур: обрядовий аспект (на матеріалах південно-західного історико-етнографічного регіону / В. Конопка // Народознавчі зошити. – 2012. – № 5 (125). – С. 1017–1027.
8. Боренько, Н. Релікт «сповіді діжі» як вияв синкретизму первісних і християнських світоглядних уявлень українців Полісся / Н. Боренько // Історія релігій в Україні. – 2010. – Кн. 1. – С. 22–31.
9. Кравченко, В. Етнографічний нарис (Про Волинь) / В. Кравченко // Древляни. – 1996. – С. 216–269.
10. Гвоздевич, С. Обрядово-символічна функція виробів з дерева у традиційно-побутовій культурі українців (XIX–XX ст.) / С. Гвоздевич // Народознавчі зошити. – 2004. – № 5–6. – С. 689–704.
11. Зюбровський, А. Традиційні вірування, прикмети, приписи, заборони, обмеження та уявлення, пов'язані з хлібопеченням українців південно-західного історико-етнографічного регіону кінця XIX–XXI ст. / А. Зюбровський // Народознавчі зошити. – 2013. – № 5 (113). – С. 852–862.

УДК 353.2(476)(091)«1874/1914»

Н. С. Моторова

Белорусский государственный университет

РАСПОРЯДИТЕЛЬНЫЕ КОМИТЕТЫ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ (1874–1914)

Распорядительные комитеты были созданы в структуре губернской администрации Беларуси в середине 1870-х гг. В их компетенцию входило заведование земскими повинностями, контроль за финансированием медицинских учреждений в сельской местности, уездных больниц и благотворительных учреждений приказов общественного призрения. В Витебской, Минской и Могилевской губерниях распорядительные комитеты были ликвидированы в 1903 г., а их функции были переданы управлениям по делам земского хозяйства. В Виленской и Гродненской губернии они продолжали функционировать вплоть до начала Первой мировой войны.

На территории Беларуси распорядительные комитеты были созданы в структуре губернской администрации на основании закона от 10 декабря 1874 г. Их основная обязанность состояла в заведовании земскими повинностями, которые включали в себя размещение войск (так называемое «квартирное довольствие»), аренду, строительство, содержание и ремонт общественных зданий, а также некоторых дорог. Функции председателя губернского распорядительного комитета были возложены на губернатора. В его состав входили губернский предводитель дворянства, председатель казенной палаты, член от правительства, городской голова губернского города. Допускалось участие представителя военного ведомства и управляющего почтовой частью при обсуждении вопросов, касавшихся их ведомств. Член от правительства назначался по распоряжению министра финансов в тех губерниях, где необходимость в этом была обусловлена обширностью делопроизводства и значительностью расходов. Уездные распорядительные комитеты находились под председательством исправника или лица, занимавшего аналогичную должность. При обсуждении хозяйственных распоряжений в их заседаниях принимали участие городской голова соответствующего уездного города, волостной старшина, члены военного и почтового ведомств [1, с. 415–417].

Расширение компетенции распорядительных комитетов белорусских губерний было вызвано реформированием системы медицинского обслуживания в сельской местности. В 1883 г. в ходе реализации этой реформы в Могилевской губернии возник вопрос о подведомственности сельских лечебниц в хозяйственном отношении. В соответствующем законе не было четких указаний по этому поводу [2, с. 4–5]. Это вынудило могилевского губернатора А.С. Дембовецкого обратиться в МВД за разъяснениями. Как глава губернской администрации он предложил возложить эти обязанности на распорядительные комитеты и высказал мнение о целесообразности привлечения к их работе на уездном уровне местных жителей: уездных предводителей дворянства, сельских врачей и пр. [3, л. 89, 100–100 об.].

В 1884 г. предложения губернатора А.С. Дембовецкого были рассмотрены в МВД. Ведомство пришло к заключению, что они противоречили действовавшим правовым нормам. В частности, изменение штатов распорядительных комитетов могло осуществляться только в законодательном порядке, так как они были утверждены императором. Со своей стороны МВД предложило передать заведование медицинской частью губернскому и уездному комитетам общественного здоровья, чья компетенция была гораздо шире по сравнению с распорядительными комитетами. Например, они обладали правом приглашать к участию в своих заседаниях тех лиц, которых считали нужным, назначать попечителей лечебниц и больниц [3, л. 107–108].

Окончательное решение по данному вопросу было принято после консультаций с Министерством финансов. В 1884 г. Департамент окладных сборов в ответе на запрос МВД указал, что заведование сельскими лечебницами в хозяйственном отношении должно быть передано распорядительным комитетам, так как данные медицинские заведения содержались за счет местного налога – земского сбора. Изменение личного состава комитетов могло быть произведено только по разрешению императора [3, л. 111–112].

При этом нужно подчеркнуть, что еще в 1883 г. директор Департамент окладных сборов А.А. Рихтер, товарищ министра внутренних дел И.Н. Дурново и государственный контролер Д.М. Сольский достигли предварительной договоренности о целесообразности частично обеспечить за счет земских повинностей содержание учреждений приказов общественного призрения. Предполагалось, что в дальнейшем приказы будут ликвидированы, а подведомственные им лечебные и благотворительные заведения будут переподчинены распорядительным комитетам. Это позволило бы полностью сосредоточить в их руках заведование медицинским обслуживанием и общественным призрением. Однако министр финансов Н.Х. Бунге не поддержал данный проект, так как его реализация потребовала бы изменения состава распорядительных комитетов в законодательном порядке. В этой связи предложение могилевского губернатора А.С. Дембовецкого о привлечении

представителей различных сословий к участию в работе распорядительных комитетов вызвало интерес Министерства финансов. Оно предложило передать на рассмотрение губернаторов неземских губерний вопрос об изменении состава распорядительных комитетов [3, л. 138–139 об.]. С 1884 г. и до начала 1886 г. МВД несколько раз направляло на места соответствующие запросы. В них предлагалось высказать свои соображения по вопросам об упразднении приказов общественного призрения и о перераспределении их функций между распорядительными комитетами и врачебными отделениями с внесением изменений в их личный состав. Однако ответы так и не были предоставлены [3, л. 145–147, 170, 187].

В результате предложение о ликвидации приказов общественного призрения и возложении их обязанностей на распорядительные комитеты не было реализовано. Но на территории Беларуси их полномочия были расширены в связи с введением в 1887 г. новых принципов организации медицинского обслуживания в сельской местности в Виленской, Витебской, Гродненской и Минской губерниях в 1887 г. [4, с. 184–185]. На распорядительные комитеты были возложены обязанности по заведованию медицинскими учреждениями в хозяйственном отношении. В том же году на земские средства было отнесено обеспечение дефицитов по содержанию уездных больниц и благотворительных заведений приказов общественного призрения. Законодательно была регламентирована новая процедура утверждения соответствующих расходов. Они должны были рассматриваться соединенными присутствиями приказов общественного призрения и распорядительных комитетов. В случае возникновения разногласий окончательное решение принималось министром внутренних дел [4, с. 194–195].

В результате в 1887 г. в компетенции распорядительных комитетов белорусских губерний были включены вопросы финансового обеспечения системы медицинского обслуживания в сельской местности и частично общественного призрения. Расширение их функциональных обязанностей не привело к изменению их организационной структуры. Распорядительные комитеты не имели собственного штата чиновников, не вели отдельное делопроизводство. Они должны были постоянно запрашивать необходимые сведения у губернского правления, статистического комитета и пр. МВД указывало на серьезные недостатки в организации работы распорядительных комитетов. Так, министр внутренних дел И.Л. Горемыкин при обсуждении проекта земской реформы в западных губерниях подчеркивал, что распорядительные комитеты попросту не справлялись с возложенными на них сложными задачами [5, л. 160 об.]. В этой связи предлагалось упразднить распорядительные комитеты с 1 января 1900 г., а их функции передать органам земского самоуправления [5, л. 219]. Однако на территории Беларуси этот проект не был реализован. Распорядительные комитеты были ликвидированы лишь в 1903 г. в результате введения Положения об управлении земским хозяйством. Оно распространялось на Витебскую, Минскую и Могилевскую губернии [6, с. 334]. В Виленской и Гродненской губерниях распорядительные комитеты сохранялись вплоть до начала Первой мировой войны.

Таким образом, распорядительные комитеты были созданы в структуре губернской администрации Беларуси в середине 1870-х гг. В их компетенцию входило заведование земскими повинностями, контроль за финансированием медицинских учреждений в сельской местности, медицинских и благотворительных заведений приказов общественного призрения. В Витебской, Минской и Могилевской губерниях распорядительные комитеты были упразднены в 1903 г. в ходе реформы местного самоуправления, а в Гродненской и Виленской губерниях они продолжали функционировать.

Источники и литература

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Том XLIX : 1874. Отделение 2. От №53685–54240 и дополнения. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1876. – 496, 138, [21] с.

2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Том III : 1883. От №1293–1933 и дополнения. – СПб. : Гос. тип., 1886. – 979 с. разд. паг.; 27 л. ил.
3. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1288. – Оп. 12. – Д. 248.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Том VII : 1887. От №4138–4932 и дополнения. – СПб. : Гос. тип., 1889. – 1146 с. разд. паг.; 27 л. ил.
5. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1288. – Оп. 44. – Д. 656.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Том XXIII : 1903. Отделение 1. От № 22360-23838 и дополнения. – СПб. : Гос. тип., 1905. – 1167, 136 с.

УДК 94(476)+323“1914” А. Ф. Гірс

В. А. Міхедзька
Гомельскі дзяржаўны
ўніверсітэт імя Ф. Скарыны

БЕЛАРУСЫ Ў АНТЫПОЛЬСКОЙ ПРАГРАМЕ МІНСКАГА ГУБЕРНАТАРА А. Ф. ГІРСА

У артыкуле разгледжаны асноўныя тэзісы праграмы антыпаланізацыйных дзеянняў, прапанаванай у пачатку 1914 г. мінскім губернатарам А.Ф. Гірсам. Мэтай праграмы дэкларавалася ўмацаванне нацыянальнай самасвядомасці беларусаў, у якасці сродка яе дасягнення прапаноўваліся антыпольскія захады у адукацыйнай, эканамічнай і рэлігійнай сферах.

Разняволенне грамадска-палітычнага жыцця і адмена значнай часткі “абмежавальнага заканадаўства” у аграрнай сферы пасля выдання маніфеста 17 кастрычніка 1905 г. паставілі расійскую ўладу ў “Паўночна-Заходнім краі” перад новай хваляй “польскай пагрозы”.

Несуцяшальныя для “русского дела в Северо-Западном крае” тэндэнцыі падштурхоўвалі да пошукаў супрацьдзеяння, адлюстраваннем якіх сталася распрацаваная мінскім губернатарам А. Ф. Гірсам “Докладная записка о мерах, могущих укрепить национальное самосознание белоруссов и противодействовать их полонизации” [1]. Аляксей Фёдаравіч Гірс быў дастаткова добра абазнаны ў рэаліях “заходніх ускраін”. На працягу трох гадоў (1906–1908) быў віцэ–губернатарам Эстляндскай губерні, пасля паслядоўна займаў пасады кіеўскага (1908–1911) і мінскага (1912–1915) губернатара. “Докладная записка”, падрыхтаваная А. Ф. Гірсам, у студзені 1914 г. была раздрукавана асобнай брашурай аб’ёмам у 25 старонак. Тэкст асобніка брашуры пад грыфам “зусім сакрэтна”, які быў прызначаны мінскаму губернскаму маршалку А.С. Далгаво-Сабураву, захоўваецца ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі, і з разгорнутым каментарам быў апублікаваны Р. Юркоўскім [2; 3]. “Докладная записка” была накіравана А.Ф. Гірсам у Савет міністраў Расійскай імперыі [4, с. 301]. Такім чынам А.Ф. Гірс спрабаваў ініцыяваць ўзмацненне антыпольскіх захадаў ва ўрадавым курсе на тэрыторыі “Заходняга края”. На момант стварэння гэтага дакумента губернскія ўлады, ў межах сваіх паўнамоцтваў, а часам і па-за імі, ўжо ажыццявілі шэраг самастойных крокаў па абмежаванні польскай прысутнасці ў грамадскім і культурным жыцці Мінскай губерні. Але такой самадзейнай актыўнасці губернскіх уладаў “заходняга края”, як адзначаў А. Ф.Гірс, відавочна, было зусім недастаткова. Р. Юркоўскі звязвае падачу “Докладной записки” менавіта з тым негатыўным розгаласам, які атрымалі ў Дзяржаўнай Думе Расійскай імперыі практычныя антыпольскія захады мінскай губернскай адміністрацыі [2, s. 585].

Варта заўважыць, што “Докладная записка” А. Ф. Гіrsa з’яўляецца ці не першым падпісаным губернатарам губерні “Паўночна-Заходняга края” дакументам, які мае

загалоўкам “нацыянальнае самаўсведамленне беларусаў”. Да гэтага часу “беларускае пытанне” ў справаздачах губернатараў і генерал–губернатараў згадвалася толькі ў кантэксце агульнай этнаканфесійнай сітуацыі ў краі і ніколі не вылучалася ў асобную праблематыку. “Падобныя тэрміналагічныя змены магчыма патлумачыць рэакцыяй на ўзмацненне беларускага нацыянальнага руху. Знаёмства з тэкстам паказвае, аднак, што А. Ф. Гірс быў далёкі ад прызнання беларусаў самастойнай этнічнай супольнасцю. Гэты дакумент, у якім змешчаны заўвагі аб нацыянальна-рэлігійным становішчы ў краі і прапановы па ўмацаванні расійскіх пазіцый, выразна адлюстроўвае сістэму поглядаў і псіхалогію мясцовых расійскіх адміністратараў.

“Запіска” А.Ф. Гірса пачынаецца прызнаннем вызначальнай ролі М. М. Мураўёва ў стварэнні ўмоў для “паступальнага ходу рускіх пачаткаў і развіцця рускай культуры ў краі за кошт польскай”. Гэтыя ўмовы забяспечылі “русское дело” і паступовае выцісненне польскай культуры. Аднак з 1905–1906 г. адзначаны ўжо рух у адваротным кірунку. Мінскі губернатар падкрэсліваў, што ўрад, адмяніўшы абмежавальныя законы ў сферы набыцця зямельнай уласнасці і культурна-рэлігійнага жыцця, моцна памыліўся ў сваім разліку на моц “рускага элементу” ў краі. Насамрэч, на думку губернатара, “рускі элемент у краі яшчэ недастаткова ўмацаваўся, каб уласнымі сіламі абараніць край для Расіі і для рускай культуры” [1, с.1]. А. Ф. Гірс адзначаў: “як толькі зняты былі забароны... неадкладна ж выявілася перавага польскай меншасці і ў культурных і эканамічных адносінах і недастатковая падрыхтаванасць рускай большасці для процідзеяння польскай гегемоніі ў краі. Польскае жыццё ... пачала прыкметна браць верх над рускім жыццём...” [1, с. 13]. Адзіным спосабам захаваць край для Расіі было не толькі вяртанне папярэдніх абмежавальных законаў, але ўвядзенне новых абмежаванняў, якія павінны былі спыніць “паступальны рух каталіцтва і паланізацыі”. Адначасова, заўважаў аўтар, неабходна было ажыццявіць шэраг мерапрыемстваў па ўмацаванні “рускага элементу”, каб у будучыні ён быў здольны самастойна супрацьстаяць “націску паланізму”. Гэтыя захады ён падзяліў на дзве групы – абмежавальныя, ці “охранительные” мерапрыемствы, якія мусілі спыніць наступ польскай культуры і “стваральныя”, якія павінны былі спрыяць развіццю “рускіх пачаткаў” у краі насуперак польскім.

Пералік і абгрунтаванне неабходных ахоўных мерапрыемстваў А. Ф. Гірс пачаў з азначэння “самага цяжкага ўдару для рускай справы ў краі”. Такім ён лічыў адмену жорсткіх грашовых і адміністратыўных пакаранняў за арганізацыю тайных польскіх школ. На думку губернатара, тым самым урад стварыў шырокія магчымасці для беспакаранай паланізацыйнай дзейнасці. Па прызнанні губернатара, не маючы іншых сродкаў спыніць дзейнасць недазволенах польскіх школак, папярэдні мінскі губернатар Я. Я. Эрдэлі яшчэ ў 1911 г. прыняў уласныя “абавязковыя пастановы”, якія значна павялічвалі пакаранні нават у параўнанні з ранейшай заканадаўчай нормай [1, с. 2]. А. Ф. Гірс настойліва пераконваў у неабходнасці вяртання заканадаўчай забароны польскай адукацыі ў краі. Моцнай перашкодай на шляху пашырэння польскай асветы ў краі мусілі стаць пачатковыя рускія школы і настаўніцкія семінары. На гэтыя навучальныя установы, падкрэсліваў губернатар, “неабходна глядзець ... як на адзіны пакуль шлях далучэння найбольш здольных прадстаўнікоў беларускага племені да рускай культуры” [1, с. 15]. Падмуркам гэтаму павінна было стаць выкладанне гісторыі, “асабліва мясцовай”, геаграфіі Расіі і рускай літаратуры, таму што – “мінулае Беларусі ўяўляе сабою багаты матэрыял для выхавання рускага патрыятычнага пачуцця, для выхавання любові і адданасці да Расіі і рускіх самадзержцаў, якія выратавалі беларускае племя ад канчатковага паглынання яго палякамі” [1, с. 16].

Ідучы насуперак працяглай традыцыі паблажліва-грэблівага стаўлення да беларускага люду, якая усталявалася ў расійскай грамадскай думцы, А. Ф. Гірс аптымістычна характарызаваў перспектывы выкарыстання “багатага і ўдзячнага этнаграфічнага матэрыялу, якім з’яўляецца беларускае племя. Багата адоранае ад прыроды, незвычайна працавітае,

цвярозае, несумненна адданае Расіі...” Але “белоруссы” мінскага губернатара – толькі сінонім назвы мясцовага рускага насельніцтва, несумненная, хаця ж і занядбаная, з няўстойлівай ідэнтычнасцю, частка рускага народу. Для А. Ф. Гірса ўжо не існавала сумненняў, што і беларусы каталіцкага вызнання мелі “рускае”, а не польскае паходжанне. Таму натуральна, што адукацыя беларусаў–католікаў, перад усім рэлігійнае навучанне, павінна адбывацца “на іх прыроднай мове” – гэта значыць на рускай, таксама як права вучыцца па-польску атрымалі палякі, а па-літоўску – літоўцы [1, с. 7].

Рэлігійнае жыццё “Паўночна-Заходняга края” разглядалася расійскай адміністрацыяй і дзяржаўнай праваслаўнай царквой, а разам з тым і іерархіяй царквы каталіцкай як поле цывілізацыйнага змагання. А. Ф. Гірс адзначаў ўздым паланізацыйнай дзейнасці сярод беларускага насельніцтва з боку мясцовых біскупаў–палякаў і каталіцкіх семінарыяў, пашырэнне каталіцкага празелітызма, якое адбывалася пасля выдання указа 17 красавіка 1905 г. Ён адзначаў моцны паланізацыйны эффект дзейнасці каталіцкіх семінарыяў, дзе з навучэнцаў–беларусаў выходзіліся ксяндзы, адданыя польскай нацыянальнай справе, а таксама моцны ўплыў на вернікаў–беларусаў з боку каталіцкіх біскупаў–палякаў. У гэтым кантэксце мінскі губернатар вяртаўся да напуўзабытай ідэі неабходнасці “распалячвання” каталіцкай царквы ў “Паўночна-Заходнім краі” і заклікаў увесці на тэрыторыі края адпаведныя абмежаванні на прысутнасць этнічных палякаў у касцёльных структурах. Адначасова ў гэтым жа кірунку сярод важнейшых “стваральных” мерапрыемстваў мінскі губернатар называў дапамогу, перш за ўсё фінансавую, праваслаўнай царкве і праваслаўным брацтвам, якія “маглі б саслужыць незаменную службу рускаму народу і рускай дзяржаве ў справе барацьбы з каталіцызмам і паланізацыяй”. Асабліва мінскі губернатар спыніўся на неабходнасці пабудовы ў старажытным Тураве храма ў гонар святых Кірылы і Лаўрэнція, епіскапаў Тураўскіх. Заслугі тураўскага епіскапа Лаўрэнція, які жыў і памёр у XII ст., А. Ф. Гірс тлумачыў тым, што і на яго долю прыпала “крывая барацьба з езуітамі і абарона прыгнечаных аднаверцаў ад падначалення Папе” [1, с. 17–19, 23–24].

Побач з поспехамі польскай адукацыі і паланізацыйнымі працэсамі ў рэлігійным жыцці ў пераліку галоўных пагроз А. Ф. Гірс пазначаў адмену забароны “асобам польскага паходжання” набываць зямельную ўласнасць ў Заходнім краі: “польскае землеўладанне ў краі – гэта крыніца, з якой сілкуюцца і польскія касцёл, і польска-каталіцкая прапаганда ... і ўсе культурна-польскія прадпрыемствы ў краі, і ўся тая сума старашляхецкай нянавісці да Расіі і да ўсяго рускага, з якою ўраду даводзілася лічыцца ў мінулым, даводзіцца лічыцца ў сучаснасці і прыйдзецца лічыцца ў будучыні...” [1, с. 13]. Таму польскаму землеўладанню неабходна супрацьпаставіць не толькі жорсткі кантроль з боку ўлады, але, што больш важна – рускае землеўладанне. Пры гэтым, адзначаўшы пажаданасць пашырэння “рускага” сялянскага землеўладання ў краі, А. Ф. Гірс скептычна ставіўся да магчымасці выкарыстаць у барацьбе з “паланізмам” беларускае сялянства: “культурным польскім сілам неабходна супрацьпаставіць роўныя культурныя рускія сілы”. Але мясцовыя расійскія дваране–землеўласнікі ў перспектыве не маглі стварыць неабходнай апоры ўладам, як было слушна заўважана, “разлічваць, што сілы гэтыя можа даць рускае дваранства, нельга... нават у цэнтры Расіі дваранскае землеўладанне пачынае ісці да заняпаду”. Таму патрэбна не толькі абапірацца на прышлае рускае чынавенства, але “звярнуцца ... да мясцовых рускіх культурных сіл недваранскага паходжання, ... да той мясцовай рускай інтэлігенцыі, якая вылучана мясцовым беларускім насельніцтвам, дзякуючы паўвекавой дзейнасці тут рускай школы. Гэта інтэлігенцыя ... найбольш прыдатная для стварэння з яе рускіх культурных землеўладальнікаў...” [1, с. 14]. Аднак на шляху з’яўлення “культурных землеўласнікаў” існавалі значныя перашкоды: “недахоп рускіх людзей з агранамічнымі ведамі і адначасова знаёмых з умовамі мясцовай сельскай гаспадаркі надта згубна ўплывае на развіццё ў краі рускага землеўладання, ператвараючы яго частакроць у фікцыю”. Як заўважаў губернатар, агранамічныя веды пашыраліся ў краі двума шляхамі – з аднаго боку праз ўрадавых

аграномаў і інструктараў, а з іншага боку праз мясцовыя сельскагаспадарчыя таварыствы, якія былі “цалкам у руках палякаў”. Таму для спрыяння рускім землеўладальнікам А. Ф. Гірсу прапаноўваў стварыць ў Мінску сельскагаспадарчы інстытут [1, с. 21]. Мінскі губернатар звяртаў увагу і на іншую крыніцу росту эканамічнай і грамадскай вагі польскай грамады – яе удзел у гарадскім самакіраванні. Вялікія фінансавыя магчымасці і адносна самастойнасць органаў гарадскога самакіравання ад губернатарскай улады уяўляліся А. Ф. Гірсу вельмі небеспечнымі фактарамі “пашырэння паланізму” і змяншэння аўтарытэту ўлады. Антыпаланізацыйная дзейнасць мінскага губернатара ў сферы гарадскога грамадскага і культурнага жыцця часам набывала, аднак, не проста спрэчныя, але і скандальна-фарсавыя формы. Так, з трыбуны Дзяржаўнай Думы была прадэманстравана праграма аматарскай тэатральнай пастаноўкі “Пана Тадэвуша”, у якой, на патрабаванне мінскай губернскай адміністрацыі назва спектакля была перакладзеная на рускую мову і гучала “Господин Фаддей” [5, с. 275].

Такім чынам, прапанаваныя А. Ф. Гірсам захаваныя ў ацэўцы “нацыянальнага самаўсведамлення беларусаў” не выходзілі за межы, вызначаныя калісьці яшчэ М. Мураўёвым. Аднак менавіта абгрунтаванне неабходнасці больш маштабнага і мэтанакіраванага выкарыстання ў барацьбе з “паланізмам” беларускага насельніцтва з’яўляецца істотным момантам праекта А. Ф. Гірса. Мінскі губернатар перайшоў у сваіх прапановах ад “магчымасці” да адзначэння неабходнасці “выкарыстання ў дзяржаўных мэтах беларускага этнаграфічнага матэрыялу”. Пры тым, што вызначэнне “беларусы” вынесена ў назву запіскі А. Ф. Гірса, іх прысутнасць у тэксце не надта праяўляецца пасярод пастаянных згадак пра “рускія пачаткі”, “рускія асновы” і “рускую культуру” ў краі і яшчэ больш незаўважная на тле шматлікіх згадак палякаў. Беларусы ў яго разважаннях – ня вельмі ўпэўненая ў сваёй ідэнтычнасці частка рускага народу. У прапановах А. Ф. Гірса беларусы былі не толькі аб’ектам ахоўных урадавых мерапрыемстваў, але павінны былі стаць іх асноўным рухавіком і непасрэдным выканаўцам. Гаворачы аб умацаванні нацыянальнай самасвядомасці “белоруссов”, мінскі губернатар А. Ф. Гірс меў на ўвазе не ўмацаванне культурнай самабытнасці мясцовага беларускага насельніцтва, але яго русіфікацыю.

Крыніцы і літаратура

1. Докладная записка “О мерах, могущих укрепить национальное самосознание белоруссов и противодействовать их полонизации” минского губернатора Гирса // Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 60. – Вп. 3. – Спр. 114.
2. Jurkowski, R. “O sposobach mającVch wzmocnić świadomość narodową Białorusinów i przeciwdziałać ich polonizacji”: tajnV memoriał mińskiego gubernatora Aleksieja Girsy o politVce rosVjskiej wobec Białorusinów i Polaków w przededniu I wojnV światowej : część I / R. Jurkowski // Przegląd Wschodnioeuropejski. – 2013. – № 4. – S. 581–617.
3. Jurkowski, R. “O sposobach mającVch wzmocnić świadomość narodową Białorusinów i przeciwdziałać ich polonizacji”: tajnV memoriał mińskiego gubernatora Aleksieja Girsy o politVce rosVjskiej wobec Białorusinów i Polaków w przededniu I wojnV światowej : część I / R. Jurkowski // Przegląd Wschodnioeuropejski. – 2014. – № 5/1. – S. 302–321.
4. Унучак, А. Расійская нацыянальная палітыка на землях былога ВКЛ: “Польскае пытанне” і беларуская ідэя 1863–1914 г. / А. Унучак // Беларуска-польскія моўныя, літаратурныя, гістарычныя і культурныя сувязі : У гонар прафесара Эльжбеты Смулковай : зб. арт. / пад рэд. І. Э. Багдановіч, М. І. Свістуновой. – Мінск : БДУ, 2016. – С. 298–317.
5. Смалянчук, А. Ф. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – люты 1917 г. / А. Ф. Смалянчук. – Спб. : Неўскі прасцяг, 2004. – 406 с.

А. Н. Федьков
Каменец–Подольский национальный
университет имени Ивана Огиенко

ГОМЕЛЬСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РСДРП В СОСТАВЕ УКРАИНСКОГО СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЮЗА (СПИЛКИ) В КОНЦЕ 1906 – ВЕСНОЙ 1909 ГОДА: ВХОЖДЕНИЕ, ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ СТАТУС И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В статье рассматривается истории вхождения Гомельской организации РСДРП в состав Украинской социал-демократического союза (Спилки) и её деятельность в декабре 1906–1909 гг. Приводятся данные о численности и составе руководящих органов гомельской организации. Отмечаются сложности в работе членов Спилки в период реакции.

В начале XXI в. важной политической силой остаются социал–демократы, которые демонстрируют четкое видение перспектив политического, социального и духовного развития человечества. Это произошло благодаря осмыслению ими не только тенденций развития стран с рыночной экономикой, но и социалистических экспериментов, которые реализовывались в первую очередь в СССР и ряде других стран мира. Этим и объясняется актуальность исследования. Необходимость исследовать историю социал-демократического движения на территории Российской империи обусловлена также специфическими причинами: в СССР по идеологическим соображениям история меньшевистского направления в РСДРП слабо изучалась. Поэтому важно продолжать исследования истории социал-демократического движения, чтобы более глубоко выяснить его генезис от истоков и до наших дней.

История гомельской организации РСДРП [11; 12; 14, с. 368; 16; 19] и Украинского социал–демократического союза РСДРП (УСДС, Спилка) [13; 15; 17; 18; 20; 21] нашла отражение в опубликованных сборниках документов и трудах ученых. Однако в силу ряда факторов – влияние политики и идеологии, ограниченность доступа к источникам и др., исследователи обычно не ставили своей целью изучить деятельность местных социал–демократических организаций в составе Спилки, или же характеризовали ее вскользь (в том числе и работу гомельской организации РСДРП) [21]. Несмотря на то, что история последней довольно подробно изучалась белорусскими историками, однако о её «спилковском периоде» в исследованиях ничего не упоминалось. Немного об этом писали и украинские ученые. Итак, эта проблема является малоисследованной и требует изучения.

УСДС образовался в результате раскола Революционной украинской партии в конце 1904 – начале 1905 г. и почти сразу после этого, 2 (15) февраля 1905, вошел в состав РСДРП. В эпоху революции 1905–1907 гг. Спилка сумела распространить свое влияние среди жителей Киевской, Подольской, Волынской, Полтавской и Черниговской губернии, частично – Херсонщины, а также молдавской части Бессарабии и белорусской Гомельщины [21, с. 206]. Спилковцы действовали на основе программы РСДРП (в то время – общей для большевиков и меньшевиков), но отстаивали меньшевистские стратегические и тактические принципы революционной борьбы с царизмом. Руководящий орган – Главный комитет (ГК) и партийные организации УСДС были многонациональными по составу, а конечную цель своей борьбы они, как и меньшевики, видели в построении социалистического общества [21, с. 129–154]. Поэтому не случайно к этому сильному союзу тяготели другие организации РСДРП.

Социал–демократическое движение на Гомельщине началось в конце 1890-х гг. С января 1904 г. с центром в Гомеле (Могилевская губ.) и Новозыбкове (Черниговская губ.)

действовал крепкий Полесский комитет РСДРП, который распространял свою деятельность на несколько уездов Могилевской, Минской, Черниговской и Полтавской губерний. В сентябре 1905 г. на основе этого объединения образовалось четыре самостоятельные районные организации, в частности Гомельская. В ноябре 1905 г. Полесский комитет в составе «абсолютно самостоятельных организаций» Могилевской, Новозыбковской и Гомельской был представлен на Второй Всероссийской ноябрьской конференции меньшевистских комитетов. Гомельская организация с лета 1906 г. получила статус «окружной» и право создавать районы в своем составе [10, л. 2; 14, с. 368].

Сотрудничество гомельской организации РСДРП и Украинского Союза началось в конце 1906 г. Об этом писал в начале декабря того года тогдашний фактический руководитель ГК УСДС Юрий Ларин (М. Лурье) в письме к партийным организациям. Он сообщал: «Город Гомель просит управлять им» [4, л. 169 об.; 5, л. 2 об.]. В другом письме, датированном 8 декабря, Юрий Ларин писал: «К слову, Полтавский губернский союз вошел в Союз, а теперь принимаем Гомель» [5, л. 7 об.]. Гомельская окружная организация РСДРП была меньшевистской, чем и объяснялось ее сотрудничество с УСДС. Правда, один из руководителей последней Николай (М. Ткаченко) сообщал, что в Гомельском уезде работают большевики, «но достаточно безнадежно» [6, л. 8]. Итак, в декабре 1906 г. Гомельская меньшевистская организация вошла в УСДС, хотя в ее составе действовали и большевики.

Начиная с февраля 1907 г. в спилковских организациях происходила подготовка к V съезду РСДРП, в которой принимала активное участие Гомельская организация. В то время она насчитывала 254 социал-демократа [5, л. 206 об.]. Член ГК М. Ткаченко 27 февраля 1907 г. информировал другого члена руководящего органа и депутата Государственной думы И. Кириенко: «Подготовку к съезду уже начали, разослано два циркулярных письма и резолюции...» [6, л. 8]. В письме сообщалось, что послали одного «хорошего» человека в Гомель [6, л. 8]. Впоследствии Спилка неоднократно направляла работников для партийной работы в Гомельскую организацию [5, л. 225].

В деятельности гомельских социал-демократов случались неудачи. 25 марта 1907, как сообщал помощник начальника Могилевского ГЖУ в Гомельском, Богачевском и Быховском уездах в Департамент полиции, жандармам удалось задержать делегатов конференции Спилки «гомельского района», в которой принимали участие тринадцать человек [2, л. 110]. Среди задержанных оказались: представитель ГК УСДС К. Антоник [2, л. 110; 3, л. 6, 11, 16]; М. Николаев, принимавший участие в создании новых социал-демократических организаций в Гомельском уезде и прилегающей части Черниговской губернии [2, л. 110, 110 об.], киевский студент-юрист В. Макаров, а также местные деятели: Л. Драгунский – в 1905 г. «участник манифестаций и агитатор»; А. Лифшиц – один из «выдающихся организаторов еврейской самообороны» в Гомеле; С. Гинзбург – «убежденный социал-демократ», на конференции представлял городских рабочих; Р. Вилькен – «был представителем железнодорожников, имея 20 голосов»; Т. Савченко, слесарь гомельского железнодорожного депо, представитель железнодорожников; П. Коробочкина – дочь гомельского купца [2, л. 110 об., 111].

В конце мая – начале июня 1907 г. охранка арестовала нескольких ведущих деятелей ГК УСДС, в результате чего получила около 200 зашифрованных адресов, которые касались многих организаций ее области, в том числе и гомельской [5, л. 28 об., 29, 34 об., 39 об.]. Указанные адреса стали основанием для обысков и арестов. Начался период реакции и кризиса Спилки.

Руководящий орган УСДС стремился сохранить организацию в условиях перманентных репрессий и разработал проект устава, который рассматривал на своем заседании 18 июля 1907 г. В частности, указанный организационный документ предусматривал разделение области УСДС на тринадцать районов, которые охватывали украинские губернии, а также отдельный «гомельский район» [21, с. 386].

Благодаря перлюстрации писем тайная полиция была достаточно информирована о деятельности УСДС и трудностях, с которыми сталкивались социал–демократы, в частности в «гомельском районе». Гомельские товарищи сообщали о почти полном прекращении работы [7, л. 27, 31]; недостатке работников и невозможности послать человека на областную конференцию [7, л. 27]; отсутствие работников и литературы, а, следовательно, и «постоянной систематической работы» [7, л. 31].

ГК Союза, несмотря на ограниченные возможности, реагировал на запросы гомельских товарищей. «Полученные листки (прокламации – А.Ф.) для крестьян, а также для рабочих на сахарных заводах. Вы можете присылать за ними [людей]», – информировала исполняющая обязанности секретаря Надя. Она просила также социал-демократов из Гомеля о материальной поддержке руководящего органа и посылала адреса для писем и денег [7, л. 90]. Итак, несмотря на репрессии, деятельность социал-демократов не прекращалась.

После самороспуска ГК УСДС, с октября 1907 по март 1908 г., руководящую роль играла Центральная группа Спилки (ЦГС) [21, с. 392, 409]. В письме от 11 февраля 1908 г. секретарь ЦГС Константин сообщал гомельским социал–демократам адрес новой явки и пароль, а также приглашал приехать в Киев за «крестьянским листком» и библиотечкой [8, л. 37, 37 об.].

По состоянию на конец апреля 1908 г. в район Гомельского окружного комитета РСДРП, по данным тайной полиции, входили также Новозыбков и Клиницы. Охранке были известны члены гомельского комитета Р. Каган, студент Шолм, К. Рабинович, С. Гинзбург и бывшие рабочие мастерских Либаво-Роменской железной дороги В. Баранов и М. Одинцов [2, л. 110].

О тяжелом положении «Гомельского отделения Украинской организации «Спилка»» в январе 1909 г. начальник Могилевского ГЖУ довольно подробно информировал Департамент полиции МВД Российской империи [8, л. 182].

Попытку преодолеть кризис в УСДС, наладить сотрудничество и оживить работу спилковских организаций сделала группа деятелей во главе с М. Меленевским (Баском), которые оказались в эмиграции. Они инициировали издание от имени Спилки газеты «Правда» (октябрь 1908) и привлекли к этому делу известного социал–демократа Л. Троцкого. Объявленная внефракционная идейно-политическая линия газеты стала предметом критики со стороны деятелей Заграничной группы Спилки (ЗГС), которую возглавлял провокатор И. Барановский (Антип). Члены ЗГС считали, что редколлегия газеты не отражает меньшевистской «физиономии» УСДС и не получила мандат на издание газеты от ведущих спилковских организаций. Созванная 18–20 января 1909 г. по инициативе Антипа конференция Спилки постановила не считать газету «Правда» своим органом. Присутствовавший на форуме гомельский делегат был солидарен с такой позицией [21, с. 410–432; 9, л. 32 об., 33]. Указанная конференция не способствовала консолидационной политике «Правды» и приводила к углублению раскола в РСДРП.

Весной 1909 г. еще наблюдалось определенное сотрудничество руководства Украинской Спилки с гомельскими социал–демократами [1, л. 137]. В то же время, все свидетельствовало, что деятельность гомельской социал–демократической организации РСДРП в составе УСДС шла к упадку.

Источники и литература

1. Центральний державний історичний архів України, м. Київ (ЦДІАК України). – Фонд 275. – Оп. 2. – Спр. 46.
2. ЦДІАК України. – Фонд 276. – Оп. 1. – Спр. 3.
3. ЦДІАК України. – Фонд 276. – Оп. 1. – Спр. 93.
4. ЦДІАК України. – Фонд 301. – Оп. 2. – Спр. 14.

5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд 102 ДП ОО. 1907 г. – Оп. 237. – Д. 8, ч. 1.
6. ГАРФ. – Фонд 102 ДП ОО. 1907 г. – Оп. 237. – Д. 8, ч. 2.
7. ГАРФ. – Фонд 102 ДП ОО. 1907 г. – Оп. 237. – Д. 8, ч. 3.
8. ГАРФ. – Фонд 102 ДП ОО. 1908 г. – Оп. 238. – Д. 8, ч. 1.
9. ГАРФ. – Фонд 102 ДП ОО. 1909 г. – Оп. 239. – Д. 8, ч. 1.
10. Российский государственный архив социально-политической истории. – Фонд 278. – Оп. 1. – Д. 714.
11. Революционная борьба в Гомельской губернии. Исторические материалы. – Гомель: Государственное изд-во, 1921. Вып. 1. – 175 с.
12. Революционные события в Гомеле и Гомельской области в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. Сб. док. и мат. / сост. А. И. Коробочко, С. И. Лерман, А. Д. Патыко. – Гомель: Гомельский областной краеведческий музей, 1955. – 214 с.
13. Головченко, В. І. Від «Самостійної України» до Союзу визволення України. ариси з історії української соціал-демократії початку ХХ ст. / В. І. Головченко. – Харків: Майдан, 1996. – 190 с.
14. Гомель. Энциклопедический справочник. – Минск: Белорусская советская энциклопедия, 1991. – 528 с.
15. Касьянов, Г. В. Українська інтелігенція на рубежі ХІХ–ХХ століть: соціально-політичний портрет / Г. В. Касьянов. – Київ: Либідь, 1993. – 176 с.
16. Коробочко, А. И. Революционное движение в Гомеле и Гомельской области в годы Первой русской революции / А. И. Коробочко, С. И. Лерман. – Гомель: Гомельский областной краеведческий музей, 1955. 31 с.
17. Курас, І. Ф. Повчальний урок історії. (Ідейно-політичне банкрутство Української соціал-демократичної робітничої партії) / І. Ф. Курас. – Київ: Політвидав України, 1986. – 185 с.
18. Лавров, Ю. П. Виникнення і діяльність українських політичних партій / Ю. П. Лавров // «Українське питання» в Російській імперії (кінець ХІХ – початок ХХ ст.) Колективна наукова монографія в трьох частинах / відп. ред. В. Г. Сарбей. – Київ: Інститут історії України, 1999. – Ч. 2. – С. 248–444.
19. Палітычныя партыі Беларусі. Дапаможнік для вывучаючых гісторыю Беларусі. – Мінск: Згода, 1994. – 262 с.
20. Риш, А. Очерки по истории украинской социал-демократической «Спилки» / А. Риш. – Харьков: Пролетарий, 1926. – 141 с.
21. Федьков, О. Українська соціал-демократична спілка: у пошуках ідейно-політичної ідентичності / О. Федьков. – Кам'янець-Подільський: Кам'янець-Подільський національний університет імені Івана Огієнка, 2017. – 600 с.

УДК 316.647.8=162.1:821.161.3–1/–3*Я. Купала

А. М. Кротаў
Гомельскі дзяржаўны
ўніверсітэт імя Ф. Скарыны

ВОБРАЗ ПАЛЯКА Ў ТВОРАХ Я. КУПАЛЫ

Аўтар аналізуе вобраз паляка, створаны Я. Купалам у яго творах. Ён робіць выснову, што гэты вобраз увабраў у сябе, праз запазычанні з фальклору, некаторыя рысы беларускага стэрэатыпу паляка, і развіваўся Я. Купалам у сатырычным кірунку, заданым В. Дуніным–Марцінкевічам. Гэта садзейнічала змякчэнню стаўлення беларусаў да палякаў, хаця і ішло ўразрэз з агульнай практыкай стварэння выключна негатыўнага вобраза паляка, які выкарыстоўваўся ў ідэалагічна-прапагандысцкіх мэтах.

На сённяшні дзень выйшла даволі шмат публікацый, прысвечаных беларускаму стэрэатыпу (або стэрэатыпізаванаму вобразу) паляка. Аднак гэта не значыць, што дадзены аб'ект навуковага даследавання поўнасьцю вывучаны і такой навуковай праблемы больш не існуе. Галоўная прычына перманентнай навуковай актуальнасці імагалагічнага даследавання беларускага стэрэатыпу паляка заключаецца ў асаблівасцях самога стэрэатыпу, які не вельмі “ўкладваецца” ў аксіёму, адпаведна якой усе нацыянальныя аўтастэрэатыпы – пазітыўныя, а ўсе нацыянальныя стэрэатыпы іншых (чужых) – негатыўныя.

Гісторыка-імагалагічны даследаванні беларускага стэрэатыпу паляка звычайна грунтуюцца на традыцыйных для гістарычнай навукі крыніцах. Аднак, улічваючы спецыфіку аб'екта вывучэння, было б несправядліва выключыць з базы крыніц беларускую мастацкую літаратуру, якая, як і ўсякая іншая нацыянальная літаратура, насычана вобразамі і стэрэатыпамі, якія адлюстроўваюць асаблівасці ўспрымання беларусамі прадстаўнікоў іншых (чужых) этна-нацыянальных груп. Пошукі ў ёй элементаў беларускага стэрэатыпу паляка ўяўляюцца вельмі перспектыўнымі.

Складанасці ва ўспрыманні народамі адзін аднаго робяцца асабліва прыкметнымі ва ўмовах канкурэнцыі, канфлікту. Таму лічыцца, што беларуска-польскія адносіны пагоршыліся на мяжы 1910-х – 1920-х гг., калі “адроджаная з попелу” Польшча, паквапіўшыся на лёгкую здабычу, захапіла Заходнюю Беларусь і ператварыла мільёны беларусаў у сваіх падданных. Стаўшы грамадзянамі “другога гатунку”, адчуўшы на сабе нацыянальны прыгнёт і паланізатарскія уплывы, яны глядзелі на палякаў, мякка кажучы, не праз “ружовыя акулеры”. У Савецкай Беларусі, улічваючы фактар палітычнага і ідэалагічнага супрацьстаяння, наогул быў узяты курс на стварэнне вобраза паляка-ворага.

Беларускі стэрэатып паляка, які быў створаны ў час польскага панавання на Беларусі, пасля падзелаў Рэчы Паспалітай страціў сваю палітычную актуальнасць і нібыта знік. Аднак у цікавчы нас час ён быў рэінкарнаваны намаганнямі беларускіх палітыкаў, грамадскіх дзеячаў і дзеячаў культуры, якія, карыстаючыся гістарычным момантам, узяліся за справу дзяржаўнага будаўніцтва. Падаецца, што да стварэння стэрэатыпізаванага вобраза паляка ў гэты час павінен быў мець непасрэднае дачыненне адзін з класікаў і заснавальнікаў новай беларускай літаратуры – Янка Купала.

У сваіх творах ён раскрываў асаблівасці светаўспрымання беларуса, яго спадзяванні і пачуцці. У адрозненне ад Якуба Коласа, творчасць якога была рэалістычнай, Я. Купала відавочна аддаваў перавагу духоўнаму, хаця вобраз беларускага мужыка (узгадаем, хаця б, яго пафасны верш «Мужык»), тэма сацыяльнага прыгнёту, беднасці і галечы, горкай сялянскай долі, прынамсі ў ранняй яго творчасці, праяўляла сябе даволі выразна.

Між тым, нельга сказаць, што Іван Дамінікавіч Луцэвіч (Я. Купала) па сваёй існасці быў селянінам, хаця бацька яго, нягледзячы на сваё шляхецкае паходжанне, па сутнасці належаў да ліку безземельных сялян і вымушаны быў арандаваць зямлю. Пасля смерці бацькі ў 1902 г. Янка працаваў хатнім настаўнікам, пісарам у абшарніцкім маёнтку, аканомам... Кім ён сам сябе лічыў – невядома. Хутчэй за ўсё знаходзіўся ў стане самавызначэння. Гэта тычылася і самавызначэння этна-нацыянальнага. Дарэчы, у анкеце прызыўніка Луцэвіча Івана Дамінікавіча, выяўленай у Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі, акрамя яго рымска-каталіцкага веравызнання, была ўказана яго нацыянальнасць (як ён сам яе ў той час вызначаў) – рускі [1].

На гэтым жыццёвым этапе Я. Купала вялікі ўплыў на фарміраванне яго асобы аказалі Зыгмунт Бернардавіч Чэховіч (Чэховіч–Ляхавіцкі), які быў адным з кіраўнікоў паўстання 1863–1864 гг. у Паўночна-Заходнім краі, і прафесар Імператарскай рымска-каталіцкай духоўнай акадэміі ў Пецярбургу Браніслаў Ігнатавіч Эпімах–Шыпіла [2]. З Чэховічам, які жыў у маёнтку Малыя Бесяды (зараз Лагойскі раён, Мінскай вобласці), Я. Купала пазнаёміўся, калі жыў у 1895–1904 гг. па суседству ў фальварку Селішча [3, с. 196–222.]. Чэховіч, які быў бібліяфілам, стварыў у Малых Бесядах вялікую бібліятэку, якой на працягу

амаль пяці гадоў карыстаўся Купала. Б. Эпімах–Шыпіла, з’яўляючыся адным з лідэраў беларускага грамадска-палітычнага жыцця ў Пецярбургу, моцна пасадзейнічаў развіццю нацыянальнай самасвядомасці Я. Купалы ў час яго знаходжання ў сталіцы [2].

Першыя творы Я. Купалы – лірычныя вершы, апублікаваныя ў 1903–1904 гг., былі напісаны, як вядома, на польскай мове. Першы ж верш на беларускай мове («Мая доля») выйшаў у сярэдзіне 1904 г. У гэты час паэт развіваў на фальклорнай аснове тэму сацыяльнай несправядлівасці і абшарніцкага прыгнёту. Паколькі ўлада была расійскай, трэба думаць, што і абшарнікі паэтам меліся на ўвазе не толькі польскага паходжання. Хаця ў Я. Купалы былі сур’ёзныя прэтэнзіі да царызму, рускіх паэт нідзе не называў прыгнятальнікамі беларусаў. Таксама ён нідзе не называў прыгнятальнікамі і палякаў. Відавочна, што паэт не шукаў вінаватых сярод чужынцаў...

Так што паляк для яго быў проста суседам, які меў спецыфічныя якасці і прыкметы. І некаторыя з іх, прынамсі, імпанавалі маладому Я. Купалу. Палякі, насамрэч, з’яўляліся не толькі часткай сацыяльнай мазаікі Беларусі, але і важным фактарам грамадскага, гаспадарчага жыцця на розных яго ўзроўнях, у тым ліку і на ўзроўні культурна-бытавым. І з гэтым трэба было лічыцца... У вершы «Любімось, мае суседзі!» (1905–1907 гг.), апублікаваным у зборніку «Жалейка» (Пецярбург, 1908 г.), Я. Купала заклікае суседзяў: «Любімось, мае суседзі! / Кіньма сваркі, звадкі; / Жыйма, як родныя дзеці / Адной нашай маткі!» [4]. Як вядома, суседзі бываюць рознымі. І менавіта на чалавечых, а не нацыянальных якасцях палякаў паэт факсуе свой погляд. Напрыклад, у вершы «Паніч і Марыся» (1905–1907 гг.), апублікаваным у «Жалейцы», паляк прадстае ў вобразе панскага сына, з якім Марыся «каратае ночы». Яна не чуе «матчыных маралёў» і «ляціць на спатканьне к панічу ўдалому» [5]. Фінал прадказальны: «Панічу з паненкай, / З багатай Амэляй, / Ужо рукі хусткай / Ксёндз вяжа ў касьцёле», а «Панічова любка, / Марыся, /...На прылёты бусла / Сьлёзна паглядае» [5]. Відавочна, што тут справа ідзе не аб тым, што паляк – заўжды дрэнны, а аб маральнай адказнасці маладых людзей за свае паводзіны і ўчынкі.

У п’есе «Раскіданае гняздо» Я. Купала зноў малюе вобраз маладога Паніча – разбешчанага, нікчэмнага маладога чалавека, які сагнаў сям’ю Зяблікаў з зямлі, загадаў разбурыць іх хату, зняславіў маладую дзяўчыну – Зоську [6]. Але гэта не адзіны яго грэх. На яго сумленні смерць галавы сям’і – Лявона Зябліка. Не здолеўшы даказаць свайго права на ўладанне зямлёй, знясілены царскім судом, ён наклаў на сябе рукі. Акрамя Паніча ў п’есе ёсць і іншыя адмоўныя персанажы – падкупленыя і споеныя сведкі на судзе, якія далі хлуслівыя паказанні, судзейскія чыноўнікі, якія ганебна абараняюць інтарэсы тых, хто мае грошы і ўладу. Размова ідзе аб дрэнных, прагных, несумленных людзях, безадносна да іх нацыянальнай прыналежнасці, аб несправядлівасці, якую яны чыняць.

Менавіта сацыяльную падаплёку можна разгледзець і ў іншым творы Я. Купалы – «Бандароўне» [7], заснаваным на фальклорных матэрыялах. У аснову сюжэту паэмы, дзеянне ў якой адбываецца на Украіне, пакладзены народныя песні пра прыгажуню Бандароўну, забітую панам Патоцкім, які «З сваёй хеўрай гаспадарыць / Над бедным народам / Дзе заедзе, банкятуе / Сам ён, яго варта; / Ні старому, ні малому / Не спускае жартаў. / Калі ж дзе ўпадзе ў вока / Хараство дзявоча, – / Абняславіць, абнячэсціць, / Бацьку плоне ў вочы. / Стогне змучана Украіна, / К небу шле пракляцце, / Ды Патоцкага збаўляе / Хеўра і багацце» [7]. Адказам на такое «гаспадаранне» стала паўстанне ўкраінскага казачства: «Бандарэнка сходы кліча, / Ёсім аб крыўдзе кажа; / Войска сільнае збірае, / Роўна сіле ўражай. / Задымелі у пажарах / Панскія сялібы, / Палілася кроў ракою / На лугі, на скібы» [7]. Менавіта хто з Патоцкіх стаў пратапыпам пана Патоцкага ў «Бандароўне», які ў народнай памяці застаўся жудасным злыднем, – можна толькі здагадацца. У паэме нават не гаворыцца аб тым, што Патоцкія – польскі род (шляхецкі, а пазней графскі). Размова ідзе пра барацьбу ўкраінскага народа супраць сацыяльнага прыгнёту, не акцэнтуючы ўвагу на тым, што ён польскі: «Шмат цярпець народ умее, / Ёмее ж і памсціцца» [7].

У камедыі “Паўлінка” (1913 г.) [8] і сатырычнай трагікамедыі “Тутэйшыя” (1922 г.) [9] Я. Купала працягвае працу над сатырычным вобразам паляка, распачатую Вінцэнтам Дуніным–Марцінкевічам у “Пінскай шляхце”. У “Паўлінцы” адным з цэнтральных вобразаў з’яўляецца пан Адольф Быкоўскі, сватанне якога да галоўнай гераіні, Паўлінкі, выклікае ў апошняй спачатку іронію і смех, а потым – пагарду. Імкнучыся прадэманстраваць перад гасцямі і Паўлінкай сваю “вышэйшасць” і “разумнейшасць”, Быкоўскі адкрыта пагарджае ўсім “мужыцкім”. Поўны гонару і фанабэрыстасці, упэўнены ў сабе, ён не разумее таго, што амаль усе героі адкрыта кпяць з яго. Выскокваючы са скуры, Быкоўскі спрабуе падкрэсліць сваю “панскасць”, у выніку чаго выглядае абсалютна нікчэмным. І бацька Паўлінкі, які хацеў мець Быкоўскага сваім зяцем, з ганьбаю выганяе яго са сваёй хаты [8].

У “Тутэйшых” Я. Купала прадстаўляе яшчэ адзін сатырычны персанаж – Заходняга вучонага, у якім па апісанню (“носіць польскі строй – кунтуш і «канфедэратку», барада голеная, вусы завесістыя” [9]) і мове, на якой ён размаўляе, чытач знаёміцца з яшчэ адной разнавіднасцю паляка – палякам–вучоным, інтэлігентам. Дарэчы, ён “дзеінічае” напару з не менш сатырычным персанажам – Усходнім вучоным, у якім без цяжкасцей можна распазнаць расійскага вучонага. Абодва яны шукалі “праўдзівых тыпаў беларускіх” [9]. Ступень іроніі і яе характар, увасобленая Я. Купалам у гэтых персанажах, была абсалютна аднолькавай. Таму можна сказаць, што калі аўтар і хацеў аздобіць вобраз паляка новымі негатыўнымі рысамі, то роўна ў той жа ступені, у якой ён хацеў аздобіць такімі ж рысамі вобраз рускага.

Сам Я. Купала, як можна заключыць, аналізуючы яго жыццёвы шлях, ставіўся да палякаў і польскасці вельмі пазітыўна. Польскія ўплывы, як ужо ўзгадвалася, аказалі вялікае ўздзеянне на фарміраванне яго асобы, не трансфармуючы яе, але садзейнічаючы гарманічнаму развіццю. Безумоўна, у яго былі свае шчырыя перакананні наконт ролі палякаў у грамадска-палітычным, гаспадарчым і культурным жыцці Беларусі, але імі ён, улічваючы тое, у якой сістэме сацыяльна-палітычных каардынат яму прыходзілася жыць, наўрад ці з кім–небудзь мог падзяліцца.

У гэтай сувязі можна згадаць адзін факт з жыцця самога Я. Купалы... У свой час вядомы беларускі гісторык Віталь Скалабан знайшоў у Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь нататкі, якія мелі заглавак «Перад вайной. Паездка ў Вільню», аўтарам якіх, як устанавіў В. Скалабан, з’яўляўся сакратар ЦК КП(б)Б па прапагандзе і агітацыі Ц. С. Гарбуноў. У іх распавядалася аб знаходжанні ў Вільні ў маі 1941 г. афіцыйнай дэлегацыі партыйных работнікаў і навуковых спецыялістаў з Мінска, у якую для важнасці ўключылі Я. Купалу і Я. Коласа. Гарбуноў адзначыў, што члены беларускай дэлегацыі ў рамках складзенай літоўцамі культурнай праграмы не наведвалі, напрыклад, канцэрты чырвонаармейскага ансамбля песні і танца, які выступаў у Вільні, а некалькі чыгнуліся да рэстаранна-кафэшантаннай субкультуры” [10]. Блізкасць членаў дэлегацыі да польскасці, як лічыў Гарбуноў, праявіла сябе выразна. У прыватнасці, ён піша: “Вечарам нас запрасілі паслухаць літоўскую оперу... Купала зусім запратэставаў: «Не пайду я слухаць гэтых літоўцаў. Яны спяваюць, як ламаныя трубы. Вось лепш паглядзець на полек. У іх і галасок лепш, і адзенне прыемней». Усё ж мы ўгаварылі Купалу і паехалі ў оперу. Паехалі і горка пакаяліся... Затое ў наступны вечар нагналі – нас запрасілі ў польскую оперэту... Можна было бачыць старых (Купалу і Коласа – А. К.), у якіх ад задавальнення сцякала сліна...” [10]. Найбольш недабранадзейным быў Я. Купала, якога зорка польскай оперэты Ганка Ардонуўна падчас зносін з членамі дэлегацыі ў антракце, як піша Гарбуноў, называла «наш Янко»...» [10].

Такім чынам, вобраз паляка, створаны Янкам Купалам у сваіх працах, ўвабраў у сябе праз запазычанні з фальклору некаторыя рысы беларускага стэрэатыпу паляка, які меў негатыўны характар. Аднак далей ён развіваўся Я. Купалам у сатырычным кірунку, заданым В. Дуніным–Марцінкевічам. Гэта садзейнічала змякчэнню стаўлення беларусаў да палякаў,

хаця і ішло ўразрэз з агульнай ідэалагічна-прапагандысцкай практыкай стварэння выключна негатыўнага вобраза паляка прадстаўнікамі “незалежніцкага” кірунку беларускай грамадска-палітычнай думкі, а яшчэ больш, – працаўнікамі “ідэалагічнага фронту” ў Савецкай Беларусі.

Крыніцы і літаратура

1. Зенина, Т. Отсрочка на 13 лет / Т. Зенина // Советская Белоруссия. – 2006. – 8 июня. – С. 9.
2. Лойка, А. Як агонь, як вада [Электронны рэсурс] / А. Лойка // Беларуская Палічка: беларуская электронная бібліятэка. – Рэжым доступу: https://knihi.com/Aleh_Lojka/Jak_ahon,_jak_vada.html –Дата доступу: 14. 04. 2020.
3. Кісялёў, Г. Радаводнае дрэва: Каліноўскі – эпоха – наступнікі / Г. Кісялёў. – Мн.; Мастацкая літаратура, 1994. – 304 с.
4. Купала, Я. Любімось, мае суседзі! [Электронны рэсурс] / Я. Купала // Купала, Я. Жалейка. – Рэжым доступу: <http://rv-blr.com/literature/2663> – Дата доступу: 14.04.2020.
5. Купала, Я. Паніч і Марыся [Электронны рэсурс] / Я. Купала // Купала, Я. Жалейка. – Рэжым доступу: <http://rv-blr.com/literature/2663> – Дата доступу: 14.04.2020.
6. Купала, Я. Раскіданае гняздо [Электронны рэсурс] / Я. Купала // Беларуская Палічка: беларуская электронная бібліятэка. – Рэжым доступу: http://knihi.com/Janka_Kupala/Raskidanaje_hniazdo.html – Дата доступу: 14.04.2020.
7. Купала, Я. Бандароўна [Электронны рэсурс] / Я. Купала // Беларуская Палічка: беларуская электронная бібліятэка. – Рэжым доступу: http://knihi.com/Janka_Kupala/Bandarouna_9t.html – Дата доступу: 14.04.2020
8. Купала, Я. Паўлінка [Электронны рэсурс] / Я. Купала. – Рэжым доступу: <https://www.rulit.me/books/pavlinka-read-169600-7.html> – Дата доступу: 13.04.2020
9. Купала, Я. Тутэйшыя [Электронны рэсурс] / Я. Купала // Беларуская Палічка: беларуская электронная бібліятэка. – Рэжым доступу: https://knihi.com/Janka_Kupala/TutejsVja.html – Дата доступу: 13. 04. 2020
10. Крапивин, С. Янка Купала и Ганка Ордонувна: предвоенное свидание в Вильно [Электронный ресурс] / С. Крапивин – Режим доступа: <https://news.tut.by/society/496257.html> – Дата доступа: 27. 02. 2020.

УДК 94 (477)1908/1920

А. И. Чуткий

Киевский национальный университет
имени Тараса Шевченко

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЭТНО-КОНФЕССИОНАЛЬНОГО И СОЦИАЛЬНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВЫХОДЦЕВ ИЗ БЕЛАРУСИ В СТУДЕНЧЕСКОМ КОНТИНГЕНТЕ КИЕВСКОГО КОММЕРЧЕСКОГО ИНСТИТУТА (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ВУЗА)

Выясняется этно-конфессиональное и классовое происхождение выходцев из Беларуси, которые в начале XX в. обучались в Киевском коммерческом институте. Объясняется сложность выделения представителей белорусского народа в результате их включения в широкую категорию «православных» и одновременно более четко идентифицируются представители польской и еврейской национальности, которые происходили из Беларуси. Исследование построено на основе архивных материалов, которые впервые вводятся в научный оборот и подтверждают этно-конфессиональную палитру населения Беларуси начала XX в. и влияние на него имперской политики.

Период конца XIX – начала XX в. стал знаковым в истории как Белоруссии, так и Украины. Именно в то время в Восточной Европе завершался промышленный переворот, утверждался капитализм [18, с. 147–182; 20, с. 601–683; 19, с. 440–467; 13, с. 83–131], что дополнялось развитием образования. При этом особую роль приобретало экономическое образование. Но процесс его развития в Российской империи тормозился, поскольку власть считала вузы рассадниками революции. Ситуация изменилась лишь во время демократической революции 1905–1907 гг. Используя уступки власти, выдающийся белорусский ученый М.В. Довнар–Запольский, который тогда жил в Киеве, в 1906 г. добился разрешения основать Высшие коммерческие курсы, которые с 1908 г. были реорганизованы в Киевский коммерческий институт (далее – ККИ) [17, с. 76–86, 108–137]. Он стал первым вузом экономического профиля в Украине и вторым в Российской империи. Учитывая географическую близость, в ККИ получили возможность обучаться также и выходцы из Белоруссии. Следовательно, изучая его преподавательские кадры и студенчество, можно выяснить, в какой мере выходцы из Беларуси (и из каких сословий) ориентировались на получение экономического образования, а значит и следовали новым трендам.

Тогдашняя статистика студенчества оперировала не этническим, а конфессиональным и сословным критериями. Это усложняет выделение среди студентов ККИ белорусов, поскольку они включались в группу «православные», которая до 1912 г. занимала вторую (а с 1912 г. первую) по численности группу студентов этого вуза. Не забываем, что основателем вуза был белорус М.В. Довнар–Запольский, а это неоспоримое доказательство понимания белорусами новых веяний.

Среди преподавателей ККИ был выявлен еще один выходец из Беларуси (скорее всего из немецких колонистов) – Оскар Андерсон. Он родился в 1887 г. в Минске «в семье преподавателя местной гимназии», высшее образование получил в Петербургском политехническом институте и в годы Первой мировой даже возглавлял департамент Министерства торговли и промышленности [1, л. 9, 5]. В октябре 1918 г. он был практически единогласно избран преподавателем ККИ по предмету математической статистики, при этом получил высокие отзывы о своих научных и практических качествах со стороны украинских ученых [1, л. 1, 5–8]. Сам Андерсон отметил в *curriculum vitae*, что не примкнул к большевикам и с 1918 г. работал в структурах украинского государства (заместитель председателя Украинской торговой палаты, а с июня 1918 г. вице–директор департамента внешней торговли Министерства торговли и промышленности) [1, л. 9 об.]. В декабре 1918 г. выяснилось, что он не приступил к преподаванию [1, л. 11], что можно пояснить очередным ухудшением ситуации в Украине. При этом, как видно из документов, он продолжал работать на своей должности уже при новой власти – Директории УНР [1, л. 14] – редкий пример, что имело место только в случае с настоящими профессионалами. Также Андерсон заявил о желании преподавать в ККИ [1, л. 16] и как видно из дальнейших документов – с весны 1919 г. (то есть уже при советской власти) приступил к преподаванию [1, л. 19]. Последний документ из его личного дела датирован 21.10.1919 г., то есть временем пребывания в Киеве денкинцев. Он являет просьбу о командировке в Ростов, куда его вызывал руководитель денкинского Управления торговли и промышленности «для занятия важной должности» [1, л. 21]. Поскольку на этом его личное дело в архиве ККИ заканчивается, то, следовательно, он выехал из Киева.

Еще одним сотрудником ККИ, который одновременно был и его выпускником и происходил из Белоруссии, был Николай Помазков. Он родился в 1889 г. в Киеве в семье крестьян, которые происходили из Климовичского уезда Могилевской губернии [2, л. 40а]. В 1908–1914 гг. он учился в ККИ а в 1914–1916 гг. работал смотрителем Музея товароведения при ККИ [2, л. 1–3]. Но эта личность мною уже исследовалась [14, с. 35–37]. Поэтому тут, в контексте новых материалов, отмечу, что факт вступления Н. Помазкова на работу в институт совпал с началом войны и должен рассматриваться как путь избегания мобилизации, что быстро приобрело распространение среди тогдашней молодежи. На

должности сотрудника Музея товароведения Н. Помазков проявил определенную энергию, в частности: составил отчет с пояснением истории и текущего состояния музея, а также совершал командировки по империи (даже к театру военных действий) с целью пополнения коллекций музея [2, л. 13–18]. А с конца 1915 г. он был избран преподавателем практических занятий по общему счетоводству [2, л. 23]. На его плечи выпала и тяжелая работа по эвакуации и реэвакуации имущества Музея товароведения в 1915–1916 гг. [2, л. 31–31об.]. Но вскоре он уволился по собственному желанию [2, л. 37]. В январе 1919 г. его единогласно избрали преподавателем фабрично-заводского счетоводства ККИ, на какой он проработал минимально до октября 1919 г. [2, л. 41, 48, 51], то есть и при «белых», и при «красных».

К категории «православных», происходящих из Беларуси, принадлежали и ряд выявленных лиц среди студентов ККИ. Так, Иван Осмоловский также был родом из крестьян Климовичского уезда Могилевской губернии, среднее образование получил в духовной семинарии и в 1912 г. даже успел поработать псаломщиком, но в начале 1913 г. подал прошение о зачислении студентом ККИ [5, л. 27, 30, 19, 33]. В январе 1916 г. он женился на учительнице сельской школы из Смоленской губернии [5, л. 21], что безусловно ухудшило его материальное положение и это подтверждается документами: осенью 1916 г. он просил руководство вуза о ссуде для оплаты за обучение. При этом в сопроводительном бланке И. Осмоловский сообщил, что он сирота «и до войны пользовался финансовой поддержкой брата, который в настоящее время призван как нижний чин и поэтому не может помогать мне» [5, л. 17] – яркое свидетельство негативного влияния войны. Главными статьями расходов он назвал плату за аренду квартиры в 30 руб. и еще 20 руб. тратил на питание, а среди источников дохода назвал 100 руб. от доставки материалов «для строительства подъездных путей в пределах Юго-Западного фронта» [5, л. 18].

Следующий выходец из Беларуси православного исповедания, Василий Роханский, также происходил из Климовичского уезда. При этом его мать значится католичкой, а крестная – гомельской мещанкой [4, л. 7], что увеличивает вероятность его местных корней. В ККИ он вступил в 1917 г. (что подтверждает факт контактов между обоими странами в тех сложных условиях), но уже в августе 1918 г. подал заявление об отчислении [4, л. 1].

Удалось выявить также представительницу прекрасного пола, которая была дочерью дворянина Могилевской губернии – Анастасия Вакар [11, л. 4–5]. Она вступила в ККИ в 1907 г. [11, л. 1] и обучалась до 1914 г. При этом ее отец, несмотря на чин генерал-майора и дворянство, был вынужден искать средства для оплаты ее обучения в институте [11, л. 30, 8], что дополнительно свидетельствует о кризисе дворянства. Также стоит отметить тот факт, что ей пришлось дважды вступать в ККИ в связи с непризнанием властью прав на диплом вузов для лиц, закончивших женские гимназии, даже несмотря на ее блестящие успехи в учебе [11, л. 18]. Это наглядно показывало абсурдность имперской системы образования.

Две другие этно-конфессиональные группы выходцев из Беларуси представляли еврейскую и польскую национальность, что соответствует этнической структуре населения Беларуси того периода. При этом евреев, которые происходили из Беларуси, в ККИ было много, что подтверждает факт особой роли еврейской общины в экономической жизни страны. В частности, мной уже изучался выходец из белорусских евреев и дед выдающегося советского актера и певца В. Высоцкого Вольф Высоцкий [16].

В этом контексте примечательна личность единственного выявленного на сегодня члена белорусского землячества студентов ККИ Ицко-Абеля Гинзбурга. Он родился в 1888 г. в г. Горки Могилевской губернии в семье местного купца 2-й гильдии, среднее образование получил в Горецком земледельческом училище (в 1903–1909 гг.) [12, л. 6, 2]. В составленном в конце учебы в ККИ жизнеописании И. Гинзбург сообщил деталь, которая характеризовала многих студентов-евреев этого вуза («до 14 лет получил домашнее образование» [12, л. 32]) и объясняет сохранение еврейской общиной своей национальной идентичности в условиях антисемитской политики империи. В 1910 г. он вступил в ККИ и несмотря на происхождение из купеческой семьи уже в 1912 г. просил про отсрочку платы за обучение из-за отсутствия

денег [12, л. 1, 11]. Весной 1915 г. он закончил ККИ и сразу вступил на должность агронома в Московской губернии [12, л. 63, 25]. Последнее было сделано как для получения своего источника дохода, так и для избегания мобилизации – явление, характеризующее большинство тогдашней молодежи [15], которое может рассматриваться как один из факторов, свидетельствующих о приближении развала Российской империи.

Следующий выявленный в архиве ККИ выходец из Беларуси еврейской национальности Залман Безсмертный родился в семье мещан Орши и в 1909 г. вступил в ККИ [10, л. 26]. Незадолго до окончания ККИ ему пришлось подавать прошение о разрешении остаться в числе действительных студентов [10, л. 17], поскольку согласно новому уставу ККИ на вуз распространялось ограничение процента евреев среди студентов [17, с. 212–213]. К счастью З. Безсмертного, администрация вуза пошла ему навстречу и в конце 1913 г. он закончил ККИ, но диплом был выписан лишь в ноябре 1917 г. [10, л. 80–81, 83]. Во время учебы он принадлежал к числу материально необеспеченных и зарабатывал на жизнь «уроками» [10, л. 17]. При этом сообщал, что главными статьями расходов были плата за наем квартиры (5 руб.) и питание (7 руб.) [10, л. 78], что согласно студенческой анкете 1913 г. характеризовало большинство студентов.

Еще один выявленный студент-еврей ККИ, происходящий из Беларуси, Гешель Ашкенози родился в купеческой семье в Минске, где в 1918 г. закончил реальное училище и в августе 1918 г. вступил в ККИ [3, л. 9, 3, 2]. Но к учебе он не приступил и в 1922 г. просил о возвращении своих документов через студента Киевского политехнического института Лазаря Бловштейна [3, л. 14].

К польской общине Беларуси принадлежали Станислав Коханович, Станислав Красницкий, Никодим Казимирович Яголковский и Вацлав Казимирович Якуцук.

С. Коханович происходил из католических поселян Гродненской губернии, хотя родился в г. Браилов Подольской губернии [8, л. 5]. В Украине же он получил и среднее образование, а в 1909–1914 гг. учился в ККИ [8, л. 14].

С. Красницкий происходил из дворян-католиков Гомельщины, и в 1913 г. поступил на учебу ККИ [9], но поскольку на этом его личное дело в архиве ККИ прекращается, то это означало что к учебе он не приступил.

Н. Яголковский и В. Якуцук происходили из Гродненской губернии – первый из дворян, второй из крестьян. Н. Яголковский подал прошение о поступлении в ККИ 5.09.1914 г. [6, л. 15, 1]. Начало войны сразу негативно отразилось на нем «в результате близости к месту моего проживания театра военных действий» и поэтому он просил про отсрочку платы за учебу «поскольку военные обстоятельства вызвали ненормальное положение в экономической жизни хозяйства» [6, л. 12, 13]. Когда же над ним нависла угроза мобилизации, то немедленно перешел в военное училище [6, л. 3, 10], чем засвидетельствовал свое нежелание воевать за империю. Относительно В. Якуца, то он вступил в ККИ в июле 1915 г., указав, что он «поляк» [7, л. 2, 12, 3] – интересная деталь, показывающая высокий уровень национального сознания также основной массы поляков, что не было характерно для остальных этносов региона. Уже в октябре 1915 г. он просил отпуск как работающий по обеспечению дорог в прифронтовой зоне [7, л. 4].

Таким образом, проведенное исследование засвидетельствовало, что особое значение экономической сферы характеризовало жителей южных, центральных и западных регионов Беларуси (особенно выделяется Климовичский уезд). Следовательно, именно они были лидерами экономической жизни страны. При этом в экономическую сферу направлялись представители разных сословных и этно-конфессиональных групп. Среди последних были как белорусы, так и евреи, поляки, что соответствует этнической палитре Беларуси начала XX в. Учитывая «не знаковость» выявленных лиц, полученные результаты могут быть применены к обществу в целом. А информация о влиянии Первой мировой войны поможет пополнить изучение этого события. Также наглядными есть тесные контакты между Украиной и Беларусью в исследуемый период в сфере образования.

Источники и литература

1. Государственный архив г. Киева. – Фонд 153. – Оп. 1. – Д. 6. – 21 л.
2. Государственный архив г. Киева. – Фонд 153. – Оп. 1. – Д. 111. – 56 л.
3. Государственный архив г. Киева. – Фонд 153. – Оп. 4. – Д. 215. – 15 л.
4. Государственный архив г. Киева. – Фонд 153. – Оп. 4. – Д. 4600. – 8 л.
5. Государственный архив г. Киева. – Фонд 153. – Оп. 5. – Д. 9404. – 33 л.
6. Государственный архив г. Киева. – Фонд 153. – Оп. 5. – Д. 9289. – 18 л.
7. Государственный архив г. Киева. – Фонд 153. – Оп. 5. – Д. 9322. – 20 л.
8. Государственный архив г. Киева. – Фонд 153. – Оп. 6. – Д. 637. – 32 л.
9. Государственный архив г. Киева. – Фонд 153. – Оп. 6. – Д. 642. – 6 л.
10. Государственный архив г. Киева. – Фонд 153. – Оп. 7. – Д. 204. – 85 л.
11. Государственный архив г. Киева. – Фонд 153. – Оп. 7. – Д. 290. – 121 л.
12. Государственный архив г. Киева. – Фонд 153. – Оп. 7. – Д. 456. – 104 л.
13. Повалихина, Т. И. История мировой экономики и международных экономических отношений / Т.И. Повалихина. – Минск: Современная школа, 2006. – 256 с.
14. Чуткий, А. Білоруські земляки М. В. Довнара-Запольскаго у стінах Київського комерційного інституту / А. Чуткий // Рэчыцкі край : да 150-годдзя з дня нараджэння Мітрафана Доўнара-Запольскага : зб. навук. арт. – Мінск: Беларуская навука, 2019. – С. 33–46.
15. Чуткий, А. І. Вища школа Києва в умовах Першої світової війни: ставлення студентів до мобілізації як індикатор лояльності до імперії / А. І. Чуткий // Гілея. – 2018. – Вип. 136 (№ 9). – С. 120–126.
16. Чуткий, А. І. Дзед Уладзіміра Высоцкага – студэнт Кіеўскага камерцыйнага інстытута / А.І. Чуткий // Беларускі гістарычны часопіс. – Мінск, 2013. – № 7 (168). – С. 25–32.
17. Чуткий, А. І. Київський комерційний інститут: витоки та історичний поступ: витоки та історичний поступ (1906–1920 рр.). / А. І. Чуткий. – Ніжин: Видавець ПП Лисенко М.М., 2013. – 524 с.
18. Экономическая история Беларуси. – Минск: Современная школа, 2007. – 392 с.
19. Экономическая история мира. Европа. – Т. 2 / Под общ. ред. М. В. Конотопова. – М.: Дашков и Ко, 2005. – 636 с.
20. Економічна історія України: історико-економічне дослідження. – Т. 1. – К.: Ніка-Центр, 2011. – 696 с.

УДК 94(477) «1917/1918»: 329.73

А. Б. Комарницький

Каменец-Подольський національний
університет імені Івана Огієнка, Україна

НАСЕЛЕНИЕ МЕСТЕЧЕК ПРИБЕЛОРУСКИХ УЕЗДОВ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ И УКРАИНСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕРИОД УКРАИНСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РАДЫ (1917–1918)

В статье характеризуется участие населения приграничных местечек Ковельского, Луцкого, Овручского, Ровенского уездов Волынской, Радомышльского уезда Киевской губернии в украинском национальном движении в период Украинской Центральной Рады. Отмечается, что местечковые жители активно включились в политическую жизнь, поддержали государственные начинания Центральной Рады, приняли участие в создании просветительских организаций, образовательных учреждений, вольного казачества, в

избирательном процессе. Автор отмечает, что важным фактором общественно-политической жизни местечек была деятельность еврейских общин. Часть представителей этой этнической группы поддержали украинское национальное движение.

Февральская революция, демократические сдвиги в центре вызвали в украинской местечковой среде, несмотря на всю ее сложность и противоречивость, революционное пробуждение населения к общественному труду и участия в политической жизни. Например, под влиянием революционных событий в марте 1917 г. состоялась массовая демонстрация рабочих, крестьян, учащихся и учителей семинарии местечка Коростышев [1, с. 309, 348]. Поддержку Центральной Раде и Генеральному секретариату выразили жители Горностайполя, отправив поздравительную телеграмму [21; 28, л. 215].

Одними из первых заметных вех Украинской революции были украинские национальные манифестации. Одно из таких мероприятий состоялось в Брусилове [39, л. 1об.]. В этом же местечке были проведены праздники «свободной Украины», «воли» [14], праздник памяти Т.Г.Шевченко [13]. В м-ку Иванков состоялась довольно интересная сцена. В апреле 1918 г. по приглашению местных украинских деятелей евреи приняли участие в Шевченковской манифестации. В колоннах, кроме последних, шли ... только 10 украинцев. Крестьяне отнеслись к этому мероприятию с улыбкой, назвав его «еврейской манифестацией» [48, с. 252].

Украинский возрождения в определенной степени охватило и рабочих. На многочисленных рабочих вече их участники выступали за демократические принципы избирательного права, свободу вероисповедания, союзов, собраний, 8-часовой рабочий день, выступали за немедленный выход из войны, повышение заработной платы, улучшение жилищных и бытовых условий и тому подобное. В частности, такие требования выдвигал рабочий класс м-ка Лугины. Кроме того, лугинчане 1 мая 1917 г. отпраздновали Международный день солидарности трудящихся [15, с. 376].

Демократические преобразования, которые начались на территории бывшей Российской империи сразу после свержения самодержавия, открыли новую страницу межэтнических взаимоотношений. Центральная Рада впервые в украинском общественно-политическом движении выработала четкую программу обеспечения равенства всех наций и народностей в УНР, удовлетворения культурно-национальных, религиозных и других потребностей национальных меньшинств, заложила правовые основы демократической этнополитики [25, с. 84]. Украинский государственный деятель М. С. Грушевский верил, что через обеспечение евреям, русским, полякам права на национально-культурное самоопределение, беспощадное искоренение антисемитизма – «может уставиться твердое понимание, прочная солидарность и даже обоюдная дружба» между титульным этносом и нацменьшинствами [24, с. 44]. В частности, в Чернобыле 18 июня 1917 г. социал-демократ еврей Гуревич призвал евреев и украинцев к пониманию. Он «признавал все притязания украинских организаций справедливыми и предоставлял большой вес Центральной Раде, как наиболее весомой институции» [49]. 24 октября 1917 г. Генеральный секретарь по национальным делам А. Шульгин просил Коростышевскую волостную земскую управу удовлетворить просьбу главы местной еврейской общины Арона Раткера об открытии в праздничные и выходные дни еврейских магазинов для «налаживания добрых отношений между национальностями в свободной Украине и для обеспечения прав национального меньшинства» [41, л. 1об.]. Поддержку украинской власти выразили и местечковые евреи Брусилова [4].

Большой вклад в развертывание культурной работы в местечках делали культурно-просветительские общества «Просвита», которые ставили целью «просветить своих членов светом доброй науки и через знание повести их к лучшей общественной национальной жизни [8, арк. 85]». Активно работала Брусилловская «Просвита». Местные просветители выручку от проведения спектакля (400 руб.) потратили на пополнение библиотеки, подписку 6 газет и на открытие «Народного дома» [4; 12]. Собственно, такая работа принесла ожидаемые результаты. «Просвитяне» сыграли важную роль в подъеме национального

сознания местечкового населения. С Брусилова сообщали: «Трудно ладить с нашим темным людом. Но и этот забитый, запуганный народ начинает потихоньку прочумуватися от сна. Идет злехка, оглядываясь по сторонам, на встречу просветянам. А просветители зовут его к единению, к миру, к сумежному труду [14]». «Просвиты» работали также в Малине Киевской [26, с. 39], Лугины и Троянов Вольнской губерний [23].

Рост национального и политического сознания местечкового населения оказался и в их стремлении к открытию украинских национальных школ. Украинские гимназии открыли, например, в Малине и Чорнобыле [26, с. 39].

Свидетельством самоорганизации и роста гражданского и национального сознания местечкового населения было появление в его среде отрядов местной самообороны – Вольного казачества, поскольку местная милиция не могла справиться с «делом обороны, порядка и спокойствия крестьян». По нашим данным, сотни вольных казаков действовали в Брусилове [6], Коростышеве, Горностайполе [18, с. 65]. В таком сугубо украинском объединении участвовали и евреи. С. Петлюра, докладывая на заседании Центрального Совета 6 августа 1917 г. о ходе организации этих формирований, отметил, что «в ряде мест эти формирования состоят из представителей разных национальностей» [20, с. 39]. Однако, как установил исследователь В. Лободаев, учитывая национально-украинский направленность движения, присоединения к нему представителей нацменьшинств происходило редко и иногда временно [20, с. 40]. У местечках, по архивным данным, евреи становились вольными казаками только в Горностайполе [28, арк. 216зв.].

Удобное географическое расположение местечек в уездах, увеличение численности населения, активное участие в общественно-политической жизни позволяли поднимать вопрос о предоставлении им статуса уездных городов, например Чернобылю [6; 9, л. 1, 6–6об., 8; 32, л. 15], Иванкову [8, л. 16–16об., 23, 28об.], Фастову [10, л. 17]. Этой же проблемой озаботились чернобыльские просветители, которые верили, что их «Просвита» «в недалекой будучине должна быть уездной [22, л. 72]».

С началом национально-освободительной борьбы борьбу за влияние в местечковой среде (особенно среди крестьян) повели украинские политические партии, поскольку на февраль 1917 г. крестьянство оставалось не сплоченным. Партийные лидеры понимали, что без поддержки масс у них не будет возможности реализовать свою автономистскую концепцию. Наибольшего успеха в создании своих ячеек в провинции достигла УПСР. Наиболее ярко влияние украинских эсеров оказалось в создании крестьянских союзов. В частности, союзы были образованы в Брусилове [5] и Коростышеве [4].

Результаты проведенной партийной работы среди местечкового населения, его политические предпочтения и настроения обнаружили избирательные процессы 1917–1918 гг. В сентябре–октябре 1917 г. состоялись выборы в уездные и волостные земства. Анализ источников свидетельствует о низкой монолитности местечкового населения в земских избирательных гонках. Один из фастовских авторов заявлял, что «поскольку демократия к согласию не пришла, то на выборах будут конкурировать несколько списков [20]». Тогдашнее местечковое общество характеризовалось значительной активностью неукраинского элемента. В связи с этим историк В. Пискун замечал, что даже в городах и местечках, где преобладали украинцы, политическая активность представителей национальных меньшинств была выше и поэтому именно они были избраны в руководящие органы [22 с. 102]. Например, во многих местечках все высшие должности в местечковом управлении заняли евреи. Поэтому из разных мест поступали сообщения, что поскольку в местечках много евреев, «то, використашы свои голоса, могут получить много мест в земстве... Поэтому все нужно сделать, чтобы крестьяне собрали большинство голосов» [31, арк. 58]. Крестьяне отреагировали на это по-своему. Так, в Брусилове, во время выборов в волостное земство, они не пускали к избирательным урнам евреев, а инструктора чуть не избивали, потому что он, мол, «что-то не еврей» [3].

Все же в партийном отношении преимущество имели УПСР и крестьянский союз. Так, в местечку Вязовка весомую победу на выборах одержала крестьянский союз, который получил 21 место в волостном земстве из 38 [23, л. 28, 35об.].

В конце 1917 – начале 1918 г. состоялись выборы во Всероссийское и Украинское Учредительные Собрания, которые наглядно отразили то, какое место занимали тогда в общественно-политической жизни местечек основные политические партии. В этот период активизировали свою работу местные ячейки национальных политических партий. Их развитие происходило в острых межпартийных отношениях. Для тогдашней политической жизни еврейской общины характерна двухполюсная конфронтация. С одной стороны, еврейские социалисты, которые преобладали в органах законодательной и исполнительной власти УНР, с другой – сионистско-клерикальная большинство, царившей в еврейских общинах. Нельзя не согласиться с мнением современных украинских исследователей Г. Кривошеи и А. Калакура, что огромным просчетом Центральной Рады была ее односторонняя ориентация на левые, социалистические элементы нацменьшинств. Совет демонстративно отверг предложения о сотрудничестве с консервативными кругами, которые больше, чем социалистические, были готовы поддержать суверенитет Украины [16, с. 128], [19, с. 20]. По нашим данным, сторонники сионистов преобладали в большинстве еврейских местечковых общин. В м-ку Владимирцы Волынской губернии на общем собрании евреев, созванном 5 сентября 1917 г. местной сионистской организацией, высказывались за представительство в Центральной Раде широких слоев еврейского населения, поскольку бундовцы и объединенные еврейские социалисты не имели полномочий представлять всех украинских евреев [47, л. 5]. Среди других национальных политических сил отличались партийные ячейки Объединенной еврейской социалистической рабочей партии. Большая организация партии действовала в Березном [46, л. 37]. Бундовцы отличались в Коростышеве [45, л. 14, 15, 33] и Чернобыле [44, л. 211]. Активная работа ячеек еврейских политических организаций даст нужный результат, о чем расскажем ниже.

Ответственность за проведение выборов возлагалась на избирательные комиссии. Они образовывались из расчета 500–3000 избирателей на один участок с радиусом действия до 3 верст. В Радомышльском уезде, учитывая удаленность населенных пунктов друг от друга, выборы проводились путем поочередного передвижения избирательных ящиков [25, л. 8]. В этом уезде было 12 участков в 7 местечках [24, л. 108–110]. Более населенные местечка края имели по несколько избирательных участков. Например, в Чернобыле было 4 участка, Коростышеве – 3, Малин – 2 [24, л. 124,134].

Доступные нам архивные источники позволяют выяснить результаты выборов во Всероссийское Учредительное Собрание. Их результаты показали преимущество украинских социалистических партий, которые «проделали большую конструктивную работу, отбив своей пропагандой массы из-под влияния российских политических партий», прежде всего большевиков. Например, в местечках Радомышльского уезда за украинские партии здесь совокупно проголосовали 50,4% местечковых избирателей, еврейские – 34,9 %, польский список – 4,3 %, большевиков – 2,2% [16, с. 276]. В. Ленин, чтобы хоть как-то оправдать поражение большевиков, подчеркивал, что выборы состоялись тогда, когда подавляющее большинство народа не могло знать «всего объема и значения Октябрьской, советской, пролетарско-крестьянской революции [15, с. 54]».

По выборам в Украинское Учредительное собрание, то после разгона Всероссийского Учредительного Собрания для избирателей был характерный абсентеизм. Так, в 5-ти волостях северной части Радомышльского уезда выборы не состоялись из-за занятости населения грабежом водочных складов в местечку Хабно и с. Кухарях [2, с. 75].

В значительной степени это сказалось на результатах выборов. В местечках Радомышльского уезда полную победу одержали еврейские партии. Совокупно они набрали 57,9 % голосов, украинские – 29,1%, большевики – 4,7%, польский список – 0,8% [26, л. 5; 27, л. 4; 28, л. 3, 6, 9; 29, л. 3, 6; 30, л. 4, 7, 11, 14]. В то же время, в местечках

Луцкого уезда отрыв украинских от еврейских политических сил не был таким существенным. За первые из них проголосовали 36,9% местечковых избирателей, еврейские партии – 47,6 %, польские – 10,8 %, за большевиков – 1,4% [33, л. 4, 12, 25, 89, 112, 128; 34, л. 42, 63, 121об.].

Таким образом, украинское население активно включилось в политическую жизнь, поддержало государственные начинания Центральной Рады, приняло участие в создании просветительских организаций, образовательных учреждений, вольного казачества, в избирательном процессе. Важным фактором общественно-политической жизни местечек была деятельность еврейских общин. Часть представителей этой этнической группы поддержали украинское национальное движение.

Источники и литература

1. Верстюк, В. Ф. Український національно-визвольний рух (березень–листопад 1917 р.) / В. Ф. Верстюк // Укр. ист. журн. – К., 2003. – № 3. – С. 63–81.
2. Верстюк, В. Ф. Українська революція: доба Центральної Ради (закінчення) / В. Ф. Верстюк // Укр. ист. журн. – К., 1995. – № 6. – С. 66–78.
3. Вибори до волосного земства // Нова Рада. – 1917. – 29 вересня. – № 149. – С.3.
4. Вісти з краю. Вистава // Нова Рада. – 1917. – 16 вересня. – № 138. – С.3.
5. Вісти з краю. Зібрання селян в м.Коростишіві // Народня воля. – 1917. – 28 травня (10 червня). – № 20. – С.3.
6. Вісти з краю. Селянська спілка // Нова Рада. – 1917. – 29 листопада. – № 197. – С.3.
7. Вісти з краю. Справи Чорнобильщини // Нова Рада. – 1917. – 19 вересня. – № 140. – С.2.
8. Государственный архив Винницкой области. – Ф. Д.255. – Оп. 1. – Спр. 124.
9. Государственный архив Киевской области. – Ф. Р. 2796. – Оп. 1. – Спр. 107.
10. Государственный архив Киевской области. – Ф. Р. 2796. – Оп. 1. – Спр. 108.
11. Государственный архив Киевской области. – Ф. Р. 2797. – Оп. 1. – Спр. 193.
12. Дописи. м.Брусилів // Нова Рада. – 1917. – 6 серпня. – №107. – С. 4.
13. Дописи. м.Брусилів // Нова Рада. – 1918. – 22 березня (4 квітня). – № 49. – С. 4.
14. Дописи. м.Брусилів (на Київщині) // Нова Рада. – 1917. – 1 липня. – №77. – С. 4.
15. Історія міст і сіл Української РСР. Житомирська область. – К.: Гол. ред. УРЕ АН УРСР, 1973. – 728 с.
16. Калакура, О. Я. Ставлення польської меншини до УНР / О. Я. Калакура // Історія України: Маловідомі імена, події, факти. Збірник статей.– К.: Рідний край, 1999. – Вип. 5. – С. 126–135.
17. Кичий, И. В. Борьба за власть Советов на Правобережной Украине / И. В. Кичий. – Львов: Вища школа, 1986. – 152 с.
18. Комарніцький, О. Б. Містечка Волині та Київщини у добу Української революції 1917–1920 рр. / О. Б. Комарніцькій. – Кам'янець-Подільський: Аксіома, 2009. – 312 с.
19. Кривоший, Г. Ф. Етносоціальна база Української революції (березень 1917 – лютий 1918 рр.). Автореф. дис. канд. іст. наук... 07. 00. 01 / Г. Ф. Кривоший / Запорізький державний університет. – Запоріжжя, 1997. – 24 с.
20. Лободаєв, В. М. Українське Вільне Козацтво (1917-1918 рр.). Дис. канд. іст. наук...07.00.01 / В. М. Лободаєв / Київський національний університет ім. Тараса Шевченка. – К., 2001. – 216 с.
21. Одержано телеграфом привітання Центральної Українській Раді // Вісти з Української Центральної Ради. – 1917. – Квітень. – №3. – С.4.
22. Піскун, В. М. Четвертий Універсал і питання становлення територіальної цілісності Української держави / В. М. Піскун. // Історія України: Маловідомі імена, події, факти: Збірник статей. – К.: Рідний край, 1999. – Вип. 5. – С. 100–108.
23. По Україні. Вищі початкові школи // Нова Рада. – 1918. – 12 (25) жовтня. – № 196. – С. 3.

24. Політична історія України ХХ ст. : у 6 томах / Ред. кол. І. Ф. Курас (гол.), Ю. І. Шаповал, Ю. А. Левенець та ін. – Т.2: Революції в Україні: політико-державні моделі та реалії (1917–1920 рр.) / В. Ф. Солдатенко (кер.), В. Я. Верстюк. – К.: Генеза, 2003. – 488 с.
25. Рафальський, О. Національні меншини України у ХХ столітті. Історіографічний нарис / О. Рафальський. Ін-т політичних і етнонаціональних досліджень НАН України. – К.: Поліс, 2000. – 447 с.
26. Студінський, В. Історія Малина / В. Студінський, В. Тимошенко. – Малин: Берегиня України, 1993. – 112 с.
27. Фастов // Голос. – Фастов. – 1917. – 19 ноября. – № 14. – С. 3.
28. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее – ЦГАВОВУ Украины). – Ф. 811. – Оп. 1. – Спр. 1.
29. ЦГАВОВУ Украины. – Ф. 1115. – Оп. 1. – Спр. 12.
30. ЦГАВОВУ Украины. – Ф. 1115. – Оп. 1. – Спр. 49.
31. ЦГАВОВУ Украины. – Ф. 1115. – Оп. 1. – Спр. 50.
32. ЦГАВОВУ Украины. – Ф. 1156. – Оп. 1. – Спр. 7.
33. ЦГАВОВУ Украины. – Ф. 1156. – Оп. 1. – Спр. 22.
34. ЦГАВОВУ Украины. – Ф. 1176. – Оп. 1. – Спр. 2.
35. ЦГАВОВУ Украины. – Ф. 1176. – Оп. 1. – Спр. 6.
36. ЦГАВОВУ Украины. – Ф. 1176. – Оп. 1. – Спр. 8.
37. ЦГАВОВУ Украины. – Ф. 1176. – Оп. 1. – Спр. 9.
38. ЦГАВОВУ Украины. – Ф. 1176. – Оп. 1. – Спр. 13.
39. ЦГАВОВУ Украины. – Ф. 1871. – Оп. 1. – Спр. 1.
40. ЦГАВОВУ Украины. – Ф. 2581. – Оп. 1. – Спр. 20.
41. ЦГАВОВУ Украины. – Ф. 2592. – Оп. 1. – Спр. 31.
42. ЦГАВОВУ Украины. – Ф. 2985. – Оп. 1. – Спр. 2.
43. ЦГАВОВУ Украины. – Ф. 2985. – Оп. 1. – Спр. 3.
44. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее – ЦГАООУ Украины). – Ф. 1. – Оп. 20. – Спр. 54.
45. ЦГАООУ Украины. – Ф. 41. – Оп. 1. – Спр. 17.
46. ЦГАООУ Украины. – Ф. 41. – Оп. 1. – Спр. 91.
47. ЦГАООУ Украины. – Ф. 41. – Оп. 1. – Спр. 238.
48. Чериковер, И. Антисемитизм и погромы на Украине в период Центральной Рады и гетмана / И. Чериковер // Революция на Украине: по мемуарах белых. Состав. С. А. Алексеев. Под ред. Н. И. Попова. – Москва-Ленинград: Госиздат, 1930. – С. 239–276.
49. Як ставляться євреї до українського питання в Чорнобилі // Народноя воля. – 1917. – 25 червня (8 липня). – № 44. – С. 4.

УДК 930:94:342(476)«1918»

Р. Р. Лазько

Гомельські дзяржаўны
ўніверсітэт імя Ф. Скарыны

**АБ НЕАБХОДНЫХ ПАПРАЎКАХ У ГІСТАРЫЯГРАФІІ
ПРАЦЭСУ СТАНАЎЛЕННЯ БЕЛАРУСКАЙ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ
НА ПАЧАТКУ НАВЕЙШАГА ЧАСУ**

Разглядаюцца існуючыя ў гістарыяграфіі неабгрунтаваныя ацэнкі асноўных падзей працэсу фарміравання беларускай дзяржаўнасці з канца 1917 да пачатку 1919 г., на аснове сістэмнага аналізу гістарычных крыніц прадстаўлены іх аўтарскія версіі.

Гісторыя станаўлення беларускай дзяржаўнасці на пачатку навейшага часу (тут мы абмяжоўваем перыяд датай абвяшчэння БССР) была адным з накірункаў беларускай гістарыяграфіі, які развіваўся надзвычай інтэнсіўна на працягу апошніх дзесяцігоддзяў, адказваючы на існаваўшы грамадскі запыт на адпаведныя даследаванні. Аднак даводзіцца з жалем канстатаваць, што нягледзячы на з’яўленне апошнім часам якасных манаграфічных даследаванняў [1; 2], у “масавым вымярэнні” ўсё яшчэ значнае месца ў гістарыяграфіі займае пераказ нічым не абгрунтаваных моўных штампаў і спекулятыўных заключэнняў, якія істотна спрашчаючых гістарычны працэс. Прычыны гэтай з’явы розныя, хоць пераважае інерцыя мыслення, няздольнасць, а то і нежаданне асобных аўтараў пераадолець уплывы аўтарытэтаў, якія ў свой час не мелі магчымасці сыйсці з пракрустава ложка ленінска-сталінскай ідэалогіі. У гэтым артыкуле мы спынімся на найбольш дакучлівых з ліку такіх штампаў, якія, па нашым перакананні, не толькі могуць, але і павінны быць адкінуты на аснове праведзеных даследаванняў па адпаведнай тэматыцы.

У межах вызначанага перыяду першым у ліку такіх штампаў варта паставіць тэзіс аб самастойнай ролі Саўнаркама Заходняй вобласці і фронту ў разгоне Усебеларускага з’езда, скліканне якога, як вядома, было падтрымана ленінскім Саўнаркамам. Прыхільнікі гэтага тэзісу, даверліва паставіўшыся да меркаванняў асобных мемуарыстаў, абыходзяць увагай такія “пытальнікі” прадмета свайго даследавання, як існаваўшая ў сістэме савецкай улады субардынацыя і прынцып дэмакратычнага цэнтралізму, які вызначаў арганізацыйную будову бальшавіцкай партыі. Хіба яны не дзейнічалі для Саўнаркама Заходняй вобласці і фронту і абласной партыйнай арганізацыі? Але найбольш вульгарны з абазначаных намі гістарычных штампаў, генетычна праросшы з ідэалагічнай барацьбы супраць “буржуазнага нацыяналізму” – гэта сцвярджэнне аб тым, што “народ не падтрымаў” Усебеларускі з’езд, сцвярджэнне, якое яго сённяшнія прыхільнікі прыводзяць без спасылкі хоць бы на якую–небудзь гістарычную крыніцу. Яно расцягваецца і на Беларускаю Народную Рэспубліку (БНР), з той карэкціроўкай у некаторых аўтараў, што яе стваральнікі папракаюцца імі ў адыходзе ад рашэння Усебеларускага з’езда, у якім гаварылася аб аўтаномнай рэспубліцы ў складзе Расійскай Федэрацыі, а не аб самастойнай беларускай рэспубліцы. Працягваецца ідэалізацыя ўкладу ў абвяшчэнне Беларускай савецкай рэспублікі на мяжы 1918–1919 гг. Беларускага нацыянальнага камісарыята, якая сёння, ва ўмовах даступнасці адпаведных крыніц, выглядае анахранізмам [3, с. 108]. Гэта той мінімальны “набор” гістарыяграфічных ацэнак праблем станаўлення беларускай дзяржаўнасці, якія патрабуюць перагляду ў святле вынікаў навейшых даследаванняў.

Аргументацыю нашага закліку да такога наспеўшага перагляду лагічна будзе пачаць з пытання аб разгоне Усебеларускага з’езда як таго агульнанацыянальнага форума, на якім упершыню на практычны грунт была пастаўлена задача стварэння беларускай дзяржавы. Штампаванае ў шэрагу публікацый сцвярджэнне аб самастойнай і нават выключнай ролі Саўнаркама Заходняй вобласці і фронту ў правядзенні гэтай акцыі не абапіраецца на неабходнае вывучэнне крыніц з *улікам усяго гістарычнага кантэксту гэтай падзеі*. Уважлівы ўлік гэтага кантэксту прыводзіць да высновы, што разгон быў звязаны з канфліктамі ленінскага Саўнаркама з Украінскай Народнай Рэспублікай (УНР), і толькі ў гэтай сувязі ён набывае рацыянальнае вымярэнне. 3 снежня Саўнаркам адным і тым жа дакументам прызнаў УНР і выставіў ёй ультыматум, у якім пагражаў “без усялякіх ваганняў” аб’явіць ёй вайну, калі яна на працягу 48 гадзін не прыме наступныя патрабаванні: не здымаць украінізаваныя часці войск з фронту; не прапускаць без згоды Вярхоўнага Галоўнакамандуючага праз сваю тэрыторыю вайсковыя часці на Дон, на Урал; даць згоду садзейнічаць барацьбе з контррэвалюцыяй на Доне і спыніць разбройванне савецкіх часцей ва Украіне. 4 снежня ультыматум быў накіраваны Радзе. На наступны дзень Саўнаркам разгледзеў адказ на яго, прызнаў яго нездавальняючым і вырашыў, што Рада знаходзіцца ў стане вайны з Савецкай Расіяй [6, с. 7]. У гэты ж дзень Саўнаркам прызначыў наркама Ул. Антонова-Аўсеенку арганізатарам узброенай барацьбы супраць Рады.

У абстаноўцы расійска-украінскага кафлікту тэрыторыя Беларусі пераўтварылася ў важны плацдарм мабілізацыі і перамяшчэння сіл для барацьбы супраць украінскай Рады. Пасля размовы з Леніным Антонаў–Аўсеенка тэрмінова выехаў у Магілёў, дзе 7 снежня правёў нараду з кіраўнікамі Стаўкі і камандуючымі франтамі, на якой быў выпрацаваны план аперацыі. На гэтай нарадзе Мяснікоў адыграў выдатную ролю як галоўнакамандуючы Заходнім фронтам. Пазней гэта адзначыў Антонаў–Аўсеенка: “У Стаўцы дамовіўся з Мясніковым, – пісаў ён – што той выдзеліць адпаведныя сілы на гомельска-бахмачскі напрамак” [7, с. 50]. Гэта азначала – у раён Харкава, куды з Кіева адправіліся мясцовыя бальшавікі, каб стварыць там савецкі прарасійскі ўрад.

Адным з вынікаў нарады ў Стаўцы быў загад Глаўкаверха, у якім ён абвінаваціў Раду ў пераходзе на бок контррэвалюцыі і на гэтай падставе заклікаў “братоў-украінцаў” скінуць яе. Адначасова ён загадаў спыніць украінізацыю вайсковых часцей, а тым, якія ўжо ўкраінізаваліся, прадставіць на выбар: прызнаць уладу петраградскага Саўнаркама, адправіцца на фронт, або раззброіцца. Гэты ж ультыматум быў пастаўлены і ўсім існуючым у войску украінскім радам, якія падлягалі арышту, калі б адмовіліся прыняць яго [8, с. 262].

Такім чынам, рашэнне савецкага ўрада аб пераходзе да барацьбы з Украінскай Радай, падтрыманае рашэннямі Стаўкі, мела значэнне агульнага, а не толькі антыўкраінскага, павароту ў яго нацыянальнай палітыцы. Таму следам за сваім “антырадаўскім” загадам Крыленка выдаў дапаўненне да загаду № 12 ад 23 лістапада, у якім, спасылаючыся на дзеянні Рады, прыпыніў прадугледжаны тым загадам агульны працэс выдзялення нацыянальных часцей і забараніў нацыянальныя з’езды ў прыфрантавой паласе [9, с. 394, 471]. Праўда, кіраўнікі Заходняй вобласці і фронту не адважыліся даць гэтаму загаду зваротны ход і Усебеларускі з’езд працягваў працаваць. Але “дамоклаў меч” над ім быў занесены.

Вяртаючыся з нарады ў Стаўцы, Мяснікоў адправіў у Саўнаркам Заходняй вобласці і фронту тэлеграму, у якой патрабаваў прыняць рашучыя меры супраць франтавой і іншых украінскіх рад, устанавіць нагляд над штабам Першага польскага корпуса, спыніць арганізацыю нацыянальных палкоў і г. д. Змест гэтай тэлеграмы даўно вядомы даследчыкам па тэксту экстрэнна прынятай у яе духу пастановы Саўнаркама і прэзідыума Аблвыканзаха (хоць і датаванай публікатарамі памылкова). Мяркуем, што ў гэты ж час Мяснікоў адправіў з Магілёва яшчэ адну тэлеграму, вядомую толькі з газетнай публікацыі 1918 г., да нядаўняга часу недаступнай большасці гісторыкаў. Гэта была яго тэлеграма начальніку штаба Заходняга фронту па палітычнай частцы і начальніку Мінскага гарнізона П. М. Палукараву аб пазіцыі, якую належала заняць адносна Усебеларускага з’езда. Працытуем яе поўнаасцю на рускай мове, маючы на ўвазе сэнсавыя разыходжанні адных і тых жа слоў у рускай і беларускай мовах. “Телеграмма. Западофронт. Полукарову. Сообщите товарищам, чтобы на съезде белоруссов Рады (відаць, “белорусской” – Р. Л.) они произвели переворот умов, раскол и выяснили буржуазность её. Это требуется. Главкозап Мясников” [10, с. 4].

Змест тэлеграмы дазваляе зразумець, што яе аўтар у момант яе падачы знаходзіўся пад свежым уражаннем ацэнкі ўкраінскай Рады, прагучаўшай на нарадзе ў Стаўцы, як арганізацыі буржуазнай, контррэвалюцыйнай. Для яго было ясна, што такой з’яўляецца і беларуская Рада, хоць яна яшчэ не выявіла гэтай сваёй сутнасці, вось таму і патрэбна было яе выкрыць. Пазней у такім выкрыцці ўжо не было неабходнасці, бо адхіліўшы кампрамісныя прапановы Саўнаркама ад 12 снежня [5, с. 11], Вялікая Беларуская Рада, усё кіраўніцтва з’езда, і нават яго левае крыло поўнаасцю “выяснілі” сваю “буржуазнасць”. Гэты сэнс тэлеграмы Мяснікова Палукараву дазваляе датаваць яе вячэрнім часам 7 снежня, а першым яе вынікам, відаць, быў арышт у Мінску членаў украінскага франтавога камітэта, аб якім падымалася пытанне на Усебеларускім з’ездзе падчас выступлення камісара Саўнаркама С. Бертана.

Пасля вяртання Мяснікова са Стаўкі ў Мінск на працягу некалькіх дзён якраз і разгортваецца ліхаманкавая работа Саўнаркама, накіраваная на забеспячэнне перавароту ў святломасці удзельнікаў з’езда (“переворот умов”) і дасягненне яго расколу. У святле вынікаў нарады ў Стаўцы з удзелам Мяснікова новае значэнне набывае дзейнасць на з’ездзе

“ўрадавага камісара” Усцінава, аб якой ён напісаў сам у розны час і ў розных варыянтах. У фальсіфікатарскім па змесце артыкуле, які быў апублікаваны ў “Советской правде” праз некалькі дзён пасля разгону Усебеларускага з’езда, побач з кпінамі на адрас з’езда ён прыводзіць і рацыянальную інфармацыю. Усцінаў апавядае пра тое, як, нацярапеўшыся пакут, стараючыся атрымаць мандат на з’езд, у чарговы раз пайшоў у яго мандатную камісію на плошчу Свабоды з пытаннем: “Буду я дапушчаны на з’езд ці не, бо мне неабходна было тады аб’явіць з’езду толькі што атрыманае распараджэнне Стаўкі”. Якое? Аб гэтым Усцінаў напісаў толькі праз некалькі дзесяцігоддзяў для юбілейнага зборніка мемуараў. Аднак важнейшы раздзел яго ўспамінаў у зборнік не трапіў, затое яны захаваліся ў поўным выглядзе ў архіве. Усцінаў пісаў, што атрымаў ад Саўнаркама “тры мандаты: 1) пасведчанне, што я з’яўляюся ўрадавым камісарам; 2) загад зняць з парадку дня з’езда пытанне аб арганізацыі нацыянальнага войска; 3) загад аб закрыцці з’езда, калі пытанне аб войску не будзе знята з абмеркавання” [11, л. 8].

Супаставіўшы сведчанні Усцінава з вынікамі нарады ў Стаўцы, *прыходзім да адназначнай высновы аб тым, што прынцыповае рашэнне аб роспуску Усебеларускага з’езда было прынята бальшавіцкімі ўладамі Заходняй вобласці і фронту ўжо ў перыяд з 8 па 11 снежня*, падчас непрацяглага знаходжання Мяснікова ў Мінску, і яшчэ да чарговага яго ад’езду ў Стаўку 12 снежня [6, с. 8]. Пры такім разуменні сітуацыі ўстае на сваё месца і настойлівае сцвярджэнне Кнорына, запісанае ў 1925 г. [12, с. 231–232], што менавіта Мяснікоў спыніў існаваўшыя сярод бальшавіцкіх кіраўнікоў Заходняй вобласці і фронту ваганні наконт неабходнасці разгону Усебеларускага з’езда. Але рэалізавана гэта рашэнне было амаль што праз тыдзень, калі канчаткова выясніўся правал намаганняў раскалоць з’езд і быў здабыты праект яго рэзалюцыі. Хоць з’езд і выказваўся ў ёй за савецкую форму ўлады ў Беларусі, але за беларускія саветы, а створаныя бальшавікамі не прызнаваў.

Такім чыным, ёсць сур’ёзныя падставы для сцвярджэння аб тым, што Мяснікоў прывёз са Стаўкі калі не прамое распараджэнне ўрада аб роспуску Усебеларускага з’езда, то дазвол дзейнічаць адпаведна з сітуацыяй, якая будзе складвацца на з’ездзе, і з улікам неабходнай барацьбы з украінскай Радай. На карысць нашага сцвярджэння гавораць і некаторыя іншыя факты, акрамя прыведзеных, якія адлюстроўваюць тагачасную агульнарасійскую сітуацыю і ўплывалі на стаўленне ленінскага Саўнаркама да Усебеларускага з’езда. Звярнем увагу на падзеі, якія папярэднічалі перадачы Крыленкам вярхоўнага камандавання Мяснікову 12 снежня. Першая з іх – гэта размова Крыленкі па прамым провадзе з Саўнаркамам 11 снежня, у якой ён прадставіў Леніну інфармацыю па шэрагу пытанняў, у прыватнасці, далажыў аб ходзе аперацыі супраць Украінскай Цэнтральнай Рады [6, с. 9]. У кантэксце нашай тэмы важна адзначыць два аспекты размовы. Першы: Саўнаркам адобрыў рашэнне Крыленкі аб прыпыненні фарміравання на фронце нацыянальных часцей. Другі: Ленін патрабаваў прыняць самыя энергічныя меры, каб як можна хутчэй адправіць у раён Харкава “паболей цалкам надзейных войск, не спыняючыся пры гэтым ні перад якімі перашкодамі”. Ён жа даў згоду на прыезд Крыленкі ў Саўнаркам для вуснага даклада, але запатрабаваў перад ад’ездам перадаць яго распараджэнне наконт адпраўкі войск у раён Харкава “найбольш энергічным людзям”. Відаць, Мяснікоў быў першым сярод такіх энергічных і заслугоўваюшых даверу людзей. Гэты факт неабходна адзначыць, перш за ўсё, як сведчанне таго, што Мяснікоў са сваімі партыйнамі таварышамі ў Заходняй вобласці і на фронце праводзілі палітыку цэнтральнага савецкага ўрада, а не сваю мясцовую – як у адносінах да Украіны, так і адносна Беларусі.

У сувязі з канфузам, напаткаўшым ленінскі Саўнаркам ў Украіне, дзе давалося перайсці да сілавых метадам барацьбы з УНР, пад прыкрыццём “другой”, савецкай, Украіны, ён быў вымушаны да апошняй магчымасці адцягваць пераход да такой жа канфрантацыі на беларускім геапалітычным полі. Іначай фіктыўнасць лозунга самавызначэння стала б занадта відавочнай, а прыватным вынікам такой сітуацыі было б выпадзенне з рук ленінскага Саўнаркама і ЦК бальшавіцкай партыі аднаго з аргументаў, накіраваных на падпарадкаванне

Устаноўчага сходу. Сталін прызнаваў у друку, што ён у тых дні як наркам па справах нацыянальнасцей атрымліваў “мноства рэзалюцый і лістоў” ад украінцаў, аўтары якіх патрабавалі ад яго тлумачэння дзеянняў Савецкай Расіі адносна Украіны [13, с. 6]. На працягу снежня яму давялося неаднойчы публічна апраўдвацца ад імя ўрада, у тым ліку і на пасяджэнні УЦВК 14 снежня, перад абвінавачаннямі ў тым, што канфлікт узнік на грунце барацьбы ўкраінскага народа за самавызначэнне [13, с.15–16].

З улікам гэтай палітычна нявыгаднай для ленінскага ўрада сітуацыі, створанай канфліктамі з УНР, адным з іх адзін фрагмент выступлення Сталіна на пасяджэнні УЦВК (заўважым: усё яшчэ шматпартыйнага). Апраўдваючыся ад абвінавачанняў у правядзенні Саўнаркамамі цэнтралісцкай палітыкі, Сталін сказаў: “Абласныя цэнтры, пабудаваныя па тыпу Савета Народных Камісараў (Сібір, Беларусь, Туркестан), звярталіся ў Савет Народных Камісараў за дырэктывамі. Савет Народных Камісараў адказаў: вы самі ўлада на месцах, таму самі павінны выпрацаваць дырэктывы...” [13, с. 16]. З кантэксту прамовы Сталіна вынікае, што абласныя савецкія цэнтры звярталіся да Саўнаркама за дырэктывамі, у тым ліку, па пытанні аб дапушчальнасці падзелу ўлады паміж буржуазіяй, з аднаго боку, пралетарыятам і сялянствам, з другога, як падзяліла яе, адпаведна з ацэнкай Сталіна, украінская Рада. А ў адказ ім паведамілі, што яны самі з’яўляюцца ўладай. Такімі выкрунтасамі Сталін запоўніў шэраг сваіх выступленняў па пытаннях нацыянальнай палітыкі ў канцы 1917 – пачатку 1918 г. Як іх зразумець у кантэксце беларускай палітыкі савецкага ўрада? Даволі проста. Не жадаючы пасля Украіны адкрыта выступіць у ролі душыцеля нацыянальнага самавызначэння яшчэ і ў Беларусі, калі б беларуская Рада вырашыла пайсці шляхам украінскай, ленінскі ўрад вырашыў схвацца за кулісамі. А кулісамі была быццам бы самастойная палітыка абласной савецкай улады. Мясцовым бальшавіцкім органам было даверана самім выбраць той момант, калі належала ўжыць сілу супраць нацыянальна-дзяржаўных намаганняў беларусаў.

Мы ўжо выказвалі думку пра тое, што *прынцыповае раішэнне*, якое развязвала рукі Саўнаркаму Заходняй вобласці і фронту для выкарыстання сілы супраць Усебеларускага з’езда, было прынятае неўзабаве пасля нарады ў Стаўцы і ў выніку гэтай нарады. Аднак прамая дырэктыва на гэты конт гісторыкам невядомая. Ці захавалася яна наогул? Прывядзем, аднак, тэлеграму старшыні абласнога Саўнаркама К. Ландара, у якой ён дакладваў цэнтральным уладам аб мерах, прынятых дзеля рэалізацыі пастановаў названай нарады. Тэлеграма пасылалася на два адрасы і, несумненна, прадугледжвала адказ Цэнтра (курсіў у публікацыі): “Стаўка. Глаўкаверх. Петраград. Урад Народных Камісараў. Украінская Рада Захфронта арыштаваная. *Паведамце [аб] далейшым напрамку спраў і аб лёсе арыштаваных.* Украінскія эшалоны разбroyваюцца і накіроўваюцца ў тыл. *За астатнімі радамі і Доўбарам [устаноўлены] неаслабны нагляд.* Старшыня Абласнога Савета Народных Камісараў Ландар” [6, с. 10]. Адказ на прыведзены запыт нам, у прынцыпе, вядомы: ён прачытваецца ў разгоне Усебеларускага з’езда. Ці быў бы магчымы яго разгон, калі б ён не адпавядаў указанням ленінскага Саўнаркама аб’далейшым напрамку спраў”, аб якім запытваў Ландар? Вядома ж, не.

Калі ж звярнуцца да сцвярджэння аб тым, што “народ не падтрымаў” Усебеларускі з’езд, то яго прысутнасць у сучаснай гістарыяграфіі вызначаецца ўжо не толькі ідэалагічнай абмежаванасцю асобных аўтараў, інерцыяй мыслення іншых, але і ўплывам псіхалагічнага комплексу непаўнацэннасці, усё яшчэ ўласцівага шмат каму з беларусаў. Апошнія дзве прычыны, як можна заўважыць, нярэдка спалучаюцца ў падыходах аднаго і таго ж аўтара да адпаведнай праблематыкі. Такі “даследчык” цвёрда засвоіў (пераняў ад свайго настаўніка), што беларускі нацыянальны рух напярэдадні рэвалюцыі 1917 г. быў слабы, а беларускі народ інертны. “Мая хата з краю, мы людзі маленькія”. Для такога гісторыка з’яўляецца аксіёмай, што “маленькія людзі” не маглі падтрымаць такую вялікую, рэвалюцыйную праграму, як перабудова Расіі ў федэратыўную дэмакратычную дзяржаву ў выніку руху недзяржаўных народаў. На самай жа справе інертны ён сам. А пры большай адказнасці і свежасці мыслення,

грунтуючыся на дастатковым веданні адпаведных крыніц, прафесійны гісторык здольны прыйсці да разумення, што беларускі нацыянальны рух у гады Першай сусветнай вайны перажываў незвычайны перыяд у сваім развіцці, перыяд дыялектычнага скачка, фарміравання ў ім новых якасцей. Ён развіваўся ва ўмовах паскараўшага гэты рух сусветнага цывілізацыйнага крызісу, набыўшага ў Расіі найбольш глыбокі і драматычны характар.

У канцы 1917 г. ва ўмовах сістэмнага расійскага крызісу ўпершыню за многія гады гістарычны працэс накрэсліў перад беларускім народам асобны ад расійскага варыянт гістарычнага развіцця. Узнікшая сітуацыя ўжо вызначана беларускім гісторыкам як “час выбару” [14], і да гэтай слушнай ацэнкі застаецца толькі дадаць, што працэс гістарычнага выбару беларусаў набыў хвалепадобны, дыскрэтны характар, і зацягнуўся на некалькі год. Але першы яго этап абмежаваны рубяжом 1917–1918 гг. Асмелімся сцвярджаць, што на гэтым рубяжы сусветная вайна, якая стала трагедыяй для беларускага народа, набыла характар *антымістычнай трагедыі* [15]. Узнікла не толькі неабходнасць, але і прынцыповая ажыццявімасць для беларускага народа гістарычнага рыўка ад стану “рэчы ў сабе” да стану гаспадара свайго краю і свайго лёсу ў ім.

Сфармуляваўшы гэтыя пастулаты, вернемся да пытання аб падтрымцы (ці непадтрымцы?) беларускім народам (*nota bene!*) *Усебеларускага з’езда*. Ён, як вядома, пачаўся 5 снежня, хоць афіцыйнае яго адкрыццё адбылося 7 снежня, калі з’ехаліся 500 дэлегатаў з вырашальным голасам і 200 – з дарадчым. Усяго ж да 17 снежня мандатная камісія выдала 1872 мандаты, з якіх 1167 – дэлегатам з вырашальным голасам і 705 – з дарадчым. Гэтыя лічбы абаліраюцца на сведчанні кіруючых асоб з’езда, у прыватнасці, старшыні мандатнай камісіі П. Крачэўскага, і таму набылі шырокае прызнанне гісторыкаў. Разам з тым, самое параўнанне прадстаўленых лічбаў дазваляе зразумець, што колькасны склад дэлегатаў з’езда на працягу яго працы не быў стабільным. Акрамя аб’ектыўных прычын недастатковай яўкі на з’езд у першыя яго дні, выкліканых разрухай у краі, на гэта паўплывалі і амбіцыі кіраўніцтва Беларускага абласнога камітэта (БАК), якое заклікала беларускія арганізацыі на 5 снежня ў Мінск не выязджаць, а з’явіцца толькі 15 снежня. Аб’ектыўна гэта была дэзарганізатарская пазіцыя. Аднак ні аб’ектыўныя, ні суб’ектыўныя прычыны не здолелі істотна знізіць прадстаўнічасць гэтага агульнабеларускага форуму.

Гэта ацэнка будзе тым больш пераканаўчай, калі мы заўважым, што восенню 1917 г. рознага роду выбары і з’езды ішлі адзін за другім, а то і супадаючы ў часе. Адбывалася пакутлівае пераўтварэнне мас людзей з аб’екта палітыкі ў яе суб’ект. У гэтым патоку палітызацыі насельніцтва ішло выдзяленне і пашырэнне беларускай нацыянальнай плыні. Параўнанне колькасных параметраў *Усебеларускага з’езда* з такімі ж параметрамі іншых з’ездаў, што ўтваралі гэты паток, дасць нам лепшае ўсведамленне працэсу фарміравання ў ім гэтай плыні [5, с. 7]. Мэтазгодна ўзяць для параўнання тыя *тры з’езды*, якія мінскія бальшавікі правялі з мэтай легалізацыі сваёй улады ў краі і адначасова дзеля ўмацавання ўладных пазіцый напярэдадні выбараў ва Устаноўчы сход. Першы з гэтых з’ездаў – 3–ці з’езд сялянскіх дэпутатаў Мінскай і Віленскай губерняў – праходзіў 18–20 лістапада. Адпаведна з паведамленнем газеты “Звезда”, адна з пастаноў з’езда зафіксавала лічбу ў 335 яго ўдзельнікаў. 20–25 лістапада прайшоў 2 з’езд армій Заходняга фронту, які быў больш прадстаўнічым, што і зразумела, паколькі менавіта салдаты фронту былі галоўнай апорай бальшавікоў у краі. У дзень яго адкрыцця на з’ездзе прысутнічала 450–500 чалавек, у наступныя дні, калі меркаваць па справаздачы той жа “Звезды”, колькасць яго ўдзельнікаў вагалася ад 310 да 633 чалавек. Відавочна, салдаты–дэпутаты аказаліся не надта дысцыплінаванымі. Але найбольшы клопат мінскія бальшавікі мелі са з’ездам саветаў рабочых і салдацкіх дэпутатаў Заходняй вобласці. “Звезда” не здолела назваць колькасць яго ўдзельнікаў, былі пералічаныя толькі прадстаўленыя на з’ездзе саветы, якіх аказалася 16. Гэта была прыкладна трэцяя частка ўсіх існаваўшых у Беларусі на момант бальшавіцкага перавароту саветаў рабочых і салдацкіх дэпутатаў разам з агульнымі саветамі рабочых, салдацкіх і сялянскіх дэпутатаў. Бальшавікам на з’ездзе быццам бы належала дзве трэці

месц, астатнія – левым эсэрам. *Выходзіць, што Усебеларускі з’езд у першыя дні сваёй працы на колькасных паказчыках пераўзыходзіў скліканы бальшавікамі сялянскі з’езд і быў блізка да франтавога з’езда, а ў апошнія дні працы пераўзыходзіў усе тры гэтыя з’езды.* Што датычыць тэрытарыяльнага і сацыяльнага прадстаўніцтва, то з’езд меў поўнае права назваць сябе ўсебеларускім, бо прадстаўляў усе рэгіёны Беларусі, у тым ліку дзякуючы ўдзелу бежанцаў – і акупаваную заходнюю частку краю, а таксама і ўсе яго сацыяльныя слаі. У адрозненне ад асобных сучасных аўтараў, мінскія бальшавікі, якія не толькі назіралі за з’ездам, але і былі прадстаўлены на ім, ведалі аб яго прадстаўнічым і народным характары і адзначалі ў сваім друку, што “ў працы беларускага з’езда запрошаны прыняць удзел усе партыі і прадстаўніцтвы ў Беларусі без выключэння”, і што з’езд сабраўся “шматлюдны”, “настрой [на ім] узняты” [16]. Дык гэта сведчыць аб непадтрымцы народам з’езда яго прадстаўнікоў? Ці наадварот?

Варта звярнуць увагу на яшчэ адну акалічнасць, звязаную з Усебеларускім з’ездам, – на той гістарычны момант, калі беларускія арганізацыі выбіралі сваіх дэлегатаў на з’езд, і на тую лозунгі, пад якімі выбары праводзіліся. Яны праходзілі літаральна назаўтра пасля выбараў ва Устаноўчы сход, з якімі масы людзей на працягу некалькіх месяцаў звязвалі свае спадзяванні на замацаванне ў законах ужо праведзеных рэвалюцыйных пераўтварэнняў, у прыватнасці перадачы зямлі зямельным камітэтам для яе раздзелу паміж сялянамі, і іншых. Здавалася б, што яшчэ можна было выбіраць? Тым не менш, многія тысячы людзей, прадстаўленыя ў сялянскіх саветах, гарадскіх і земскіх самакіраваннях, беларускіх радах у войску не палічылі лішнімі выбары на беларускі з’езд, папярэдняя праграма якога была намечана ў звароце да гэтых арганізацый Вялікай Беларускай Рады ад 18 лістапада 1917 г. “З’езд гэты павінен выявіць волю народа беларускага, які не можа і не жадае далей абыякава адносіцца да свайго лёсу у цяперашні небяспечны і адказны момант. З’езд павінен абмеркаваць і вызначыць усе магчымасці самаабароны шматпакутнага беларускага народа і прыняць меры для яе самаарганізацыі”, – гаварылася ў звароце. Выбаршчыкі галасавалі за ўдзел у з’ездзе, на парадак дня якога прапанавалі наступныя пытанні: “1. Міжнароднае становішча Беларусі (вайна і мір). 2. Зямельнае пытанне. 3. Будучае палітычнае ўладкаванне Беларусі. 4. Стварэнне органа краёвай улады” [5, с. 8]. *Такім чынам, дэлегаты з’езда адпраўляліся ў Мінск, усведамляючы свае задачы як паўнамоцных прадстаўнікоў беларускага народа, а найбольш дасведчаныя з іх глядзелі на маючы адбыцца з’езд як на Беларускі Устаноўчы сход (ці Устаноўчы сойм).*

Менавіта гэта настроенасць розных слаёў беларускага народа на тое, каб узяць ва ўласныя рукі лёс свайго краю, склала асноўны аптымістычны кампанент трагедыі сусветнай вайны ў Беларусі. Асобна варта выдзяліць у якасці такога яе кампанента эвалюцыю свядомасці беларускага сялянства ў нацыянальным духу, у духу “будаўніцтва сваёй хаты”, што ўпершыню ў гісторыі адкрывала перспектыву пераўтварэння беларускага руху ў масавы. Хоць на Усебеларускім з’ездзе сяляне займалі найбольш памяркоўную і няўстойлівую пазіцыю, але здзіўляе не гэта. Уражвае іх масавы ўдзел у гэтым *нацыянальным* форуме, што яшчэ за паўгода да з’езда немагчыма было ўявіць. Заўважым у гэтай сувязі, што на скліканы Беларускім камітэтам агульнакраёвы сялянскі з’езд у красавіку 1917 г. з’явіліся толькі 52 дэлегаты, а на Мінскім губернскім, які ў тым жа месяцы правялі бальшавікі, было прадстаўлена звыш 800 дэлегатаў ад сялян, і прайшоў ён у антыбеларускім духу [14, с. 125–127].

Разам з тым, канстатууючы эвалюцыю сялянства на нацыянальныя пазіцыі, неабходна ўсведамляць, што і ў той час, і на працягу наступных некалькіх год яна стрымлівалася істотнымі аб’ектыўнымі фактарамі. Гэта эвалюцыя ішла двума геаграфічна аддзеленымі адзін ад другога патокамі – бежанскім і мясцовым – і адчувала на сабе ўплыў незавершанай барацьбы сялян за зямлю. Павольнае злучэнне двух патокаў у адзін пачалося пасля падпісання Савецкай Расіяй і Германіяй Брэсцкага міру, калі пачалі вяртацца ў Беларусь бежанцы з Расіі. Аднак праз кароткі час пасля завяршэння Першай сусветнай вайны Беларусь была зноў падзелена, на гэты раз фронтам польска-савецкай вайны, і кожны паварот польска-

савецкай барацьбы зноў абвастраў зямельнае пытанне для беларускага селяніна. Аднак выпрацаванае ім да канца 1917 г. усведамленне аб “чужаніцах”, на якіх нельга спадзявацца, уладкоўваючы сваё жыццё, з таго часу моцна засела ў яго свядомасці і ўплывала на яго паводзіны. Падчас нямецкай, а затым і польскай акупацыі гэта ўсведамленне вяло сялян у “зялёнае войска”, на яго абаяліся як беларускія эсэры, так і мясцовыя камуністы з–пад шыльды Кампартыі Літвы і Заходняй Беларусі. Яно ж несла надзею і маладым беларускім нацыянал–камуністам з асяроддзя Белнацкама і беларускіх камуністычных секцый, створаных у Расіі на працягу 1918 г., ратуючы іх ад пераўтварэння ў групкі палітычных маргіналаў, што згубіліся ў водавароце грамадзянскай вайны.

Тут якраз мы падыйшлі да чарговага, перажыўшага свой час штамп, у якім шэраг беларускіх гісторыкаў, паддаючыся эмоцыям, звязваюць з’яўленне БССР з актыўным націскам на цэнтральныя савецкія ўлады з боку таго самага Белнацкама і беларускіх камуністычных секцый у РКП(б). Маўляў, дабіваліся гэтай мэты амаль на працягу года, пераконвалі цэнтральныя ўлады, і раптам вырашылі задачу на працягу некалькіх дзён. Гэта вельмі наіўная версія, і яна сведчыць аб павярхоўным стаўленні яе прыхільнікаў да адпаведных крыніц, аб іх *ментальнай* няздольнасці прыняць заключаную ў іх суровую праўду. Беларускія нацыянал–камуністычныя арганізацыі ў Расіі на самай справе не мелі такой сілы, каб аказаць эфектыўны націск на маскоўскія ўладныя цэнтры. Наадварот, яны адчувалі пэўную сваю адарванасць ад краю ва ўмовах яго акупацыі, бачылі варожае стаўленне да сябе з боку бальшавіцкіх уладаў Заходняй вобласці і недавер з боку савецкіх кіруючых інстанцый, і ў такіх умовах выступалі перад гэтымі інстанцыямі ў ролі сціпрых просьбітаў, не адважваючыся пайсці далей пастулата аб утварэнні Беларускай савецкай аўтаномнай рэспублікі ў складзе РСФСР. Але і яе стварэнне яны звязвалі з працяглай падрыхтоўчай работай у вызваленай Беларусі, якая мусіла б завяршыцца скліканнем Усебеларускага камуністычнага з’езда. У гэтым духу праходзіла канферэнцыя беларускіх камуністычных секцый у Маскве 21–23 снежня, пратакол якой апублікаваны [17], але на вывучэнне якога ў сучасных прыхільнікаў беларускага нацыянал–камунізму, відавочна, не хапае ні часу, ні сіл. А калі б яны прачыталі яго, то напэўна б заўважылі, што ўдзельнікі канферэнцыі, паставіўшы ў прынятай рэзалюцыі пытанне аб стварэнні ў Беларусі работніцка–сялянскага ўрада, нават не вынеслі яго на абмеркаванне Белнацкама, урадавай структуры, чарговае пасяджэнне якой адбылося ўдзень 25 снежня. Белнацкм задаволіўся толькі “прыняццем да ведама” пастановы канферэнцыі [18, л. 86].

Для беларускіх нацыянал–камуністаў было вялікай нечаканасцю, калі праз суткі пасля завяршэння іх канферэнцыі за стварэнне Беларускай савецкай рэспублікі ўзяўся наркам Сталін. Ён узяўся за гэтую справу, нягледзячы на тое, што яшчэ ўвечары 23 снежня, маючы такую нагоду, ні словам не ўпамянуў аб магчымасці стварэння Беларускай рэспублікі ў бліжэйшы час. У гэты вечар Сталін зрабіў даклад ад імя Саўнаркама на пасяджэнні Усерасійскага ЦВК саветаў “Об отношении к вновь образовавшимся республикам: Эстонской, Латышской и другим”. У гэтым дакладзе наркам прадставіў на зацвярджэнне УЦВК рашэнне СНК аб прызнанні трох савецкіх рэспублік у Прыбалтыцы, матывуючы яго неабходнасцю аднаўлення адзінства Савецкай Расіі і яе моцы, ва ўмовах, калі іншых рэальных шляхоў для гэтага не засталася. Ні ў яго дакладзе, ні ў праекце рэзалюцыі, ні ў самой рэзалюцыі Беларусь не ўпаміналася [19, л. 1–52, 160].

Тым не менш, роўна праз суткі, за некалькі хвілін да поўначы, Сталін паслаў у Смаленск, Абласному Выканаўчаму камітэту Заходняй вобласці, тэлеграму, у якой выклікаў Мяснікова на размову па прамым провадзе на 3 гадзіны дня 25 снежня. У гэтай размове ён паведаміў аб рашэнні ЦК партыі “па шматлікіх меркаваннях згадзіцца з беларускімі таварышамі” і стварыць Беларускаю савецкую рэспубліку.

Праатакол з рашэннем ЦК па гэтым пытанні гісторыкамі да гэтага часу не знойдзены, што прымушае іх спекуляваць як наконт даты яго прыняцця, так і наконт яго матываў. У нас нават ёсць падставы сумнявацца, што Сталін, гаворачы аб “беларускіх таварышах”, меў на

ўвазе удзельнікаў канферэнцыі беларускіх камуністычных секцый, якая толькі што завяршылася. Наўрад ці быў ён знаёмы з яе пратаколам к канцу дня 24 снежня, калі выклікаў Мяснікова для размовы на наступны дзень. Сумняваюцца ў гэтым прымушае вивучэнне архіўнага дакумента, на які спасылаліся беларускія гісторыкі як на сведчанне ўважлівага стаўлення ЦК РКП(б) да канферэнцыі беларускіх камуністаў і яго неадкладнай рэакцыі на яе пастановы [20, с. 71; 21, с. 99]. Выясняецца, што тут мы маем справу з занадта вольнай трактоўкай гэтага дакумента адным аўтарам і даверлівым стаўленнем да свайго калегі з боку іншага. Глянем яго і мы. Дакумент уяўляе сабой машынапісны тэкст без даты і подпісу [22, л. 174], які пазней быў апублікаваны і даціраваны публікатарамі “не раней 27 снежня” [23, с. 77, 310] на аснове інфармацыі, узятай з іншага дакумента Сакратарыята ЦК РКП(б). Кароткі адказ на запыт Сакратарыята Маскоўскай беларускай секцыя РКП(б) дала 28 снежня, у ЦК РКП(б) ён быў атрыманы 2 студзеня, а дакументы канферэнцыі – пратакол, рэзалюцыі, паіменны спіс удзельнікаў – былі адпраўлены толькі 17 студзеня, а атрыманы 20 студзеня 1919 г. [23, с. 195–196].

Наогул маскоўскія партыйныя ўстановы не праявілі цікавасці да канферэнцыі беларускіх камуністычных секцый, хоць яна і спрабавала звярнуць на сябе ўвагу, паслаўшы ў дзень свайго адкрыцця прывітанні ў адрас персанальна Леніна, Сталіна, а таксама Рэвваенсавета Рэспублікі і Усерасійскага ЦВК саветаў. Аб гэтым сведчыць яе пратакол і перапіска Маскоўскай секцыі беларускіх камуністаў з Сакратарыятам ЦК РКП(б). Ні адна з маскоўскіх партыйных уладаў не паслала на канферэнцыю свайго прадстаўніка, а “Правда”, цэнтральны друкаваны партыйны орган, адгукнулася на яе толькі 26 снежня, праз тры дні пасля завяршэння канферэнцыі. Прычым, змест яе водгуку дазваляе зразумець, якое нязначнае месца займала да таго часу беларускае пытанне ў палітыцы партыі і савецкага ўрада. Інфармацыя была пададзена ў невялічкай заметачы аб’ёмам у 42 радкі ў адну калонку пад рубрыкай “Партыйнае жыццё” на апошняй старонцы газеты. Важна і тое, што ўбачыла “Правда” ў дыскусіях і пастановах канферэнцыі, што яна акцэнтавала ў іх. З прагучаўшых дакладаў “выяснілася, – пісала газета, – што ў самой Беларусі справа новага савецкага будаўніцтва і партыйнай работы стаіць далёка не на адпаведнай вышыні па прычыне адсутнасці актыўных сіл. Таму канферэнцыя прыйшла да пераканання, што неабходна ўсе сілы беларусаў–камуністаў, якія знаходзяцца ў Савецкай Расіі, накіраваць у гушчыню народных працоўных масаў Беларусі”. І гэта была ўся заметка. Як можна пераканацца, галоўны партыйны орган, рупар ЦК, не заўважыў у працах канферэнцыі пастаноўкі беларускімі камуністамі пытання аб беларускай савецкай дзяржаўнасці. Таму сёння, ва ўмовах лепшага крыніцавага забеспячэння даследавання гэтай праблемы, недарэчна паўтараць недахопы прац нашых папярэднікаў, меўшых у значнай ступені аб’ектыўны характар.

Мяркуем, што “беларускія таварышы” ў лексіконе Сталіна абазначалі зборны вобраз, які ўключаў і “маскоўскіх” беларусаў, і тых, з якімі кантактаваў старшыня Мінскага Ваенна-рэвалюцыйнага камітэта І. Рэйнгольд, калі 10 снежня з’явіўся ў пакінуты немцамі Мінск. Менавіта ў ходзе яго мінскіх кантактаў у першыя дні пасля вызвалення набыла канкрэтнае выражэнне ідэя аб стварэнні Літоўска-Беларускай савецкай рэспублікі, якую Рэйнгольд 20 снежня пераадрасаваў Свядлову, не знайшоўшы падтрымкі ёй у кіраўніцтва Заходняй камуны [24, л. 13; 25, л. 13–15]. Разглядаючы яе ў кантэксце падзей, якія неўзабаве разгарнуліся на беларускім геапалітычным полі, мы зразумеем, што яна аказалася вельмі своечасовай для бальшавіцкіх цэнтральных уладаў.

Ідэнтыфікуючы “беларускіх таварышаў” у сталінскім паведамленні Мяснікову, мы не можам абыйсціся без сведчанняў адной з цэнтральных фігур у тых падзеях, што прывялі да абвясчэння БССР – былога кіраўніка Белнацкама і старшыні Цэнтральнага бюро беларускіх камуністычных секцый Зміцера Жылуновіча. Восць што напісаў ён праз 10 год пасля канферэнцыі беларускіх камуністычных секцый: частка яе дэлегатаў “не паспела яшчэ пакінуць Маскву, як важнейшае пытанне канферэнцыі – стварэнне беларускага рабоча-

сялянскага ўрада – было вырашана” [26, с. 93]. Зміцер Жылуновіч, чалавек амбіцыйны, не здолеў прызнацца, што Цэнтральнаму бюро ў гэтай сітуацыі дасталася толькі пасіўная роля адрасата прапановы, якую яму зрабіў Сталін, выступаўшы ад імя ЦК партыі. Але ў нас ёсць больш надзейныя крыніцы, у прыватнасці, копія пратакола экстрэннага пасяджэння калегіі Белнацкама сумесна з прадстаўнікамі ЦБ беларускіх камуністычных секцый і Маскоўскай секцыі, скліканага Жылуновічам увечары 25 снежня менавіта дзеля таго, каб паведаміць аб выніках размовы са Сталіным. Заўважым: для калегіі Белнацкама гэта было другое за дзень пасяджэнне: на першым, звычайным, Жылуновіч далажыў аб пастанове канферэнцыі беларускіх камуністычных секцый, якая была “прынята да ведама”. Затым было вырашана прасіць Наркамнац зацвердзіць яго загадчыкам Белнацкама. Аб утварэнні Беларускай савецкай рэспублікі на гэтым пасяджэнні гаворка не вялася [27, л. 86]. А вось на вячэрнім пасяджэнні ўжо было прадстаўлена рашэнне савецкага кіраўніцтва па гэтым пытанні як надзвычайнае і неадкладнае даручэнне: “Таварыш Жылуновіч паведаміў сходу аб тым, што сёння народны камісар па справах нацыянальнасцей таварыш Сталін, запрасіўшы да сябе па тэлефоне адказных супрацоўнікаў Беларускага нацыянальнага камісарыята, узяў пытанне аб дзяржаўным уладкаванні Беларусі. З абмену думкамі выяснілася, – пераказваў далей Жылуновіч, – што, маючы на ўвазе (“в виду”) сучасныя міжнародныя адносіны і з мэтай умацавання і расшырэння заваёў сацыялізму ў сусветным маштабе, у сённяшні момант цалкам наспела неабходнасць аб’яўлення Беларусі, як самастойнай ва ўсіх адносінах нацыі, незалежнай сацыялістычнай Савецкай Рэспублікай” [28, л. 21].

Важна падкрэсліць некалькі істотных дэталей гэтай сустрэчы, першая: прадстаўнікоў Белнацкама паклікаў на размову Сталін; другая: менавіта ён узяў пытанне аб стварэнні Беларускай савецкай рэспублікі, а не яго суразмоўцы (хоць і не ставіў яго ў дырэктыўным ключы); трэцяя: ён зрабіў гэта пасля таго, як абмеркаваў адпаведнае пытанне з Мясніковым, кіраўніком абкама, засведчыўшы тым самым, які орган з’яўляецца рэальным правадніком палітыкі ЦК РКП(б) у Беларусі. Нарэшце, крыніцы ўказваюць на яшчэ адзін важны момант размовы прадстаўнікоў Белнацкама са Сталіным, пакінуты гісторыкамі без увагі: выясняецца, што, пачуўшы паведамленне наркама аб рашэнні стварыць Беларускую савецкую рэспубліку, запрошаныя беларусы пачалі спрачацца паміж сабой, ці варта гэта рабіць? Цвёрдую і станоўчую пазіцыю па гэтым пытанні заняў Жылуновіч. Узнікшую падчас размовы сітуацыю рэалістычна ўзнаўляюць яго паказанні Цэнтральнай Кантрольнай Камісіі КП(б)Б, дадзеныя 30 студзеня 1931 г., калі над яго галавой ужо сабраліся хмары рэпрэсій “за нацыялістычнае супраціўленне” лініі партыі. Вось іх фрагмент, зафіксаваны ў стэнаграме: “Когда мы явились к товарищу Сталину, товарищ Сталин сказал – нужно или не нужно, по нашему мнению, провозгласить республику. Я, несмотря на то, что те, которые были со мной, говорили, что мы не думаем, чтобы можно было..., тогда я говорю т. Сталину, что я беру на себя всё это» [29, л. 199]. Хоць гэтыя паказанні выглядаюць толькі спробай ўратавацца чалавека, трапіўшага ў трагічную сітуацыю, але, тым не менш, з’яўляюцца праўдзівымі. Іх праўдзівасць пацвярджаецца, у прыватнасці, сведчаннямі А. Чарвякова, пачутымі Ул. Дубоўкам на пачатку 1921 г. [30, с. 79], а ў інфармаванасці Чарвякова не даводзіцца сумнявацца.

Цяжка сабе ўявіць, як бы складваліся падзеі далей, калі б на сустрэчы Сталіна з прадстаўнікамі Белнацкама перамагла пазіцыя, вызначаная на канферэнцыі беларускіх камуністычных секцый, адпаведна якой БССР павінна была з’явіцца вынікам натуральнага і працяглага працэсу нараджэння беларускай савецкай дзяржаўнасці. Сярод мноства ўвасабленняў такой нерэалістычнай у тых умовах альтэрнатывы можна было б мадэліраваць новы перанос Мясніковым абласной партыйнай канферэнцыі, адмену яго і Калмановіча паездкі ў Маскву па выкліку Сталіна і г. д.

Але паездка Мяснікова з Калмановічам адбылася, як і было дамоўлена, 27 снежня, праз 2 дні пасля размовы Сталіна з прадстаўнікамі Белнацкама. Ад сустрэчы з беларусамі гэтая другая прынцыпова адрознівалася тым, што была дзелавой сустрэчай аднадумцаў, на

якой былі адкрыты планы ЦК РКП(б) на конт Беларусі і выдадзены адпаведныя інструкцыі для іх рэалізацыі. Гэтыя інструкцыі пазней былі названыя савецкімі гісторыкамі “Шэсць умоў таварыша Сталіна па стварэнні Беларускай Савецкай Рэспублікі і Кампартыі Беларусі”. Яны прадугледжвалі наступнае: 1) урад будучай рэспублікі будзе складацца са старшыні і 15 членаў; 2) бягучымі справамі будзе займацца прэзідыум урада ў колькасці 3 чалавек; 3) тэрыторыя Рэспублікі будзе ўключаць губерні Гродзенскую, Мінскую, Магілёўскую, Віцебскую і Смаленскую (апошнюю са згоды “мясцовых таварышаў”); 4) Паўночна-Заходні абкам партыі пераўтвараўся ў Цэнтральнае Бюро КП(б) Беларускай Рэспублікі; 5) старшыня Цэнтральнага Бюро будзе прадстаўніком ЦК РКП(б) і цэнтральнага ўрада; 6) правы Цэнтральнага Бюро партыі і аддзелаў рэспубліканскага ўрада застануцца такімі ж, як абкама і Аблвыканкамзаха [31, с. 61–62].

Відавочна, што шэраг намечаных “умоў” былі непрымальнымі для беларускіх нацыянал-камуністаў, як, напрыклад, аб тэрыторыі Рэспублікі, і асабліва аб фарміраванні і паўнамоцтвах яе органаў улады, сярод якіх кіруючае месца адводзілася былому абкаму партыі, вядомаму сваёй антыбеларускай палітыкай. Але наўрад ці Сталін абмежаваўся толькі гэтымі палажэннямі. Відавочна, на сустрэчы са сваімі партыйнымі таварышамі з “Заходняй Камуны” ён не ўтойваў матываў раптоўнага рашэння ЦК РКП(б) аб стварэнні Беларускай савецкай рэспублікі. Аб гэтым можна меркаваць як на аснове некаторых дакументальных крыніц, так і па публікацыях савецкага друку таго часу, прысвечаных беларускай тэме. Шмат што можна зразумець, перачытваючы даклад Мяснікова на VI абласной партыйнай канферэнцыі, зроблены, падкрэслім, праз тры дні пасля яго і Калмановіча сустрэчы са Сталіным. Галоўная ідэя сярод матываў рашэння ЦК – гэта ідэя аб неабходнасці супрацьпаставіць “буржуазнаму” самавызначэнню самавызначэнне працоўных, але ў нацыянальнай форме, і ў выніку не дапусціць “акружэння Савецкай Расіі сусветным капіталам”, як гаварыў Мяснікоў у сваім дакладзе. Ён называў тут Польшчу і Украіну як тры дзве суседнія дзяржавы, стварэнне якіх з’яўляецца праявай “тонкай палітыкі Антанты”, накіраванай на акружэнне Савецкай Расіі. Асабліва выдзяліў ролю Польшчы як “жандармерыю Антанты супраць Савецкай Расіі і плаціну супраць распаўсюджвання бальшавізму”. Можна заўважыць, што Мяснікоў у гэтым дакладзе на партыйнай канферэнцыі, абвясціўшы сабе з’ездам Кампартыі Беларусі, нават паўтарыў сталінскі выраз аб “средостении” з нацыянальна-буржуазных дзяржаў, якое “неабходна пераадолець... на шляху ў Заходнюю Еўропу і, галоўным чынам, да нашай сувязі з Германіяй”. Вось таму “Заходняя Камуна павінна аб’явіць сябе самастойнай Савецкай Сацыялістычнай Беларускай Рэспублікай” [32, с. 14, 15].

Такім чынам, прадстаўленая Мясніковым матывіроўка рашэння аб стварэнні Беларускай савецкай рэспублікі, – відавочна, вынесена з кабінета Сталіна, – з аднаго боку, сведчыла пра тое, што агульная стратэгія бальшавіцкага кіраўніцтва на заходнім палітычным накірунку не змянілася – ёю была нацэленасць на рэвалюцыю ў Еўропе – але мянялася тактыка дасягнення гэтай мэты. К сярдзіне трэцяй дэкады снежня стала зразумелым, што прайсці ў Еўропу “беларускім калідорам”, за плячыма адыходзіўшых нямецкіх войск, па шэрагу прычын не ўдасца, у тым ліку і таму, што на шляху з’явілася польская “плаціна”. Але калі б і ўдалося прайсці ў абход гэтай “плаціны”, у накірунку на Усходнюю Прусію, то сам гэты паход губляў на той момант сэнс у сувязі са спадам рэвалюцыйнай хвалі і ростам антыбальшавіцкіх настрояў у Германіі. Ва ўзнікшай сітуацыі сама Заходняя вобласць, як сказаў Мяснікоў, становілася небяспечным праходам для сіл “Чорнага Інтэрнацыянала”. Яго неабходна было закрыць, каб пазней адкрыць зноў, але, натуральна, для сіл “чырвонага”, Камуністычнага Інтэрнацыянала. Яго стварэнне па ініцыятыве Леніна якраз пачалося ў тры дні, калі было прынята рашэнне аб стварэнні Беларускай савецкай рэспублікі.

Але якім жа спосабам ленінскі ўрад здольны быў закрыць беларускі праход, ды так, каб пакінуць ключ ад яго ва ўласных руках? Калісці класікі даследавання гэтай тэмы ў беларускай гістарыяграфіі, знаёмыя з адпаведнымі партыйнымі дакументамі, увялі ва ўжытак

тэрмін “буферная рэспубліка”, будучы вымушанымі карыстацца эзопаўскай мовай дзеля яго тлумачэння. Маўляў, БССР як “буферная рэспубліка”, закрые гэты праход. А на мяжы савецкай эпохі акадэмік Ігнаценка ўжо адкрыта напісаў, як ён разумеў ролю беларускай “буфернай” рэспублікі пры закрыванні прахода для “чорнага” Інтэрнацыянала, у якасці авангарда якога, на яго думку, выступіла Польшча. “Абвяшчэнне БССР... – пісаў ён, – было прадрыктавана неабходнасцю абароны перамогшай у Расіі Кастрычніцкай рэвалюцыі, абароны яе любой цаной – нават стратай некаторай часткі тэрыторыі, калі спатрэбіцца” [33, с. 185]. Далей акадэмік указваў на пазнейшую саступку Польшчы Савецкай Расіяй Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны як на такую ўратавальную страту. Аднак адэпты масцітага гісторыка, не валодаючы і блізка ўласцівай яму крэатыўнасцю, не ўбачылі зробленай ім падказкі і не здолелі да сёння развіць гэты тэзіс.

Між тым, Беларуская савецкая рэспубліка не мела ніякіх магчымасцей, каб стаць ваенна-палітычным бар’ерам перад польскай экспансіяй, ні ваенна-матэрыяльных, ні маральных, ні якіх–небудзь іншых... – за выключэннем аднаго: нежадання беларускіх сялян, каб памешчыкі вярнуліся на іх зямлю. Буфернасць Беларускай савецкай рэспублікі выяўлялася ў яе поўнай палітычнай залежнасці, у яе здольнасці служыць дыпламатычным інструментам РСФСР у адносінах з Польшчай, якая рыхтавалася пачаць сваю тэрытарыяльную экспансію на ўсход. Польская экспансія ўяўляла сабой непасрэдную пагрозу для савецкай улады на тэрыторыі былой Рэчы Паспалітай, а ў яе аб’ектыўным спалучэнні з небяспекай, якую стваралі сілы ўнутранай контррэвалюцыі, адцягваючы рэсурсы Савецкай Расіі ад франтоў грамадзянскай вайны, яна стварала пагрозу і для савецкай улады ва ўсёй Расіі. Савецкае кіраўніцтва ўсвядоміла гэта ў выніку абмеркавання катастрофічнай сітуацыі на Усходнім фронце, праведзенага 22 снежня на пасяджэнні Савета абароны Расійскай Рэспублікі пад старшынствам Леніна. Савет абароны, ацаніўшы сітуацыю на Усходнім фронце як небяспечную, рэкамендаваў ураду распарадзіцца “спыніць усякае такое прасоўванне нашых войск на польскай граніцы, на якое палякі будуць мець прэтэнзіі” [34, с. 72].

Выконваючы дырэктыву Савета абароны, ленінскі ўрад на наступны дзень паслаў ясныя сігналы аб сваёй гатоўнасці да кампраміснага міру як на адрас Польшчы, так і на адрас яе заходніх заступнікаў. Пры гэтым у ночце наркама Чычэрына міністру замежных спраў Польшчы было заяўлена, “што ніякая небяспека ёй не пагражае з боку Расіі, і што войскі Расійскай Савецкай Рэспублікі не толькі вельмі аддаленыя ад польскіх граніц, але, акрамя таго, адзеленыя ад яе Літвой і суседняй часткай Украіны, і ў цяперашні час Расія і Польшча не маюць агульнай граніцы” [35, с. 625]. У гэтым сцвярджэнні была дапушчана – хутчэй за ўсё, у спешцы – адна фактычная неадпаведнасць, якая выяўлялася ў канстатацыі наяўнасці ўкраінска-літоўскай мяжы, якую прызнавала да свайго паражэння Германія, але не прызналі ні дзяржавы–пераможцы, ні Польшча. Рашэнне абвясціць Беларускаю Савецкую Рэспубліку, уключаўшую Гродзенскую губерню, удала ўстараняла гэту недакладнасць і ператварала пытанне аб усходняй дзяржаўнай мяжы Польшчы на тэрыторыі былой Расійскай імперыі ў адкрытае для Савецкай Расіі, рабіла яго прадметам патэнцыяльных перагавораў. Не менш важна і тое, што абмен радыётэлеграмамі паміж урадамі РСФСР і Польшчы, пачаты ў канцы 1918 г., дазволіў савецкаму ўраду выявіць абсяг тэрытарыяльных прэтэнзій Польшчы на ўсходніх тэрыторыях былой Рэчы Паспалітай, задавальненне якіх магло стаць цаной за мір з ёю. У адной з радыётэлеграм польскі бок папракаў Савецкую Расію ў тым, што савецкія войскі “навадняюць Літву і Беларусь, уводзячы тым самым савецкую адміністрацыю ў вобласці, ёй чужыя...”. Частка гэтых тэрыторый аб’яўлялася “бяспрэчна польскімі” [36, с. 30–31].

Ёсць магчымасць звярнуцца і да іншых крыніц, якія сведчаць пра тое, што пасля 22 снежня савецкае кіраўніцтва па ініцыятыве Леніна не толькі зарыентавалася на пошук кампраміснага міру з Польшчай, але і даволі хутка пачало арыентавацца ў мяжы яе патэнцыяльных тэрытарыяльных прэтэнзій. Каштоўнасць гэтых сведчанняў асабліва значная, паколькі паходзяць яны ад асоб, дасведчаных у геапалітычнай і ваеннай сітуацыі ў рэгіёне. Сярод іх – паведамленне члена Рэвваенсавета Заходняга фронту, польскага камуніста

С. Бабіньскага начальніку аддзела штаба фронту Дэ Лазары аб змене настрою ў савецкіх кіруючых колах на карысць асцярожнай палітыкі на заходнім стратэгічным напрамку, каб не справакаваць вайну з Польшчай. Ён чуў аб гэтым 25 снежня ў Маскве “ад кіруючых асоб Рэспублікі” [37, л. 101]. Гэта і даклад блізкага да Леніна ў той час балгарскага камуніста Хрысціяна Ракоўскага, былога кіраўніка савецкай дэлегацыі на перагаворах з Украінскай Народнай Рэспублікай, зроблены 24 снежня на надзвычайным агульным сходзе Смаленскай арганізацыі РКП(б). У ім ён ацаніў сітуацыю ў Беларусі як спрыяльную для савецкай улады, але ўказаў на пагрозу з боку Польшчы, якая спрабуе “распаўсюдзіць свой уплыў на *Мінскую губерню і на поўнач ад яе*” [38] (падкр. намі – Р. Л.). Даклад сведчыць аб тым, што яго аўтару была даступная інфармацыя, якой у той час аперываваў ЦК РКП(б).

Такім чынам, у гэтыя дні, 23–24 снежня, савецкае кіраўніцтва на чале з Леніным зразумела неабходнасць новага “Брэсцкага міру” і новай “перадышкі”, на гэты раз у адносінах з Польшчай, і не выключала тэрытарыяльных саступак на яе карысць у якасці цаны за такі мір. Тут нам неабходна зразумець, што праяўляючы ў канцы 1918 г. гатоўнасць да новага “Брэсцкага міру”, да міру, звязанага з тэрытарыяльнымі стратамі, савецкае кіраўніцтва на чале з Леніным, нягледзячы на ўсе цяжкасці, якія перажывала краіна, знаходзілася ў лепшых палітычных і псіхалагічных умовах, чым напярэдадні міру з Германіяй. Гаворкі пра тое, што савецкая ўлада можа ўпасці з дня на дзень, не вялося. А сам Брэсцкі мір ацэньваўся як вялікі поспех маладой савецкай дыпламатыі, паколькі дазволіў занесці рэвалюцыю ў Германію [39, с. 5].

Упэўненасць Леніна і яго паплечнікаў у магчымасці і нават карысці для Савецкай Расіі пры яе слабасці нявыгаднага, на першы погляд, міру з Польшчай выводзілася не толькі са стратэгічных і геапалітычных разлікаў. Улік прасавецкіх і адначасова антыпольскіх настройў насельніцтва раёнаў Беларусі, вызваленых ад нямецкай акупацыі, быў не менш важным кампанентам гэтай упэўненасці. (Зразумела, гісторыку неабходна ўмець дыферэнцыраваць матывы гэтых настройў у розных сацыяльных слаёў: для гараджан гэта, хутчэй, былі прарасійскія настроі як выява выбару імі меншага зла, а ў беларускага сялянства яны мелі антыпамешчыцкі і ў *выніку* прасавецкі і антыпольскі характар). З пункта гледжання ленінскага ўрада апошняе было асабліва важна: можна было не баяцца аддаваць пад уладу Польшчы беларускіх сялян. Трапіўшы пад яе ўладу, яны пераўтвараліся ў саюзніка Савецкай Расіі, як гэта было нядаўна пад нямецкай акупацыяй, калі, не чакаючы дырэктывы з Петраграда – Масквы, разгарнулі барацьбу супраць германскіх рабаўнікоў.

24 снежня “Правда” выйшла з рэдакцыйным артыкулам, у якім упершыню была сфармуляваная ідэя “другой перадышкі”. У наступныя дні гэта ідэя неаднойчы акцэнтавалася газетай, у прыватнасці, у артыкулах ужо вядомага нам Х. Ракоўскага.

Такім чынам, фармальнае аддзяленне Беларусі ад Савецкай Расіі ў выглядзе савецкай рэспублікі было неабходнае, каб заахвоціць Польшчу да перагавораў аб новым “Брэсцкім” міры. Неабходна было спачатку аддзяліцца ад яе буфернай тэрыторыяй, што аблягчала дэманстрацыю мірных намераў – маўляў, Чырвоная Расія не мяжуе з Польшчай і не стварае ёй пагрозу. Выдзяленне з гэтай тэрыторыі яе большай ці меншай часткі як сродку абмену на мір, магло б стаць, і, як вядома, сапраўды стала наступным крокам у гэтай палітыцы “перадышкі”. Ён быў здзейснены 16 студзеня 1919 г. у выглядзе аддзялення ад БССР трох усходніх губерняў. Тыя, што засталіся ў яе складзе, якраз і былі падрыхтаваны для абмену. Ленін пазней прызнаў, што пытанне аб Беларусі савецкі ўрад збіраўся вырашыць шляхам барацьбы ўнутры Польшчы, што азначала перадачу ёй той часткі беларускай зямлі, на якую Польшча прэтэндавала. Пры гэтым ён зыходзіў з пераканання ў тым, што “польскім памешчыкам і капіталістам чужых зямель не ўтрымаць” [40, с. 139, 320], яны зноў вернуцца да Савецкай Расіі.

Разглядаючы пытанне аб падрыхтоўцы савецкім урадам аб’екта абмену на мір з Польшчай на мяжы 1918–1919 гг., нельга не заўважыць раптоўнага ўздыму ўвагі найболей дасведчаных у гэтай справе органаў савецкага друку да ідэі Літоўска-Беларускай савецкай

рэспублікі. Здавалася б на першы погляд, яна павінна была б страціць актуальнасць у святле абвяшчэння ССРБ, але гэтага не адбылося. Больш за тое, орган абкама партыі “Звезда” прэзентавала гэту ідэю ў тым жа нумары за 31 снежня і на той жа старонцы, на якой паведамляла пра абвяшчэнне БССР. Аўтарам артыкула пад загалоўкам “Белорусско-Литовская Трудовая Коммуна» быў не хто іншы, як ледзь не залічаны нядаўна ў апазіцыянеры Ісак Рэйнгольд (тут ён выступіў пад сваім партыйным псеўданімам “І. Рэнёў”). На пачатку Рэйнгольд шчыра патлумачыў прычыну абвяшчэння Беларускай савецкай рэспублікі неабходнасцю парыраваць абвінавачанні Антанты ў адрас Савецкай Расіі ў захопе тэрыторыі, якую пакідае Германія. А затым абгрунтаваў неабходнасць наступнага кроку: стварэння Беларуска-Літоўскай працоўнай камуны. Ён тлумачыў гэтую неабходнасць двума фактарамі: тым, што этнічная Літва маленькая (для дзяржаўнага існавання), і адпаведнасцю гэтага кроку волі беларускага сялянства, выказанай на мінскім з’ездзе. У выніку, пісаў Рэйнгольд, самавызначэнню буржуазіі і памешчыкаў Беларусі і Літвы будзе супрацьпастаўлена самавызначэнне працоўных у выглядзе Беларуска-Літоўскай працоўнай камуны.

Найпрасцей патлумачыць выяўленую “Звездой” літаральна на адной старонцы дваістасць пазіцыі па беларускім пытанні можна было б яе пэўнай разгубленасцю, тым, што яна не паспела зарыентавацца ў новым курсе партыі па гэтым пытанні пасля нарады прадстаўнікоў абкама ў ЦК РКП(б) 27 снежня. Але гэта тлумачэнне будзе няправільным. Вядома, што Мяснікоў, вярнуўшыся з Масквы, правёў два сходы мясцовых камуністаў, інфармуючы іх аб выніках маскоўскай нарады, з якіх адзін быў сходам дэлегатаў партыйнай канферэнцыі перад яе пачаткам. Так што сумнявацца і разважаць не было падстаў, неабходна было выконваць рашэнне ЦК партыі. Відаць, самое рашэнне ЦК было “дваістым”, дакладней, двухступенчатым, прадугледжваючы ўжо на гэтым этапе будучае аб’яднанне дзвюх савецкіх рэспублік – літоўскай і беларускай. Гэтую гіпотэзу надзейна падмацоўваюць тагачасныя публікацыі органа Наркамата па справах нацыянальнасцей, якія варта тут працытаваць. У адной з іх член калегіі Наркамнаца Э. Каменскі, прывітаўшы толькі што створаны рабоча-сялянскі ўрад Беларусі, папярэджваў: ”Таварышы Беларусіі (так – Р. Л.) павінны памятаць, што іх барацьба далёка не скончана. Беларуска-Рада спелася з Літоўскай Тарыбай, – яны яшчэ будуць спрабаваць задушыць Рабоча-сялянскую ўладу, запрасіўшы для гэтага “саюзнікаў” (дзяржавы Антанты – Р. Л.), і з гэтай мэтай яны ўжо паслалі ў Лондан дэпутацыю”.

Толькі праз 70 год, пасля цяжкіх перыпетый, Беларусь выслізнула з аслабеўшых рук паслядоўнікаў Леніна. Замест савецкай рэспублікі на карце свету з’явілася Рэспубліка Беларусь. Гэта была не простая змена назвы. Ставячы перад сабой задачу набыць суверэнны статус, сучасная беларуская дзяржава абавязана была арыентавацца на тую гістарычную мадэль беларускай дзяржаўнасці, з якою быў пачаты гэты працэс, хоць ён па аб’ектыўных прычынах быў спынены. БССР па сваёй сутнасці інструмента расійскай савецкай палітыкі рашыць гэту задачу была няздольная і не ставіла яе. Такім чынам, выпадаючы з савецкай імперыі, БССР пераўтваралася ў дзяржаўную форму, якая натхняецца ідэяй і вопытам БНР. Бальшавіцкія архітэктары савецкіх рэспублік не маглі прадбачыць такога выніку сваіх дзеянняў. Затое сучасны гісторык можа выкарыстаць гэты факт як падказку Гісторыі, як неабходнасць з большай увагай і прафесійнай адказнасцю прыгледзіцца да кароткага перыяду існавання на беларускай зямлі Беларускай Народнай Рэспублікі як мадэлі нацыянальнай дзяржавы, стварэнне якой было пачата ў неспрыяльных умовах, па аб’ектыўных прычынах было спынена і адкладзена ў гістарычны запас. Але і БССР не адыйшла ў гісторыю бяследна. Карыстаючыся гэтым інструментам, беларускі народ выканаў шэраг гістарычных задач, з якіх мінімальна неабходныя заключаліся ў тым, каб не дазволіць суседзям забыць аб сваім гістарычным месцы на гэтай зямлі і аб сваім творчым патэнцыяле.

Крыніцы і літаратура

1. Елісееў, А. Б. Зміцер Жылуновіч: Чырвоны адраджэнец / А. Б. Елісееў. – Мінск : БудМедыяПраект, 2019. – 296 с.
2. Чернякевич, А. Н. БНР. Триумф побеждённых / А. Н. Чернякевич. – Минск : А. Н. Янушкевич, 2018. – 302 с.
3. Беларуская Народная Рэспубліка – крок да незалежнасці : да 100-годдзя абвяшчэння : гістарычны нарыс / А. А. Каваленя [і інш]; Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут гісторыі. – Мінск : Беларуская навука, 2018. – 157 с.
4. Лазько, Р. Р. Супрацоўніцтва ленінскага Саўнаркама з беларускімі нацыянальнымі арганізацыямі напярэдадні Ўсебеларускага з’езда 1917 г. / Р. Р. Лазько // Беларускі гістарычны часопіс. – 2016. – № 1. – С. 3–12.
5. Лазько, Р. Р. Самавызначэнне, прыпыненае гвалтам (Да пытання аб разгоне Усебеларускага з’езда 1917 года. Частка 1) / Р. Р. Лазько // Беларускі гістарычны часопіс. – 2016. – № 3. – С. 5–12.
6. Лазько, Р. Р. Самавызначэнне, прыпыненае гвалтам (Да пытання аб разгоне Усебеларускага з’езда 1917 года. Частка 2) / Р. Р. Лазько // Беларускі гістарычны часопіс. – 2016. – № 4. – С. 3–10.
7. Антонов–Овсеенко, В. А. Записки о Гражданской войне : в 2 т. – М.: Высший военный редакционный совет, 1924. – Т. 1. – 271 с.
8. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 – март 1918 г. – М.: Наука, 1973. – 456 с.
9. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии: документы и материалы : в 2 т. – Мн. : Госиздат БССР, 1957. – Т. 2. – 1070 с.
10. Белорусская земля. – 1918. – 1 марта.
11. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 1440. – Воп. 3. – Спр. 433.
12. 1 января 1919 года: Временное рабоче–крестьянское советское правительство Белоруссии : док. и материалы / сост. В. Д. Селеменев (рук.) [и др.]; науч. ред. М. Ф. Шумейко. – Мн. : Лимариус, 2005. – 266 с.
13. Сталин, И. В. Сочинения : в 18 т. / В. И. Сталин. – М. : Госполитиздат, 1947. – Т. 4. – 420 с.
14. Рудовіч, С. Час выбару: Праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе / С. Рудовіч. – Мінск: Тэхналогія, 2001. – 200 с.
15. Лазько, Р. 1914–1917: аптымістычная трагедыя Беларусі / Р. Лазько / *Białoruskie zeszVtV historVczne*. – BiałVstok, 2015. – № 44. – S. 153–168.
16. Советская правда. – 1917 г. – 9 декабря.
17. “Протокол... Первой конференции белорусских секций Российской коммунистической партии (большевиков) в г. Москве” // *Славяноведение*. – 2008. – № 4. – С. 54–81
18. НАРБ. – Фонд. 4. – Воп. 1.– Спр. 8.
19. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 1235. – Оп. 2. – Д. 4.
20. Малашко, А. М. Белорусские секции РКП(б) / А. М. Малашко // *Путем борьбы и труда: По материалам научной конференции, посвященной 70-летию образования БССР и Компартии Белоруссии* / [Редкол.: Р. П. Платонов (рук.) и др. – Мн.: Беларусь, 1989. – 237, [2] с.
21. Ладысеў, У. Ф. Паміж Усходам і Захадам: Станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.). / У. Ф. Ладысеў, П. І. Брыгадзін. – Мн.: БДУ, 2003. – 307 с.
22. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 4. – Д. 6.
23. Переписка Секретариата. ЦК РКП(б) с местными партийными организациями. Январь – март 1919 г. – М.: Изд–во политич. литературы, 1971. – 554 с.

24. НАРБ. – Фонд. 59 п. – Воп.1. – Спр. 41.
25. ГАРФ. – Фонд. 1235. – Воп. 93. – Спр. 311.
26. Жылуновіч, З. Беларускія секцыі РКП і стварэнне БССР / З. Жылуновіч // Польша. – 1928. – № 10. – С. 12–26.
27. НАРБ. – Ф. 4. – Воп. 1. – Спр. 8.
28. НАРБ. – Ф. 60 п. – Воп. 3. – Спр. 498.
29. НАРБ. – Ф.15. – Воп. 28. – Спр.10.
30. Дубоўка, У. Сустрэчы / У. Дубоўка // Успаміны пра Цішку Гартнага : зб. / Склад. Жылуновіч Г. Д., Александровіч С. Х. – Мінск: Маст. літаратура, 1984. – 173 с.
31. Государственность Беларуси: Проблемы формирования в программах полит. партий / В. К. Коршук [и др.]. – Мн.: БГУ, 1999. – 289 с.
32. Праатакол I з’езда Камуністычнай партыі (бальшавікоў) Беларусі. Падрыхтаваў да друку Ю. Майзель. Пад рэд. С. Агурскага і М. Леўкова. – Менск : Парт. выд., 1934. – 78 с.
33. Игнатенко, И. М. Октябрьская революция и самоопределение Белоруссии / И. М. Игнатенко. – Мн.: Наука и техника, 1992. – 254 с.
34. У дакуменце – “на которое поляки будут претендовать”: Ленинский сборник. XXXIV. – М.: ОГИЗ, 1942. – 564 с.
35. Документы внешней политики СССР : в 24 т. – М.: Госполитиздат, 1957. – Т. 1. – 824 с.
36. Красная книга. Сборник дипломатических документов об отношениях России и Польши с 1918 до 1920 г. – М.: Госиздат, 1920. – 110 с.
37. Российский государственный военный архив. – Ф. 33988. – Оп. 1. – Д. 66.
38. Западная Коммуна. – 1918. № 303. – 27 декабря.
39. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. – Т. 38.
40. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. – Т. 41.

УДК 94:351.746.1(470.25–37Себеж)”1921”

А. М. Бабков

Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕБЕЖСКОГО ПОГРАНОБМЕННОГО ПУНКТА В 1921 ГОДУ

В статье характеризуется деятельность Себежского погранобменного пункта в 1921 г. по реэвакуации беженцев и пленных Первой мировой войны из РСФСР и Украины в Литву и Латвию. Показана роль советских эвакуационных органов в организации возвращения беженцев на родину и ее недостатки. Предпринята попытка установить численность реэвакуированных беженцев и пленных, достигшей пика в 1921 г.

После окончания польско-советской войны 1919–1920 гг. и урегулирования взаимоотношений РСФСР с правительствами Польши, а также Прибалтийских республик возобновилась реэвакуация беженцев и военнопленных Первой мировой и Гражданской войн, других контингентов населения за границу. Огромная их масса возвращалась на родину через Беларусь. Основная нагрузка по отправке беженцев и военнопленных легла на приграничные эвакуационные пункты, которые находились под управлением Главноуполномоченного по Западной области (Главэвакзапа) во главе с Л. И. Розенгаузом. В начале 1921 г. в Западной полосе находилось более 32 тыс. беженцев, подлежащих отправке в Литву, Латвию, Польшу и Западную Беларусь [1, л. 3].

На северо-западном направлении Советской страны беженцы возвращались в Прибалтийские государства и Польшу через Псковскую, Смоленскую и Витебскую губернии (последняя с февраля 1919 г. входила в состав РСФСР). Ближайшим пограничным пропускным пунктом с Латвией здесь оставался Себеж, который не прекращал своей деятельности даже в период польско-советской войны.

В преддверии предстоящего массового возвращения беженцев на родину 10 февраля 1921 г. управление Главэвакзапа под председательством Л. И. Розенгауза провело совещание заведующих эвакуационными отделами эвакуационных пунктов области, на котором особое внимание было уделено подготовке к приему и обслуживанию беженцев, направлявшихся по линии Москва – Ржев – Вязьма – Великие Луки, и далее – на Себежский пограничный пункт. Главэвакзап дал указание Витебскому губэваку оказать содействие Себежскому уездэваку в расширении и обустройстве помещений для временного размещения проходящих через пункт контингентов населения. К этому времени часть беженских барачных корпусов обветшала, и они стали непригодными для проживания людей [2, л. 4 об]. Выполняя поручение Главэвакзапа, Витебский губэваку выделил Себежу вагон досок с завода на станции Невель и другие строительные материалы, а также два крытых вагона, которые были переоборудованы под общежитие для сотрудников Себежского пункта [3, л. 87 об].

Весной 1921 г. перед Главэвакзапом встала еще одна непростая задача по устройству карантина на границе с Латвией для приема возвращавшихся в советскую Россию военнопленных. Наиболее удобным местом для карантинного пункта рассматривались Великие Луки, куда стали направляться дополнительные материальные и людские ресурсы для устройства карантина. Поэтому начавшиеся в феврале работы по расширению и оборудованию учреждений Себежского эвака стали сворачиваться. Начальник управления эвака Э.А. Звирбула считал вполне возможным при содействии Центрэвака устройство карантина и в Себеже. Но в первую очередь он добивался от Главэвакзапа выделения материальных ресурсов для завершения строительных работ в Себеже. С его слов, было «много чего уже истрачено на ремонт, и нужно сделать все то, что необходимо для эвака, независимо от строительства барачных корпусов для карантина» [4, л. 114 об].

После распоряжения в марте 1921 г. Центрэвака РСФСР о возобновлении плановой реэвакуации беженцев в Латвию и Литву наметилось их массовое прибытие из центральных европейских губерний РСФСР и Украины к западной границе. Наиболее массовые потоки беженцев и пленных направлялись через Себеж транзитом. Согласно ежемесячным докладом начальника Себежского уездэвака Э.А. Звирбулы в управление Главэвакзапа наблюдалась следующая динамика движения беженцев транзитом через Себеж за границу. Так, в январе через Себежэваку проследовало 6871 мигрантов разных категорий, из которых 5024 беженца направлялись в Латвию и 1777 – в Литву. Во второй половине февраля общая численность транзитных беженцев составила 3581 человек, из них в Латвию направлялось 1017 и Литву – 1616. Весной их количество возросло. В марте через Себежский уездэваку было пропущено за границу 8328 мигрантов разных категорий, среди которых преобладали беженцы. 3591 беженцев отправились в Латвию и 2953 – в Литву. В апреле из 9636 транзитных мигрантов 4590 беженцев следовали в Латвию и 1793 – в Литву [5, л. 59, 87, 114, 153].

Своего пика транзитное движение беженцев и других категорий населения через Себеж за границу достигло в конце весны – летом 1921 г. В мае их численность составила 17246 человек, в июне – 17105, июле – 15127, августе – 12221. Из них в Латвию выехало в мае 3512 беженцев, июне – 4951, июле – 4964, августе – 3502. Соответственно в Литву направлялось в мае 4766 беженцев, июне – 7985, июле – 6665, августе – 6992 [6, л. 269, 274, 314]. Как показывают приведенные управлением Себежэвака данные, летом численность возвратившихся на родину литовских беженцев превысила количество беженцев–латышей.

Осенью движение контингентов населения через Себежэваку незначительно уменьшилось и в сентябре составило 9421 человек, а в октябре – 11330.

По-прежнему большинство мигрантов составляли беженцы. В сентябре в Латвию возвратилось 2275 беженцев, в Литву – 6231 [7, л. 257]. В октябре через Себеж прошло соответственно 4836 беженцев–латышей и 4453 беженцев–литовцев [8, л. 497]. Как следует из докладов о деятельности Себежского эвака, в марте–октябре 1921 г. через Себеж в Латвию возвратилось 32221 беженцев, в Литву – 41838 [9].

Следует отметить, что было немало случаев, когда беженцев отказывалось принимать свое государство. Литовское правительство, которое должно было защищать интересы литовских беженцев в России, наоборот, все время создавало препятствие в возвращении беженцев домой.

В начале марта 1921 г. литовский представитель на ст. Розеновская официально уведомил начальника Себежского эвака Э. А. Звирбулу о приостановлении приема литовских беженцев, хотя списки их были завизированы литовской стороной. Он ссылаясь на распоряжение своего правительства о временном закрытии карантинного пункта в Абелях для его переоборудования. На ст. Себеж тогда находились прибывшие из Минска, Смоленска и Нижнего Новгорода три эшелона с литовскими беженцами общей численностью 773 человека. Чтобы не допустить дальнейшего скопления беженцев в Себеже, по распоряжению начальника Себежского уездэвака в Новосокольниках и Великих Луках были задержаны шесть эшелонов с литовскими беженцами, следовавшие из Пензы, Тулы, Самары, Орла и Москвы. Только после длительных переговоров начальника Себежского эвака Э. А. Звирбулы в Розеновской с литовскими представителями удалось добиться их согласия принять «находившихся на колесах» и задержанных в Себеже беженцев, а позже и других беженцев, прибывших в Новосокольники и Великие Луки, что позволило разгрузить участок Себеж–Великие Луки от массового скопления людей. Однако дальнейший прием беженцев приостановился на литовской границе [10, л. 97].

Отказ литовской стороны принять своих беженцев на границе систематически наблюдался осенью 1921 г., о чем неоднократно докладывал начальник Себежского эвака в управление Главэвакзапа. Так, с 25 августа по 9 сентября 1921 г. на пограничном пункте Розеновская был задержан 331 беженец, следовавший из Саратова, Екатеринославля и Москвы в Литву. Самое большое количество беженцев было возвращено из Екатеринославского эшелона – 249 человек. Вторично литовская сторона приняла только 190 человек, а 141 беженец вновь был возвращен в Витебск. Такое ненормальное положение с реэвакуацией беженцев в Литву осложнило не только работу управления Себежского эвака, но и работу железнодорожного транспорта, т. к. «одни и те же люди перевозились несколько раз из Себежа на границу и обратно, и ввиду отсутствия барачных и каких–либо других помещений для беженцев они продолжают оставаться в вагонах, которые загромождают ст. Себеж, не говоря уже о том, что в последних ощущается острая нужда» [11, л. 257].

7 сентября заместитель начальника Себежского эвака вместе с уполномоченным Главэвакзапа Абрамсоном обратились к литовскому представителю Балтрушайтису, направлявшемуся через Себеж в Москву, с требованием «разъяснить причину непринятия 249 человек Екатеринославского эшелона и 65 человек других эшелонов, указав ему что как документы, так и списки беженцев визированы литовским представительством», на основании которых беженцы «снялись с мест для отправления на родину». Балтрушайтис согласился с указанными аргументами, однако свое обещание «распорядиться принять этих беженцев не выполнил» [12, л. 257 об].

Ситуация с отказом принять литовских беженцев на ст. Розеновская повторилась в октябре, когда литовский представитель не принял 273 беженцев. 198 из них были возвращены в Великие Луки, где они находились до прибытия советско-литовской комиссии, которой предстояло установить причину отказа литовской стороны во въезде беженцев на родину, хотя они имели завизированные документы. Выяснилось, что большая часть беженцев в количестве 133 человек не были приняты литовской стороной «ввиду оккупации их местности поляками». Поэтому их возвратили в Оршу «для дальнейшего направления на польскую границу». После протеста советской стороны 22 беженца вторично были приняты литовской пограничной службой. 10 человек отказались от прав беженства и возвратились в РСФСР [13, л. 497].

В то же время из-за границы через Себежский пункт возвращались домой беженцы и пленные Советской страны. После подписания 6 мая 1921 г. РСФСР и Германией дополнительного соглашения к советско-германскому договору от 19 апреля 1920 г. о возвращении на родину военнопленных мировой войны и гражданских интернированных лиц, обязывавшего правительства обоих государств в кратчайшее время завершить возвращение на родину оставшихся на их территории пленных и интернированных, усилился их приток из Германии в Себеж.

Контингенты, прибывавшие из-за границы на станцию Себеж, отправлялись на распределительные пункты. Военнопленные и беженцы Первой мировой войны направлялись в Москву, эмигранты следовали в Петроград, а интернированных военнопленных красноармейцев доставляли в Витебск, откуда их потом перевозили на места постоянного проживания [14, л. 257]. С октября беженцев и пленных Первой мировой войны стали размещать в ВеликоЛукском карантине [15, л. 497].

Так, в апреле из-за границы в Себеж прибыло 9019 военнопленных Первой мировой войны и 1234 интернированных красноармейцев, а также 1685 эмигрантов из Америки [16, л. 153]. В мае – 1764 военнопленных мировой войны, 12232 интернированных красноармейцев и 1141 эмигрантов, в июне – 1396 военнопленных мировой войны, 4071 интернированных красноармейцев и 201 эмигрант, в июле – 1053 военнопленных мировой войны, численность других возвращавшихся контингентов существенно уменьшились [17, л. 274]. В августе возвращение военнопленных, интернированных красноармейцев пошло на спад и осенью почти прекратилось. По сведениям Главэвакзапа, в 1921 г. из-за границы через Себеж возвратилось на родину 14415 военнопленных Первой мировой войны, 18744 интернированных красноармейцев, 6059 мигрантов. Общая численность прибывших из-за границы в Советскую страну всех категорий мигрантов составила 44510 человек [18, л. 9].

Себежский эвак занимался обеспечением продовольствием зарегистрированных при нем беженцев и других контингентов. При отделе продовольствия и снабжения во главе с Кривошеевым функционировал питпункт с кухней, рассчитанной на одноразовый прием пищи для 1050 человек.

При эвакуации функционировала хлебопекарня, которая работала в две-три смены. Она получала муку с Пустошинской мельницы, которая перерабатывала пшеницу и просо на муку и крупы. Так, в апреле было выпечено 868 пудов хлеба, в августе – 110, в сентябре – 137 [19, л. 87 об, 153 об].

Проходящим через Себеж беженцам продовольствие выдавалось питпоездом, прикомандированным по распоряжению Главэвакзапа. В Себежском эваке сложился определенный порядок продовольственного обслуживания проходящих контингентов населения. Согласно ему, «следовавшие за границу эшелоны с беженцами обеспечивались на питпункте горячей пищей, а прибывающие из-за границы эшелоны с военнопленными и другими контингентами получали горячую пищу на передвижном питпоезде» [20, л. 87].

Иллюстрацией работы питпункта является ведомость отдела продовольствия и снабжения выдачи продовольствия за апрель 1921 г. [21, л. 153 об].

Таблица

Категории мигрантов	Численность мигрантов	Количество выданных сухих пайков	Количество выданных горячих порций
военнопленные	14618 человек	18617 сухих пайков	10911 горячих порций питания
беженцы	7806	2917	5772
интернированные красноармейцы	3204	3917	1180
эмигранты	5333	4683	2124

Эвакуационные власти Себежа вынуждены были признать низкое качество выдаваемых беженцам обедов. В частности, начальник Себежского эвака в своем докладе в сентябре отмечал, что «из-за отсутствия круп на складе приходится варить пшеницу. Не уменьшая норму пшеницы, в последнее время добавляется в суп для каждого едока от 3 до 6 золотников сушеных бураков. Суп из пшеницы качественно намного хуже и необходимо перемолоть ее на крупу. Однако это невозможно было сделать из-за отсутствия топлива на мельницах Себежа» [22, л. 257 об]. При катастрофической ситуации с мясом от голодной смерти беженцев спасала рыба (сельдь, вобла), которая с перерывами выделялась питпункту.

В августе – сентябре командированный в Оршу заведующий продотделом за получением продуктов получил отказы от управления Главэвакзапа, которое рекомендовало ему обратиться за продуктами в уездный продком. Поэтому проводилась строжайшая экономия продовольствия.

Для временного размещения беженцев, возвращавшихся из советской России, на северо-востоке Литвы в местечке Обеляй, расположенном при железной дороге, проходящей через Двинск (Динабург), был открыт крупный карантинный пункт.

По подсчетам литовского историка П. Баронаса, к августу 1921 г. через Обеляйский карантин прошли 32 тыс. 139 беженцев Первой мировой войны, из них – 13037 литовцев, 12081 евреев, 5127 русских, 908 поляков, 435 белорусов, 135 латышей. Только в августе 1921 г. в карантин Обеляй прибыло 7 тыс. 629 беженцев, в т. ч. 3468 литовцев, 2398 евреев, 963 русских, 271 белорус, 193 поляка. Всего в 1921 г. через Обеляй прошло 60 тыс. беженцев. Для литовской стороны нежелательными считались беженцы, которые до Первой мировой войны служили в органах царской администрации, православные священники, управляющие поместьями. В профессиональном отношении среди прибывших в мае – августе 1921 г. беженцев в Обеляйский карантин подавляющее большинство составляли рабочие, численность которых составляла 3 тыс. 230 человек, а также земледельцы – 928 человек и купцы – 729 человек [23, с. 47].

Таким образом, Себежский погранобменный пункт явился крупнейшим пунктом на северо-западном направлении по реэвакуации беженцев и пленных Первой мировой войны, а также других контингентов населения из РСФСР и Украины в Прибалтийские республики. В 1921 г. наблюдался самый массовый поток беженцев в Литву и Латвию. Советское государство вынуждено было взять на себя организацию и расходы, связанные с реэвакуацией беженцев на родину, одновременно осуществляя контроль над ними. Однако в условиях продовольственного, транспортного, топливного кризиса, неурегулированности вопроса по реэвакуации на межгосударственном уровне, беженцы столкнулись с голодом и эпидемиями на долгой и для многих из них трагичной дороге возвращения домой.

Источники и литература

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 898.
2. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 427.
3. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 445.
4. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 445.
5. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 445.
6. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 637.
7. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 445.
8. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 637.
9. Подсчитано автором по: НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 445; Д. 637.
10. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 445.
11. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 445.
12. НАРБ. – Фонд 39. – Оп. 1. – Д. 445.
13. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 637.

14. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 445.
15. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 637.
16. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 445.
17. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 637.
18. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 643.
19. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 445.
20. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 445.
21. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 445.
22. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 445.

23. Baronas, P. Obelių karantinas 1921 metais / P. Baronas // Istorija. – 2003. – Vilniaus pedagoginis universitetas. – Т. LVII. – S. 45–50.

УДК 93(476+477)

М. А. Федоренко

Национальный университет кораблестроения
имени адмирала Макарова

**СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ УКРАИНСКИХ И БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА КАК ПРЕДПОСЫЛКА ПОРАЖЕНИЯ УНР И БНР:
ПОПЫТКА СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА**

В статье сделана попытка сравнительного анализа имперской политики России на территории Беларуси и Украины в конце XIX – начале XX ст., уровня социального развития и национального самосознания украинского и белорусского народов как причин поражения национальных революций 1917–1921 гг.

Исторические события столетней давности, происходившие в Украине и Беларуси, на сегодняшний день по-прежнему актуальны для историков и не только в силу своего юбилея. Сам процесс создания, существования и поражения национальных государственных образований, в виде УНР и БНР, имеет свои общие и специфические особенности. Понимание их существенно помогает понять логику современного пути развития обоих государств и их народов. Своеобразные параллели исторического развития украинцев и белорусов требуют пристального изучения общего и различного, специфику данного процесса.

Целью данной публикации является попытка при помощи историко-сравнительного анализа, выявить предпосылки и специфику некоторых факторов, которые повлияли на поражение попытки государственного строительства двух близких народов, вначале XX ст. Следует отметить, что значительное число историков рассматривало в своих исследованиях факторы, способствующие созданию и поражению указанных государственных формирований. Однако, как правило, внимание исследователей концентрируется на самом периоде существования УНР и БНР. Далекое не всегда обращается внимание на особенности процесса этнического развития украинцев и белорусов в XIX – начале XX ст., в контексте национальных революций. А именно они оказали существенное влияние на фатальные ошибки руководств УНР и БНР во время выпавших им испытаний. Именно они, способствовали, на наш взгляд, достаточно быстрому разочарованию и безразличию украинцев и белорусов к своим молодым государственным образованиям и попаданию под влияние пропаганды российских большевиков.

В XIX ст., территория белорусских земель, полностью входила в состав Российской империи. Украинские земли были распределены между Россией и Австро-Венгрией.

Подобное колониальное положение, безусловно, тормозило процесс национального развития. При этом, если белорусы и украинцы, находящиеся в составе Российской империи, ощущали на себе практически одинаковый комплекс национального угнетения, то положение украинцев в Австро-Венгрии, имело некоторые отличия. Царские правящие круги не признавали существование белорусского этноса и проводили политику русификации белорусов. Особенно этот процесс активизировался после поражения восстания 1863–1864 гг. Основными каналами русификации были а) Русская православная церковь; б) система образования; в) государственные учреждения. Основным тезисом русификаторской политики было утверждение, что белорусы, на самом деле являются видоизменёнными русскими, испорченными польско-католическим влиянием. Им объяснялась необходимость избавиться от «хамского», «мужицкого» языка. Сам белорусский язык запрещался в использовании образовательными и государственными учреждениями, так же в печати, за исключением этнографических трудов. В 1864 г. царским правительством было закрыто единственное в Беларуси высшее учебное заведение, Горы–Горецкий земледельческий институт. Все дальнейшие попытки открытия на белорусских землях высших учебных заведений не имели успеха до конца существования Российской империи. В российских университетах и институтах выходцам из Беларуси и Литвы, которые имели католическое вероисповедание, было установлено ограничение в обучении [4, с. 334]. Такое положение, крайне негативно сказалось на процессе формирования национальной белорусской интеллигенции и, как следствие, на развитии культурного и социально-политического движения, не благоприятствовало национальному прогрессу и вносило существенные деформации в процесс формирования белорусской нации. Данное положение важно тем, что нация начинается не столько из народной стихии, а из групп интеллектуалов, которые разрабатывают концепцию нации и распространяют её через систему образования, научную и популярную литературу, средства массовой информации [6, с. 305].

Во многом аналогичная ситуация сложилась и в украинских землях, принадлежащих Российской империи. Однако существовали и некоторые отличия. Российские правящие круги также не признавали права на существование украинцев, называя их малороссами в унижительном значении данного этнического идентификатора. Как и белорусам, украинцам объясняли, что они есть русские, исторически испорченные польским влиянием. Каналы русификации были аналогичны, что и в Беларуси. Российские историки, филологи, политические и общественные деятели, прилагали значительные усилия для соответствующей интерпретации украинской истории, поиску доказательств о не существовании украинского языка и пр. Сам украинский язык также попал под запрет (Валуевский указ 1863 г.). Однако в отличие от Беларуси, в Украине царское правительство было вынуждено развивать систему высшего образования. Так, в XIX ст. в Украине действовало три университета в Киеве, Харькове и Одессе, Киевская духовная академия, институт князя А. А. Безбородько, с 1898 г. Киевский политехнический институт. Подобная «ласка» была обусловлена большим количеством украинского населения, бурным экономическим развитием Украины, особенно на юге и востоке. Были крайне необходимы квалифицированные кадры в области управления, промышленности, образования, духовного просвещения. Кроме того, перед учреждениями высшего образования ставилась задача русификации формирующейся украинской интеллигенции. Однако, несмотря на русификацию, перечисленные вузы благоприятствовали распространению украинофильских взглядов, расширению круга украинской интеллигенции, что в свою очередь, безусловно, способствовало развитию национального самосознания украинцев, подданных Российской империи.

Ситуация, сложившаяся на территории Галичины, Буковины и Закарпатской Украины, в составе Австрии, а позднее Австро-Венгерской империи, также имела свою специфику. Монархия Австро-Венгрии проводила относительно толерантную политику по отношению к украинцам – «русинам». Во-первых, украинцы рассматривались, как фактор

сдерживания польского сепаратизма в регионе. Во-вторых, Австро-Венгрия, в этническом плане, была «лоскутною» империей и ее правящим кругам приходилось балансировать между национальными интересами населявших её народов. В-третьих, в отличие от россиян, австрийцы не вели речь о единстве братского австро-украинского народа, и что украинцы на самом деле являются ополяченными австрийцами. Подобное утверждение было бы бессмысленным. В-четвёртых, Украинская греко-католическая церковь (УГКЦ), своим существованием и деятельностью не только способствовала самоидентификации западных украинцев, но и всеми силами способствовала пробуждению национального самосознания. Поэтому процесс украинской этнической самоидентификации в Австро-Венгрии проходил в более благоприятных условиях, однако и они были далеки от идеала. Чрезвычайно серьёзным, было противостояние с поляками, особенно в Галичине, что впоследствии негативно сказалось во время национальной революции 1917–1921 гг.

Следующим, важным фактором поражения УНР и БНР является специфика и уровень социального развития. В XIX ст. основная масса белорусского этноса находилась преимущественно в сельской местности. Причина небольшого процента белорусов, проживавших в городах, была во многом обусловлена перенаселённостью белорусских городов и местечек евреями и россиянами. Искусственное перенаселение городов еврейским населением объясняется антисемитской политикой Российской империи, предусматривавшей концентрацию евреев в чертах оседлости, к которым относились территории Беларуси и Украины. В самих городах почти не существовало развитого промышленного производства. Темпы индустриализации были замедленны, рабочих мест крайне не хватало. Количество белорусского населения в 1866 г., проживавшего в городах западных губерний, колебалось то 0,9 % до 7,2 %, около 3,6 тыс. человек [4, с. 335]. Однако, несмотря на медленные темпы индустриализации, к концу XIX ст. их количество выросло до 43,1 тыс. человек: в Минске – 8,2 тыс., в Витебске – 8 тыс., Гродно – 5,4 тыс., Гомеле – 6,5 тыс., Могилёве – 12,9 тыс. В то же время, в Петербурге проживало 66,5 тыс. белорусов. В Москве – 15,9 тыс., Одессе – 16,9 тыс. Всего городское население Беларуси в конце XIX ст. насчитывало 12,5 % от общей численности населения [4, с.336]. Основным ядром белорусского этноса являлось крестьянство, однако оно было разрознено, слабо образовано и инертно. Крестьянство по-прежнему далеко стояло от политики и его главным идеалом была земля [3, с. 381]. Национальная буржуазия в указанный хронологический период находилась в стадии становления. В значительной мере она уступала еврейским, русским и польским предпринимателям, сконцентрировавшим в своих руках земельный, промышленный торговый и банковский капитал. В процентном соотношении социальная стратификация Беларуси в конце XIX ст. выглядела следующим образом. Крупная буржуазия, помещики и чиновники – 2,3 %; средняя буржуазия – 10,4 %; мелкие хозяева – 10,4 %; пролетариат и полупролетариат – 56,5 % [5]. Таким образом мы видим, что за указанный период, социально-демографический фактор не благоприятствовал бурному, динамичному, устойчивому этническому развитию белорусов.

Украинцы, в Российской империи, составляли 79,6 % от всего населения Украины. В Крыму их доля составляла 11,6 %, Бессарабии – 34,6 %, Полтавской губернии – 98%, Харьковской – 80,6 %. Как и Беларусь, Украина во второй половине XIX ст. оставалась аграрным регионом. Сельское население составляло 84 % от общей численности населения [1]. Сельское хозяйство переживало бурное развитие. Появляются новые сельскохозяйственные культуры (сахарная революция, подсолнечник), растёт урожайность. В Наднепрянской Украине 25 % крестьян владело 40 % земель, 50 % всего скота. В то же время 75 % крестьян находилось на грани бедности [1].

Благодаря реформе 1861 г. на протяжении двадцати лет, на юго-восточных землях Украины происходит промышленный переворот. В результате, создаются наибольшие в Восточной Европе Днепровский и Донецкий промышленные регионы. Не менее динамично развивается украинский юг. В то же время, городское население Украины, к 1900 г.

составляет 13 % от всего населения. Из них еврейское население составляло 33 % а на правом берегу – 80 %. Вообще, украинцы составляли всего третью часть городского населения, большинство которого было представлено русскими и евреями [1].

На украинских землях Австро-Венгрии в указанный период украинцы составляют 95,5 % сельского населения. В селе наблюдается перенаселение и острая нехватка земли. Города и местечки не переживают промышленного развития, что в свою очередь не позволяет украинским крестьянам решить проблему с трудоустройством. В результате начинается процесс массовой эмиграции украинцев на запад. Это лишает украинский этнос большого количества социально активных соплеменников. Подобные миграционные процессы происходили и в Российской империи, только в восточном направлении.

В отличие от Беларуси, формирующаяся в то время, украинская национальная буржуазия была не чужда национальной идее и различными пожертвованиями, меценатством, способствовала процессу национального развития. Чрезвычайно важным является и тот факт, что во второй половине XIX ст., в Украине завершился процесс формирования национальной интеллигенции. Всего высшие учебные заведения в Украине за указанный хронологический промежуток выпустили 13 тыс. специалистов различных отраслей. Сам состав интеллигенции претерпевает качественные изменения. Дворянство постепенно теснится разночинцами и составляет 20–25 % от её состава. В то же время национальная интеллигенция была ещё очень слаба в количественном плане. Большую часть интеллигенции в Украине представляли носители русской, имперской идеологии. В 1897 г. украинцами были 18 % юристов, 25 % учителей, 10 % писателей [2]. В своём большинстве национальная украинская интеллигенция была разрознена и слабо организована.

Таким образом, процесс формирования украинской и белорусской наций в XIX ст., был медленным и деформированным. Российская империя всеми способами стремилась уничтожить проявления национальной идентификации украинцев и белорусов. Политика Австро-Венгрии, по отношению к западным украинцам была не на много толерантнее. Несмотря на развитие капиталистических отношений, национальная буржуазия в Беларуси была не значительной и не имела существенного влияния. Несколько иначе складывалась ситуация в Украине, где формируется достаточно влиятельная национальная буржуазия, которая принимает участие в национальной жизни своего народа и имеет хоть и «скромные», но претензии на власть. Но и она не была достаточно мощной силой. Национальный пролетариат, как социально активный и способный к быстрой самоорганизации слой, не составлял ни в белорусских, ни в украинских городах большинства. Кроме того, он находился под влиянием тотальной русификации. Украинское и белорусское крестьянство, как носитель национальной самобытности, было слабо организовано и находилось в стадии национальной апатии. Его больше волновал происходивший в то время процесс социально-имущественной дифференциации, а не дело национального возрождения. Белорусская интеллигенция в данный период находилась в стадии формирования и имела слабое влияние на свой народ. Хотя в Украине дела с формированием национальной интеллигенции были гораздо лучше, однако и она во многом также была достаточно слабой, разрозненной и часто попадала под российское влияние. Всё это фатально сказалось на мощи национального ресурса и поражении УНР и БНР в период национальных революций 1917–1921 гг.

Источники и литература

1. Борисенко, В. Курс української історії: 3 найдавніших часів до XX ст. / В. Борисенко. – Київ: Либідь, 1998. – 616 с.

2. Говорун, К. Соціальний розвиток українських земель у другій половині XIX ст. [Електронний ресурс] / К. Говорун – Режим доступу : <http://narodna.pravda.com.ua/historV/4b2e4ed7d5982> – Дата доступу : 05. 04. 2020.

3. Грамадска-палітычнае жыццё ў Беларусі, 1772–1917 гг. / А. У. Унучак [і інш.] ; редкал.: В. В. Даніловіч (гал. ред.) [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – 2-е выд. – Мінск : Беларуская навука, 2019. – 573 с.

4. Нарысы гісторыі Беларусі : у 2 ч. / М. П. Касцюк, У. Ф. Ісаенка, Г. В. Штыхаў і інш.; Інстытут гісторыі АНБ. – Мн. : Беларусь, 1994. – Ч. 1 – 527 с.

5. Социально-экономическое развитие Беларуси в 19 веке // BioFile [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http:// biofile.ru/ his/ 13447.html](http://biofile.ru/his/13447.html) – Дата доступа: 05. 04. 2020.

6. Калакура, Я. С. Украінська культура: цивілізаційний вимір /Я. С. Калакура, О. О. Рафальський, М. Ф. Юрій. – К.: ІПЕНД ім. І. Ф. Кураса НАН України, 2015. – 496 с.

УДК 94(47) 084.3+94(438) 083.2

М. В. Брянцев

Брянский государственный университет
имени акад. И. Г. Петровского

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920 ГОДА НА СТРАНИЦАХ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ РОССИИ

В статье предпринята попытка, на основе анализа провинциальной печати, представить советско-польские отношения накануне польско-советской войны 1920 г. Автор приходит к вводу, что советская печать создавала образ Польши как агрессивного соседа, стремившегося восстановить свои владения в границах 1772 г. Заметное место в таких настроениях играли противники большевиков в лице, прежде всего, Франции и агрессивных кругов Англии, США и других государств. Враждебной политике буржуазных государств Советская Россия противопоставила свою миролюбивую политику, направленную на отстаивание интересов трудящихся масс.

Советско-польские отношения постоянно были объектом внимания отечественных исследователей [1; 2; 3].

Целью данной статьи является анализ сообщений советских провинциальных газет о советско-польских отношениях в первой половине 1920 г. С этой целью были подвергнуты анализу материалы газет: «Красный Север» (Вологда), «Советская Сибирь» (Новосибирск) и «Тверская Правда» (Тверь).

Несмотря на то, что, по мнению газеты «Варшавская речь», поляки желают заключить мир с большевиками, союзники препятствуют этому [4]. Особенно в этом усердствовала Франция, премьер–министр, которой Жорж Клемансо заявил, что только тесный военный союз Франции с Польшей, Чехословакией и Югославией обеспечит защиту от врага на Востоке [5, 6]. Ставку на Польшу в борьбе сделал и «английский мракобес» Военный министр Великобритании Уинстон Черчилль. Однако и сама Польша была не прочь стать оплотом в борьбе против большевизма, взяв на себя инициативу созыва конференции из представителей Латвии, Эстонии, Украины и Кавказских республик для организации совместной защиты против большевиков [7].

К этому Польшу подталкивали и действия США, заявившие устами секретаря по военным делам Бергера, о передаче оставшихся в Америке запасов военного снаряжения Польше для того, чтобы она могла сдержать продвижение большевиков на запад [8; 9].

Стремясь стать форпостом против большевиков, Польша была обеспокоена возможным наступлением Красной армии, разгромившей Деникина, и снятием великими державами блокады с Советской России [10]. Причем боязнь наступления красных войск была столь велика, что уже в конце января 1920 г. СНК РСФСР вынужден был заявить, «что красные войска не переступят нынешней линии фронта, сохраняя надежду, на то, что все

спорные вопросы будут разрешены в духе добрососедских соглашений России с Польшей». Однако западные державы «еще пытаются строить шашни с Польшей подбивая ее на войну с Советской Россией. Франция доставляет обмундирование и снаряжение а французский мясник Фош хочет поехать в Польшу с целью “толкать и руководить”», – писал один из корреспондентов «Тверской Правды» [11; 12]. Всю ответственность за возможную войну ВЦИК РСФСР возлагал на Польшу, которая затягивает с ответом на мирные российские предложения [13]. Польский же министр иностранных дел Станислава Патек, находя предложения РСФСР положительными конкретными, сомневался в искренности мирных намерений советского руководства, обратившегося манифестом ВЦИК к польским рабочим. «Что сказало бы Советское правительство, если бы Польша принялась за агитацию в России», – задавался вопросом министр [14].

Отмечая заговор союзных держав против Советской России, советские газеты информировали читателей о разногласиях, царивших в стане противников большевиков. В начале февраля «Красный Север» отмечал, что, как в английских, так и французских политических кругах, имеются как сторонники заключения мира с большевиками, так и противники. Среди сторонников соглашения с Советской Россией газета выделяла английского премьер-министра Дэвида Ллойда Джорджа и французского премьер-министра и министра иностранных дел Этьена Мильерана. Ярыми противниками примирения были известный уже советскому читателю Черчилль и французский маршал Фердинанд Фош, которые не только «подзуживали» Польшу и Румынию, но и, якобы, Фош должен был возглавить руководство военными операциями против России [15; 16].

В Англии сторонник сближения с Россией Ллойд Джордж в палате общин заявил, что «Россию нельзя восстановить насильственным путем, спасти ее можно только путем возобновления торговых сношений с нею. Европа нуждается во всем, что в России имеется в избытке», но получить все это можно только в случае прекращения там войны [9; 17]. Его поддерживал и лидер Либеральной партии Герберт Асквит, заявлявший, что Польшу необходимо заставить заключить мир с Россией [18]. Советская печать восприняла эти шаги как понимание со стороны Антанты возможного поражения Польши в предстоящей войне с большевиками [19].

Однако, польское правительство явно желало эскалации ситуации на границах с Россией, не только выразив недовольство позицией Англии, но и, обвинив ее в содействии распространению большевизма. Агрессивная сущность Польши проявлялась по отношению и к своим соседям. Газеты писали о польско-литовском конфликте [20]. Непокойно было и в отношениях с Германией, на границе с которой поляки, в нарушение условий заключенного с ней мира, заняли город Кениц [21]. Был оставлен без последствий и протест Германии против перерыва поляками движения через Вислу [22].

Вологодский «Красный Север» сообщал своим читателям, что поляки мечтают, что их флаги уже весной будут развиваться в Пскове, Смоленске, Киеве и Одессе. Газета заявляла, что буржуазные правительства обманывают своих рабочих мирной риторикой, на самом деле идет лихорадочная подготовка нового нападения на Россию и главными застрельщиками теперь выступают Польша, Латвия и Грузия. Польша с Латвией и Финляндией проголосовала на конференции Балтийских государств за обязательство не заключать сепаратных соглашений с Советской Россией, не ратифицировав сначала военного соглашения, заключенного в Гельсингфорсе. Против выступила только Эстония, а Литва воздержалась [23].

Несмотря на то, что среди стран членов Антанты имелись разногласия и промышленные круги стояли за мирное существование с Россией, во Франции «кучка финансовых королей и банкиров заинтересована в полном порабощении России». Вероятно, именно на них и радикально настроенных политиков Англии и Франции ориентировались политические круги Польши, в частности министр иностранных дел Патек, заявивший, то Польша не примет предложений Советской России и будет воевать «пока не достигнет своих целей» [24].

Однако сторонники войны не находили понимания в самом польском обществе, в котором существовала уверенность в том, что голодные, скверно обмундированные войска Польши не могут сражаться против большевиков, которые одеты и обуты за счет армий Колчака, Деникина и Юденича [25]. К этому же добавлялось разрушительное воздействие солдатских восстаний, спровоцированных пробольшевицкими силами, и дезертирство. По сообщению советских газет, в польских войсках происходит брожение и один полк был расформирован, так как польские солдаты требовали такого же обмундирования, как и в Красной армии. Газеты сообщали, что в польской армии усиливаются просоветские настроения [26; 27]. Польские солдаты, по словам перебежчика, очень интересуются большевицкой литературой и жадно читают советские газеты, несмотря на преследования со стороны правительства [28; 29; 30]. Кроме того, советская печать сообщала, что в Варшаве в настоящее время подпольно издаётся три профсоюзные коммунистические газеты [21; 31; 13]. По всей Польше прошла волна забастовок сельскохозяйственных рабочих под руководством коммунистической партии, а Варшавский совет рабочих депутатов высказался за немедленное окончание войны с Советской Россией [32].

Тревогу польскому правительству доставляло и недовольство национальных частей польской армии. В начале февраля советские газеты поместили сообщение о восстании белорусских частей в Вильно, жестоко подавленном поляками [33].

Ситуация, как вовне, так и внутри Польши толкала правительство навстречу мирным предложениям большевиков. По сообщению варшавских газет, польское правительство намеревалось на следующей неделе сообщить России свои условия мира, которые разрабатываются особой комиссией [34; 35].

Несмотря на то, что польское наступление продолжалось, Польша уже определённо начала говорить о мире. Будучи марионеткой Антанты, Польша всецело зависела от ее решений. Согласно первоначальному плану, Польша должна была с одной стороны, мешать мирному строительству в России, с другой, – создать сильную армию на восточной границе с Германией по требованию французского правительства, для сдерживания возможного союза Советской России и Советской Германии. Однако неудача «германского октября» и нужда в русском сырье заставили страны Антанты отойти от своих первоначальных планов [36]. Особенно поменялись планы Великобритании, которая заявила о невозможности поддержки польского наступления на территории России. Советская сторона ожидала и изменение политики Франции [37] под давлением Англии, на стороне которой выступили Италия и Япония. К числу сторонников мира с Россией относили и Чехословакию. Однако беспокойство вызывала соединенная оппозиция Америки и Франции, которая могла побудить Ллойд Джорджа ограничиться скрытым признанием Советского правительства. Но была и надежда на то, что затем могут немедленно начаться и торговые сношения с Россией [38]. Все эти обстоятельства толкали Польшу к отказу от своих первоначальных требований и принятию советских мирных предложений [26; 39].

Несмотря на начавшиеся колебания в позиции Польши, она продолжала наступление своих войск [40]. Советское правительство тревожило сосредоточение польских войск в Галиции. Нарком иностранных дел Украины Х. Раковскаий обратился с нотой протеста против жестоких расправ над красноармейцами и евреями, попадающими в руки польских легионеров, грозя ответными мерами [41].

Советские газеты в апреле 1920 г. стали писать о восстаниях белорусских крестьян против поляков, акцентируя внимание читателей на зверствах поляков на оккупированных территориях [42; 43; 44]. Отмечалось, что восставшие требуют передачи власти белорусскому правительству. «Польские войска, вероятно, будут изгнаны из Белоруссии», – заключала газета [45].

Даже в этих условиях Польша убеждала союзников в том, что возобновление торговых сношений с Россией может иметь очень неблагоприятные последствия. Она надеялась, диктовать России условия мирного договора и под разными предлогами затягивала начало переговоров [46; 47].

Таким образом, газеты информировали читателей о сложных перипетиях в отношениях между двумя государствами. Советская пресса постоянно подчеркивала намерения западных государств подтолкнуть Польшу на противодействие Совестной России. Однако и в правительственных кругах самой Польши довольно сильны были агрессивные настроения и в частности, стремление вернуть территорию Польши к границам 1772 г. На всем протяжении рассматриваемого времени Польша постоянно избегала возможности примирения с советской Россией, которая, как показывали советские газеты, проводила миролюбивую политику в интересах трудящихся всего мира.

Источники и литература

1. Бабенко, О. В. Польша в системе международных отношений (1919–1939 гг.). Аналитический обзор / О. В. Бабенко. – М.: ИНИОН РАН, 2011. – 82 с.
2. Зуев, М. Н. Советская Россия и Польша. 1918–1920 гг. Советско-польское вооружённое противостояние 1918–1919 гг. Советско-польская война 1920 г. / М. Н. Зуев, В. В. Ионов, Т. М. Симонова. – М.: Московская типография № 2, 2006. – 264 с.
3. Советско-польские отношения в 1918–1945 гг.: Сборник документов в четырех томах. – Том 1. 1918–1926. – М.: «Аспект Пресс», 2017. – 628 с.
4. Красный Север. –1920. – № 1 1 января.
5. Красный Север. –1920. – № 7 (209) 13 января.
6. Тверская Правда. –1920. – № 8 13 января.
7. Красный Север. –1920. – № 8 (210) 14 января.
8. Тверская Правда. –1920. – № 15 22 января.
9. Красный Север. –1920. – № 33 (235) 13 февраля.
10. Красный Север. –1920. – № 15 (217) 24 января.
11. Тверская Правда. –1920. – № 22 31 января.
12. Красный Север. –1920. – № 21 (223) 31 января.
13. Красный Север. –1920. – № 28 (230) 8 февраля.
14. Тверская Правда. –1920. – № 32 12 февраля.
15. Красный Север. –1920. – № 23 (225) 3 февраля;
16. Тверская Правда. –1920. – № 25 4 февраля.
17. Красный Север. –1920. – № 36 (238) 17 февраля.
18. Тверская Правда. –1920. – № 35 15 февраля.
19. Тверская Правда. –1920. – № 38 –19 февраля.
20. Красный Север. –1921. – № 12 (214) 18 января.
21. Тверская Правда. –1920. – № 29 7 февраля.
22. Красный Север. –1920. – № 35 (237) 15 февраля.
23. Красный Север. –1920. – № 18 (220) 28 января.
24. Тверская Правда. –1920. – № 26 5 февраля.
25. Красный Север. –1920. – № 13 (215) 21 января.
26. Тверская Правда. –1920. – № 48 2 марта.
27. Красный Север. –1920. – № 14 (216) 22 января.
28. Тверская Правда. –1920. – № 4 6 января;
29. Тверская Правда. –1920. – № 18 27 января.
30. Красный Север. –1920. – № 14 (216) 22 января.
31. Красный Север. –1920. – № 17 (219) 27 января;
32. Красный Север. –1920. – № 41 (243) 22 февраля.
33. Тверская Правда. –1920. – № 31 11 февраля.
34. Тверская Правда. –1920. – № 37 18 февраля.
35. Тверская Правда. –1920. – № 39 20 февраля.
36. Красный Север. –1920. – № 40 (242) 21 февраля.

37. Красный Север. –1920. – № 43 (245) 25 февраля.
38. Тверская Правда. –1920. – № 45 27 февраля.
39. Красный Север. –1920. – № 51 (253) 5 марта.
40. Тверская Правда. –1920. – № 56 11 марта.
41. Красный Север. –1920. – № 98 (300) 6 мая.
42. Красный Север. –1920. – № 79 (281) 11 апреля.
43. Красный Север. –1920. – № 83 (285) 17 апреля;
44. Советская Сибирь. –1920. – № 92 (163) 29 апреля.
45. Советская Сибирь. –1920. – № 98 (169) 7 мая.
46. Советская Сибирь. –1920. – № 75 (146) 4 апреля.
47. Советская Сибирь. –1920. – № 78 (149) 9 апреля.

УДК 94:327.5(438+(47+57))«1920»:94(438.21)«1920»:94:341.43(=162.1)

Хмелеўская Гізела
Быдгашч, Польшча

БЫДГАШЧ, 1920 ГОД – ВЫПРАБАВАННЕ МІЛАСЭРНАСЦІ

У артыкуле характарызуецца сітуацыя, звязаная з прыбыццём у Быдгашч вялікай колькасці бежанцаў з тэрыторыі Беларусі, Украіны, Літвы. Аўтар выявіў сацыяльны склад перасяленцаў, паказаў, як была арганізавана работа па іх адаптацыі на новым месцы жыхарства. Раскрыта дзейнасць грамадскіх арганізацый, якія дапамагалі бежанцам. Паказана неадназначнасць стаўлення карэннага насельніцтва горада да новых жыхароў.

Быдгашч – горад, размешчаны на поўначы Польшчы больш чым у 200 км ад Варшавы. Менавіта сюды летам 1920 г. трапілі польскія бежанцы з “усходніх тэрыторый” былой Рэчы Паспалітай, у тым ліку, з беларускіх зямель. З родных мясцін іх прагнала вайна. Сярод іх былі і палякі з кіеўскай зямлі, Валыні і Падолля. Гэта тыя, хто год ці два да гэтаў пакінулі свае мясціны, напалоханыя рускай рэвалюцыяй, і размясціліся спачатку ў Варшаве. Калі польскай сталіцы летам 1920 г. сталі пагражаць бальшавікі, уцекачам зноў прыйшлося шукаць бяспечнае месца для жыцця. Такім месцам павінен быў стаць Быдгашч – тады яшчэ невялікі горад, які налічваў каля 50 тысяч жыхароў. Толькі ў студзені 1920 г. ён перайшоў з рук немцаў пад польскую ўладу. Палякі з усходніх зямель, якія пачалі сюды прязджаць, мелі за плячыма сумны жыццёвы вопыт, а таксама вялікія асцярогі адносна будучыні, сляды чаго патрапілі на старонкі прэсы: “Цягнік за цягніком прывозілі гэтых бедных людзей, у асноўным жанчын і дзяцей. Доўгае шэсце няшчасных, трагічных фігур, персанажы бяздомных. Шляхетных спадчыннікаў спаленых гарадоў і вёсак, неба і зямлі, акопаў, крыжоў і магіл”.

Першае знаёмства бежанцаў з Быдгашчам адбывалася адразу пасля іх выхаду з вакзала. Замест трагічных відовішчаў, да якіх яны прывыклі за апошнія гады, яны ўбачылі чыстыя вуліцы, крамы, запоўненыя таварамі, шыкоўныя каменныя будынкі, шмат зеляніны. Важна адзначыць, што цэны на прадукты харчавання і паслугі былі нашмат ніжэй, чым у Усходняй Польшчы, са сталіцай у тым ліку. Багацце і спакой кідаліся ў вочы на кожным кроку. Ніякіх прыкмет хаосу. Ніякіх прыкмет разбурэння. Толькі мова, на якой размаўлялі жыхары Быдгашча, адрознівалася ад той, на якой размаўлялі людзі з усходніх зямель. У офісах і крамах пастаянна размаўлялі ў асноўным па-нямецку. А калі выкарыстоўвалася руская мова, то яна была насычана германізмамі. І нічога дзіўнага ў гэтым няма – амаль 150 гадоў знаходжання Быдгашча пад прускім валоданнем павінны былі зрабіць сваю справу.

Для ўладаў Быдгашча наплыў бежанцаў не стаў нечаканасцю. У той момант, калі на франтах польска-савецкай вайны сітуацыя стала ўскладняцца, на цэнтральным урадавым узроўні была прынятая пастанова, што палякі з тых тэрыторый, якім пагражае Чырвоная Армія, будуць накіраваныя ў Памеранію і ў Вялікапольшчу. Гэтае рашэнне было не выпадковым. У адрозненне ад населеных пунктаў у асноўным ва Усходняй Польшчы, у тым ліку і Варшавы, у Быдгашчы не было недахопу ў жыллі, таму што з пачатку 1920 г. адсюль масава з'язджалі немцы. Можна было без праблем купіць дамы, дачы з садамі, крамы і фабрыкі. Так паступілі Крысціна і Уладзіслаў Пуслоўскія, уладальнікі маёнтка Альберцін пад Слонімам.

У пачатку ліпеня 1920 г. прэзідэнт Быдгашча выдаў распараджэнне, згодна з якім кожны, хто ведаў аб здольным прыняць жыхароў дома, у кватэры ці хаця бы ў сціплым пакоі, абавязаны быў паведаміць аб гэтым факце ў магістратуру. Быў створаны Камітэт па справах бежанцаў. Адрозна па прыездзе ў Быдгашч бежанцам трэба было зарэгістравацца ў камітэце, а потым у канцылярыі падаць заяву аб выдачы дазволу на пражыванне ў горадзе.

Матэрыяльнае становішча бежанцаў было вельмі разнастайным. Адны маглі дазволіць сабе купіць дом або зняць зручную кватэру. З ваеннай заварухі некаторыя выратавалі не толькі грошы, але і мэблю, карціны, каштоўнасці, нават кнігі. Іншыя з'явіліся з вельмі сціплымі пажыткамі. Гарадскія ўлады звярталі шмат увагі на тых, у каго не было сродкаў зняць кватэру, нумар у гасцініцы або ў пансіёне – на тэрыторыях пад горадам быў арганізаваны лагер для бежанцаў.

Ужо 6 жніўня 1920 г. ў горадзе было зарэгістравана 2000 бежанцаў. З кожным днём колькасць людзей, якія шукаюць у Быдгашчы дах над галавой, усё павялічвалася. Прэса заклікала: “У апошнія дні ў наш горад прыбывалі шэрагі бежанцаў з усходніх межаў Польскай Рэспублікі. Людзі гэтыя сапраўды бездапаможныя, і ўсякая дзейная дабрачыня і сардэчная дапамога ім будзе да месца. Некаторыя з іх з ваколіц, размешчаных каля самой Вільні, і ўжо 6 тыдняў знаходзяцца ў дарозе ў дрэнных умовах”.

У Быдгашчы на вакзале кожны дзень з цягнукоў выходзілі новыя людзі, звярталіся за дапамогай – дарослыя, старыя, дзеці, шмат моладзі. З вялікім багажом, ці проста са сціплымі пачкамі ў руках. Сярод стомленых падарожнікаў, якія звярталіся да бюро Камітэта па справах бежанцаў, была вялікая група перасяленцаў з Мінскай губерні, у тым ліку сям'і Булхакоў з Браньчыц, Яблоньскіх з Кудзінавіч, Карказовічаў з Трасьцінца і многія іншыя. Прыехаў Мячыслаў Абязерскі з сям'ёй, брат вядомага лекара з Мінска Мар'яна Абязерскага. Прыехалі жыхары Бабруйскага, Барысаўскага, Быхаўскага, Дрызненскага, Дзісенскага, Гомельскага, Ігуменскага, Магілёўскага, Сененскага, Віцебскага павеятаў. Жыхары вялікіх гарадоў і невялікіх вёсак.

У канцы жніўня ў Быдгашч прыбылі 300 вучняў – сюды былі эвакуіраваны, у прыватнасці, польская гімназія імя Уладзіслава Ягайлы з Мінска, гімназія імя Юліюша Славацкага са Слуцка, гімназія імя Уладзіслава Сыракомлі з Нясвіжа, школы з Навагрудка і Вільні. Прыехалі і настаўнікі. Сярод іх падапечных былі, у прыватнасці, Багдан і Марыян Новікі з маёнтку Тэкліполь пад Мінскам, Вітальд Карповіч, сын уладальнікаў Чамброва пад Навагрудкам, Генрых Йодка-Наркевіч – унук Людовіка Йодка-Наркевіча – старшыні Слуцкага сельскагаспадарчага таварыства.

Для навучэнцаў з эвакуіраваных школ была хутка арганізавана мужчынская гімназія для бежанцаў з усходніх тэрыторый, якая скарачана называлася Крэсавая гімназія. Урокі пачаліся 2 кастрычніка 1920 г., навучанне было платным, дзейнічалі так званыя запісы. Большасць вучняў, пазбаўленых бацькоў, не маглі заплаціць, таму што ў іх не было ні капейкі. Гэты доўг узяла на сябе група жыхароў Быдгашча, у тым ліку жонка прэзідэнта горада Луцыя Масяшкова, а таксама Юлія Зан, якая нарадзілася ва Унехоўшчызне каля Ліды, – унучка Томаша Зана, сябра Адама Міцкевіча. Сталі ладзіць канцэрты, тэатральныя прадстаўленні, даходы ад якіх ішлі на аплату вучобы. Грошы для студэнтаў збіралі і ў прыватных дамах, напрыклад, падчас імянін або вяселляў.

Дзякуючы намаганням таварыства дапамогі дзецям і моладзі з “усходніх крэсаў”, якое дзейнічала з 1919 г. ў Варшаве, у Быдгашчы быў створаны Крэсавы інтэрнат, у якім дах над галавой і харчаванне былі прадастаўлены больш чым 200 студэнтам. Тым, хто не мог разлічваць на падтрымку бацькоў, таму што альбо яны загінулі ад рук бальшавікоў падчас вайны, альбо засталіся на ўсходніх землях і з імі не было ніякага кантакту. Спачатку хлопцы жылі ў двух будынках у цэнтры горада. Праз некалькі месяцаў інтэрнат перавялі ў нямецкі прытулак, які ў той час знаходзіўся на перыферыі Быдгашча.

Крэсавы інтэрнат атрымліваў сціпую субсідыю ад дзяржавы. На самай справе асноўны цяжар яго ўтрымання зваліўся на гарадскія ўлады і людзей добрай волі. Сярод апошніх значную ролю адыгралі вялікапольскія і паморскія памешчыкі. Важным звяном у гэтым ланцугу сардэчнай дапамогі былі самі ўцекачы. Сярод іх не было недахопу ў людзях, якія ў сваіх месцах засноўвалі школы, бальніцы, кіравалі аховай, фінансавалі стыпендыі для здольнай моладзі. Яны працавалі ў мясцовых дабрачынных таварыствах. Сярод іх была Марыя Раздоўская з маёнткаў Коты і Ванькоўшчына ў Слуцкім павеце. У Быдгашчы яна стала прадстаўніком праўлення таварыства дапамогі дзецям і моладзі з усходніх межаў для Крэсавага інтэрната.

Дапамога дзецям і падлеткам была арганізавана вельмі хутка. Аператыўна вырашаліся пытанні і аб падтрымцы дарослых, у асноўным пажылых людзей, хворых, адзінокіх, удоў. Ужо восенню 1920 г. была створана першая сталовая для бежанцаў, гэтак званая крэсавая кухня.

Са снежня 1920 г. найбольш актыўная група бежанцаў, сярод якіх шмат выхадцаў з Мінскай, Віцебскай, Магілёўскай губерняў, пачала намаганні па стварэнні ў Быдгашчы Саюза палякаў з усходніх крэсаў. Устаноўчы сход Саюза адбыўся 5 сакавіка 1921 г., першым старшынёй Саюза стаў ксёндз Матэвуш Забалоткі з Вялікапольшчы, другім – Адам Буйніцкі з Віцебска. У студзені 1923 г. на чале Саюза ўстаў Эдуард Вайніловіч – бясспрэчны лідар крэсавага зямляцтва. Яшчэ нядаўна – уладальнік багатага маёнтка ў Слуцкім павеце, актыўны палітык у расійскай Думе, заснавальнік царквы Сымона і Алены ў Мінску. Цяпер Э. Вайніловіч з’яўляўся адным з многіх жыхароў усходніх зямель, у якога ад ранейшых родных месцаў засталіся толькі ўспаміны.

У рамках Саюза меліся секцыі па працаўладкаванні, догляду за беднымі дзецьмі, неадкладнай дапамогі і кухонны падазел. Дзякуючы намаганням кіраўніцтва гэтай арганізацыі жыхары ўсходніх зямель, якія знаходзіліся ў драматычным матэрыяльным становішчы, атрымлівалі фінансавую падтрымку, дровы, бясплатныя абеды, ім куплялі лекі, аплачвалі нават выдаткі на пахаванне. Для адоранай моладзі былі спецыяльныя стыпендыі. Куплялі падручнікі, музычныя інструменты, ладзілі адпачынак у сяброўскі настроеных вялікапольскіх і паморскіх памешчыкаў. Дарослых таксама запрашалі ў навакольныя сядзібы.

Вельмі важным элементам у дзейнасці Саюза была сталовая, названая спачатку крэсавай карчмой, а затым кухняй, для небагатай інтэлігенцыі. Яе сядзібы адначасова ўяўлялі сабой штаб-кватэры Саюза. Можна было прыйсці туды, каб папрасіць аб дапамозе, ці проста пагаварыць. Былыя жыхары ўсходніх земляў былі вельмі ўдзячныя за такую падтрымку, аб чым выказваліся на старонках мясцовай прэсы: “Шэрая жменька крэсавых бежанцаў, пазбаўленых сваіх сямейных стрэх і выгнаных з зямлі, дзе шмат стагоддзяў баранілі сваю веру і родную культуру, выказваюць падзяку і аддаюць даніну павагі шануюнаму і ўмеламу кіраўніцтву Саюза палякаў з усходніх крэсаў і ўсім яго членам за пастаянную нам дапамогу, якая прадастаўляецца пры арганізацыі агульнага для выгнаных стала таннай кухні ў Быдгашчы. Мы таксама звяртаемся з найвялікшай удзячнасцю да мясцовых уладаў, духавенства і мясцовых грамадзян. ... Усім гэтым людзям добрай волі няхай дасць Бог сто разоў згодна велічы іх сэрца і грамадзянскіх заслуг. Крэсавыя наведвальнікі “таннай кухні” ў Быдгашчы”.

Шмат быдгашчан сапраўды з дабрывёй і разуменнем ставіліся да прыезджых з усходу. Зрэшты, меліся і такія, якім іх прысутнасць відавочна не падабалася. Паведамлялася, што ўцекачы выклікалі значны скачок цэнаў на прадукты харчавання і нават знікненне з

рынку многіх тавараў. Мясцовым жыхарам было шкада, што бежанцы адымаюць працоўныя месцы, займаюць добрыя кватэры і г. д. У адносінах да бежанцаў з усходу з’явіліся крыўдныя мянушкі. Мясцовая прэса спрабавала студзіць гэтыя настроі: “Паміж тымі, што да нас прыязджае з іншых раёнаў, і насельніцтвам адбываюцца бесперапынныя сутыкненні. (...) Тутэйшае насельніцтва, асабліва сярод слаёў мала культурных, ставіцца да сваіх суайчыннікаў, загнаных сюды з іншых раёнаў падзеямі вайны, галечай і беднасцю, вельмі варожа, што ўсё разам узятае выклікае ў іх экспрэсію, прыгнечанне, пачуццё болю і сораму. Не лічачы пастаянных замінак на вуліцах, у крамах, пякарнях і мясцовых складах, дзе прама ў вочы тутэйшае насельніцтва з рабочай і менш інтэлігентнай сферы выказваецца, не шкадуючы эпітэтаў, у адрас прыезджых. (...) Між тым тут яны ў Польшчы, у сябе, сярод сваіх. І такая іх тут з усіх бакоў сустракае старопольская гасціннасць”.

Усе палякі з усходніх земляў, якія летам 1920 г. прыехалі ў Быдгашч, спадзяваліся вярнуцца ў родныя краі. Аднак не ўсім гэта было дадзена. У канцы снежня ў свае дамы сістэматычна сталі выезджаць жыхары Навагрудскай і Віленскай зямель, што было звязана з прыпыненнем у лістападзе ваенных дзеянняў на гэтых тэрыторыях. Для палякаў з тэрыторый, размешчаных на ўсход, не было добрых навін. У сакавіку 1921 г. Рыжскі дагавор канчаткова пазбавіў іх усялякай надзеі на вяртанне. Таму яны павінны былі вырашыць, што рабіць далей – застацца ў Быдгашчы, або пераехаць у іншы населены пункт. І, вядома, гэта было няпростое рашэнне. Тым больш, што ў горад пачала прыбываць чарговая хваля палякаў з усходніх земляў. Тых, хто, знаходзячыся дзесьці ў Польшчы, чакаў зыходу мірных перагавораў у Рызе. Калі Рыжскі мір абвясцілі, яны страцілі надзею вярнуцца дадому. Сваікі ці знаёмыя, якія ўжо жылі ў Быдгашчы, гарача рэкламавалі ім гэты горад. У рэшце рэшт, яны далі сябе ўгаварыць. Менавіта так з Быдгашчам у снежні 1921 г. звязаліся Эдуард Вайніловіч і яго жонка Алімпія Вузлоўская – уладальнікі маёнткаў Савічы і Пузаў у Слуцкім павеце. Пазней да іх далучылася Ядвіга Кастравіцкая, малодшая сястра старшыні Мінскага сельскагаспадарчага таварыства.

Сярод палякаў, якія лічылі, што яны застануцца ў Быдгашчы, была і сям’я Стульгінскіх, якая ў 1920 г. праз Фінляндыю спачатку трапіла ў Варшаву. Адтуль яна прыехала ў Быдгашч. Тут Алена і Уладзімір Стульгінскія вельмі актыўна ўдзельнічалі ў дзейнасці Саюза палякаў з усходніх крэсаў, а таксама ў аказанні дапамогі падапечным Крэсавага інтэрната.

Уладзімір Стульгінскі быў сынам Антона – дырэктара найбуйнейшай рускай папяровай фабрыкі ў Добрушы блізу Гомеля. Там ён вырас. Пасля смерці бацькі ў 1915 г. на чале папяровай фабрыкі ўстаў брат Уладзіміра – Генрых. І менавіта ён, калі палякі спешна пакідалі гэты край, вывез з дому ў Добрушы ў васьмі вагонах мэблю, карціны, срэбра, фарфор, кнігі і шмат іншых каштоўных рэчаў. Некаторыя з іх, у тым ліку каштоўны раяль, былі потым у доме Уладзіміра Стульгінскага ў Быдгашчы. За гэтым раялем збіраліся госці Стульгінскіх падчас сустрэч у іх музычным салоне. Алена Стульгінская цікавілася музыкой і літаратурай, у асноўным французскай. Яе муж быў вялікім аматарам аўтамабіляў. Гэта ў многім дзякуючы яго намаганням у Быдгашчы быў створаны Паморскі аўтамабільны клуб. Стульгінскі быў арганізатарам многіх аўтапрабегаў, таксама спонсарам узнагарод іх перможцам.

Жонка Уладзіміра Стульгінскага, Алена з Каланкоўскіх з першых хвілін існавання Саюза палякаў з усходніх крэсаў у Быдгашчы ўключылася ў яго дзейнасць. Калі яна жыла ў Пецяўбургу, каб запоўніць вольны час для задавальнення брала хатнія ўрокі спеваў, валодала прыгожым сапрана. У Быдгашчы яе талент знайшоў іншы выхад – яна часта выступала на дабрачынных канцэртах на карысць бедных крэсаўцаў. Яна належала да музычнай суполкі, была вялікай аматаркай французскай культуры і належала да Альянсу Франсэз. У сваю чаргу, маці У. Стульгінскага Сафія з Карыбут–Дашкевічаў, уладальніца маёнтка Дымкі ў Барысаўскім павеце, свой вопыт, якія яна набыла ў польскім таварыстве догляду ў Санкт–Пецяўбурзе, выкарыстала ў Быдгашчы, таксама, як дачка і зяць, удзельнічаючы ў рабоце Саюза палякаў з “усходніх крэсаў”.

Як і Стульгінскія, застаца ў Быдгашчы вырашыла Амелія з Лядніцкіх Нітаслаўская, жонка Уладзіміра Нітаслаўскага, уладальніка маёнтка Бігосаў у Віцебскай губерні. Яна была сястрой вядомага ў Маскве мецэната Аляксандра Лядніцкага. Амелія Нітаслаўская, якая ў Бігосаве засяродзілася галоўным чынам на хатніх справах і выхаванні дачкі, у Быдгашчы удзельнічала ў дзейнасці Саюза палякаў з усходніх крэсаў. Там яна была адной з самых актыўных жанчын.

Шмат добрага для палякаў з усходніх земляў, якіх лёс прывёў у Быдгашч, таксама зрабіла Ганна з Пуцятаў, жонка Віктара Гельмерсена – уладальніка маёнтка Пагост у Слуцкім павеце. У мінулым – камісара высока ацэненай сельскагаспадарчай выставы ў Слуцку ў 1908 г. Калі яна прыехала ў Быдгашч, яе муж ужо памёр.

У паведамленнях прэсы са шматлікіх дабрачынных мерапрыемстваў у Быдгашчы, падчас якіх збіралі грошы на карысць бедных крэсаўцаў, часта сустракаліся імёны Цэліны, Алены і Ядзвігі Фаш і іх сястры Пелагеі Абніскай. Гэтыя чатыры жанчыны, якія паходзілі з маёнтка Грабаўцы ў Гомельскім павеце, шмат гадоў жылі ў Кіеве. І ў іх усё было добра. У Быдгашчы ўсе, акрамя Пелагеі, жонкі лекара, павінны былі ўзяцца за працу, каб мець сродкі для існавання.

У ліку тых, хто ўзяў на сябе абавязак утрымання сям'і, не адмаўляючыся ад вядзення грамадскай дзейнасці, была Эліза Падчаская, дачка Ізабэлы з Булхакаў і Даната Манюшкі з маёнтка Будзенічэ ў Барысаўскім павеце Міншчыны. У Быдгашчы яна стала першай памочніцай дырэктара гарадской бібліятэкі.

З вялікага маёнтка ў Віцебскай губерні, з сядзібы ў Іванску ў Лепельскім павеце, у Быдгашч прыехалі яго ўладальнікі Соф'я з Хартынгаў і Вінцэнты Валадковіч. Яны вельмі доўга думалі, што вайна да іх не дойдзе. Але ўсё ж дайшла, потым прыйшла рэвалюцыя. У той сітуацыі, што стала складвацца вакол, у іх не было ніякіх шанцаў, каб выратаваць жыцці, калі б яны засталіся на месцы. Ім давялося пакінуць палац, сядзібы, фабрыкі, вёскі і мястэчкі. Яны таксама пакінулі калекцыі каштоўнай старой зброі, фарфор, срэбра і творы мастацтва, якія памяцілі ў рыхтаваўшыся да адкрыцця музеі. Валадковічы больш не вярнуліся ў Іванск. Іх домам пасля непрацяглага знаходжання ў Варшаве стаў Быдгашч. А могілкі горада – месца іх вечнага спачынку. І не толькі для гэтай сям'і. Людзі ў спешцы пакінулі родныя мясціны. “Кур'ер варшаўскі” паведамляў пра прыбыццё бежанцаў: “У Каралеўства Польскае прыбылі ў суботу два доўгія цягнікі, поўныя ўцекачоў палякаў, уцекачоў з Лепельскага павета, ад надыходзячых бальшавікоў. Адзін з цягнікоў, які складаецца з 26 вагонаў, заехаў у Варшаву, дзе ў бежанцаў з таго боку ёсць сем'і і сваякі.”

Сто гадоў таму для многіх палякаў сённяшняй беларускай зямлі Быдгашч стаў другім домам. Дзякуючы ім горад, у якім пасля ад'езду немцаў, засталася толькі невялікая група інтэлігенцыі, набыў настаўнікаў, лекараў, юрыстаў, інжынераў, навукоўцаў. Гэтыя людзі, нягледзячы на трагічны жыццёвы багаж, які яны прывезлі сюды, справіліся з новай рэальнасцю. Яны ўключыліся ў жыццё горада, які прапанаваў ім дах над галавой. Яны адплацілі за гэта сто разоў, аддаўшы яму свой час, свае веды. Яны працавалі ў школах, офісах, на заводах, вялі ўласныя прадпрыемствы. І яны ніколі не пераставалі сумаваць па краях, дзе застаўся іх сямейны дом. Сёння ў Быдгашчы жыве шмат нашчадкаў тых, хто сто гадоў назад прыехаў у гэты горад з тэрыторыі сучаснай Беларусі.

Крыніцы і літаратура

1. Dziennik Bygoski. – 28 września 1920 r., nr 216.
2. Dziennik Bydgoski. – 18 sierpnia 1921 r., nr 187.
3. Ziemianie polscy XX wieku. – Warszawa: Wydawnictwo DiG, 1994.
4. Chmielewska, G. Eliza Podczaska, ta od Moniuszków / G. Chmielewska // Gazeta Pomorska – Album Historyczny. 12 grudnia 2019 r.
5. UchodźcV // Kurier Warszawski. – 22 października 1918 r.
6. Chmielewska, G. Gniazdo zastępcze / G. Chmielewska // LTW 2018.

А. А. Яноўскі
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

ПЕРШЫЯ КРОКІ ПА СТВАРЭННІ БЕЛАРУСКАГА ЎНІВЕРСІТЭТА (НЕКАТОРЫЯ АСПЕКТЫ ПОШУКАЎ НАЦЫЯНАЛЬНЫХ АРЫЕНЦІРАЎ)

На падставе архіўных матэрыялаў распавядаецца аб тым, як асэнсоўваліся нацыянальныя складнікі першага ўніверсітэта Беларусі – Беларускага дзяржаўнага. Яны былі першаснымі сярод іншых ідэйных і арганізацыйных пытанняў, якія з пачатку 1919 г. намецілі да вырашэння аўтары ўніверсітэцкіх праектаў – Я. Ф. Карскі і М. В. Доўнар-Запольскі, а потым расійскія і беларускія савецкія ўлады. Да ўвагі прымаліся розныя гістарычныя і тагачасныя рэаліі, хаця ўсе прапановы і планы зыходзілі з неабходнасці замацаваць мясцовыя, беларускія прыярытэты з улікам этнічнай і канфесійнай асаблівасцей Беларусі, а таксама абвясчэння дзяржаўнасці.

У 2021 г. Беларусь будзе святкаваць стогадовы юбілей Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гэта надзвычай знамянальная падзея. Шлях беларусаў да “свайго” ўніверсітэта быў як доўгім, так і вельмі складаным. І калі ў імперскія часы гарадскія ўлады некаторых беларускіх гарадоў у сваіх зваротах да Пецярбурга зыходзілі з дастаткова прагматычных планаў, то ў марах інтэлектуальных колаў ўніверсітэт бачыўся ў першую чаргу як цэнтр прыцяжэння і ўмацавання нацыянальных сілаў. Хаця менавіта магчымы ўхіл будучага ўніверсітэта ў бок нацыянальных арыенціраў якраз і палохаў усіх. Аб гэтым караценька, але дакладна летам 1913 г. пісала “Наша Ніва”. Аўтар адзначыў, што ў апошні час Вільня, Мінск, Віцебск адзін перад другім імкнуцца “выпрасіць” у Пецярбурга права на адкрыццё ўніверсітэта. А тым часам палякі занепакоіліся, каб ўніверсітэт не стаў “огнішчам абрусення”, тады як расійскія нацыяналісты “падазрэваюць, што будучы ўніверсітэт будзе крыніцай апалячэння”. Праваслаўныя ж брацтвы ратавалі не за ўніверсітэт, а за адкрыццё праваслаўнай духоўнай акадэміі, якая б дазволіла руйнаваць усялякі мясцовы сепаратызм. У гэтых спрэчках і памкненнях, адзначаў аўтар артыкула, беларусы ніхто – “пушачнае мяса”. А ўлады проста “прызнаюць перэчасным даваць вышэйшую школу Беларусі і Літве” [1].

Нацыянальныя аспекты аказаліся ў цэнтры ўвагі і ў савецкі час, калі з канца 1917 г. ўніверсітэцкая ідэя нарэшце набыла рэальныя абрысы. Пра абставіны абмеркавання яе складнікаў (у тым ліку на Усебеларускім з’ездзе і ў першаснай дзейнасці БНР, у кантэксце праектаў Я. Ф. Карскага і М. В. Доўнар-Запольскага) аўтар гэтага артыкула паведамляў і пісаў не аднойчы [2; 3; 4]. Не хацелася б паўтарацца, а пашырыць гэтую старонку як гісторыі БДУ, так і станаўлення беларускай дзяржаўнасці ў цэлым. Тым больш, што за апошні час былі асэнсаваныя цікавыя новыя дакументы, а таксама больш уважліва прачытаныя раней вядомыя.

Напрыклад, пад нашым вуглом разгляду (у кантэксце заяўленай тэмы) цікавым падаецца вядомы праект Яўхіма Карскага. Былы рэктар Імператарскага Варшаўскага ўніверсітэта ў абгрунтаванні неабходнасці беларускага ўніверсітэта адначасова падаў ледзь не оду самой Беларусі і яе насельнікам, шматэтнічнаму і шматканфесійнаму стану. Ён адзначаў, што адсутнасць ўніверсітэта вяла да адтоку з Беларусі яе інтэлектуальных сіл, якія літаральна разрываўліся паміж іншымі ўніверсітэтамі з іх відавочнымі нацыянальнымі і рэлігійнымі ўхіламі. Такое становішча скасоўвала магчымасці ўмацавання грунту беларускай асаблівасці. І прафесар сцвярджаў: толькі калі ў Беларусі ўзнікне “свой культурный центр (университет), естественно молодежь будет получать высшее образование у себя на родине, а это важно не только в экономическом отношении..., но главным образом в духовном: произойдет взаимное ознакомление и сближение представителей разных народностей и религий; молодежь проникнется любовью к своей родине...”. Таму, на думку

Карскага, самі па сабе “отпадутъ вопросы о русификации и полонизации” і спынецца барацьба двух культур – усходняй і заходняй [5, арк. 86, 87].

Праўда, пры дакладным прадстаўленні структуры будучага ўніверсітэта Беларусі выдатны вучоны не палічыў неабходным стварыць на “историко-филологическом факультете” асобныя кафедры па беларускіх гісторыі, мовазнаўству і літаратуры. Так, гісторыю Беларусі (як і гісторыю Украіны) ён пазначыў у складзе кафедры “история русская”. Сярод “новых иностранных” моў, якія павінны былі вывучаць студэнты, назваў таксама літоўскую нароўні з ангельскай і іншымі заходнееўрапейскімі мовамі. Прапануючы ж заснаваць сярод іншых і багаслоўскі факультэт, Яўхім Фёдаравіч спыніўся на неабходнасці адкрыцця на ім (не ўлічваючы спецыяльных кафедр) толькі кафедры “история Русской церкви” і кафедры «истории древней и позднейших христианскихъ церквей». І мімаходзь зазначыў, што “По мере нужды могутъ быть открываемы отделения католическаго и лютеранскаго богословій» [5, арк. 88, 89, 92].

Падчас працы 1-га Усебеларускага з’езда ў снежні 1917 г. Я. Карскі ў сваім дакладзе звярнуў увагу дэлегатаў на бясспрэчны факт: універсітэт павінен садзейнічаць “умственному, нравственному, эстетическому и хозяйственному возрождению Белоруссии”. Разам з тым, адзначыў дакладчык, ён павінен “быть устроен в пункте, лишенном политической борьбы <...> ибо во время политической борьбы не может нормально развиваться наука”. І адразу стаць прыцягальным для беларускай моладзі, каб у яе не засталася намераў на “бегство в Варшавский польский универ., где студенты белорусы–католики могли бы легко ополячиваться” [6, арк. 1–35 адв.].

Праект Я. Карскага быў і застаецца выдатным узорам прафесійнасці і руплівасці аб Беларусі (нягледзячы на прышпілены да яго навуковай і палітычнай пазіцыі ярлык “апалагета заходнерусізма”). Зразумела, што яму не так проста было радыкальна адарвацца ад “пупавіны” сваіх устойлівых поглядаў, якія моцна зафіксаваліся за гады працы на ніве расійска-імперскай адукацыі. А тым больш пранікнуцца перакананасцю ў палітычнай беларускай перспектыве.

З гэтых пазіцый можна разглядаць і праект беларускага ўніверсітэта, які амаль што адначасова з Я. Карскім распрацаваў М. В. Доўнар-Запольскі. 10 мая 1918 г. ён быў зафіксаваны на паперы пад назвай “Вопросы, представленные Профессоромъ Довнаръ–Запольскимъ Предсдателю Народнаго Секретаріата”. Па-першае, гісторык звярнуў увагу на неабходнасць вызначыць беларускі горад для распачынання ўніверсітэцкай дзейнасці. Таксама раіў заклапоціцца пошукам і вяртаннем у Беларусь архіваў, бібліятэк і іншых інтэлектуальных каштоўнасцей, раскіданых вайной. Асобна ён падкрэсліў неабходнасць звароту з Кіева бібліятэкі былога Віленскага ўніверсітэта і бібліятэкі Апалінарыя Храптовіча-Бецянёва. Як заснавальнік і былы гаспадар камерцыйнага інстытута Доўнар–Запольскі бачыў універсітэт вельмі ашчадным ва ўсіх праявах. І толькі наконт гісторыка-філалагічнага факультэта БДУ дапускаў “известнаго рода роскошь преподавания, что вызывается национальным характеромъ университета” з існаваннем на ім кафедр беларускіх, польскіх і літоўскіх, але пры рускай мове выкладання ва ўсім універсітэце “съ допущением въ известных случаяхъ” выкладання па-польску. Між тым знакаміты прафесар бачыў натуральную неабходнасць у першую чаргу запрашаць на працу ва ўніверсітэт “профессоровъ – уроженцевъ Бѣлоруссіи, желающихъ вернуться на родину” [7, арк. 15 адв., 16].

Ва ўмовах актывізацыі ўніверсітэцкай ідэі ў дзейнасці ўрада БНР за справу актыўна і асэнсавана ўзяўся толькі–толькі створаны ўрад ССРБ. Адным з першасных крокаў па рэалізацыі зафіксаванай напрыканцы 1918 г. яго ўлады стаў дэкрэт ад 25 лютага 1919 г. аб падрыхтоўцы да адкрыцця БДУ.

Нацыянальныя рысы задуманага ўніверсітэта пакрыху набывалі дакладнасць. Калі пасля лютаўскага 1919 г. дэкрэту ЦВК ССРБ гэтай дакладнасці ня было зусім, то ўжо ў пратаколе за № 1 па выніках нарады, якая прайшла ў Маскве 22 сакавіка ва ўмовах новага палітычнага праекту – Літбела – гаварылася аб тым, што ўніверсітэт менавіта ў Мінску

неабходны не толькі ў сувязі з эканамічнымі патрабаваннямі, але і патрэбамі “культурна-бытовага характара мясцовай жыцця”. Між тым прадстаўнікі расійскага наркамасветы былі насцярожанымі да ідэі аб стварэнні падрыхтоўчай камісіі толькі ў Мінску (“К мясцовай камісіі следуе падходзіць вельмі асцярожна. У неё ёсць і свае станоўчыя і адмоўныя бакі”). Тым больш, што ўсе пытанні, маўляў, патрабуюць “сваёга дазволу ў Цэнтры” ва ўмовах “слабасці мясцовых сіл”. Гэтая “слабасць” была яшчэ больш акцэнтавана ў пастанове нарады ў частцы магчымасці выкладання ў беларускім універсітэце грамадскіх дысцыплін: канстатавалася, што “для выканання гэтых новых задач у Мінску сіл больш, чым недастаткова”, бо “преподавание общественных наук формально-систематическое старой школы должно замениться исторически актуальным, марксистским...” [8, арк. 3, 3 адв., 4]. Гэты акцэнт выцякаў з таго, што дэбаты наконт неабходнасці стварэння ўніверсітэта ў складзе ці то пяці (прапанова членаў мінскай падрыхтоўчай камісіі), ці толькі трох (расійскія наркаматаўскія чыноўнікі цвяроза ацэньвалі магчымасці) ужо меней чым праз тыдзень (28 сакавіка) аформіўся ў пастанове пасяджэння аддзела ВДУ наркамасветы РСФСР. Па прапанове намесніка наркама, гісторыка М. М. Пакроўскага было вырашана “прынцыпальна жадальным” адкрыць БДУ 1 мая 1919 г. у складзе толькі факультэта грамадскіх навук [8, арк. 6 адв.]. Але нават такі скарачаны план Масквы ў хуткім часе быў парушаны палітычнымі абставінамі – наступленнем польскіх войскаў у Беларусь і акупацыяй Мінска.

Магчымасць больш падрабязна прасачыць эвалюцыю поглядаў, прапаноў і прадстаўленых рознымі асобамі і рознымі інстытуцыямі планаў, заяўленых да адкрыцця БДУ, дазваляюць не толькі на фонды Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, але нават у большай ступені малавывучаныя, але вельмі насычаныя ўнікальнай інфармацыяй матэрыялы Дзяржаўнага архіва Расійскай Федэрацыі [9; 10]. Гэты намер аўтарам запланаваны да рэалізацыі на бліжэйшы час.

На завяршэнне адзначым, што толькі ў жніўні 1920 г. зноў разгарнуліся практычныя дзеянні па стварэнню БДУ. У Маскву прыехала дэлегацыя ўніверсітэцкай камісіі пры Мінскім аддзеле народнай асветы ў складзе чатырох вучоных (Я. Ф. Карскі, С. Д. Камінскі, Л. Г. Слепян і Н. К. Ярашэвіч). На працягу двух тыдняў зноў абмяркоўваліся ранейшыя прапановы Мінска і Масквы, выказваліся новыя, якія ў большай ступені зыходзілі з сумнага стану фінансавых магчымасцей. У рэшце рэшт быў узят курс на мінімізацыю ўсіх складаючых частак універсітэта (колькасць факультэтаў, кафедраў, выкладчыкаў, студэнтаў і інш.). Пры гэтым сам факт неабходнасці яго адкрыцця заставаўся бяспрэчным. І ніхто не спрабаваў падвергнуць сумненню нацыянальны характар Беларускага ўніверсітэта, у якім павінна было знайсціся месца для яўрэйскага, рускага і польскага складнікаў [7, арк. 17–22].

Пасля, ужо падчас практычнай рэалізацыі дэкрэтаў і пастаноў, у пастанове ЦВК ССРБ ад 17 красавіка 1921 г. было намечана ў складзе БДУ арганізаваць не толькі пяць факультэтаў, але і “учредить научно-исследовательский институт белорусской и еврейской культуры”, а таксама запланавана на бліжэйшы час правядзенне навуковай экспедыцыі “по Белоруссии для собирания и составления нужных для университета Коллекций” [11, арк. 3]. Гэтае рашэнне 3-й сесіі ЦВК у хуткім часе было пацверджана пастановай прэзідыўму ЦВК ССРБ (за подпісамі А. Р. Чарвякова і пяці членаў прэзідыўму), у якой асобным пунктам прадпісвалася стварэнне такіх адмысловых ўніверсітэцкіх Інстытутаў [7, арк. 58].

Такім чынам, зноў была зроблена спроба адкрыць універсітэт у максімальна неабходным для рэспублікі фармаце факультэтаў і накірункаў падрыхтоўкі спецыялістаў. Але 30 кастрычніка 1921 г. на ўрачыстым пасяджэнні было абвешчана, што БДУ распачынае сваю дзейнасць у складзе толькі двух факультэтаў. Заснаваць заяўлены Інстытут не ўдалося, хача чатыры мовы сталі мовамі выкладання і падрыхтоўкі гуманітарнага. Восем толькі ў першыя гады дзейнасці ўніверсітэта студэнты і выкладчыкі не аднойчы выказвалі сваё незадавальненне неабходнасцю карыстацца беларускай мовай. З-за ўзнікшага недаверу з боку некаторых нацыянальных сіл да магчымасці рэалізацыі беларускіх памкненняў праз

БДУ нават ідэя Інстытута беларускай культуры, якую адным з першых выказаў рэктар У. І. Пічэта, змагла ажыццявіцца не ў сценах універсітэта, а як асобная інстытуцыя (хаця і пры значным удзеле выкладчыкаў БДУ і пад уплывам навуковых і адукацыйных яго чыннікаў). Наступныя дзесяцігоддзі для ўніверсітэта і ўсёй сістэмы адукацыі Беларусі сталі часам жорсткіх выпрабаванняў на сталасць усведамлення і сваёй перакананасці ў нацыянальнай прыналежнасці.

Крыніцы і літаратура

1. П. Х. Беларускі універсітэт // Наша Ніва. 1913. 19 ліпеня.
2. Яновский, О. А. Диалог интеллигенции и Советской власти о существенных характеристиках Белорусского университета (начало 1920-х гг.) / О. А. Яновский // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. Вып. 4. – Мінск: БДУ, 2009. – С. 76–86.
3. Яноўскі, А. 1921 год – час адліку фарміравання ўніверсітэцкай сферы Беларусі / А. Яноўскі // Знакамітыя мінчане: Мінск і Міншчына пасля падзей 1921 года – лёсы людзей і краіны : мат–лы X Міжн. навук.–тэарэт. канф., Мінск, 13–14 верасня 2016 г. – Мінск: Выд. В. Хурсік. 2017. – С. 186–195.
4. Яноўскі, А. А. Ідэя беларускай дзяржаўнасці як вызначальны фактар стварэння Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта / А. А. Яноўскі // Фарміраванне беларускай дзяржаўнасці ва ўмовах геапалітычных зрухаў XX ст. : мат–лы міжнар. навук. канф., Мінск, 29–30 ліст. 2018 г. – Мінск: БДУ, 2018. – С. 286–290.
5. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей – НАРБ). – Фонд 325. – Воп. 1. – Спр. 19.
6. НАРБ. – Ф. 457. – Воп. 1.– Спр. 2. (*матэрыял прадстаўлены аўтару Уладзімірам Ляхоўскім, за што яму шчыра падзяка*).
7. НАРБ. – Ф. 205. – Воп. 1. – Спр. 1.
8. НАРБ. – Ф. 4/156. – Воп. 1. – Спр. 131.
9. Дзяржаўны архіў Расійскай Федэрацыі (далей – ДАРФ). – Фонд А1565. – Воп. 3. – Спр. 9.
10. ДАРФ. – Ф. А2306. – Воп. 18. – Спр. 235, 701.
11. НАРБ. – Ф. 6. – Воп. 1. – Спр. 6.

УДК 930:94(476)«1919–1920»:070(=111)«1919–1920»

Е. Н. Дубровка

Гомельскі дзяржаўны
універсітэт імя Ф. Скарыны

БЕЛОРУСЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ ВРЕМЕНИ ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

В статье исследуется характер информации о белорусах, содержащейся в англоязычной прессе времён Парижской мирной конференции. Показано, что эта информация преимущественно содержала порожденный русской традицией тезис о неразвитости белорусов как отдельной этнической группы.

Мирная конференция 1919–1920 гг. в Париже стала местом принятия решений, не только определивших политический облик мира на несколько десятилетий, но и создавших прецеденты мирного урегулирования, последовавшего за Второй мировой войной, результаты которой продолжают оказывать влияние на жизнь современного общества. Это

обуславливает сохранение интереса белорусских историков к данному проблематике. В частности, продолжается анализ значения событий Первой мировой войны для белорусской истории, рассматриваются различные аспекты вопроса о месте Беларуси в международных отношениях в послевоенные годы [1; 2; 3; 4].

Однако, на наш взгляд, ряд важных аспектов послевоенного мирного урегулирования все еще остаются вне поля исторических исследований. В частности, именно в ходе конференции многие статистические, географические, этнографические и другие сведения, а также пропагандистские материалы активно проникали на страницы печатных изданий и становились доступными широкой публике. Предметом этого исследования является характер информации о белорусах, содержащейся в англоязычной прессе времён Парижской мирной конференции, представляющей интерес в силу своего влияния на англоязычное сообщество.

В преддверии конференции уровень знаний о ситуации в Центрально-Восточной Европе, был крайне низким даже среди членов делегаций. Можно вспомнить цитату из выступления Д. Ллойд Джорджа в парламенте: «сколько членов палаты слышали о Тешине? Я не отрицаю, что никогда не слышал о нём, но Тешин вызвал острый конфликт между двумя союзными государствами, и нам пришлось прервать заседания, чтобы попытаться уладить дела в Тешине» [5]. Ещё меньше было известно о ситуации на территории современной Беларуси. Так советник британской делегации на конференции по политическим и дипломатическим вопросам Джеймс Хэдлама-Морли в июне 1919 г. писал, что он действительно ничего не знает о проблемах на восточной границе Польши [6].

Во время мирной конференции общедоступная информация о белорусах и процессах, происходивших на заселённых ими территориях, стала появляться в английской прессе. Один её блок содержательно соответствует тезису о том, что белорусы представляют собой наряду с великорусами и малорусами, часть русского народа. Например, в газете «Таймс» от 14 января 1919 г. можно прочесть о «белорусском и малорусском крестьянских народах ... белорусы и малорусы – это всего лишь ветви великорусской нации...» [7]. В той же газете от 21 января мы находим информацию о развитии политической ситуации, которая также вписывается в обозначенный тезис: «Белорусское советское правительство провозгласило Беларусь (здесь и далее следует иметь ввиду, что в англоязычных текстах рассматриваемого времени эквивалентом слова «Беларусь» было сочетание «Белая Русь (Россия)», а «белорусы» – «белые русские», то есть часть или разновидность русского народа, что сразу же устанавливало определенную призму восприятия белорусов – Е. Д.) (Смоленский и Минский район) частью Российской Советской Республики» [8].

Вышеназванный тезис последовательно развивался также в англоязычной прессе США. Так в газете «Нью-Йорк Таймс» от 29 декабря 1917 г. можно прочесть: «русские делятся на великорусов, малорусов и белорусов. По последним имеющимся статистическим данным, численность белорусов составляет около 5000000 человек» [9]. В течение 1919 г. американская пресса также постоянно публиковала короткие заметки о событиях, происходивших на территории Беларуси, сопровождаемые красноречивыми объяснениями. Например, в той же газете в статье от 21 января можно найти такое объяснение: «основная масса белорусов, которых насчитывается около 5000000, проживает в Литве, которая недавно была захвачена большевиками» [10].

Второй посыл, который следует из сообщений англоязычной прессы, сводится к тому, что подчёркивание отличия белорусов от русских и поддержка их национального движения во время войны являются происками Германии. Ещё статьи американской прессы 1918 г. несли такую информацию. В частности, можно упомянуть ряд заметок о провозглашении Белорусской народной республики «с согласия Германии», основанных на сообщениях, полученных через Лондон из Москвы от корреспондента агентства «Биржевая телеграфная компания». Они печаталась как в крупных [11.], так и в региональных изданиях [12; 13; 14;

15] и почти дословно повторяли друг друга. Отмечалось, что формируется коалиционное правительство, продолжаются переговоры об объединении Литвы и Беларуси с целью создания отдельного государства под военным протекторатом Германии. Приведенная выше информация сопровождалась необходимым пояснением для читателей, в котором говорилось, что Беларусь имеет неопределенные границы, приблизительно занимает территорию к северу от Украины, к востоку от Польши и прибалтийских губерний, к югу и западу от «великой России»; она включает Литву, где проживает основная масса белорусского населения [16]. Идею немецкого следа в белорусском национальном движении можно обнаружить и в статьях 1919 г. Так в ноябре появилось несколько заметок о потенциальном союзе Эстонии, Латвии, Беларуси, Украины, а также «Кубани и Азербайджана, иными словами реализация немецкой политики по отделению России от Европы» [17]. Встречаются и другие варианты списка стран–участниц потенциального союза: Эстония, Латвия, Литва, Польша, Беларусь, Финляндия, Украина [18] или без Финляндии [19].

Истоки обозначенных тезисов можно обнаружить в работах английского журналиста Гарольда Уильямса, до 1918 г. работавшего в России и приславшего оттуда статьи для «Дейли Кроникл» и «Дейли Телеграф». В одной из публичных лекций, прочтенных в Кембридже летом 1916 г. он, говорил о русских, которые делятся на «великорусов, малорусов и белорусов, на три великие части русского народа». Также в ней можно прочесть характеристику белорусов: «их диалект так мало отличается от великорусского, что трудно себе представить, чтобы могло возникнуть сколько-нибудь значительное белорусское движение. Есть зарождающееся движение, которое теперь используется немцами как средство пропаганды в Вильне, потому что немцы хотят подчеркнуть даже незначительные различия внутри русской нации» [20, с. 140, 145].

Закреплялись эти подходы к оценке белорусов и благодаря распространявшимся на конференции пропагандистским материалам, подготовленным представителями «антибольшевистской России», в которых подчёркивалась неразвитость белорусов как нации, отсутствие в их среде национального движения [21, р. 13–15, 17; 22, с. 271–278].

После окончания конференции представление о белорусах, как части или разновидности русской нации сохраняется в англоязычной публицистике. В частности, в работе «Внутренняя история мирной конференции» журналиста и писателя Э. Дж. Диллона, который был русским корреспондентом «Дейли Телеграф» с 1887 по 1914 г., указано, что «белорусы... интересное русское племя, живущее главным образом в губерниях Минской и Гродненской (за исключением крайнего юга), небольшой части Сувалк, Вильно (за исключением северо-западного региона), во всех губерниях Витебской и Могилевской, западной части Смоленской и нескольких уездах Черниговской» [23, с. 260].

Также на конференции происходило распространение пропагандистских материалов, представителями формирующихся национальных государств с целью обоснования их территориальных претензий, в частности, известны работы Станислава Кутшебы и Винценты Лютославского [24; 25].

Характер информации, содержащейся в брошюрах этих авторов, определялся целью создания этих произведений, то есть необходимостью обосновать отсутствие у русских прав на ряд территории. Реализация этой цели началась с терминологического вопроса. Например, Ст. Кутшеба основательно расписал, как русские активно используют свою языковую специфику: «в русском языке нет разницы между терминами «русский» и «русинский». Таким образом, ловко жонглируя словами, не один русский автор пытается создать впечатление, что белорусы – это русские. Это сознательная фальсификация фактов. Белорусы – это славянское население, отличающееся от русских своим языком. Хотя верно, что русский, украинский и белорусский диалекты рассматриваются лингвистами как составные части одной и той же восточной группы славянских языков, необходимо, конечно,

признать, что белорусский язык является отдельным языком» [24, с. 5–6]. В том же направлении развивает мысль В. Лютославский. В своей работе он пишет об «открытии белорусов». При этом он активно использует термины «White Ruthenians» и «White Ruthenia», даже «Bialorus», с одной стороны, и «Muscovites», с другой, подчеркивая тем самым разницу на терминологическом уровне. В то же время он дает краткую, но содержательную характеристику белорусов: «никогда не образовывали своего государства, так как они представляют собой почти исключительно сельское население (93% – крестьяне). Большинство белорусов рано перешло под власть Польши, и лишь небольшая часть принадлежала Московии. Белорусы Литвы национально неразвиты, и... у них до войны почти не было собственных политических устремлений» [25, с. 3–5].

Еще одним значительным источником польского происхождения, созданным явно в пропагандистских целях и содержащим сведения о белорусах, была энциклопедия под редакцией Э. Пильца, переизданная на английском языке (первый вариант был опубликован на французском языке в 1916 г.) [26]. В нем можно найти краткие сведения о белорусах (в тексте «White Ruthenes»), упоминаемых как одна из «народностей, возникших на территории древней Республики Польша» [26, с. 11]. Можно найти и их характеристику: «белорусы численностью 6 250 000 человек населяют губернии Минска, Могилева и часть губерний Витебска, Вильно и Гродно. Они образуют массу неопределившихся национальностей, эволюцию которых невозможно предвидеть. Белорусы – это римские католики, и они заметно находятся под влиянием польской цивилизации» [26, с. 12–13]. В названных работах, как видим, белорусы позиционировались как сообщество, находящееся под значительным польским влиянием. Отзвуки этого тезиса в английской прессе 1919 г., правда, незначительны. Собственно, только в сообщении от варшавского корреспондента газеты «Таймс», отмечено, что на части «Литвы, Беларуси и Волыни» присутствует «польская цивилизация» [27].

Таким образом, в период Парижской мирной конференции 1919 – начала 1920-го гг. в англоязычной прессе появлялась информация о белорусах, преимущественно содержащая тезис, порожденный русской традицией, и несущая посыл о неразвитости белорусов как этнической группы.

Источники и литература

1. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991) : Зб. дак. і матэр. : у 4-х т. / рэдкал.: С. Мартынаў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Юніпак, 2008. – Т. 1. – Ч. 1: 1. 08. 1914 – 31. 12. 1919. – 539 с.
2. Лазько, Р. Р. Беларусь ў еўрапейскай палітыцы, 1918–1925 гг. Нарысы / Р. Р. Лазько. – Гомель: УА «ГДУ імя Ф. Скарыны», 2003. – 126 с.
3. Мязга, М. Міжнароднапалітычны аспект барацьбы за беларускую дзяржаўнасць у пачатку 1920-х гг. / М. Мязга // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. – 2001. – Т. 15. – S. 122–132.
4. Ціхаміраў, А. В. Беларусь у сістэме міжнародных адносін пасляваеннага ўладкавання Еўропы і перыяду савецка-польскай вайны (1918–1921 гг.). / А. В. Ціхаміраў. – Мінск: Экаперспектыва, 2003. – 400 с.
5. Prime Minister's statement. // House of Commons debates, 16 April 1919 [Электронны рэсурс]. – Режим доступа : <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1919/apr/16/prime-ministers-statement>. – Дата доступа : 01.04.2020.
6. Extract from letter to Mr Namier (F.O.) 11 June 1919 // Headlam–Morle V, J. A memoir of the Paris peace conference 1919. – London : Methuen & Co Ltd., 1972. – P. 141–142.
7. Poland's frontiers // The Times (London, Greater London, England). – 1919. – Tue, Jan 14. – P. 23. [Электронны рэсурс]. – Режим доступа : <https://www.newspapers.com/image/32852504>. – Дата доступа : 23.01.2017.

8. Imperial and Foreign news items // *The Times* (London, Greater London, England). – 1919. – Tue, Jan 21. – P. 7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.newspapers.com/image/32856086>. – Дата доступа : 23.01.2017.
9. White Russia secedes. Lithuanians now decide to form an independent republic // *The New York Times*. – 1917. – Sat, Dec 29. – P. 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.newspapers.com/image/25569603>. – Дата доступа : 24.01.2017.
10. White Russia bolshevist // *The New York Times*. – 1919. – Tue, Jan 21. – P. 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.newspapers.com/image/20601928>. – Дата доступа : 23.01.2017.
11. White Russia now Hun protectorate // *The Washington Post*. – 1918. – May 25. – P. 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.newspapers.com/image/31571288>. – Дата доступа : 26.01.2017.
12. White Russia to be republic // *The Ogden Standard*. – 1918. – May 25. – P. 13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.newspapers.com/image/83577912>. – Дата доступа : 26.01.2017.
13. White Russian Republic // *Lancaster Eagle Gazette* (Ohio). – 1918. – May 25. – P. 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.newspapers.com/image/36187211>. – Дата доступа : 26.01.2017.
14. Republic of White Russia is formed; Berlin consents // *The Brooklyn Daily Eagle* (New York). – 1918. – May 24. – P. 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.newspapers.com/image/55301328>. – Дата доступа : 26.01.2017.
15. Russia exists by the grace of Germany // *The Vicksburg Herald* (Mississippi). – 1918. – May 25. – P. 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.newspapers.com/image/194338819>. – Дата доступа : 26.01.2017.
16. Another “free” Russian republic is “permitted” by the Germans // *The Bismarck Tribune* (North Dakota). – 1918. – May 29. – P. 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.newspapers.com/image/71139848>. – Дата доступа : 26.01.2017.
17. A Bolshevist assertion // *The Times* (London, Greater London, England). – 1919. – Sat, Nov 15. – P. 37. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.newspapers.com/image/33287814>. – Дата доступа : 23.01.2017.
18. A small state alliance // *The Times* (London, Greater London, England). – 1919. – Tue, Nov 18. – P. 36. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.newspapers.com/image/33289104>. – Дата доступа : 23.01.2017.
19. Proposed Baltic alliance // *The Times* (London, Greater London, England). – 1919. – Thu, Dec 11. – P. 42. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.newspapers.com/image/33275862>. – Дата доступа : 23.01.2017.
20. Williams, H. The nationalities of Russia / H. Williams. // *Russian Realities & Problems* / Edited by J. D. Duff. – Cambridge: University Press, 1917. – P. 132–152.
21. A catalogue of Paris Peace Conference delegation propaganda in the Hoover War Library / Hoover Institution on War, Revolution, and Peace. – Stanford: Stanford University Press, 1926. – 96 p.
22. Вытрымкі з запіскі генерала Ф. Ф. Паліцына «Самостоятельная Литва, согласно заявлениям литовской делегации, представленным конгрессу мира 24-го марта 1919 года», падрыхтаванай для ваенна-гістарычнага і статыстычнага камітэта пры Рускай палітычнай нарадзе ў Парыжы // Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991). Зб. дак. і матэр. : у 4х т. / рэдкал.: С. Мартынаў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2008. – Т. 1. – Ч. 1. – С. 271–278.
23. Dillon, E.J. The Inside Story of The Peace Conference / E.J. Dillon. – New York–London: Harper & Brothers Publishers, 1920. – 513 p.
24. Kutrzseba, St. The rights of Russia to Lithuania and White–Ruthenia / St. Kutrzseba. – Paris, 1919. – 11 p.

25. Lutoslawski, W. Lithuania and White Ruthenia / W. Lutoslawski. – Paris, 1919. – 36 p.

26. Poland her people, history, industries, finance, science, literature, art, and social development / Ed. by E. Piltz. – London: Jenkins, 1919. – VII+456 p.

27. Poland's eastern frontiers // The Times (London, Greater London, England). – 1919. – Sat, Nov 13. – P. 37. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.newspapers.com/image/33285985>. – Дата доступа : 23.01.2017.

УДК 94:327((47+57)+438)"192":929*Л. Абаленскі

М. М. Мязга

Гомельскі дзяржаўны
ўніверсітэт імя Ф. Скарыны

Л. АБАЛЕНСКІ – ПАЎНАМОЦНЫ ПРАДСТАЎНІК САВЕЦКАЙ РАСІІ / СССР У ПОЛЬШЧЫ

У артыкуле ахарактарызавана дзейнасць на пасадзе савецкага паўнамоцнага прадстаўніка ў Варшаве Л. Абаленскага. Выяўлены тры аспекты савецка-польскіх адносін, якія знаходзіліся ў цэнтры яго дзейнасці. Устаноўлена, што Л. Абаленскі, як прадстаўнік Савецкай дзяржавы ў Польшчы, лічыў магчымым палітычнае польска-савецкіх адносін, але на савецкіх умовах, у аснове якіх была рэвізія Рыжскага дагавора. Фактычна, ён прызнаў немагчымасць дасягнення гэтай мэты, што і стала прычынай яго просьбы аб адстаўцы.

Рыжскі мірны дагавор паміж Савецкай Расіяй і Савецкай Украінай, з аднаго боку, і Польшчай з другога прадугледжваў усталяванне ў бліжэйшы час дыпламатычных адносін паміж краінамі, якія яго падпісалі. У сувязі з гэтым павінен быў адбыцца абмен дыпламатычнымі прадстаўніцтвамі. Масква была зацікаўлена ў тым, каб гэтае палажэнне дагавора было выканана як можна хутэй. Тым самым ствараўся важны міжнародны прэцэдэнт прызнання савецкага расійскага ўрада дастаткова буйной капіталістычнай краінай Еўропы.

Для развіцця польска-савецкіх адносін на новым мірным этапе важна было, хто ўзначаліць прадстаўніцтва Савецкай Расіі ў Варшаве і Польшчы ў Маскве. Гэта разумела савецкае кіраўніцтва і літаральна адразу пасля заключэння Рыжскага дагавора занялося пытаннем прызначэння кіраўніка паўнамоцнага прадстаўніцтва ў Варшаве. Ужо 21 сакавіка 1921 г. Палітбюро ЦК РКП(б) было прынята рашэнне аб прызначэнні паўнамоцным прадстаўніком РСФСР у Польшчы Леаніда Абаленскага [1]. Дадзены выбар не быў выпадковым. Л. Абаленскі прымаў удзел у савецка-польскіх перамовах у Рызе і лічыўся сярод савецкіх дыпламатаў адным з найбольш дасвечаных спецыялістаў па польскай праблематыцы. Так што выбар яго кандыдатуры на пасаду паўнамоцнага прадстаўніка РСФСР у Польшчы прадстаўляецца абгрунтаваным. Аднак Палітбюро дастаткова хутка памяняла сваё рашэнне. Наркам замежных спраў Савецкай Расіі Георгій Чычэрын прапанаваў прызначыць паўпрадам у Варшаву Льва Карахана. 5 красавіка Палітбюро разгледзела гэтую прапанову і зацвердзіла названую кандыдатуру [2]. На наш погляд, змена кадравыя рашэння Палітбюро на карысць Л. Карахана падкрэслівае, што савецкае кіраўніцтва надавала вялікае значэнне наладжванню адносін з Польшчай у той момант. Новы паўпрад займаў тады пасаду намесніка наркама замежных спраў і яго прызначэнне кіраўніком савецкай дыпламатычнай місіі ў Варшаве павінна было падкрэсліваць значымасць гэтай пасады. Напэўна, Масква спадзявалася, што дадзены жэст падштурхне Варшаву ў найкарацейшы час рэалізаваць палажэнне дагавора аб абмене дыпламатычнымі

прадстаўніцтвамі. Аднак вырашэнне гэтага пытання зацягнулася. Толькі ў пачатку жніўня савецкая дыпламатычная місія прыбыла ў Варшаву, а польская – у Маскву.

Такім чынам, Л. Абаленскаму не выпала ўзначаліць савецкае паўпрадства ў Варшаве ў момант усталявання дыпламатычных адносін паміж Савецкай Расіяй і Польшчай. Але ён увайшоў у склад савецкай дыпламатычнай місіі як саветнік паўпрадства. Знаходжанне Л. Карахана на пасадзе паўпрада ў Варшаве аказалася непрацяглым. У студзені 1922 г. адбыўся яго ад'езд у Маскву, хаця афіцыйна ён заставаўся паўпрадам. Л. Абаленскі заняў пасаду паверанага ў справах РСФСР у Польшчы. Менавіта ў гэты час пачыналіся савецка-польскія гандлёвыя перамовы. 23 лютага савецкае прадстаўніцтва ў Варшаве накіравала ноту польскаму міністэрству замежных спраў, у якой быў названы склад савецкай дэлегацыі на вядзенне гандлёвых перамоў з Польшчай. Сярод яе сябраў быў і Л. Абаленскі [3, с. 141]. Аднак перамовы вельмі хутка закончыліся безвынікова.

Адной з найбольш вострых праблем у савецка-польскіх адносінах была дзейнасць нерэгулярных узброеных атрадаў у пагранічных раёнах. Л. Абаленскі актыўна адстойваў пазіцыю савецкага кіраўніцтва па гэтаму пытанню. У яе аснове былі абвінавачванні ў адрас Польшчы ў падтрымцы дзейнасці антысавецкіх фармаванняў з яе тэрыторыі і адхіленне абвінавачванняў савецкага ўрада ў арганізацыі партызанскага руху на тэрыторыі Польшчы. 21 чэрвеня 1922 г. была накіравана нота паверанага ў справах РСФСР у Варшаве міністру замежных спраў Польшчы Канстанту Скірмунту, у якой даказвалася неабгрунтаванасць абвінавачванняў польскім урадам савецкага боку ў падтрымцы партызанскага руху ва ўсходніх ваяводствах Польшчы. У той жа час, польскі ўрад абвінавачваўся ў арганізацыі нападаў на савецкую тэрыторыю [3, с. 165–166]. Сам павераны ў справах РСФСР у Варшаве лічыў неабходным правядзенне палітыкі, накіраванай на аслабленне пазіцыі Польшчы на тэрыторыі яе ўсходніх ваяводстваў, у тым ліку і з дапамогай г. з. “актыўнай разведкі”. Такія дзеянні ён разглядаў як лепшы сродак, каб паралізаваць актыўнасць польскай палітыкі ва ўсходнім напрамку [4, л. 48].

Летам 1922 г. Л. Абаленскі ўключыўся ў работу па падрыхтоўцы канферэнцыі па раззбраенню, прапанаваную савецкім урадам. 29 жніўня ён як павераны ў справах атрымаў ноту ад міністра замежных спраў Габрыэля Нарутовіча аб згодзе Польшчы прыняць удзел у Маскоўскай канферэнцыі па раззбраенню [3, с. 171]. Будучы кіраўніком савецкай місіі ў Варшаве, Л. Абаленскі прымаў удзел у падрыхтоўцы і ажыццяўленні візітаў у Варшаву намесніка наркама замежных спраў Максіма Літвінава ў пачатку жніўня і Г. Чычэрына ў канцы верасня 1922 г. Але гэтыя візіты не аказалі станоўчага ўплыву на савецка-польскія адносіны.

12 кастрычніка Палітбюро прыняло рашэнне прызначыць на пасаду паўпрада ў Варшаве Л. Абаленскага, які да гэтага выконваў абавязкі часовага паверанага ў справах [5]. Пытанне пра прычыны замены савецкага паўпрада ў Варшаве патрабуе дадатковага вывучэння. Магчыма, быў улічаны вопыт узаемадзеяння Л. Абаленскага з польскімі дыпламатамі ў ходзе рыжскіх перамоваў, яго праца на пасадзе саветніка паўпрадства і паверанага ў справах у Варшаве. Ён мог паспяхова замяніць Л. Карахана, які, пры дэфіцыце дыпламатычных кадраў у Савецкай дзяржаве, быў запатрабаваны на розных напрамках савецкай знешняй палітыкі. Аднак у сувязі з прызначэннем Л. Абаленскага паўпрадам паўстаў востры дыпламатычны канфлікт, звязаны з акрэдытацыяй у Варшаве новага савецкага паўнамоцнага прадстаўніка. Начальнік польскай дзяржавы Юзаф Пілсудскі адмовіўся прыняць у яго даверчыя граматы, даручыўшы гэта зрабіць міністру замежных спраў. Масквой гэта было ўспрынята як жаданне падкрэсліць няроўнасць савецкага прадстаўніка ў параўнанні з іншымі пасланнікамі. Л. Абаленскі ў знак пратэсту пакінуў Варшаву. Пасля гэтага ўрад Польшчы адклікаў з Масквы польскага паверанага ў справах Рамана Кноля [3, с. 189–190]. 7 лістапада ў Маскве была атрымана нота польскага ўрада ў сувязі з ад'ездам з Варшавы савецкага паўпрада Л. Абаленскага. Віна за дыпламатычны інцыдэнт ускладалася на савецкі бок. Пры гэтым Варшава выказвала спадзяванне на хуткае ўрэгуляванне канфлікту [3, с. 187–188]. Канфлікт з дыпламатычнымі прадстаўніцтвамі быў

урэгуляваны ў час Маскоўскай канферэнцыі па рэзбраенню ў снежні 1922 г. у выніку перамоў паміж намеснікам наркама замежных спраў РСФСР М. Літвінавым і кіраўніком польскай дэлегацыі Янушам Радзівілам. 4 студзеня Л. Абаленскі ў якасці паўпрада ўрычыў даверчыя граматы прэзідэнту Польшчы Станіславу Вайцахоўскаму, а Р. Кноль як павераны ў справах Польшчы быў прыняты М. Літвінавым [3, с. 190].

З пачатку 1923 г. цэнтральнае месца ў дзейнасці савецкага паўпрадства ў Варшаве займаюць падзеі, звязаныя з Рурскім крызісам. Яшчэ 9 студзеня Л. Абаленскі паведаміў у Маскву аб тым, што згодна яго інфармацыі Францыя мае намер у бліжэйшы час пачаць уварванне ў Рур, а “польская падтрымка”, па словах паўпрада, “пойдзе ў напрамку заняцця Данцыга (на ўсякі выпадак, як базу для французскага флота), нямецкай часткі Верхняй Сілезіі”. Далей Л. Абаленскі са спасылкай на атрыманыя агентурныя звесткі пісаў аб актыўнай падрыхтоўцы польскага генеральнага штаба да мабілізацыі некалькіх уростаў рэзервістаў [6, л. 11]. На пачатку Рурскага крызісу савецкі паўпрад ў Варшаве лічыў цалкам магчымым польскае ўмяшанне ў франка-германскі канфлікт і актыўна даводзіў дадзеную пазіцыю да кіраўніцтва ў Маскве. 16 студзеня ў тэлеграме ў наркамат замежных спраў Л. Абаленскі зноў піша пра падрыхтоўку палякамі наступлення на Данцыг і нямецкую Сілезію, указвае на тое, што ў Польшчы ўжо адбываецца мабілізацыя і армейскія злучэнні рухаюцца да германскай граніцы [6, л. 16]. У Маскве некалькі па-іншаму ацэньвалі пазіцыю Польшчы, лічылі яе больш стрыманай. 14 студзеня член калегіі НКЗС Віктар Коп пісаў паўпраду ў Варшаве, што польскі прадстаўнік у Маскве запэўніваў Г. Чычэрына ў міралюбнасці польскага ўрада. Таксама польскія ўлады праяўлялі асабліваю прадбачлівасць у адносінах да савецкага паўпрада ў Варшаве. Усё гэта сведчыла, на думку В. Копа, пра тое, што “Польпра даволі цвяроза ўлічвае становішча Польшчы, як становішча некаторай ізаляцыі і вельмі мае патрэбу ў карэктных адносінах з намі”. Пры гэтым Савецкі Саюз разлічваў, па словах В. Копа “праціснуць сякія–такія далікатныя пытанні” ў адносінах з Польшчай [7, л. 3]. Мелася на ўвазе дабіцца згоды Польшчы на перагляд савецкіх матэрыяльных абавязацельстваў па Рыжскаму дагавору.

Пры гэтым у Маскве лічылі неабходным даць зразумець польскаму ўраду, што СССР не будзе абьякавым у выпадку ўмяшання Польшчы ў Рурскі крызіс. Член калегіі НКЗС Якаў Ганецкі 16 студзеня паведаміў паўпраду ў Варшаве пра рашэнне савецкага ўрада папярэдзіць палякаў, “што мы не можам быць індывідуальнымі да плануемай у іх мабілізацыі і, калі такая адбудзецца, вымушаныя будзем зрабіць адпаведныя высновы”. Перад Л. Абаленскім ставілася задача давесці гэтую інфармацыю да міністра замежных спраў Аляксандра Скшыньскага [7, л. 6]. Таксама намячаліся меры на выпадак польскага выступлення супраць Германіі. 18 студзеня 1923 г. Палітбюро абмяркоўвала сітуацыю ў сувязі з акупацыяй Францыяй Рура. Прынятыя рашэнні пацвярджалі апасенні савецкага кіраўніцтва адносна агрэсіўных планаў Польшчы. Палітбюро даручыла РВСР “у тэрміновым парадку распрацаваць план мабілізацыі (прыкладна двух узростаў) і засяроджвання неабходных сіл на Заходнім фронце ў выпадку, калі б Польшча да гэтага прымусіла”. Таксама меркавалася ўмацаваць Заходнюю акругу групай “адказных камуністаў палітработнікаў”. Палітбюро вырашыла разгарнуць кампанію ў прэсе пад кантролем Л. Троцкага, у якой выкрыць “польскіх авантурыстаў”, якія маюць намер кінуць польскія войскі на Германію. Паўпраду ў Германіі М. Крэсцінскаму даручалася высветліць пазіцыю германскага ўрада ў сувязі з рурскімі падзеямі і “магчымасцю выступлення Польшчы” [8].

У канцы студзеня можна заўважыць змены ў ацэнцы пазіцыі Польшчы ў сувязі з Рурскім крызісам савецкім цэнтральным кіраўніцтвам. 30 студзеня Я. Ганецкі пісаў паўпраду ў Варшаве, што ў палякаў, з аднаго боку, маецца “дамова з Францыяй у адпаведны момант захапіць Данцыг і Верхнюю Сілезію”. І Польшча робіць падрыхтоўку, каб выступіць супраць Германіі. Але Польшчы складана рашыцца выступіць, бо Англія “ўзмоцнена рэкамендуе ёй быць нейтральнай”. Л. Абаленскаму даручалася праінфармаваць польскі ўрад, што СССР у франка-германскім канфлікце вырашыў захоўваць строгі нейтралітэт. Але пры гэтым

неабходна было падкрэсліць, што мабілізацыя ў Польшчы і захоп ёю новых тэрыторый “не могуць для нас быць абьякавымі” [7, л. 15–16]. Такім чынам, Л. Абаленскі ад імя савецкага ўрада фактычна павінен быў прапанаваць Польшчы ўзаемны нейтралітэт у германа-французскім канфлікце. Але пры гэтым падкрэслівалася, што Савецкі Саюз не застанеца нейтральным, калі Польшча паспрабуе захапіць германскія тэрыторыі.

Паўнамоцны прадстаўнік СССР у Варшаве таксама прыйшоў да высновы, што Польшча не імкнецца актыўна ўмяшацца ў Рурскі крызіс. Л. Абаленскі пісаў у Маскву Я. Ганецкаму 6 сакавіка, што Польшча вельмі моцна працівіцца магутнаму французскаму націску з патрабаваннем неадкладнай акцыі садзейнічання ў Рурскім пытанні. На ягоную думку, В. Сікорскі і Ю. Пілсудскі не хочуць нічога рабіць супраць Германіі, бо абодва ведаюць складанасць унутранага становішча Польшчы, і “абодва баяцца нашага ўмяшання” [6, л. 49]. У тэлеграме ад 13 сакавіка на імя таго ж Я. Ганецкага паўпрад ў Варшаве робіць выснову, што ўсе польскія ваенныя прыгатаванні зроблены пад націскам Францыі і на французскія грошы, і з’яўляюцца не больш, чым дэманстрацыяй. Акрамя таго, на думку Л. Абаленскага, Польшча апынулася не ў стане весці наступальную вайну ў сілу эканамічных прычын. Ён адзначаў: “Пачынаючы са студзеня 1923 г., дзякуючы фінансаваму краху польскай валюты і цяжкаму эканамічнаму становішчу ў краіне, польскі генеральны штаб пераканаўся, што думаць і весці наступальную вайну і наогул ўцягвацца ў вайну Польшча ў цяперашні час не можа” [6, л. 57, 58, 59]. Неабходна адзначыць, што паўпрад дастаткова дакладна вызначыў польскую пазіцыю па рурскаму пытанню ў той момант. Савецкае кіраўніцтва ставіла перад паўпрадам у Варшаве задачу сачыць за магчымымі ваеннымі прыгатаваннямі Польшчы. 9 сакавіка ў тэлеграме Я. Ганецкага яму даручалася праверыць звесткі “з сур’ёзных крыніц пра намер Польшчы напасці на нас у маі” [7, л. 43]. У канцы сакавіка Л. Абаленскі зноў схіляецца да пункту гледжання, што Польшча можа выступіць супраць Германіі. Ён пісаў у Маскву 27 сакавіка, што палякі маюць намер захапіць Данцыг. Канчатковае пытанне пра выступленне супраць Германіі будзе вырашана ў залежнасці ад пазіцыі, якую зойме Англія [6, л. 62].

У лютым актуалізавалася пытанне аб польска-савецкіх гандлёвых перамовах. Пасля працяглых правалочак яны пачаліся 9 сакавіка і вяліся ў Варшаве. Л. Абаленскі з’яўляўся кіраўніком савецкай дэлегацыі. У інструкцыях, якія ён атрымаў з Масквы, ставілася задача дабівацца ў час перамоў змягчэння савецкіх абавязацельстваў па Рыжскаму дагавору [7, л. 49]. Гэта была вельмі складаная задача. Польскі ўрад настойліва патрабаваў перадачы савецкім бокам матэрыяльных і культурных каштоўнасцяў у адпаведнасці з Рыжскім дагаворам. Розныя падыходы бакоў да выканання Рыжскага дагавора прывялі да хуткага зрыву перамоў. Л. Абаленскі з’вязаў гэта і з агульным станам савецка-польскіх адносін. Ён пісаў у НКЗС, што “страх і недавер з’яўляюцца асноўным стымулам польскай палітыкі ў дачыненні да нас” [6, л. 43].

28 мая 1923 г. у Польшчы быў сфарміраваны новы ўрад на чале з Вінцэнты Вітасам. У ім пераважалі прадстаўнікі польскіх правых палітычных партый. Гэта парадзіла ў кіраўніцтва Савецкага Саюза спадзяванні на паляпшэнне адносін з Польшчай. Гэтыя спадзяванні грунтаваліся на тым, што польскія правы палітычны лагер разглядаў Германію ў якасці галоўнага праціўніка Польшчы. Каб супрацьстаяць Германіі, трэба было, на думку правіцы, дабівацца нармалізацыі адносін з Расіяй. Аднак савецкі паўпрад у Варшаве не раздзяляў пункту гледжання, згодна якому прыход да ўлады ўрада Вітаса будзе спрыяць польска-савецкаму збліжэнню. Ён лічыў, што, на думку польскіх правых палітыкаў, “адзінства нашых інтарэсаў з Польшчай супраць Германіі рана ці позна пад кіраўніцтвам Францыі павінна будзе абавязкова выявіцца”. Такім чынам, асновай для польска-расійскага збліжэння, на думку Л. Абаленскага, польская правіца лічыла процідзейне германскай пагрозе. Для гэтага Расія павінна будзе пайсці на паляпшэнне адносін з Польшчай і Францыяй ва ўрон адносінам з Германіяй. А далей у сваёй тэлеграме Л. Абаленскі абгрунтавана заўважыў, што “наша агульная лінія міжнароднай палітыкі накіравана ў

працілеглы бок, і цяжка чакаць суб'ектыўнага і аб'ектыўнага паляпшэння стаўлення да нас Польшчы” [6, л. 2]. Пасля прыхода да ўлады ўрада В. Вітаса Л. Абаленскі 12 чэрвеня ў тэлеграме ў Маскву на імя Л. Карахан адзначаў, што міністр замежных Марыян Сейда ў сваёй палітыцы ставіць задачу падрыхтоўваць глебу для ўрэгулявання адносін з будучай паслябальшавіцкай Расіяй. Хаосам і слабасцю, якія, на думку палякаў, будуць характэрныя для Расіі ў момант падзення ўлады большавікоў, неабходна было скарыстацца для паскарэння справы аб'яднання “ўсходніх ускраін” з астатняй Польшчай. Улічваючы такую пазіцыю польскага міністра замежных спраў, які з'яўляўся прадстаўніком польскага правага палітычнага лагера, Л. Абаленскі рабіў выснову, што савецкаму кіраўніцтву варта пакінуць спробы заваяваць сімпатыі польскай нацыянальнай дэмакратыі. Да таго ж, савецкі паўпрад указваў і на класавую варожасць эндэкаў да Савецкай дзяржавы, што таксама рабіла праблематычным наладжванне супрацоўніцтва з новым польскім урадам [6, л. 106]. Скептыцызм савецкага паўпрада адносна паляпшэння савецка-польскіх адносін у сувязі з прыходам да ўлады ўрада В. Вітаса цалкам пацвердзіўся. Хоць пад час першай сустрэчы з Л. Абаленскім, па словах савецкага паўпрада, М. Сейда дэманстравалі гатоўнасць да паляпшэння двухбаковых адносін. Праўда, пры гэтым польскі міністр падкрэсліў, што асновай для польска-савецкага збліжэння павінна стаць дакладнае выкананне Рыжскага дагавора [6, л. 102]. Але Л. Абаленскі добра ведаў, што агульная стратэгічная лінія савецкай палітыкі накіравана на ануляванне савецкіх плацяжоў Польшчы. Гэтая лінія была дакладна выкладзена ў інструкцыі да гандлёвых перамоў, якую Л. Абаленскі атрымаў 13 чэрвеня. Савецкае кіраўніцтва звязвала заключэнне гандлёвага дагавора са згодай Польшчы на перагляд савецкіх матэрыяльных абавязацельстваў па Рыжскаму дагавору. Паўпрад павінен быў прама заявіць палякам, што ў выпадку іх нязгоды “Расія і далей будзе сабатаваць мірны дагавор, і Польшча атрымае мізэр” [7, л. 148–149].

Восенню 1923 г. характар польска-савецкіх адносін у рашаючай ступені вызначаўся палітычным крызісам у Германіі. У Варшаве справядліва лічылі, што перамога рэвалюцыі ў Германіі шмат у чым будзе залежаць ад таго, ці ўдасца СССР аказаць дапамогу рэвалюцыйным сілам Германіі. Для польскага ўрада важнейшай становіцца задача стварыць бар'ер паміж СССР і рэвалюцыйнай Германіяй. Гэта выдатна разумеў Л. Абаленскі. У тэлеграме, накіраванай 28 верасня В. Копу, паўпрад у Варшаве пісаў, што ў польскай палітыцы “чырвонай ніткай праходзіць імкненне ўсе намаганні накіраваць на тое, каб гэтай змычцы перашкодзіць”. Закранаючы пытанне пра транзіт, Л. Абаленскі падкрэсліваў: “У сувязі з пагрозай германскай рэвалюцыі нават фінансавыя меркаванні не маглі б перамагчы страху палякаў перад змычкай СССР і Германіяй” [6, л. 205, 206]. Варта прызнаць, што прагнозы Л. Абаленскага адносна пазіцыі Польшчы ў сувязі з падзеямі ў Германіі аказаліся досыць дакладнымі. У Маскве ж спадзяваліся, што ўдасца дамовіцца з палякамі па германскай праблематыцы за кошт эканамічных дывідэнтаў. В. Коп 12 кастрычніка паведаміў Л. Абаленскаму аб прынятым Масквой рашэнні “весці перамовы з польскім урадам на шырокім базісе з канчатковай мэтай дамагчыся як вольнага транзіту ў Германію, так і гарантыі неўмяшання ва ўнутраныя справы Германіі”. Ён пісаў аб сваім маючым адбыцця візіце ў краіны Прыбалтыкі і Польшчу з мэтай правядзення гэтага рашэння ў жыццё [9, л. 61].

Візіт В. Копы ў Варшаву не даў станоўчага выніку. Ні па аднаму з пытанняў, якія абмяркоўваліся на перамовах, не было дасягнута пагадненне. Л. Абаленскі быў адным з удзельнікаў гэтых перамоў. У лістападзе, калі магчымасць камуністычнага перавароту ў Германіі адпала, напружанасць у польска-савецкіх адносінах пайшла на спад. Гэта канстатаваў і Л. Абаленскі. У адказ на запыт НКЗС ён паведаміў 16 лістапада, што па агентурных дадзеных ніякай канцэнтрацыі польскіх войскаў супраць Германіі няма. Прычым ён выказаў здагадку, што гэтая дэзінфармацыя спецыяльна падкідваецца Берлінам, каб трымаць у напружанасці савецка-польскія адносіны [6, л. 214]. У пачатку 1924 г. Л. Абаленскі працягвае звяртаць увагу на тэндэнцыю да паляпшэння польска-савецкіх адносін. Ён паведамляе ў Маскву, што польскі ўрад імкнецца падкрэсліць пазітыўныя змены

ў сваёй палітыцы ў адносінах да СССР. У якасці прыкладу такіх пераменаў ён указваў на тое, як праходзіла 14 лютага прадстаўленне дыпламатычнага корпуса новаму міністру замежных спраў Польшчы Маўрыкію Замойскаму. Савецкі паўпрад быў прыняты ў ліку першых і адзначаны “перад іншымі тым, што міністр гутарыў са мной каля паўгадзіны. Ветлівасць Замойскага была тая вялікая, што ён гутарыў са мной па-руску” [10, л. 32].

Праяўленнем тэндэнцыі да польска-савецкага збліжэння сталі перамовы аб гандлёвым дагаворы. Яны праходзілі галоўным чынам у Маскве, куды прыбыў новы польскі пасланнік Людвік Дароўскі. Таму Л. Абаленскаму не давалося на гэты раз прымаць у іх актыўнага ўдзелу. У канцы красавіка, калі стаў відавочны правал перамоў, ён толькі канстатаваў крайняе разчараванне правячых колаў Польшчы гэтым фактам і падкрэсліў, што “палякі прама перакананыя, што мы не хочам ісці на эканамічнае збліжэнне і супрацоўніцтва” [11, л. 33]. Л. Абаленскі паведамляў у Маскву 6 чэрвеня, што ў настроях у Варшаве зноў адбыўся пералом у адмоўны для СССР бок [11, л. 54]. Гэта была дастаткова трапная адзнака тых настрояў, якія дамінавалі ў Варшаве. Спашлемся на меркаванне таго ж Л. Дароўскага, які па выніках сваёй місіі ў Маскву пісаў, што стаўленне Савецкага Саюза да Польшчы будзеца на прадузятасці супраць яе, і Масква імкнецца трымаць адносіны паміж двюма краінамі ў пастаянным напружанні [11, л. 53].

Паўпраду ў Варшаве даводзілася вырашаць і задачу па прыцягненню ўвагі польскай грамадскасці да ўзбуйнення БССР. Яшчэ 7 жніўня 1923 г. В. Коп накіраваў тэлеграму Л. Абаленскаму, у якой указаў на тое, што “ў Польшчы дзіўным чынам прайшло зусім незаўважаным наша рашэнне расунуць межы Беларусі на ўсход”. Паўпраду даручалася “лансіраваць” гэтае пытанне сярод польскай грамадскасці, “супрацьпастаўляючы вызваленчую палітыку Саюза палітыцы прыгнёту нацыянальнасцяў у Польшчы” [9, л. 23–24]. Для савецкага ўрада была вельмі важнай рэакцыя на ўзбуйненне БССР у Польшчы. Са свайго боку, польскія правячыя колы імкнуліся зрабіць так, каб гэтая падзея не мела ў Польшчы значнага гучання, бо гэта садзейнічала б росту папулярнасці СССР сярод беларусаў у Польшчы. У сакавіку 1924 г. Л. Абаленскі ў адказ на запыт з Масквы пісаў, што польская прэса цалкам праігнаравала факт павелічэння тэрыторыі БССР [11, л. 4].

Перамены ў настроях польскага ўрада адносна СССР прывялі да разчаравання Л. Абаленскага ў сваёй місіі. Ён бачыў сваю задачу ў тым, каб дасягнуць паляпшэння польска-савецкіх адносін, праўда, на савецкіх умовах. Аднак летам 1924 г. прыйшоў да высновы, што дадзеная задача не можа быць вырашана ў бліжэйшы час. У склаўшыхся абставінах Л. Абаленскі 27 чэрвеня накіраваў у НКЗС тэлеграму, у якой прасіў аб адстаўцы. Матываваў ён сваю просьбу тым, што ў новых умовах у Варшаве патрэбен паўпрад з больш “моцнымі кулакамі” [11, л. 67–68].

Крыніцы і літаратура

1. Протокол заседания Политбюро № 3 от 21 марта 1921 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=58175;tab=img0048>. – Дата доступа: 21. 09. 2018.
2. Протокол заседания Политбюро № 9 от 5 апреля 1921 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=58252;tab=img0074,0075>. – Дата доступа: 01. 09. 2018.
3. Документы и материалы по истории советско-польских отношений : в 14 т. – М. : Наука, 1966. – Т. 4. – 559 с.
4. Телеграмма советника полпредства в Варшаве Наркому Иностраных Дел РСФСР. 12 декабря 1922 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 04. – Оп. 32. – П. 211а. – Д. 133.
5. Протокол заседания Политбюро № 31 от 12 октября 1922 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=61025>. – Дата доступа: 20. 10. 2017.

6. Телеграмма Полномочного Представителя РСФСР в Варшаве Члену Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР. 9 января 1923 г. // АВПРФ. – Ф. 04. – Оп. 32. – П. 212. – Д. 52567.

7. Телеграмма Члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР Полномочному Представителю РСФСР в Варшаве. 14 января 1923 г. // АВПРФ. – Ф. 04. – Оп. 32. – П. 212. – Д. 52564. – Т. 1.

8. Протокол заседания Политбюро № 44 от 18 января 1923 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=61329;tab=img0052,0053>. – Дата доступа: 29. 03. 2018.

9. Телеграмма Члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Варшаве. 12 октября 1923 г. // АВПРФ. – Ф. 04. – Оп. 32. – П. 212. – Д. 52565.

10. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Варшаве Члену Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел. 15 февраля 1924 г. // АВПРФ. – Ф. 04. – Оп. 32. – П. 213. – Д. 52595.

11. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Варшаве Члену Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел. 9 мая 1924 г. // АВПРФ. – Ф. 04. – Оп. 32. – П. 213. – Д. 52596. – Т. 2.

УДК 94 (476)

Д. А. Короткова
Институт славяноведения РАН

СОВЕТСКАЯ РАБОТА С БЕЛОРУССКИМ МЕНЬШИНСТВОМ В ЛИТВЕ В 1920-Е ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ ОТЧЕТА А. ГОЛОВИНСКОГО ДЛЯ СОВЕТСКОГО ПОСТПРЕДСТВА)

После заключения 12 июля 1920 г. советско-литовского, а 18 марта 1921 г. советско-польского мирного договоров, а также захвата Польшей Вильно и Виленской губернии, белорусско-литовские губернии оказались разделены между Польшей, Литвой и БССР. Белорусское население в Литве было не очень многочисленным, однако могло быть полезным для советского давления на литовское правительство. Методы и планы работы в этом направлении раскрывают архивные документы НКВД СССР.

Польско-литовский конфликт из-за принадлежности Вильно толкал Литву в 1920-е гг. к сотрудничеству с Советской Россией, также враждебной Польше. В борьбе с поляками обе стороны опирались в том числе на белорусское население, проживавшее в бывших Виленской и Гродненской губерниях. При этом и за пределами Виленщины в Литве проживали белорусы: согласно переписи 1923 г., их было около 4400 чел. К. Езовитов обоснованно, сравнивая со статистикой 1897 г., подвергал эту цифру сомнению, и предполагал, что на территории Литовской республики должно проживать около 40–45 тыс. этнических белорусов, которые, однако, отказывались от своей национальности [1, с. 114]. В таком положении он обвинял в том числе и эсеровское белорусское правительство В. Ластовского, которое, как и правительство Литвы, значительно больше интересовалось белорусами Виленщины и Гродненщины, в связи с литовско-польским противостоянием, чем местным населением Ново-Александровского и Трокского уездов. Не имея финансовой и культурной поддержки своей самобытности, это, крестьянское в своей массе, население быстро размывалось между русским и польским меньшинствами, чему неосознанно способствовала и литовская политика в отношении национальных меньшинств [1, с. 115].

Постепенно заинтересовалось им советское постоянное представительство в Литве. В середине 1920-х годов им были сформулированы планы взаимодействия с местным населением через белорусское национальное движение. Часть его лидеров, члены БПСР во главе с А. Головинским, сами шли на контакт еще с начала 1920-х гг. Они видели в восточном соседе шанс на получение финансовой помощи, поэтому поддерживали, кроме того, связи непосредственно с минским руководством, которое во многом имело те же «национал-демократические» корни.

Советская дипломатия выработала основные принципы своей политики по отношению к этим эмигрантским кружкам, которые, хотя и теряли свое значение, но могли еще принести некоторую пользу для интересов СССР в регионе. Предварительным условием любых переговоров поверенный в делах РСФСР в Литве Зандер в 1922 г. поставил признание ими Советской Белоруссии в качестве «организационного центра, к которому должно в перспективе стремиться все организованное белорусское революционно-национальное движение белорусских крестьян» [2, л. 87]. В целом эта позиция белорусскими эсерами была принята. Вынуждая в дальнейшем белорусских лидеров – сначала А. Цвикевича, возглавившего ковенское Правительство БНР в 1923 г., затем и В. Ластовского, переходить все более явственно на просоветские позиции, советские дипломаты добились фактической ликвидации белорусского антисоветского центра в балтийских республиках: Цвикевич в 1925 г. передал полномочия правительства БНР представителям БССР и переехал в Минск, после съезда белорусоведов в Минске в 1926 г. к переезду стал готовиться и Ластовский, хотя и испытывал большие сомнения в правильности этого шага. В Литве оставалась, тем не менее, белорусская колония. Был создан Белорусский национальный комитет в Ковно во главе с А. Головинским и Я. Гузнем. Организационное собрание для учреждения Белорусского комитета в июле 1925 года собрало 45 человек [3, д. 54752, л. 72].

Принципиальное решение о том, что часть белорусских лидеров должна будет остаться в Литве, было принято в сентябре 1925 г., еще до проведения Берлинской конференции. «Всегда выгоднее быть организованным, чем неорганизованным» писал 29 сентября 1925 г. полномочный представитель СССР в Литве С.С. Александровский члену Коллегии НКВД С.И. Аралову [3, д. 54752, л. 72]. По его мнению, Ковенский Белорусский Комитет упразднить не нужно, т.к. это хорошее средство будировать литовское общественное мнение в связи с виленским вопросом. Он должен был открыто занять просоветскую позицию.

24 ноября 1925 года Александровский сообщал Аралову о встрече в Москве с белорусскими коммунистами. Они согласились с мнением Александровского, что нужно проводить более плотную работу с белорусским населением в Литве, для чего придать ей местный, постоянный характер, лишив ее «специфического привкуса эмиграционной деятельности белорусов, находящихся как бы «вне времени и пространства» [3, д. 54752, л. 81]. Для этого предполагалось создать местные опорные пункты, национальные ячейки, организовать выпуск еженедельного белорусского журнала или газеты, а Ковенский национальный комитет во главе с Головинским превратить в организационный центр всей этой деятельности. Ему предлагалось даже принять участие в предвыборной кампании в Сейм, чтобы заявить о себе. Однако главным элементом такой деятельности все же должен был, по мнению советского дипломата, выпуск белорусского журнала. Программная статья такого издания должна была продолжать линию берлинской конференции, т.е. ориентировать своих читателей на Минск, как на культурный и политический центр всего белорусского движения, но в то же время не иметь противолитовской направленности, иначе его бы незамедлительно закрыла цензура [3, д. 54752, л. 82]. Перспективы такой деятельности Александровский оценивал весьма оптимистично.

В январе 1926 года Головинский и Гузней предложили новый план работы среди белорусского населения Литвы, который Александровский посчитал перспективным. «...я

считаю их план заслуживающим внимания не только с белорусской точки зрения. В называемых ими местностях живет также много русских, большей частью староверов. Не исключена возможность, если не будет крутого изменения избирательного закона, что в этой области на выборах в сейм будет иметь шансы на успех прогрессивный меньшинственный кандидат», писал он 15 января А. С. Черных [3, д. 54755, л. 4].

В своей записке Александровскому Головинский и Гузней писали, что последний установил контакт с белорусским населением Трокского уезда – местности с наибольшим количеством компактно проживающих белорусов в Литве, к тому же расположенного в пограничной литовско-польской полосе. Центром пропагандистской работы они предполагали сделать деревню Балтеришки Евьинской волости. Там проживали исключительно православные белорусы, враждебно настроенные к литовским властям. Причинами этой враждебности ковенские лидеры считали дискриминацию белорусов в сравнении с литовцами при наделении землей и отсутствие белорусской национальной школы. В других деревнях там население было смешанным белорусско-литовским.

Головинский и Гузней собирались прислать туда имеющуюся у них белорусскую литературу и газеты, составить приговор волости об открытии в Балтеришках белорусской начальной школы, а позднее, после официальной регистрации Белорусского национального комитета, открыть там его местное отделение. Оно должно будет установить непосредственную связь с Виленщиной.

Подобные же планы были и относительно деревни Александровки Семилишской волости, где дело облегчалось и тем, что большинство ее населения побывало в качестве беженцев в России и сохранило симпатии к коммунистам [3, д. 54755, л. 5]. В Высоко-Дворской волости в самом местечке они планировали организовать третий опорный пункт. Там почти не было литовского населения, и его пытались литвинизировать, открыв там литовскую прогимназию и учительские курсы [3, д. 54755, л. 6].

Некоторые итоги этой работы можно увидеть в «Очерке работы за 1926 год и план работы на 1927 год», составленным Головинским и направленным им Александровскому 9 ноября 1926 года. Автор констатировал, что работа в 1926 году протекала в весьма неблагоприятных условиях. Берлинская конференция произвела на литовские власти неприятное впечатление. Литовские власти старались ликвидировать деятельность организаций, принимавших в ней участие. Не желая выпускать из своих рук инициативу в белорусском вопросе, власти организовали Литовско-Белорусское товарищество. Группа Головинского постаралась парализовать его работу. Ее члены пришли на организационное собрание и оказались на нем в большинстве. Организаторы Товарищества испугались их численного перевеса и не допустили группу до участия в собрании. Это позволило Головинскому вынести публичный протест и лишит тем самым Товарищество функций общественной организации. Это нанесло удар группе Ластовского, и часть его сторонников стали склоняться к ориентации на Минск и сотрудничать с комитетом Головинского, в частности, информировать его о плане деятельности Ластовского (а тем самым, и литовцев) по белорусскому вопросу и вопросу Вильно. Об этом своевременно передавались сведения в советское полпредство [3, д. 54755, л. 16].

Головинский писал, что основой литовско-белорусских отношений являлся виленский вопрос. Общей тактики в этом вопросе у литовцев не было, но его разрешения требовал государственный престиж. По мнению Головинского, тактика литовцев была такой: с помощью белорусов отобрать Вильно у поляков, а затем с помощью поляков парализовать белорусские национальные стремления. Этим объяснялось бы заигрывание с белорусами при одновременном развертывании широкой сети польских школ в Литве. Вряд ли, по его мнению, можно было белорусам ожидать чего-то хорошего от такой политики. Нужно было усилить консолидацию и активность белорусских элементов в Литве [3, д. 54755, л. 16].

Чтобы расширить свое влияние среди белорусского населения, группа Головинского приняла участие в выборах в Сейм. Противником ее на выборах стал русский Демократический союз. Он, по словам Головинского, благодаря агитации его группы, был расколот на три части, с одной из которых, под руководством М.Рогевича (революционно-марксистской), комитет Головинского в итоге объединился. Вторая часть Демократического союза, под руководством Прозорова, отказалась от борьбы, в результате на выборы пошла только группа Ерына, поддерживаемая правительством Литвы. Белорусы Головинского в итоге получили втрое больше голосов, чем группа Ерына.

Характеризуя состояние белорусского дела в Литве, Головинский обращал внимание на общую разочарованность населения, которому много обещали, но очень мало из обещанного сделали. Большинство белорусского населения в Литве при аграрной реформе попало в списки русских колонистов, несмотря на то, что являлось коренным населением. В результате многие потеряли землю. Это в значительной мере терроризировало местное крестьянство, заставляя людей скрывать свою национальность. Белорусские крестьяне в массе своей жили и без того очень бедно, еще не оправившись от последствий мировой войны. Все это заставляет белорусов к литовской власти относиться негативно, зато широко распространены симпатии к СССР. Но этой же оппозиционностью успешно пользуются и польские агитаторы, играя на старых полонофильских традициях края, особенно в религиозных вопросах.

Больших надежд на поддержку местного крестьянства Головинский не питал: «... население настолько бедное, что не может уделить должного внимания и средств, необходимых для правильной постановки дела. Находясь под угрозой конфискации земли, белорусское население совершенно истратилось на защиту при помощи адвокатов своих хозяйственных прав, и даже на такие нужды, как просвещение своих детей, оно не имеет возможности уделить необходимых средств, вследствие чего 72 % белорусских детей школьного возраста являются, согласно официальной статистике, неграмотными. У белорусского населения развилась апатия к белорусскому движению вследствие того, что население со стороны белорусских работников не видело реальной помощи, и потому у него создалось впечатление, что белорусы, несмотря на их желание, не могут чем-нибудь помочь» [3, д. 54755, л. 18].

7 декабря 1926 года уполномоченный НКВД СССР при правительстве БССР С. Козюра в письме, адресованном советнику Полпредства СССР в Польше А. Ульянову, высказывал свое мнение о Головинском как о «безусловно честном человеке, которому можно доверять». Козюра в целом одобрял планы Головинского организовать местные белорусские секции – гуртки, собрать съезд и переизбрать на нем существующий комитет, дабы придать ему больший авторитет среди населения, а также организовать белорусскую секцию при Компартии Литвы (были названы фамилии желающих: Рогевич, Нюнько, Козлов, Гловацкая, Высоцкий, Михальченко и Бездольный). Головинский считал, что эта группа сумеет осторожно вести пропаганду через БНК, учитывая настроения той среды белорусского населения, в которой придется работать [3, д. 54755, л. 11]. Козюра полагал, что белорусы Головинского и Гузняя хорошо усвоили тезис компартии о необходимости перенести работу в низы и установить контакты с местным населением.

8 декабря Козюра передавал Александровскому мнение минского руководства, что, если удастся создать коммунистическую белорусскую секцию, это будет высшей ступенью коммунистической работы в Литве [3, д. 54755, л. 20]. Однако, как можно видеть из отчета Головинского, именно низовая работа неизбежно уходила на второй план, уступая межгрупповой и парламентской борьбе. Ставя своей задачей развитие национально-политического и социального самосознания белорусского крестьянства, Головинский называл главным препятствием на этом пути не столько литовскую власть, сколько сплоченное местное польское сообщество. Так что своей основной задачей он видел борьбу именно с польским влиянием, что позволило бы предохранить белорусов от полонизации и создать устойчивый в политическом отношении элемент.

Источники и литература

1. Езавітаў, К. Беларусы ў Літве / К. Езавитов // Запісы. Беларускі Інстытут навукі і мастацтва. – Нью-Йорк – Менск: Belarusian Institute of Arts and Sciences, 2013. – 754 с.
2. Архив внешней политики РФ (АВП РФ). – Ф. 0151. – Оп. 7. – П. 6. – Д. 3.
3. АВП РФ. – Ф. 04. – Оп. 51. – П. 316.

УДК 631.372:338.43"1921/27"(476)

А. В. Колос

Институт истории НАН РБ

ОСОБЕННОСТИ ПОСТАВОК ТРАКТОРОВ В АГРАРНЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ НЭПА (1921–1927)

Данная статья посвящена поставкам тракторного парка в аграрный сектор экономики Беларуси в годы Нэпа. На основе полученных данных было установлено, что ввиду аграрной специализации по производству технических культур и природных особенностей региона трактора не получили широкого распространения в БССР в сравнении с УССР и РСФСР.

Практическая эксплуатация тракторов начала 20 ст. показала, что по причине высокой стоимости они самоокупались лишь в случае применения на крупных земельных наделах. Под влиянием данной тенденции в США ряд фермеров-новаторов начал организацию гигантских ферм («Аграрных фабрик») на площади нескольких тыс. га, в которых наиболее трудоёмкие процессы подвергались механизации за счёт эксплуатации сложных сельскохозяйственных машин, тракторов и комбайнов. Наиболее экономически мощной являлась «Аграрная фабрика» Томаса Кемпбелла, основанная в 1918 г. в штате Монтана на площади 38 тыс. га. Для снижения себестоимости произведённой продукции было приобретено 33 трактора, 40 жаток-сноповязалок, 10 молотилок, 4 комбайна, что позволило нанять на постоянную работу около 50 человек, а в пик весенних и осенних работ до 200 человек. В дальнейшем данный практический опыт оказал влияние на реформирование аграрного сектора СССР [1]. Представители партии большевиков считали, что именно механизация наиболее трудоёмких процессов, в первую очередь за счёт массового применения тракторов, позволит не только увеличить производительность в аграрном секторе экономики, но доказать преимущества социалистических форм земледелия, что должно было мотивировать крестьян вступать или организовывать коллективные хозяйства [2, с. 3].

Советское правительство начало осуществлять поставленную задачу в 1922 г., однако на практике её реализация столкнулась с рядом проблем [3, с. 70]. В первой половине 1920-х гг. трактора в развитых индустриальных странах ещё не получили широкого распространения. В США по состоянию на 1925 г. эксплуатировалось 506745 тракторов на 474694 фермах, при их общей численности 6371617, что составляло 7,9 % от их общего количества. «Аграрных фабрик» насчитывалось не более 10 единиц [4]. В СССР в условиях тяжёлого послевоенного экономического положения, отсутствия развитого сельскохозяйственного машиностроения массовое внедрение тракторов на всей территории страны вызвало ряд затруднений. В рассматриваемый промежуток времени советская тракторная промышленность находилась в стадии своего формирования, и в 1924–1925 гг. в СССР было произведено всего 457 тракторов [5, с. 5]. Практически все из отечественных моделей являлись технически недоработанными и заметно уступали зарубежным аналогам. Например, трактор «Запорожец» создавался из материалов низкого качества. Сиденье было

отлито из чугуна и лопалось от тряски при работе в поле, часто выходили из строя амортизаторы, которые являлись дорогими и дефицитными запасными частями. Вес трактора в 2,4 т. не позволял применять его на влажных или заболоченных почвах, и, как показывала практика, сроки полевых работ для данной машины уменьшались на 2–3 недели от нормы. Недостатки конструкции в советских тракторах вызывали потребность в импорте или в налаживании выпуска иностранных моделей по лицензии, в том числе прицепного тракторного инвентаря [6, с. 12]. Однако и импорт оставался низким, за 1923–1924 гг. ввоз тракторов составил 1500 единиц, а 1924–1925 гг. он увеличился до 8137 [5, с. 5]. Перед ввозом машин советские специалисты стремились выбрать модель максимально подходящую к эксплуатации в природных условиях СССР. Как показывала зарубежная практика, наиболее рентабельным признавался трактор с мощностью двигателя 20–35 л/с. [7, с. 16]. Одним из таких являлся «Фордзон». Данная модель обладала массой около 1,5 т., что при мощности двигателя 15–20 л/с. давала более мощную тягу в сравнении с тяжелыми тракторами фирм «Харт-Парт» и «Холт» [7, с. 14]. Важным преимуществом машины перед конкурентами являлась простота конструкции, что позволяло существенно снизить стоимость, и в 1922 г. в США она составляла 395 долларов [8, с. 7]. При ввозе в СССР цена вместе с доставкой в 1925 г. равнялась 2310 руб., а стоимость отечественного трактора «Коломенец» составляла 3 тыс. руб. [3, с. 70]. Оптимальное соотношение цены и качества сделало «Фордзон» самым массовым трактором в мире. На протяжении 1920-х гг. его выпуск равнялся 44,2% от общего количества всех производимых в США тракторов, тогда как основной конкурент – фирма «Интернешнл Харвестер» – производила только 28,6 % [9]. Данное обстоятельство оказало значительное влияние на его массовый ввоз в Советский Союз и налаживание в 1924 г. выпуска по лицензии под маркой «Фордзон-Путиловец» [4].

В связи с отличием природно-климатических условий стран Западной Европы и США от СССР все импортируемые трактора проходили обязательную опытную эксплуатацию. Не исключением стала и Беларусь. Первая станция для испытания тракторов (Минская машиноиспытательная станция) была организована 15 мая 1922 г. при Белорусском институте сельского и лесного хозяйства в окрестностях г. Минска. Главой этой станции являлся профессор С. И. Яржемский. В её задачи входило обследование крестьянского инвентаря, испытание сложных сельскохозяйственных машин, в том числе и тракторов, с целью их внедрения в первую очередь в совхозы республики [10, с. 119–120]. Исходя из зарубежного опыта и практической эксплуатации на опытных полях, было установлено, что трактора на территории Беларуси не могли получить широкого распространения. Прицепной инвентарь сеялки и жатки предназначался для производства зерновых культур, что в условиях аграрной специализации на производстве технических культур ограничивало их применение. На протяжении Нэпа белорусская промышленность не производила необходимый тракторный инвентарь, применимый в местных природных условиях [8, с. 3–4]. В середине 1920-х гг. большинство сельскохозяйственных машин колхозов и совхозов выработало свой эксплуатационный ресурс. Для многих уже не производились запасные части, что делало их дальнейшую эксплуатацию невозможной [11, л. 227]. Ввиду низких затрат на приобретение новых машин, 19,4 % от общих расходов бюджетов совхозов, не могло удовлетворить потребность в специализированном прицепном тракторном инвентаре [12, л. 32]. В 1924 г. фирмой «Интернешнл Харвестер» был разработан трактор «Фармол», предназначенный для пропашных культур, который на территории Беларуси мог эксплуатироваться значительно более эффективно, чем «Фордзон» [9]. Однако его более высокая стоимость в сравнении с «Фордзоном» не способствовала массовому ввозу в СССР, и, как было установлено, на территории БССР на протяжении Нэпа данный трактор не применялся. Также факторами, ограничивающими их массовое применение, являлось крестьянское малоземелье, чересполосица и природные особенности региона (заболоченность почв, холмистый рельеф, песчаные и супесчаные почвы). При испытаниях тракторов «Фордзон», «Интернационал» на опытных полях Минской машиноиспытательной станции было установлено, что на рыхлых

песчаных почвах тяговая мощность машин снижалась на 20-30%, и увеличивался перерасход топлива [13, с. 41–42]. Ссылаясь на опыт американских фермеров, профессора М. П. Макаров и А. А. Малигонов констатировали, что высокий процент тракторных работ (40–48%) был характерен только для хозяйств, которые специализировались на производстве зерновых культур. Исходя из данных обстоятельств, на территории Беларуси экономически рентабельной могла являться только весенняя вспашка или подъём зяби, а общий процент выполняемых работ тракторами не мог превышать 25 % [8, с. 9–10].

Ввиду данных особенностей в Беларусь поставки тракторов и прицепного инвентаря, в сравнении с сопредельными республиками, в частности с Украиной и Россией, осуществлялись в незначительных объёмах, что не могло оказать существенного влияния на перестройку аграрного сектора экономики. Только в 1924 г. началась первая эксплуатация тракторов в колхозах и совхозах БССР и, по состоянию на 1 января 1925 г., по совхозам республики насчитывалось всего 4 трактора «Фордзон» [14, л. 58]. По причине низкой квалификации трактористов в 1924 г. техника применялась только на подъеме зяби [15, л. 8–8 об.]. На протяжении 1924-1927 гг. поставки тракторов в Беларусь осуществлялись в следующих объёмах. В конце 1925 г. в совхозах «Белсельтреста» находилось 25 тракторов [3, с. 71]. В начале 1927 г. их количество в совхозах возросло до 53 единиц, основу которых составляли 47 американских «Фордзонов», и 6 «Коломенцев» [16, с. 152]. В результате практического применения было установлено, что тяжелые трактора «Коломенец» не подходили к полевым работам в природных условиях Беларуси и использовались преимущественно в качестве стационарного двигателя для молотилки или динамо-машины для выработки электроэнергии [17, с. 125]. Низкий процент тракторов по колхозам и совхозам не позволял в должной мере оказывать помощь крестьянским хозяйствам. В 1927 г. 48 тракторами совхозов было вспахано всего 45,77 га крестьянских полей, 35 дней трактора применялись для обмолота крестьянского урожая [18, л. 1]. В этом же году 11 тракторами коммун вспашка была произведена на площади всего 11 га и всего 6 дней механическая тяга применялась на молотилках [19, л. 129].

В соседней УССР по причине специализации южных регионов на производстве зерновых культур наблюдался более высокий процент поставок тракторов в совхозы и коллективные хозяйства. По состоянию на 1925 г. количество тракторов равнялось 236 единицам, а в 1927 г. их общая численность увеличилась до 570 [20, с. 14]. В среднем на один совхоз степной полосы приходилось 5-6 тракторов, и в некоторых крупных социалистических хозяйствах, таких как совхоз имени Тараса Шевченко, в 1927 г. насчитывалось 33 трактора [21, с. 71]. Благодаря наличию нескольких машин в хозяйствах предоставлялась возможность организовывать тракторные колонны, которых в 1925 г. на Украине насчитывалось 16. Уменьшалась эксплуатационная нагрузка на машину и, как следствие, затраты на текущий ремонт, что снижало простои машин. В БССР в 1925 г. в среднем расходы на содержание одного трактора в перерасчёте на десятину посева равнялись 7,25 руб. [3, с. 71]. В Украинских же совхозах они составляли 3,75 руб. [22, с. 15]. Исходя из частых поломок и дефицита запасных частей в 1926 г. в совхозах БССР трактора работали 224 дня, что равнялось 38 %, а 14 % дней они находились на текущем ремонте [3, с. 74].

В связи с высокими расходами на ремонт, низкой обеспеченности тракторами в перерасчете на единицу земельной площади, дефицитом специализированного инвентаря в БССР из всех видов сельскохозяйственных работ экономически рентабельной являлась только весенняя вспашка. Данное обстоятельство не позволяло руководству совхозов начать массово сокращать поголовье лошадей и волов в отличие от соседней Украины [16, с. 125]. В совхозе имени Т. Шевченко в 1924 г. насчитывалось 43 лошади, 81 вол и 12 тракторов, а в 1927 г. по причине увеличения тракторного парка удалось уменьшить конское поголовье до 23 голов и полностью вытеснить волов. В 1927 г. механической тягой совхоза было обработано 250 крестьянских хозяйств [21, с. 71]. Также на Украине на протяжении Нэпа крестьянами организовывались машинно-тракторные товарищества. В Беларуси были организованы только машинные товарищества, в которых трактора отсутствовали. Встречались только единичные

случаи их наличия у зажиточной прослойки крестьянства в интенсивных сельскохозяйственных районах. Например, в 1924 г. при обследовании крестьянских хозяйств Самохваловичского района Минского округа специалистами Минской машиноиспытательной станции у зажиточного крестьянина с земельной площадью 60 га находился трактор «Фордзон», однако других свидетельств о наличии механической тяги у крестьян выявлено не было [23, с. 2]. В свою очередь, несмотря на более значительный процент наличия тракторов, по Украине наблюдался дисбаланс в их оснащённости по регионам республики. В 1926 г. 47,5 % совхозов преимущественно в северном регионе не имели механической тяги, также они отсутствовали в 82 % артелей Украинского Полесья, что объяснялось такой же аграрной специализацией, как и на территории Беларуси [24, с. 86-87].

В РСФСР трактора также распределялись в зависимости от сельскохозяйственной специализации регионов. Подавляющее большинство находилось в Поволжье, на Северном Кавказе и в Западной Сибири. На протяжении Нэпа острой проблемой являлось снабжение тракторами всех социалистических хозяйств. По состоянию на 1 января 1927 г. по РСФСР насчитывалось 1250 тракторов [25, с. 27]. Однако, исходя из площади сельскохозяйственных угодий, обеспеченность тракторной тягой в перерасчете на единицу земельной площади равнялась показателям БССР [3, с. 70]. Как и в Беларуси наблюдался дефицит тракторного прицепного инвентаря, и в 1927 г. насчитывалось 50 сеялок, 30 специальных сенокосилок, 106 дисковых борон, 50 сноповязок [25, с. 27]. К окончанию Нэпа в РСФСР механической тяговой силой социалистические хозяйства были обеспечены на 23%, УССР – 40,6 %, в БССР только на 11,9 %. [26, с. 6].

Таким образом, по причине аграрной специализации и природных особенностей региона, трактора в Беларусь центральными органами власти поставлялись по остаточному принципу. Низкое количество тракторов в совхозах и коллективных хозяйствах, дефицит специализированного тракторного прицепного инвентаря и запасных частей вело к частым простоям, и, как следствие, к низкому проценту обработки сельскохозяйственных угодий совхозов и коллективных хозяйств, не позволяло оказывать необходимую помощь крестьянским хозяйствам. В РСФСР важной проблемой являлась низкая степень обеспеченности тракторами в перерасчёте на единицу земельной площади. В республику они поставлялись только в те регионы, которые специализировались на производстве зерновых культур. В УССР трактора поставлялись преимущественно в крупные совхозы степной полосы. В отличие от России площадь земельных угодий была ниже, что позволяло снабжать социалистические хозяйства необходимым количеством машин. Благодаря наличию нескольких тракторов, расходы на содержание тракторов были не только ниже, чем в БССР, но и предоставлялась возможность сокращать гужевую тяговую силу. Наличие в совхозах тракторных колон заложило основу в создании первой в СССР МТС – Шевченковской.

Источники и литература

1. Скот, Д. Американское происхождение советского колхоза [Электронный ресурс] / Д. Скот. – Режим доступа: <https://p0litkurs.blogspot.com>. – Дата доступа: 24. 03. 2020 .
2. Дубровский, Я. Механизация сельского хозяйства в БССР / Я. Дубровский. – Минск: Редакция сельскохозяйственной литературы, 1957. – 43 с.
3. Аронович, А. Рентабельность тракторов в Белоруссии / А. Аронович // Советское строительство. – 1928. – № 12. – С. 70–76.
4. Федотов, Н. Д. Сельскохозяйственное машиностроение и индустриализация СССР [Электронный ресурс] / Н. Д. Федотов // Плановое хозяйство. – 1928. – № 2. – Режим доступа: <http://istmat.info/node/4340>. – Дата доступа: 15. 12. 2018 г.
5. Вайнер, М. Г. МТС к XV годовщине Октября / М. Г. Вайнер, В. П. Твердовский. – Москва: Сельколхозгис, 1932. – 93 с.
6. Годин, П. И. Трактор «Запорожец», его достоинства и недостатки / П. И. Годин // Коллективист. – 1926. – № 8. – С. 11–13.

7. Белявчиков, П. Трактор в Америке / П. Белявчиков. – Москва: Книгосоюз, 1927. – 176 с.
8. Яржемский, С. И. О перспективах тракторного хозяйства в Беларуси / С. И. Яржемский. – Минск: Народное хозяйство Беларуси, 1924. – 15 с.
9. Engines of growth farm tractors and twentieth – century US economic welfare [Electronic resource] // Encyclopaedia, edited by Robert Whaples. March 26. 2008. – Mode of access: <https://eh.net/encyclopedia/economic-history-of-tractors-in-the-united-states>. – Date of access: 26. 03. 2020.
10. Отчёт Народного Комиссариата Земледелия. – Минск: НКЗ БССР, 1923. – 235 с.
11. НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 5. – Д. 246. – Л. 227.
12. НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 5. – Д. 3069. Л. 32.
13. Яржемский, С. И. Результаты испытаний тракторов Fordson и International 10–20 / С. И Яржемский. – Минск: Изд. Белорусского института Сельск. и Лесн. Хозяйства, 1925. – 45 с.
14. НАРБ. – Ф. 48. – Оп. 5. – Д. 3. – Л. 58.
15. НАРБ. – Ф. 48. – Оп. 5. – Д. 3. – Л. 8–8 об.
16. Адамович, И. А. БССР / Н. А. Адамович. – Минск: Издание СНК БССР, 1927. – 527 с.
17. Стрелков, А. Использование тракторов в совхозах Белсельтреста / А. Стрелков // Советское строительство. – 1927. – № 8–9. – С. 124–126.
18. НАРБ. – Ф. 30. – Оп. 2. – Д. 1787. – Л. 1
19. НАРБ. – Ф. 30. – Оп. 2. – Д. 1787. – Л. 129
20. Терлецкий, Е. К. Трестированные совхозы Украины / Е. К. Терлецкий // Совхоз: двухнедельный журнал крупного государственного сельского хозяйства. – 1928. – № 3. – С. 14–21.
21. Островский, Е. Г. Совхоз имени Тараса Шевченко / Е. Г. Островский // Совхоз: двухнедельный журнал крупного государственного сельского хозяйства. – 1928. – № 1. – С. 71–72.
22. Маркевич, О. М. Опыт украинского сельского хозяйства / О. М. Маркевич // Совхоз: двухнедельный журнал крупного государственного сельского хозяйства. – 1928. – № 6. – С. 14–21.
23. Яржемский, С. И. К вопросу о стандартизации крестьянского сельско-хоз. Инвентаря / С. И. Яржемский. – Москва: Издательство Центральное управление Печати ВСНХ, 1925. – 10 с.
24. Колхозное движение на Украине; редакционная коллегия А. М. Самойлов [и другие]. – Харків: Книгоспілка, 1929 г. – 140 с.
25. Соколов, А. А. Задачи тракторизации совхозов / А. А. Соколов // Совхоз: двухнедельный журнал крупного государственного сельского хозяйства. – 1928. – № 6. – С. 22–29.
26. Кендер, А. Я. Организация и экономика / А. Я. Кендер // Совхоз: двухнедельный журнал крупного государственного сельского хозяйства. – 1928. – № 2. – С. 4–11.

УДК 930(476)''19/20'':94:327((47+57)+430)''193/194''

С. Н. Рожкова

Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ ПРИХОДА ГИТЛЕРА К ВЛАСТИ В БЕЛОРУССКОЙ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье охарактеризована белорусская постсоветская историография советско-германских отношений 1933–1938 гг. Автор установил важнейшие положения и выводы, сделанные белорусскими историками постсоветского периода при изучении советско-германских отношений после прихода Гитлера к власти, определил их научную обоснованность.

В 1933 г. к власти в Германии приходит глава национал-социалистической партии Гитлер. 1933 г. становится годом перелома в советско-германских отношениях. С этого времени Советский Союз и фашистская Германия занимали по существу противоположные позиции по всем международным вопросам. Фашистская геополитика, выдвигая на первый план значение географического фактора в развитии человеческого общества и отдельных государств, провозгласила тезис о недостатке у немецкого народа «жизненного пространства». С приходом Гитлера к власти подготовка к агрессивной войне была возведена в ранг государственной политики Германии. Более того, из заявлений Гитлера следовало, что главный путь к достижению своих захватнических целей он видит в ликвидации государственной независимости народов СССР и их порабощении.

В белорусской постсоветской историографии историки активно изучают вопрос советско-германских отношений в межвоенный период. Д. А. Мигун в своем исследовании указывает, что Гитлер, придя к власти в 1933 г. начал борьбу с коммунизмом как злейшим врагом нацизма и поставил цель – уничтожение большевистской России для расширения «жизненного простора арийской нации» [1, с. 100]. Это означало коренное изменение политика Германии в отношении СССР и знаменовало собой завершение рапалльского периода в советско-германских отношениях. В. А. Космач отмечает, что еще до прихода к власти Гитлер вывел основной закон тоталитарного государства в «25 пунктах», которые стали официальной программой НСДАП, в том числе и в области внешней политики. Уже тогда звучал тезис о «жизненном пространстве» [2, с. 452]. И. В. Дубовец в своем исследовании по данной проблеме пишет, что в межвоенный период немецкое общество было заражено экспансионистскими идеями. Лозунг о «жизненном пространстве» на Востоке после поражения в Первой мировой войне стал составной частью идеологии Германии [3, с. 101]. Близкую точку зрения высказывает Л. Н. Кулеш. Он повторяет утверждение, что Гитлер, придя к власти, заявил о завоевании нового жизненного пространства. Нацистская идеология насаждалась в Германии во все сферы жизни общества. [4, с. 118–119].

Д. А. Мигун определил двойственную политику Германии в отношении СССР. Он указывает, что с одной стороны Гитлер поддерживал прежний курс по отношению к Советской России, а с другой – на территории Германии проводился террор и бесчинство в отношении советских граждан и учреждений. Несмотря на это, советское руководство готово было сохранить и продолжить сотрудничество с Германией. Исследователь констатирует, что с приходом к власти в Германии нацистов во главе с Гитлером, прекратилось германо-советское военное сотрудничество. Однако торгово-экономическое сотрудничество между СССР и Германией было продолжено. В качестве доказательства этого Д. А. Мигун указывает на предоставление Германией советскому государству кредита в размере 125 млн имперских марок. Торговые операции носили взаимовыгодный характер, резюмирует историк. В обмен на продовольствие и сырье СССР получал от Германии необходимое оборудование, в том числе для оборонной промышленности [1, с. 132–133, 137]. начале Гитлер решил проводить соглашательскую политику в отношении СССР, а потом применить силу [5, с. 171]. И. А. Литвиновский и Ю. И. Литвиновская акцентируют внимание на том, что Гитлер, придя к власти, одним из самых главных врагов считал Советскую Россию. Он решил установить новый порядок в мире военным путем, что было невозможно без разгрома СССР. В Германии для достижения этой цели началось быстрое наращивание вооружения [6, с. 239]. При этом, по мнению данных историков, Германия сохраняла заинтересованность в экономических отношениях с СССР: «Покупка сырья за счет валютных запасов и параллельное снижение приносящего валюту экспорта грозили крахом народному хозяйству». Это подталкивало Германию к тому, чтобы поддерживать товарооборот с СССР на высоком уровне. И. А. Литвиновский и Ю. И. Литвиновская определили причины сотрудничества Германии с СССР в 1930-е гг. Они пишут, что с одной стороны, Германия хотела восстановить статус

военной державы, а с другой – сделать немецкую промышленность незаменимой для Советской России. В рапальский период советско-германских отношений Германия занимала одно из ведущих мест в товарообороте Советского Союза, а в 1933 г. вышла на первое место. По мнению И. А. Литвиновского и Ю. И. Литвиновской, наращиванию советского импорта из Германии препятствовали постоянное отрицательное сальдо в торговле с Германией, необходимость рассчитываться за товары валютой или золотом, мировой экономической кризис 1929–1933 г., приведший к падению производства в капиталистических странах, способствовал уменьшению спроса на сырье [6, с. 240]. Все это способствовало накоплению негативных тенденций в советско-германской торговле. Советский экспорт начал сокращаться, отмечают ученые. На сокращение советско-германской торговли повлияло задолженность Советской России. При этом И. А. Литвиновский и Ю. И. Литвиновская отмечают готовность Германии идти навстречу Советскому Союзу, чтобы сохранять высокий уровень торговых отношений. Германское руководство продлило оплату всех советских долговых обязательств до 1935–1936 гг. В конце 1934 – начале 1935 г. германское правительство предложило Советскому государству перейти на безвалютную торговлю. Но советское руководство не поддержало эту идею, отмечают историки. В СССР считали, что компенсационный принцип приведет к сильной зависимости от немецких поставок, что было непреемлемо с политической точки зрения [6, с. 241]. С 1933 по 1939 г. товарооборот Германии и СССР снижался. В такой ситуации 9 апреля 1935 г. было подписано торговое соглашение между германским государством и Советским Союзом. По данному соглашению Германия предоставляла СССР новый кредит в 200 млн. марок на пять лет при 6 % годовых, а также договорились о дополнительных заказах СССР и Германии [6, с. 242]. Соглашение было подписано при задолженности Советской России перед Германией в сумме 240 млн марок.

Готовность Германии к развитию торговых отношений с СССР, по мнению И. А. Литвиновского и Ю. И. Литвиновской, резко контрастировало с развитием советско-германских политических отношений. Они указывают на то, что в Германии начались преследования советских граждан и учреждений. В Берлине открыто призывали к борьбе против мирового большевизма, а также говорили, что судьба Советской России предрешена. Гитлер открыто заявлял, что главным направлением его внешней политики является борьба с Советским Союзом. И. А. Литвиновский и Ю. И. Литвиновская считают, что антибольшевизм, разжигаемый среди населения Германии, не способствовал её сближению с СССР. Но до 1939 г. Гитлер не содействовал сближению с СССР и не мешал деятельности учреждений, налаживающих сотрудничество. Он стремился не довести ситуацию до полного разрыва отношений с советским государством [6, с. 243–244].

Д. А. Мигун в своем исследовании затронул вопрос о советско-германских отношениях в связи с попытками создания системы коллективной безопасности в Европе. Исследователь отмечает, что, придя к власти, Гитлер обнародовал свою программу, провозглашавшую целью создание нового порядка в мире. В связи с этим встал вопрос о создании системы коллективной безопасности. СССР в этой ситуации разработал свой план создания такой системы. Она предусматривала готовность СССР на определенных условиях вступить в Лигу Наций, чтобы заключить региональные соглашения о взаимной защите от агрессии со стороны Германии. В советском плане содержалось требование расового и национального равноправия. [1, с. 128–130]. Советское руководство призывало Лигу Наций принять решения, направленные на укрепление безопасности в Европе. В 1936 г. СССР внес предложение об укреплении и повышении эффективности Лиги Наций в борьбе с агрессорами, о превращении Лиги Наций в блок государств, заинтересованных в сохранении мира и объединившихся в целях взаимопомощи, констатирует Д. А. Мигун [1, с. 139]. Такая позиция СССР по вопросам безопасности не могла оцениваться в Берлине иначе как антигерманская.

Д. А. Мигун затронул проблему влияния гражданской войны в Испании на советско-германские отношения. Историк констатирует, что советское государство и Германия

оказались по разные стороны баррикад во время испанских событий 1936–1939 гг., так как оказывали военную помощь противоборствующим сторонам конфликта и таким образом влияли на события в Испании во время гражданской войны. Попытка советизации Испании советским руководством обернулась установлением в Испании фашистской диктатуры и изменением соотношения сил в Европе в пользу фашизма, где главную роль играла Германия [1, с. 139; 5, с. 171];

Д. А. Мигун обращает внимание на попытки советского руководства организовать международное противодействие агрессивным акциям Германии в Европе, в том числе с использованием механизма Лиги Наций. Он пишет, что в 1938 г. советское руководство обратилось к Лиге Наций с призывом остановить немецкую агрессию в отношении Австрии и Чехословакии, но все предложения СССР были отклонены. [1, с. 150]. Д. А. Мигун считает, что Германия, готовясь к развязыванию Второй мировой войны, опасалась вооруженного столкновения с СССР. Поэтому в декабре 1938 г. немецкое руководство предложило Советскому Союзу возобновить переговоры по поводу заключения торгового соглашения, которые были прерваны после аншлюса Австрии. При этом Берлин выразил готовность предоставить кредит СССР в 200 млн марок. Советское руководство согласилось на переговоры и выдвинуло требование о поставках СССР в обмен на сырье такого большого количества промышленных товаров, что это вызвало несогласие немецкого руководства, и переговоры были прерваны. Возобновились они только после подписания пакта о ненападении в 1939 г., отмечает ученый [1, с. 152].

При изучении советско-германских отношений Д. А. Мигун характеризует роль в них Советской Беларуси. По его мнению, после прихода к власти Гитлера в свете общего ухудшения советско-германских отношений, в германо-белорусских отношениях тоже наблюдается спад, прежде всего в экономической сфере. Но при этом сохранялись значительные контакты в культурной сфере. В 1933–1934 и в 1939 гг. в БССР были изданы стихотворения немецких поэтов Ф. Шиллера и Г. Гейне. В 1930-е гг. были переведены на белорусский язык произведения таких немецких писателей как И. Гёте, Л. Турека, Г. Мархвицы, Э Глезера, В. Бределя и др. [1, с. 153]. В. Л. Соколовский отмечает, что приход Гитлера к власти прекратилась деятельность ряда обществ и организаций, многие из которых содействовали укреплению белорусско-немецких литературных связей. Хотя в Германии продолжали еще существовать некоторые славистические журналы, направление их деятельности резко изменилось. Белорусские публикации исчезли со страниц немецкой периодической печати, констатирует историк. И только в Советской Беларуси по-прежнему широко популяризировались достижения немецкой классической, пролетарской и «прогрессивной буржуазной» литературы В. Гете, Г. Гейне, Ф. Шиллер, И. Бехер, Э. Вайнер и др. Переводы немецких классиков и писателей–эмигрантов в 1930-е гг. использовались как оружие идеологической борьбы с фашизмом, отмечает В. Л. Соколовский [7, с. 18].

В. Е. Снапковский, обращаясь к вопросу о роли Советской Беларуси в политике Германии после 1933 гг, отмечает, что в 1930-е гг. в германо-белорусских отношениях прослеживался застой. Белорусский вопрос не имел никакого самостоятельного значения для правительства Германии [8, с. 169]

Д. А. Мигун в своем исследовании затрагивает вопрос о нацистских планах по отношению к территории Беларуси. Он обращает внимание на то, что немецкое руководство, планируя оккупировать территорию Беларуси, считало необходимым изучить ее историю. Исторические знания должны были помочь подчинить белорусское население. Д. А. Мигун считает, что Германия планировала помочь народам, входившим в состав СССР, провести «национальные революции», что облегчило бы подчинение этих народов. Наука и культура стали средством реализации этих планов [1, с. 154]. С этой целью во второй половине 1930-х руководство Германии создало научно-исследовательские центры по изучению Востока. При Берлинском университете был создан институт изучения заграничных проблем, где был

создан белорусский сектор с библиотекой. Для служебного пользования государственных и военных кругов третьего рейха вышла брошюра «Беларусь и белорусы в большевистском освещении». Германия развернула пропагандистскую копанию о защите третьим рейхом национальных меньшинств, чтобы привлечь на свою сторону местное население, резюмирует Д. А. Мигун [1, с. 101–102, 105].

У. Ф. Лодысев и П. И. Бригадин подвергли изучению германскую политику по созданию «независимого государства» на территории Беларуси в межвоенный период. Они пришли к выводу, что после прихода Гитлера к власти часть белорусской интеллигенции путь к созданию независимой Беларуси видела в сотрудничестве с нацистской Германией. Доказательством этому является создание в 1934 г. Ф. Акинчицем и В. Козловским Белорусской национал–социалистической партии. Они хотели создать независимое белорусское государство в ее этнических границах опираясь на поддержку Германии [9, с. 185]. У германских нацистов они заимствовали основную идею: главные враги белорусов – это евреи и большевики. Белорусы должны освободиться из–под власти поляков и Советов и создать собственное государство, где будет свой язык и историческая символика. Инакомыслие будет жестоко подавляться. Все эти идеи излагались на страницах партийного журнала «Новы шлях» редактором Владиславом Козловским. В 1937 г. партия была запрещена польскими властями, и часть её членов во главе с Ф. Акинчицем эмигрировала в 1938 г. в Германию, где Ф. Акинчиц возглавил белорусское бюро немецкого Министерства пропаганды.

Таким образом, в белорусской постсоветской историографии историки определили сложный, противоречивый характер развития советско-германских отношений в 1933–1938 г. Ученые акцентируют внимание на том, что курс Гитлера на подготовку и развязывание агрессивной войны требовал быстрого развития военной промышленности. Это порождало заинтересованность нацистского руководства в сохранении экономического сотрудничества с СССР. Однако, как показали белорусские авторы, это сотрудничество сталкивалось с рядом проблем. По обоснованному мнению белорусских историков, острой конфронтацией отличались отношения между СССР и Германией в идейно-политической сфере. Они связывают это с нацистской политикой, направленной на завоевание «жизненного пространства». Современная белорусская историография подчеркивает стремление нацистского руководства Германии использовать в своих интересах национальные устремления части белорусской интеллигенции. Что касается отношений между Советской Беларусью и Германией в 1930-е г., то белорусские историки делают вывод о том, что в этот период они переживали застой. Белорусский вопрос в целом не имел существенного значения для правительства Германии, отмечают исследователи.

Источники и литература

1. Мигун, Д. А. Беларусь в германо-советских отношениях (ноябрь 1918 – июнь 1941 гг.) / Д. А. Мигун. – Минск: Изд. Центр БГУ, 2013. – 303 с.
2. Космач, В. А. Адольф Гитлер и ранний фашизм в Германии (1889–1924 гг.) История. Суждения. Мнения. Оценки / В. А. Космач. – Псков: Логос, 2016. – 1117 с.
3. Дубовец, И. В. Государственная политика Германии с 1918 до 2–ой половины 1943 года в области производственно-хозяйственных правоотношений. Роль хозяйственных элит в государственном регулировании предпринимательских отношений / И. В. Дубовец // История Германии и германский вопрос с древности по современность: исторические, экономические, социальные, правовые и духовно-культурные аспекты: материалы Международной научная конференция / под ред. В. А. Космача. – Витебск: МИТСО, 2009. – С. 101–104.

4. Кулеш, Л. Н. Общественная жизнь Германии в годы нацизма / Л. Н. Кулеш // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі. – Мінск: МДПУ, 2009. – С. 118–121.

5. Мигун, Д. А. Германо-советские экономические и политические отношения в 30-х гг. XX в. / Мигун Д. А. // Актуальные проблемы истории Нового и Новейшего времени (к 100-летию профессора Л. М. Шнеерсона) : материалы Международной научно-теоретической конференции. – Минск: РИВШ, 2012. – С.170–172.

6. Литвиновский, И. А., Советско-германские торгово-экономические отношения в межвоенный период (1921–1939) / И. А. Литвиновский, Ю. И. Литвиновская // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі. – Мінск: МДПУ, 2014. – С. 239–245.

7. Соколовский, В. Л. Белорусско-немецкие литературные взаимосвязи периода Веймарской республики (1919–1933): автореферат дисс. канд. фил. наук / В. Л. Соколовский. – Минск: Академия наук БССР, 1977. – 20 с.

8. Снапкоўскі, У. Е. Этапы развіцця беларуска-германскіх адносін у 20 ст. / У. Е. Снапкоўскі // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі. – Мінск: МДПУ, 2002. – С. 165–170.

9. Ладысеў, У. Ф. Паміж Усходам і Захадам: станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.) / У. Ф. Ладысеў, П. І. Брыгадзін – Мінск: БДУ, 2003. – 308 с.

УДК 341.43«1939–1941»(438)(476)

Д. М. Толочко

Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

ОБЪЕДИНЕНИЕ БЕЛАРУСИ ОСЕНЬЮ 1939 ГОДА НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ЗВЯЗДА»

В своей статье автор приходит к выводу, что осенью 1939 г. на страницах газеты «Звезда» (как и в целом в отечественной периодике) проводилась кампания по освещению негативных сторон политики правящих кругов Польши в отношении населения Западной Беларуси и Западной Украины. Целью данной кампании было стремление оправдать включение данных территорий в состав СССР.

В сентябре 1939 г. произошло одно из наиболее значимых событий в истории белорусского народа – его объединение в едином государстве. В данной связи большую актуальность представляет изучение процесса интеграции Беларуси в публикациях, помещенных на страницах газеты «Звезда». 15 сентября 1939 г. в отечественной периодике началась кампания по освещению негативных сторон политики правящих кругов Польши, которая проводилась по отношению к населению Западной Беларуси и Западной Украины в течение 1921–1939 г. Началом данной кампании послужила статья, помещенная 14 сентября 1939 г. на первой странице газеты «Правда» и озаглавленная «О внутренних причинах военного поражения в Польше» (15 сентября этот материал был опубликован и в республиканских газетах). Основную причину поражения Польши в столкновении с германским фашизмом авторы статьи видят, прежде всего, во «внутренних слабостях и противоречиях польского государства». Главная среди них – национальная политика, которую проводило руководство польского государства. Так, в статье особо подчеркивалось, что она была направлена на подавление и угнетение национальных меньшинств и особенно украинцев и белорусов [1].

В последующих публикациях предпринимаются попытки отыскать иные причины военной катастрофы Польши. В этой связи отдельные авторы развивают тезис о том, что правящие круги Польши на протяжении всей своей истории «стремились захватить белорусские и украинские земли». Например, в материалах статьи «Вызваленне Заходняй Беларусі ад іга польскіх паноў», опубликованной на страницах газеты «Звезда», так описываются формы наказания, которые применялись по отношению к белорусам и украинцам в Польской Республике: «Часам асуджанага па прыгавору суда забівалі палкамі або білі перад пакараннем смерцю. Спальванне на агні або закапванне жанчын жывымі рабілася заўсёды, як і катаванне пад шыбеніцай...Пад шыбеніцай рабілася таксама чэтвертаванне і калесаванне...Гэтымі жудаснымі пакараннямі паны хацелі адбіць у сялян усякую ахвоту выступаць на барацьбу за свае вызваленне...Калі злоўленых паўстанцаў вадзілі па вуліцах гарадоў, панскія дачкі тут-жа выкальвалі парасонамі вочы палонным» [2]. Исходя из этого, делается вывод, что польские правящие круги являлись извечными врагами белорусского и украинского народов, в этой связи неудивительно, что население Западной Беларуси и Украины не желало проливать кровь за своих угнетателей.

Еще одной причиной, которая способствовала распаду польского государства, являлось социальное угнетение трудящихся Западной Беларуси и Украины. В газете «Звезда» за 21 сентября 1939г. была помещена статья «Як польскія паны гаспадарылі ў Заходняй Беларусі Заходняй Украіне». Авторы награждают правящие круги Польши такими эпитетами: «дельцы и проходимцы», «фашистская Польша», «польские оккупанты». В статье анализируется положение белорусского и украинского крестьянства, положение которых, по выражению автора статьи, «не поддается никакому описанию». «Ярчэй слоў аб галечы сялян Заходняй Беларусі гавораць уросшыя ў зямлю пахіленыя на бок хаты, вокны якіх заткнуты анучамі. Ля хат – босыя, абарваныя сяляне. Зусім нядаўна сабраны ўраджай, а ўжо зараз многія з іх не маюць хлеба. «Ну, як живеце?», – задаю пытанне падышоўшаму да мяне сялянину. З тварам землянога колеру, абарваны і худы селянін не змог адразу адказаць...», – писала «Звезда». В материалах статьи приводятся статистические данные такого рода. Например, крестьянство Западной Украины владело всего только 22 % земли, остальные 78 % принадлежали польским помещикам, осадникам, церкви. Порядка 60 % крестьянских хозяйств, численность в которых достигала порядка 5–7 человек, имели в собственности всего лишь 2–3 га земли и др. Согласно данным о владении землей в Новоградском воеводстве, 1581 помещику принадлежало 1407414 га земли, в то время как 206123 крестьянских хозяйств владели всего лишь 1261900 га. Соответственно каждый помещик владел в среднем по 1000 га, крестьянские хозяйства менее чем по 6 га [3].

Не в менее жутких условиях по описанию журналистов «Звезды» находилось и рабочее. В статье «Народ вырашае свой лёс», опубликованной на страницах газеты «Звезда», приводятся выдержки из писем польских рабочих: «Працую ў пекле. На заводзе можна працаваць толькі пры наяўнасці сухога надвор'я. У такія дні працуюць з 6 гадзін раніцы да 7 гадзін вечара. Каб пражыць на 3–4 злотых у тыдзень, трэба быць святым...Жывем усе пры заводзе...Сабакі ў горадзе, мабыць, сядзяць у лепшых канурах». В заключении автор делает вывод: «Працаваць на прадпрыемствах Заходняй Беларусі было выключна цяжка. Адсутнасць вентыляцыі ў цахах і агарожаў ля станкоў і машын часта выклікалі няшчасныя выпадкі. І правіцелі былой панскай Польшчы лічылі гэта «нармальным» [4].

Положение рабочих усугублялось тем, что в городах Западной Беларуси процветала безработица. «Ні адзін рабочы не быў упэўнены ў заўтрашнім дні. У адным толькі Беластоку к моманту прыходу Чырвонай Арміі налічвалася больш 15 тыс. беспрацоўных», – отмечает на своих страницах газета «Звезда» [5].

Наряду с этим, авторы приходят к справедливым выводам что, по сравнению с представителями польской нации, украинцы и белорусы находились в более тяжелом экономическом положении. В материалах статей эти факты объясняется в первую очередь стремлением польских властей превратить территорию Западной Беларуси и Западной

Украины в аграрно-сырьевой придаток Польши. В статье «З’яднаная Савецкая Беларусь» отмечается следующее: «За час гаспадарання польскіх паноў гарады Заходняй Беларусі прыйшлі ў заняпад. У Беластоку моцна скарацілася вытворчасць, закрываліся адна за другой фабрыкі, зменшылася насельніцтва. У Брэст-Літоўску зусім не развівалася вытворчасць, тут замерла культурнае жыццё. Прыйшоў у заняпад і горад Пінск. У такім горадзе як Навагрудак не было тэатра, радыё. Бяздарныя польскія правіцелі штучна затрымлівалі развіццё гарадоў Заходняй Беларусі» [6].

Следуючай прычынай, вызвавшей, по мнению советских авторов, распад Польши, являлась национальная политика, которую проводили польские правящие круги. Последняя, как отмечается в разнообразных публикациях, «асноўвалася на распальванні нацыянальнай варожасці, на карных экспедыцыях, яўрэйскіх пагромах. Паўсюды праводзілася гвалтоўнае апалячванне беларусаў і ўкраінцаў. Ва ўсіх звеннях адміністрацыйнага апарата, знізу даверху, панавала польская мова. Іншых моў не прызнавалася. Асобы няпольскай нацыянальнасці зусім не мелі доступу на якія–небудзь пасады» [7]. В статье «Гістарычны шлях Заходняй Украіны і Заходняй Беларусі» приводится следующий ответ одного из польских министров на просьбу об открытии белорусских школ: «Беларусаў няма – есць адны палякі ...пройдзе, быць можа, 20–30 год, і на тэрыторыі Беларусі не астанецца ні аднаго беларуса, а ўсе будуць гаварыць па-польску» [8]. В статье «Катаванне за родную песню» жители региона вспоминают: «Як мінула мне 7 год, я стаў хадзіць у польскую школу, бо беларускіх школ у нас не было. Праўда, вучылі нас трохи і на роднай мове. Але зусім мала: адну гадзіну у тыдзень...Калі я хадзіў у шосты клас пачатковай школы, мне не было за што купіць кніг, і я купіў толькі адну беларускую кнігу. За гэта настаўнік мяне біў на працягу ўсяго года» [9].

Значительная часть публикаций насыщена примерами из писем крестьян, рабочих, узников тюрем, в которых они описывают произвол, творимый в отношении их со стороны помещиков, администрации в польском государстве. Ярче комментарии говорят за себя их заголовки: «Пад панскім бізуном», «Нашы пакуты», «Здзекі, катаванні», «Узаконеная сістэма грабляжу», «Як паны душылі сялян».

Со второй половины ноября 1939 г. в советской периодике начинается второй этап пропагандистской кампании, посвященный достижениям БССР в различных областях.

Таким образом, осенью 1939 г. на страницах газеты «Звезда» (как и в целом в белорусской словесной периодике) проводилась кампания по освещению негативных сторон политики правящих кругов Польши в отношении населения Западной Беларуси и Западной Украины. В своих статьях авторы стремились показать нежизнеспособность польского государства. Основными причинами этого назывались следующие: извечные претензии Польши на подчинение территории Западной Беларуси и Западной Украины, тяжелейший социальный и национальный гнет, который установился по отношению к населению этих регионов после 1921 г., стремление правящих кругов Польши превратить «восточные кресы» в аграрно-сырьевой придаток и др.

Источники и литература

1. Правда. – 1939. – 14 сентября.
2. Звезда. – 1939. – 4 кастрычніка.
3. Звезда. – 1939. – 21 верасня.
4. Звезда. – 1939. – 23 кастрычніка.
5. Звезда. – 1939. – 4 лістапада.
6. Звезда. – 1939. – 7 лістапада.
7. Звезда. – 1939. – 8 лістапада.
8. Звезда. – 1939. – 26 кастрычніка.
9. Звезда. – 1939. – 17 кастрычніка.

И. М. Кутиков
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ГРАЖДАНСКИХ ВЛАСТЕЙ ГОРОДА ГОМЕЛЯ В КОНЦЕ ИЮНЯ – НАЧАЛЕ АВГУСТА 1941 ГОДА

В данной статье автор уделяет внимание мероприятиям руководства Гомеля по созданию истребительных батальонов и батальонов народного ополчения, переводу предприятий на выпуск военной продукции, эвакуации его жителей и материальных ценностей, а также деятельности гомельчан по подготовке родного города к его защите Красной Армией в Гомельской оборонительной операции.

Неожиданное нападение Германии на СССР вынудило гражданские власти Гомеля предпринимать экстренные меры, направленные на укрепление обороноспособности города и поддержку войск Красной Армии в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками: перевод промышленности на «военные рельсы», эвакуация предприятий и материальных ценностей, создание истребительных батальонов и полка народного ополчения, сбор средств в фонд обороны.

О начале войны гомельчане узнали в полдень 22 июня 1941 г. из выступления по радио наркома иностранных дел СССР В. Молотова. В тот же день в первой половине дня состоялось заседание обкома КП(б)Б. Присутствовали секретари обкома партии Ф. Жиженков, А. Асадчий, И. Кожар, А. Куцак, А. Сыромятников, члены бюро – секретарь облисполкома С. Матусевич, начальник областного управления НКВД Д. Гусев, секретарь горкома КП(б)Б А. Борщёв, секретарь обкома ЛКСМБ А. Рудак, секретарь горкома и городских райкомов партии, председатели городского и районных Советов. Первый секретарь обкома Ф. Жиженков КП(б)Б уведомил присутствующих о распоряжениях первого секретаря ЦК КП(б) Беларуси П. Пономаренко. Затем состоялось заседание бюро Гомельского горкома партии. Главным вопросом на нём был перевод промышленности города на выпуск военной продукции [1, с. 501].

На следующий день в Гомеле началась мобилизация мужчин призывного возраста. Тысячи жителей города изъявили желание стать добровольцами. «Все для фронта!», «Все силы народа на разгром врага!» – под этими лозунгами прошли митинги на всех предприятиях, в совхозах, колхозах, учреждениях, организациях. Многие основные работники предприятий уходили на фронт, оставляя свои рабочие места на женщин и даже детей. Оставшиеся на заводах гомельчане трудились под лозунгом: «Не уйдем от станков, с фабрик и заводов, пока не выполним задание Родины!».

Уже с 23 июня предприятия Гомеля начали переходить на выпуск военной продукции. Станкостроительный завод им. Кирова изготавливал минометы, «Гомсельмаш» – мины, «Двигатель революции» – гранаты. Кондитерская фабрика «Спартак» освоила выпуск горючей смеси, предназначенной для борьбы с немецкой бронетехникой. Эта смесь разливалась в бутылки на ликероводочном заводе. Спички специального типа выпускались на фанерно-спичечном комбинате. Швейные фабрики и мастерские города перешли на пошив военного обмундирования. Были готовы к выпуску противотанковых мин коллективы лесокомбината и спичечной фабрики «Везувий». На многих предприятиях формировались бригады для ремонта танков, пушек, тракторов и автомобилей. Создавались передвижные базы по ремонту военной техники. 30 таких мастерских передвижного типа создали гомельские железнодорожники. Коллектив паровозного депо переоборудовал под бронепоезд два паровоза с платформами.

Вечером 23 июня горком, горсовет и районные советы получили директивы об организации борьбы с вражескими десантами и парашютистами. В ней писалось следующее: «...гитлеровцы самолётами закидывают в наши тылы диверсантов и парашютистов с целью подрыва мостов, железных дорог, уничтожение линий связи. В связи с этим, необходимо в сжатые сроки организовать круглосуточное наблюдение чтобы не допустить диверсий на ключевые стратегические объекты Гомеля...». Требовалось в сжатые сроки организовать группы для уничтожения диверсантов, охраны важнейших объектов: мостов, предприятий, железной дороги, линий связи, телефонных и телеграфных станций [2, с. 182].

24 июня СНК ССР принял постановления «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами в прифронтовой полосе» и «Об охране предприятий и учреждений образованием с помощью истребительных батальонов». Такие батальоны необходимо было формировать в первую очередь с представителей партийного, советского и комсомольского активов. Целью данных батальонов было: охрана промышленных предприятий и уничтожение диверсионных групп. Батальоны создавались по районам города: Новобелицкий (командир К. Шаров) основу батальона составили 100 коммунистов и 200 комсомольцев, всего свыше 300 бойцов; Центральный (командир А. Дроздов) состоял из 3 рот и пулемётного взвода, костяк батальона составили 426 комсомольцев и коммунистов всего – около 500; Железнодорожный (командир Ранчинский) – 360. Истребительные батальоны создавались и на крупных предприятиях Гомеля. Бойцы этих батальонов взяли под охраны важнейшие объекты города. Их главной задачей была борьба со шпионами и диверсантами, с которой они успешно справлялись. Из членов партии сформирован коммунистический батальон. 17-ю отдельную дорожно-строительную бригаду целиком сформировали из жителей Гомеля. Истребительными батальонами до их расформирования было ликвидировано 115 диверсантов [1, с. 502–503].

6 июля 1941 г. вышла Директива СНК БССР и ЦК КП(б)Б «Об организации отрядов народного ополчения», которые создавались на добровольной основе из местного населения и должны были поддерживать Красную Армию в проводимых ею операциях. 12 июля 1941 г. на основании решения Гомельского областного совета депутатов трудящихся был создан штаб народного ополчения Гомельской области во главе с майором Михайловым. В тот же день был издан приказ № 01 областного штаба народного ополчения Гомельской области, который предписывал создать полк народного ополчения, а также разработать до 17 июня 1941 г. план по обороне города Гомеля. В полк народного ополчения вошли 3 истребительных батальона из трёх районов города: Центрального, Железнодорожного, Новобелицкого. Его командиром стал Ф. Уткин [3, с. 17].

В ополчение шли представители всех слоёв населения независимо от пола, возраста, рода занятий и партийной принадлежности. В состав полка вошли рабочие городских предприятий, служащие, учителя, студенты, артисты облдрамтеатра, учащиеся старших классов. Только из Гомельского вагонного депо в ополченские подразделения записалось 75 человек. Так же вступали пожилые люди непризывного возраста, подростки, женщины. На 1 августа 1941 г. в 1-м батальоне (Центральный район) было 752 человека, во 2-м (Железнодорожный район) – 691 человек, в 3-м (Новобелицкий район) – 444 человека, с общим количеством бойцов, командиров и политработников в полку – 1969 [4, с. 183]. Полк народного ополчения находился в резерве 21-й армии. Во время боевой подготовки ополченцы несли караульную службу на важнейших объектах, участвовали в ликвидации парашютистов, помогали тушить пожары во время налетов авиации, строили укрепления. В течение июля–августа 1941 г. бойцы полка ежедневно работали на возведении оборонительных сооружений. До середины августа было вырыто 400 км. противотанковых рвов, около 600 км. траншей, противотанковый ров протяжённостью около 28 км., опоясывающий Гомель, сооружены убежища, эскарпы, противотанковые завалы. Те из горожан, которые не могли работать на тяжёлых земляных работах, круглосуточно дежурили на крышах домов, чтобы своевременно тушить пожары от бомб, сбрасываемых немецкой

авиацией. Молодёжь Гомеля взяла шефство над госпиталями. На ускоренных курсах было подготовлено свыше 300 санитарок и медсестёр [5, с. 224].

Важную роль в советской оборонительной стратегии сыграла эвакуация населения на восток и перемещение или уничтожение материальных ресурсов. Выполняя директиву СНК СССР и ЦК ВКП(б) о мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков от 2 июля 1941 г., местные власти предприняли определенные меры по ее реализации, чтобы лишить немцев возможности использования людского и хозяйственного потенциала, а также его эксплуатации в своих военных интересах. С 3 июля в Гомеле и Гомельской области началась плановая эвакуация на восток оборудования и материальных ценностей промышленных предприятий. С целью руководства эвакуационными работами был создан штаб во главе с заместителем председателя облисполкома М. Карасиком.

Шла напряженная работа по эвакуации небоеспособного населения, промышленного оборудования, сырья, культурных ценностей. Рабочие и служащие сутками не уходил с заводов и фабрик, демонтировали станки, забирали инструмент, приборы, складское имущество и грузили всё это в вагоны, зачастую под бомбежками с воздуха. Работа на железнодорожном узле не прекращалась даже в моменты воздушной тревоги. Чтобы эвакуировать «Гомсельмаш», вагоноремонтный завод и станкостроительный завод имени Кирова, потребовалось две тысячи пятьсот вагонов. Перебазировалось же на восток свыше сорока гомельских предприятий. Железнодорожники вывезли всё имущество учебных заведений, больниц, учреждений культуры. Успели выехать в советский тыл инженерно-технические кадры, квалифицированные рабочие и их семьи. Одновременно железнодорожники прямо к линии фронта подвозили боеприпасы для обороняющихся частей Красной Армии [6, с. 213].

Вместе со своими предприятиями и учреждениями были перевезены на восток рабочие и служащие. С 24 июня по 18 июля из Гомеля было эвакуировано 26 167 жителей, из них: 9994 через эвакуационную комиссию, 1937 из детских домов, 487 из детских больниц, 3647 работников предприятий, 10102 членов семей рабочих. В результате развернутой эвакуационной компании значительно снизилось количество населения г. Гомеля [3, с. 30].

Жители Гомеля приняли активное участие в сборе средств для фонда обороны: куда внесли свыше 250 тыс. руб., около 3 кг. золота, 18 тонн цветных металлов, а также большое количество лошадей, фуража, продуктов питания [1, с. 504].

Таким образом, до начала Гомельской оборонительной операции 12 августа 1941 г. гражданские власти города предприняли ряд необходимых оборонительных мероприятий: перевод промышленности на «военные рельсы», эвакуация предприятий и материальных ценностей, создание истребительных батальонов и полка народного ополчения, сбор средств в фонд обороны. Этим мероприятия способствовали подготовке города к оборонительным действиям советских войск и оказали существенную помощь бойцам Красной Армии в защите города от немецко-фашистских захватчиков.

Источники и литература

1. Память: Гіст.-дакум. хроніка Гомеля : у 2 кн. – Мінск: БЕЛТА, 1998. – Кн. 1. – 608 с.
2. Рябцева, Н. А. Гомель на начальном этапе Великой Отечественной войны / Н. А. Рябцева // Гомельщина в 1941 году : материалы научно-практической конференции, посвященной 65-летию начала Великой Отечественной войны / редколлегия: А. А. Коваленя [и др.]. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2006. – С. 182–188.
3. Гомельская область в первые месяцы Великой Отечественной войны : документы и материалы / Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь; составители: В. Д. Селеменёв (руководитель) [и др.]. – Минск: НАРБ, 2010. – 268 с.

4. Ермольчик, Т. В. Трагическое лето 1941-го: Гомельщина в июне – августе 1941 года / Т. В. Ермольчик // Гомельщина в событиях 1917–1945 гг. : материалы научно-практической конференции / редколлегия: А. А. Коваленя [и др.]. – Гомель: БелГУТ, 2007. – С. 182–188.

5. Сычёва, О. В. Становление и развитие сопротивления на Гомельщине / О. В. Сычева // Гомельщина в 1941 году : материалы научно-практической конференции, посвященной 65- летию начала Великой Отечественной войны / редколлегия: А. А. Коваленя [и др.]. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2006. – С. 222–230.

6. Скрябина, Л. С. Трагическое лето 1941-го: Гомельщина в июне–августе 1941 года / Л. С. Скрябина // Гомельщина в 1941 году : материалы научно-практической конференции, посвящённой 65-летию начала Великой Отечественной войны / редколлегия: А. А. Коваленя [и др.]. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2006. – С. 211–216.

УДК 327 (476) «1944/1991»

В. Е. Снапковский

Белорусский государственный университет

БЕЛОРУССКИЙ ОТРЯД СОВЕТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

В статье рассматривается вопрос о роли и месте двух союзных республик (БССР и УССР) в советской послевоенной дипломатии. Автор анализирует феномен так называемой «республиканской дипломатии» и обосновывает свой тезис о неправомерности употребления термина «дипломатия БССР». Свою аргументацию автор подкрепляет конституционным положением (Конституция БССР 1978 г.) о «внешнеполитической деятельности Белорусской ССР».

Сотрудничество БССР с другими государствами в ООН осуществлялось на нескольких уровнях, начиная с единой внешнеполитической линии трех советских делегаций, которая сложилась еще на Сан-Францисской конференции. Следующий уровень охватывало взаимодействие с социалистическими странами, а в более узком составе с государствами «социалистического содружества». Далее платформа многостороннего сотрудничества расширялась, и довольно значительно, за счет большой группы развивающихся стран. На самый широкий уровень распространялось сотрудничество БССР с государствами–членами ООН, когда к нему подключались западные, капиталистические страны, что находило выражение в голосовании подавляющим большинством, консенсусом или принятии решений без голосования. Но эта практика появилась только со второй половины 80-х гг. Определяющим, главным уровнем сотрудничества БССР с остальными странами в рамках ООН была конечно советская, общесоюзная платформа, сформированная в Москве.

В данной статье мы рассмотрим отдельные события, явления и процессы, связанные с вопросом о том, насколько свободны были делегации двух советских республик в проведении или точнее следовании единому внешнеполитическому курсу СССР. Говоря о дипломатической деятельности БССР и УССР и их министерств иностранных дел, сразу возникает вопрос о степени самостоятельности и зависимости их от союзного центра, который в данном случае олицетворялся МИДом СССР. Их активность на международной арене является несомненно интересным феноменом в истории советской внешней политики и международных отношений. Этот феномен объясняется в первую очередь особым международно-правовым и государственно-политическим статусом союзных республик СССР, определенным конституционной реформой 1944 г. и последующими политическими и правовыми изменениями в рамках советского федеративного государства.

Главной особенностью внешнеполитической деятельности союзных республик в указанный период было то, что они, с одной стороны, формально-юридически как бы имели всю полноту внешнеполитических полномочий, но, с другой стороны, могли ими воспользоваться только в минимальной или немного большей степени. Об этом говорится в ряде современных научных публикаций [7; 10; 11; 15; 18; 22] и это давало основания, и далеко не беспочвенные, западным специалистам в области международного права и международных отношений, политикам и дипломатам утверждать, что союзные республики, включая учредителей ООН (УССР и БССР), не являются полноправными субъектами международного права и международных отношений, а государственными образованиями особого рода с частичной международно-правовой субъектностью [2, с. 131; 17, с. 121–123; 21, р. 629; 23, с. 212]. Естественно, что такая позиция решительно отвергалась советской доктриной международного права и международных отношений, в том числе украинскими (К.С.Забигайло и др.) и белорусскими (Ю.П.Бровка и др.) учеными и дипломатами [1; 4; 16].

После того как союзные республики получили реальную возможность реализовать свои суверенные права в области международных отношений (а это произошло после провозглашения ими независимости в результате распада СССР), исследователи постсоветских государств, сбросившие оковы моноидеологии и монометодологии, смогли представить читателям более близкую к исторической правде картину международной активности уже бывших союзных республик. Это относилось прежде всего к так называемым (по сталинской терминологии времен Ялтинской конференции) ”двум основным республикам” СССР –УССР и БССР [14, с. 203], чья деятельность в сфере внешней политики СССР в указанный 47–летний период (1944–1991 гг.) была несомненно более заметной и результативной по сравнению с остальными союзными республиками.

Исследовательские инструменты, благодаря которым реконструируется недавнее историческое прошлое новых независимых государств Украины и Беларуси в области международных отношений, включают в себя новые методологические подходы и концепции, пересмотр прежних оценок и новое прочтение «старой» литературы и источников, открытие новых тем, событий и имен (так называемое затушевывание “белых пятен”), использование всего доступного комплекса опубликованных и архивных документов, наконец бесцензурную публикацию своих исследований и конечно другие методы и способы исследований [10; 11; 12; 15; 18]. Сегодня, спустя почти 30 лет после обретения Украиной и Беларусью независимости, историческое полотно, воссоздающее внешнеполитическую активность УССР и БССР в 40–80-е гг. XX в., приобрело значительно более четкие, правильные, выразительные и адекватные исторической реальности очертания, хотя оно конечно не завершено.

Возвращаясь к феномену «республиканской дипломатии», обратимся к интересной публикации украинского ученого Е.Каминского, помещенной в обобщающем труде украинских историков «Очерки истории дипломатии Украины», (2001 г.), отмечавшего, что у исследователя данной проблемы постоянно возникает искушение оспорить сам факт существования дипломатии Украинской ССР (и Белорусской ССР также. – Авт.) с точки зрения устоявшейся теории и практики международных отношений. А обратной стороной этого искушения является стремление освещать эту деятельность только как процесс обслуживания общесоюзных интересов. Сущность своего концептуального подхода этот исследователь излагает, с одной стороны, как проявление ограниченных возможностей и полномочий дипломатии УССР как союзной республики в тоталитарной сверхдержаве, с другой стороны, как стремление международного сообщества наций благодаря интересу к украинской дипломатии глубже разобраться в реальном статусе нероссийских народов СССР [7, с. 550]. А эта проблема рассматривалась на Западе преимущественно как внутренняя прерогатива Москвы, как определенная историческая данность, попытки оспорить которую могли бы привести к разрушительному региональному или глобальному конфликту. Поэтому, считает Е.Каминский, западные державы (США и Великобритания) не

проявили значительного интереса к дипломатической деятельности НКВД/МИД УССР, чтобы не спровоцировать слабо прогнозируемых изменений на территории СССР [7, с. 553–555]. Еще меньший интерес вызывала у них деятельность белорусского внешнеполитического ведомства.

Что касается утверждения о якобы полной и тотальной зависимости УССР и БССР от союзного центра в сфере международных отношений, то она в принципе имела место, особенно в публичной, политико-идеологической области, где надо было демонстрировать «нерушимый союз республик свободных». А вот на поле реальных дел, переписки и документооборота республиканских МИДов с зарубежными государствами и особенно с международными организациями картина была иной. Ознакомление с описями дел только одного, первого фонда Отраслевого государственного архива МИД Украины (ОГАМИДУ), показывает, что функции и полномочия внешнеполитического ведомства УССР, как и БССР, хотя в случае с последней это касается в меньшей степени, не были такими уж ограниченными или представлявшими собой «эмбриональные микрокосмосы Министерства иностранных дел в Москве» (выражение американского профессора В.Аспатуриана), как это нередко представлялось даже авторитетным западным исследователям на рубеже 1950–1960-х гг. [20, р. 168] или позднее. Напр., только опись 2 фонда № 1 ОГАМИДУ, содержащая описание дел за 1958–1978 гг., отпечатана на фолианте в 375 маш. стр. Если за 1958 г. в описи было 70 дел, то 20 лет спустя, в 1978 г., их количество возросло до более 200 [13]. Следует сказать, что к формированию тезиса о полной несамостоятельности УССР и БССР на международной арене приложили руку в первую очередь советская внешнеполитическая доктрина и особенно дипломатическая практика в лице союзного МИД, пуще всего опасавшихся того, что две республики – члены ООН могут выйти из-под контроля.

В современном научном дискурсе Украины и Беларуси формируется новое представление о том, что деятельность МИДов УССР и БССР в послевоенные годы приближалась или была чуть не выражением классической дипломатии, присущей независимому государству. Особенно это заметно в обобщающем труде украинских историков «Очерки истории дипломатии Украины», один из разделов которого называется «Послевоенная дипломатия Украинской ССР» авторства уже упоминаемого Е.Каминского [7]. Этот глубокий исследователь неоднократно использует термин «дипломатия УССР», одновременно утверждая на первый взгляд противоречащее этому положение о том, что республиканский НКВД/МИД был «обязан и вынужден осуществлять отведенные ему функции в границах единой советской дипломатии». Это конечно резко сужало потенциал принятия и реализации достаточно ограниченных самостоятельных решений, но не сводило их к полной абстракции в силу прежде всего субъективного фактора. Необходимо было также принимать во внимание и фактор неизвестности и неопределенности отдельной (республиканской) дипломатии в границах более общего и доминирующего явления (каким была общесоюзная дипломатия) и отсутствие главного объекта защиты, которым на этом поле политической деятельности всегда выступают национальные интересы. И здесь Е.Каминский приходит к закономерному выводу: «Украинская дипломатия послевоенных времен национальных интересов в их обычном понимании защищать не могла в силу объективных обстоятельств» [7, с. 559].

Эти рассуждения и выводы еще в большей степени подходят к пониманию деятельности белорусского МИДа и его оперативно-дипломатических работников. С учетом значительно большего веса и влияния УССР по сравнению с БССР в системе союзных республик СССР и на международной арене термин «дипломатия УССР» имеет под собой определенные основания, о чем обоснованно пишет Е.Каминский. Но несмотря на одинаковый политико-юридический и международно-правовой статус УССР и БССР использование термина «дипломатия Белорусской ССР» представляется нам искусственным явлением, хотя подобные тенденции в современной белорусской литературе имеют место, в том числе и особенно среди работников МИД Республики Беларусь, что проявилось при

праздновании 100-летия белорусской дипломатической службы в 2019 г. [19]. В союзной и республиканской литературе и политической терминологии советского периода понятий типа «дипломатия РСФСР», «дипломатия УССР», «дипломатия БССР» или любой другой союзной республики не существовало и быть не могло, поскольку это противоречило бы концептуальным основам единой внешней политики и дипломатии Союза ССР.

Применительно к БССР реальное место союзной республики в разработке и реализации общесоюзной внешней политики было определено статьей 28 Конституции БССР 1978 г., констатировавшей, что республика «во внешнеполитической деятельности руководствуется целями, задачами и принципами внешней политики СССР, определенными в Конституции СССР» [8]. Конституция СССР 1977 г относила к компетенции Союза ССР установление общего порядка и координацию отношений союзных республик с международными организациями; представительство СССР в международных отношениях; связи СССР с зарубежными государствами и международными организациями; внешнюю торговлю и другие виды внешнеэкономической деятельности на основе государственной монополии (ст. 73, п. 10) [9]. Это было фактически повторение конституционных изменений 1944 г.

Российский правовед П. Кремнев в исследовании о международно-правовой субъектности союзов республик специально проанализировал проблему их договорной правоспособности, т. е. самостоятельного осуществления полномочий заключения международных соглашений публично-правового характера. Эти полномочия были утеряны советскими республиками с заключением союзного договора 1922 г., поскольку созданный ими общесоюзный НКВД стал осуществлять на международной арене представительство всего Союза ССР. В соответствии с конституционными изменениями 1944 г. союзная и республиканские конституции были дополнены рядом новых положений. В частности, к конституционным полномочиям Президиума Верховного Совета БССР относились установления, касающиеся назначения и отзыва дипломатических представителей БССР в иностранных государствах; приема верительных и отзывных грамот аккредитованных при нем дипломатических представителей иностранных государств [5, с. 192–193]. Однако эти нормы не нашли активного воплощения в дипломатической практике БССР и УССР как первоначальных членов ООН, не говоря уже о других союзных республиках [10, с. 107–109; 11]. По словам П.Кремнева: «Даже эти союзные республики не получили разрешения на установление дипломатических или консульских отношений с другими государствами» [10, с. 107]. Е.Каминский, говоря о внешнеполитических полномочиях, закрепленных в Конституции УССР (представительство республики в международных отношениях, право назначения и отзыва представителей УССР в зарубежных государствах и аккредитации иностранных дипломатов, констатирует, что по большому счету, ни один из этих пунктов никогда не был реализован [7, с. 552]. Это же утверждение можно отнести и к Белорусской ССР.

В разгар перестройки 25 октября 1988 г. Совет Министров БССР утвердил Положение о Министерстве иностранных дел БССР [6, с. 271–276]. Это было второе за всю историю существования НКВД/МИД БССР положение об этом правительственном учреждении (первое было принято в августе 1921 г.). Оно закрепило реальный статус республиканского МИД в системе внешнеполитической деятельности Советского Союза. В нем отмечалось, что МИД БССР является союзно-республиканском министерством и в своей деятельности подчиняется как Совету Министров БССР, так и МИД СССР. В своей деятельности МИД БССР руководствовалось принципами ленинской внешней политики, законами СССР и БССР, решениями высших органов государственной власти СССР и БССР, международными договорами СССР и БССР, инструкциями и указаниями МИД СССР и другими нормативными актами. Главными задачами МИД БССР являлись: обеспечение в пределах своей компетенции реализации внешнеполитического курса КПСС и Советского государства; укрепление и совершенствование иностранных связей БССР, в том числе с международными организациями; защита интересов БССР и СССР в целом, а также граждан БССР вопросам взаимоотношений с зарубежными странами и международными организациями. В

соответствии с возложенными на МИД БССР задачами оно могло разрабатывать и вносить на рассмотрение Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров БССР и МИД СССР предложения внешнеполитического характера по практическим вопросам развития внешних связей республики, ее деятельности в международных организациях, участвовать в разработке предложений по проблемам отношений СССР с иностранными государствами и международными организациями. По поручению Правительства БССР Министерство иностранных дел обеспечивало представительство республики в международных отношениях, включая поддержание связей БССР с зарубежными государствами и их административно-территориальными единицами, участие республики в международных организациях, выполняло ряд других функций и задач [6, с. 271–275].

Из сказанного выше ключевое значение имеет положение о двойной подчиненности республиканского МИД: как Совету Министров БССР, так и МИД СССР. И хотя союзный МИД стоит здесь на втором месте, его реальная, фактическая роль была выше республиканского правительства, игравшего во внешнеполитической сфере СССР весьма подчиненную роль. Отсылка на принципы ленинской внешней политики показывала отсутствие такого понятия, как «национальные интересы», притом, как на федеральном, так и республиканском уровнях. В Положении содержалось четкое указание на место дипломатической службы БССР в системе дипломатической службы всего Союза ССР: «Дипломатическая служба Белорусской ССР является составной частью дипломатической службы СССР». Далее говорилось о том, что прохождение службы дипломатическими сотрудниками МИД БССР определяется правилами прохождения службы дипломатическими работниками МИД СССР [6, с. 275].

Положение о Министерстве иностранных дел БССР отразило реальное состояние федеративных отношений в советском многонациональном государстве, распределение властной и правовой компетенции между союзными и республиканскими органами в области внешней политики в конце 80-х гг. Несмотря на очень широкий и разнообразный характер функций и задач, возложенных на белорусское внешнеполитическое ведомство, на практике оно не имело достаточной самостоятельности и должно было практически все вопросы внешнеполитической деятельности республики согласовывать в Москве. В процессе демократизации федеративных отношений союзные республики поставили вопрос о расширении своих прав за счет некоторого уменьшения сверхцентрализации в деятельности союзных органов и ведомств, в том числе МИД СССР. Ряд мер, предусматривающих наделение республиканских МИД более широкими полномочиями, был принят руководством МИД СССР после совещания министров иностранных дел союзных республик, состоявшейся в июне 1987 г. В 1989 г. в составе союзного МИД был создан отдел по союзным республикам [3, с. 109].

В целом роль и место дипломатической службы БССР в общесоюзной системе внешнеполитической деятельности можно определить термином, который ввели в оборот авторитетные московские ученые, редакторы издания, посвященного 60-летию образования СССР (1984 г.). К возникновению этого термина имел прямое отношение автор этих строк. Они поправили меня, молодого тогда автора, который неосмотрительно употребил в своем тексте, представленном к публикации, выражение «белорусская дипломатия» при характеристике внешнеполитической активности БССР, заменив его на соответствующее тому времени и реальному месту республики на международной арене понятие «составной отряд советской дипломатической службы» [16, с. 227]. Ограниченный суверенитет республики в составе советского «унитарно-федеративного» государства, отсутствие и невозможность проведения БССР настоящей, в классическом понимании этого выражения, внешней политики и дипломатии обусловили закрепление в Конституции БССР термина «внешнеполитическая деятельность» республики. Исходя из этого автор предлагает характеризовать ее дипломатическую активность понятием «белорусский отряд советской дипломатии» [19, с. 24].

Источники и литература

1. Бровка, Ю. П. Международная правосубъектность БССР / Ю. П. Бровка. – Минск: Наука и техника, 1967. – 164 с.
2. Броунли, Я. Международное право / Я. Броунли. В 2 т. Т. 1. – М., Прогресс, 1977. – 535 с.
3. Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность СССР (апрель 1985 – октябрь 1989 гг.). Обзор МИД СССР // Международная жизнь. 1989. – № 12. – С. 3–117.
4. Забигаило, К. С. Международно-правовая деятельность Украинской ССР / К. С. Забигаило. – Киев, Высшая школа, 1972. – 352 с.
5. Знешняя палітыка Беларусі. Зборнік дакументаў і матэрыялаў. Т. 4 (чэрвень 1941 г. – жнівень 1945 г.) / Склад. Н. М. Дзятчык, У. М. Міхнюк, У. К. Ракашэвіч, В. Дз. Селяменеў, А. В. Шарапа, І. Г. Яцкевіч. – Мінск: БДУ, 2001. – 396 с.
6. Знешняя палітыка Беларусі : зборнік дакументаў і матэрыялаў. Т. 6 (1976–1991 гг.) / Склад.: Ракашэвіч, У. К., Шарапа, А. В. – Мінск: Выдавецкі цэнтр БДУ, 2004. – 335 с.
7. Каміньский, Є. Є. Повеенна дипломатія Української РСР / Є. Є. Каміньский. // Нариси з історії дипломатії України. – Киев, 2001. – С. 550–616.
8. Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики. Минск, 1978. Принята на внеочередной девятой сессии Верховного Совета БССР девятого созыва 14 апреля 1978 года с изменениями и дополнениями, внесенными Законами БССР от 21 июня 1979 года и 27 октября 1989 года – Режим доступа: <http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyy-nae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1978-goda-s-izmeneniyami-i-dopolneniyami/#4> – Дата доступа: 18. 04. 2020.
9. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. – Режим доступа: <http://www.hist.msu. ru/ER/Etext/cnst1977.htm#iii> – Дата доступа: 18. 04. 2020.
10. Кремнев, П. П. Распад СССР: международно-правовые проблемы / П. П. Кремнев. – М.: Зерцало-М, 2005. – 255 с.
11. Кремнев, П. П. К вопросу о самостоятельности советских союзных республик в международных отношениях / П. П. Кремнев. // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 9. – Режим доступа: <http://center-bereg.ru/o3662.html> – Дата доступа: 18. 01. 2020.
12. Нариси з історії дипломатії України. Ред. В. А. Смолій. – Київ: Альтернативи, 2001. – 736 с.
13. Отраслевой государственный архив МИД Украины. – Ф. 1. – Оп. 2 справ постійного зберігання за 1958–1978 роки. Документи по основній діяльності.
14. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. – М.: Политиздат, 1976. – 325 с.
15. Снапковский, В. Е. История внешней политики Беларуси: пособие / В. Е. Снапковский. – Минск: БГУ, 2013. – 495 с.
16. Снапковский, В. Е. Участие Белорусской ССР во внешнеполитической деятельности СССР / С. Д. Войтович, В. Е. Снапковский // СССР в борьбе за мир и безопасность народов: исторический опыт. М., Междунар. отношения, 1984. – С. 224–233.
17. Фердросс, А. Международное право / А. Фердросс. – М., Иностранная литература, 1959. – 652 с.
18. Чекаленко, Л. Зовнішня політика України (від давніх часів до наших днів): Підручник / Л. Чекаленко. – Київ, DP «Vid. dim «Personal», 2010. – 472 с.

19. Шаплька, Т. Круглы стол: Дзяржавай упуўнаважаныя / Т. Шаплька // Беларуская думка. – 2019. – № 1. – С. 19–29.
20. Aspaturian, V. The Union Republics in the Soviet Diplomacy: A Study of Soviet federalism in the service of Soviet foreign policy / V. Aspaturian. Paris—Geneve, Librairie E. Droz & Librairie Minard 1960. – 228 p.
21. Dollan, E. The Member Republics of the USSR as Subjects of the Law of Nations / E. Dollan // The International and Comparative Law Quarterly. 1955. – № 4. – P. 629–636.
22. Dullin, S., PeVrat, E. Flexible Sovereignties of the Revolutionary State: Soviet Republics Enter World Politics // Journal of the History of International Law. Brill Academic Publishers. – 2017. – № 19 – P.1–22. Режим доступа: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-01783406/document> Дата доступа: 18. 04. 2020.
23. Verdross, A. Die Völkerrechtssubjektivität der Gliedstaaten der Sowjetunion / A. Verdross // Österreichische Zeitschrift für Öffentliches Recht. – 1948. – № 1. – S. 212–218.

УДК 94(438)

Л. В. Гавриловец

Мозырский государственный педагогический
университет имени И. П. Шамякина

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ВОСТОЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ ПОЛЬШИ

В статье анализируется проблема переселения православного населения, населяющего восточные районы Польши. Автор характеризует процесс переселения, определяет его причины, рассматривает отношение «перемещенных лиц» к условиям проживания. В статье также затрагивается вопрос о самоидентификации «перемещенных лиц». Сделан вывод о специфической идентичности переселенцев, которые считают, что у них «две Родины».

В 1944–1947 гг. на восточных территориях Польши (Белосток, Бельск) была проведена переселенческая акция, ставшая результатом заключенного договора между Белорусской Советской Социалистической Республикой и Польским комитетом национального освобождения. Целью этой акции являлось переселение людей, как правило, белорусского происхождения, проживающих в данных районах на территорию Западной Беларуси. Среди критериев, по которым осуществлялся отбор населения можно выделить следующие: религиозный признак, т. е. принадлежность к православной конфессии, национальный – самоидентификация населения восточных территорий Польши. Осуществление данной акции являлось своего рода «зеркальным отражением» событий, происходящих в этом регионе Беларуси, а затем БССР – перемещение лиц польской национальности, являвшихся католиками по вероисповеданию и их переселение на так называемые «возвращенные земли» польского государства. Белорусы, покидавшие территорию Польши, по мнению организаторов акции, должны были заселить те районы Советского Союза, с территории которых выселяли поляков. Акция, согласно декларации, имела только добровольный характер. На территорию Польши были отправлены уполномоченные представители, которые должны были убедить потенциально заинтересованных лиц жить за восточной границей [2, с. 136].

Необходимо отметить, что это была не первая подобная акция. Еще в 1915–1918 гг. была проведена переселенческая акция, получившая название «акция беженцев». Акция затронула православное население, проживавшее в Гродненской и Виленской губерниях. Как

и в 40-х гг. XX в., так и в начале века основной задачей являлось с помощью уполномоченных представителей убедить население этих территорий переселиться в Россию.

Завершение переселенческой акции с восточных территорий Польши в Западную Беларусь изначально планировалось до 1945 г., но она продолжилась вплоть до 1947 г. В этот период с территории восточной Польши было выселено около 36 388 человек [2, s. 143]. Большие группы так называемых «перемещенных лиц» были отправлены в Гродно, Барановичи и Слоним. Более 40 семей начали новую жизнь в Дятлове, городке, расположенном около 40 км от Слонима. Некоторая часть «перемещенных лиц» были из Малеше – деревни, расположенной недалеко от Бельска. Они поселились в д. Москалёвцы Дятловского района. В 1947 г. это была небольшая деревенька, всего несколько десятков домов, населенная представителями католической конфессии, и соответственно единственными православными здесь были лица, переселенные из Польши. Как уже говорилось, в основном они являлись «перемещенными лицами» из Малеше и других деревень Белостокской губернии. Необходимо отметить тот факт, что большинство «перемещенных лиц» считали, что у них «две родины» и не было полного осознания своей принадлежности к стране происхождения [1, s. 203].

В 1944–1947 гг. осуществлялось перемещение лиц, проживающих в д. Зачерляны, Левицки, Малеше, Войшки и Рыболы, Бялки, Павлиново, Невадзица Норгилевская, Солнички. Некоторые из лиц, проживающих в этих деревнях, переселились добровольно (Войшки, Рыболы, Павлиново, Бялки), часть – под принуждением в результате осуществления различных видов репрессий на территории польского государства (Зачерляны, Левицки, Невадзица Норгилевская, Солнички). В основном они переселились в Дятловский район и в деревни, расположенные в его окрестностях: Москалёвцы, Раклевичи, Бутвиловичи, Вензовец. Среди переселенцев были как лица в возрасте 40–45 лет, так и дети – 5–7 лет, 11–16 лет [1, s. 183].

Можно отметить, что основной причиной переселения из Польши в Западную Беларусь, являлся экономический фактор. Это возможность получить небольшой участок земли, часто становившийся причиной выезда из Польши, а также ведение домашнего хозяйства (в то время еще не были созданы колхозы). Кроме того, тяжелые условия труда на территории Польши заставляли многих решиться на смену места жительства. Что касается взаимоотношений белорусского населения и польского на территории восточной Польши, то они характеризовались как положительные, позитивные и полные взаимного сочувствия, по крайней мере, до осуществления переселенческой акции.

Лица, переселившиеся в Западную Беларусь под влиянием репрессий и в атмосфере страха, наоборот отмечали, что жизнь в Польше была намного проще и приятнее, чем в местах их проживания после переселения. Так, по их мнению, земля была очень плодородной, было много картофеля, росло практически все, держали скотину. Наличие своей лошади позволяло свободно перемещаться, добираться до нужных мест. Дома были построены новые, несмотря на то, что проживали на хуторе. Молодежь была дружная, все вместе гуляли и отмечали праздники, и жили дружно. А затем появились банды, и все изменилось [1, s. 186].

Таким образом, подавляющее большинство переселенцев не идеализировали свою жизнь перед отъездом, как в материальном плане, так и в духовном. Те переселенцы, которые уехали добровольно, отмечали, что низкий уровень жизни вынудил их оставить польские территории, а вот что касается внешнего вида местности, в которой они проживали до выезда, то всегда характеризовали ее как очень красивую. И наоборот вынужденные переселиться под принуждением отмечали, что на территории Беларуси их уровень жизни снизился. Соответственно, главной причиной выезда была, безусловно, сложная ситуация – небольшое количество земли или потеря дома в результате военных действий. Переселенцы полагали, что переезд поможет им «встать на ноги», тем более что представители советской власти охарактеризовывали ситуацию в БССР как «время процветания». Однако были и

другие причины, например, возможность бесплатного обучения детей. Также были случаи, когда чтобы стать ближе к одному из членов семьи ее представители в Польше переезжали в тот район Советского Союза, где проживали близкие родственники. В таком случае в какой-то степени это можно охарактеризовать как акцию «воссоединения семей».

Некоторые переселенцы отмечали, что можно было и не выезжать, но так посчитал нужным сделать глава семьи (отец) и все вынуждены были подчиниться. А также отмечался тот факт, что в Польше был распространен тезис, что если ты поляк значит католик, соответственно все православные должны были выехать с территории польского государства, даже если они этого не желали. Таким образом, большинство переселенцев уехали, потому что боялись за свою жизнь и свои семьи. Важно отметить, что часть переселенцев считали, что это было «изгнание» из Польши [3, s. 24].

Что касается имущества, которое могли забрать с собой «перемещенные лица», то необходимо отметить, что, во-первых, они имели право брать с собой все, что могли перевозить. Соответственно оставался только пустой дом и земля. Во-вторых, размер имущества зависел от количества вагонов, выделенных для семьи. В-третьих, обычно у переселенцев было от двух недель до нескольких месяцев, чтобы перевезти имущество. Правда, можно отметить исключение из этого правила, когда семье было дано три дня на отпуск и за это время они должны были разобраться со своим имуществом.

Забирали в основном домашних животных (лошадей, коров, свиней, птиц), мебель, сельскохозяйственные инструменты, одежду, постельные принадлежности, продукты питания. Иногда также брали зерно и картофель, но чаще всего эти продукты заносились в так называемое письмо об эвакуации, в соответствии с которым переселенцы могли получить компенсацию после приезда в Беларусь. То же самое происходило с домом и оставленной землей в Польше. Определялась цена имущества и все, что осталось в Польше «вынужденным переселенцам», должно было быть возвращено в новом месте. Таким образом, их социальный статус изначально на новом месте был выше, чем у местных жителей.

Следует также отметить, что не всегда переселенцы знали место своего назначения. Они знали, что едут в Беларусь и только. Тем не менее, были и такие переселенцы, которые знали цель маршрута, иногда даже сами выбирали его. Однако не всегда удавалось выехать в то место, которое было определено семьей, так как власти утверждали, что в данных городах или районах нет свободных мест. В основном в письме об эвакуации значилось место назначения. Если у «перемещенных лиц» были родственники в Беларуси, то от них они узнавали об условиях проживания в данной местности, но большинство обладало незначительной информацией о новом месте их жительства или знали о нем со слов уполномоченных лиц, которые естественно преукрашивали ситуацию в районе.

Еще один немаловажный факт, те переселенцы, которые прибыли в Беларусь раньше, в 1944–1945 гг. были удовлетворены состоянием своего дома и участка земли, у них была даже возможность выбирать из предложенного. Переселившиеся в более поздние годы отмечали недостатки их новых дом: гнилой пол, водопровод, который быстро замерзал в доме, маленькая кухня и были даже случаи, когда переселенцы из Польши за один хороший кирпичный дом получали два деревянных, но в очень плохом состоянии. Что касается состояния земли, то все переселенцы отмечали, что это были большие участки земли, вызывавшие у них радость и восторг, но в связи с проведением коллективизации они почувствовали себя обманутыми, так как никто из них этого не ожидал. Таким образом, материальное положение переселенцев фактически не изменилось.

Можно сделать вывод, что процесс переселения оказал огромное влияние на формирование личности «перемещенных лиц» – людей, которые из-за изменения среды обитания «получили» две родины, с которыми у них крепкие узы, хотя они носят разный характер. Кроме того, личность «перемещенного лица» состоит из двойной идентификации – быть из Польши и Беларуси, «приезжим» и «местным» в то же время.

Источники и литература

1. Broda, A. O ludności przesiedlonej po II wojnie światowej ze wschodniej Polski w rejon Działowski (Zachodnia Białoruś) / A. Broda // Etnografia Polska. – 2002. – Т. XLVI. – Z. 1–2. – S. 181–205.
2. Mirowicz, E. Białorusini w Polsce 1944–1949 / E. Mirowicz. – Warszawa: PWN, 1993. – 218 s.
3. Mironowicz, E. Białorusini w Polsce 1919–2009 / E. Mirowicz. – Warszawa: PWN, 2010. – 340 s.

УДК 94(477) «1980–1990»

А. В. Садовник

Винницкий государственный педагогический
университет имени Михаила Коцюбинского

ЭТНИЧЕСКИЙ И ЯЗЫКОВОЙ ФАКТОРЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРИДНЕСТРОВСКОГО КОНФЛИКТА КОНЦА 1980-Х – НАЧАЛА 1990-Х ГОДОВ

В данной статье анализируются языковые и этнические причины зарождения конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Проанализировав этнонациональные причины и предпосылки конфликта в Приднестровье, сделан вывод, что именно национальный и языковой факторы были первичными для зарождения конфликта, а урегулирование конфликт без их разрешения будет практически невозможно.

Любой конфликт, в том числе и этнополитический, как и другие события общественной жизни, характеризуется определенными причинами, которые способствовали его появлению, и последствиями, к которым он привел. Чтобы составить представление о сущности и проблемности Приднестровского конфликта, а также о возможных путях его урегулирования, представляется необходимым исследовать причины его возникновения и условия, которые этому способствовали.

В конце XX – начале XXI в. мировое сообщество столкнулось с новым всплеском этнополитической активности. Вероятно, это и стало одной из причин обращения ученых к изучению этнополитических конфликтов, процессов политизации этничности и тому подобное. Так, исторические истоки современных этнических и политических конфликтов стали предметом исследований ряда отечественных и зарубежных ученых.

История Приднестровского конфликта неоднократно описана исследователями из разных стран, которые в своих работах пытаются не только проследить основные этапы развития самого конфликта, но и выяснить его причины и последствия. Западный исследователь Е. Андерсен в своей статье «Конфликт в Приднестровье: к национальному согласию еще далеко (1990 – современность)» [1] определил предпосылки возникновения Приднестровского конфликта, проследил его развитие, включая военную фазу, а также проанализировал попытки решения конфликта состоянием на начало XXI в.

Вопросы, связанные с причинами и предпосылками возникновения Приднестровского конфликта, в различных аспектах исследовали историки самопровозглашенной Приднестровской Молдавской Республики В. Я. Гросул [4], Н. В. Бабилунга [8], Б. Бомешко [9]. В частности, в их трудах в целом характеризуются социально-экономические и этнологические причины противостояния Приднестровья и Молдовы. Также, многие вопросы возникновения конфликтной обстановки на границе с Украиной исследуются в

трудах украинских историков и политологов. Среди украинских авторов следует назвать, в первую очередь, киевского исследователя М. Перепелицу, который в своей книге сосредоточился на политико-правовых причинах конфликта [3]. Анализ сложившейся ситуации в Республике Молдова после распада СССР и провозглашения независимости Приднестровской Молдавской республики в контексте мировой политики, сделанный украинским исследователем Д. Ермоленко в работе «Приднестровский конфликт в международных отношениях: истоки, современное состояние и перспективы решения» [12] и других исследователей [9; 10; 11].

Для более четкого понимания причин и предпосылок конфликта целесообразно систематизировать их по определенным группам и проанализировать кардую из них в отдельности. Одной из главных является группа этнонациональных причин, связанных с глубинными структурными изменениями в составе населения МССР в целом, и Приднестровского региона, в частности. Ведь развитие межнациональных отношений находится в определенной связи с этнической структурой населения. Знание этнической статистики, характера изменения численности народов дают возможность показать их роль как в развитии общества, так и в процессе межнационального общения.

По состоянию на 12 января 1989 г. численность населения Молдавской ССР составляла 4 млн. 335 тыс. человек, проживающих в 40 районах. Наиболее компактно молдаване на конец 80-х гг. заселяли центральные и некоторые прилегающие к ним северные и южные районы. Эту зону расселения, включавшую 13 районов, среди жителей которых удельный вес молдаван составляет от 81 до 95 %, выделяют как однородно-молдавскую. Вторая зона (смешанно-молдавская), где молдавское население составляет 58–78 %, включает 14 районов. В большинстве своем они расположены на севере республики, а часть – на юге и левобережье Днестра [4, с. 35].

Следует отметить, что в левобережных приднестровских районах сформировалась молдавско-украинско-русская зона, где молдаване жили рядом с украинцами и русскими. Большинство украинцев расселено в северных и левобережных районах, русские – наиболее многочисленны на юго-востоке республики. Так, украинцы вместе с русскими составляли почти половину населения в Слободзейском и Рыбницком районах, а в Каменском, Окницком, Бричанском, Григориопольском, Единецком районах их численность колебалась от 30 % до 40 % [3, с. 120].

Таким образом, этнонациональная структура населения Приднестровского региона Республики Молдова существенно отличалась от структуры населения бессарабской части республики, что проявлялось в отличной культурно-языковой идентификации. Именно пренебрежение руководством Молдовы культурной особенностью населения Приднестровья привело в конце 80-х гг. к зарождению этнополитического конфликта в республике [8, с. 98].

Кризисные явления в экономике, политике и духовной жизни на рубеже 80–90-х гг. XX в., которые охватили бывший Советский Союз, проявились и в Молдове. Пробуждения национального сознания молдавского населения республики, представителей национальных меньшинств в результате начатых процессов демократизации общественной жизни способствовали росту их социальной и политической активности.

В Молдове, как и в других регионах бывшего СССР, процессы становления национального сознания развивались по типовому сценарию. Вопрос о выживании молдавского этноса ставился в прямую зависимость от сохранения языка, самобытной культуры, развития литературы, искусства. Ведь за предыдущий исторический период молдавский язык был практически исключен из сферы интеллектуального обращения, имел, по сути, только бытовое назначение. Употребление его в официальных речах означало чуть ли не проявление национализма [5, с. 83].

В то же время, ситуация с языком в Молдове имела свои особенности, отличные от других бывших союзных республик. Национальной интеллигенцией ставился вопрос не только о предоставлении молдавскому языку статуса государственного, но и об

официальном признании тождества литературного молдавского и румынского языка, возвращении к латинской письменности. Проекты законов о предоставлении молдавскому языку статуса государственного и перехода молдавской письменности на латинскую графику стали катализаторами радикальных изменений в социально-политическом климате республики. В средствах массовой информации значительное внимание уделялось разъяснению причин появления законопроектов, что же касается ситуации, которая должна сложиться в производственной и социально-бытовой сфере после их принятия, то должное разъяснение отсутствовало. Так, оставалось непонятным, на каком языке будет вестись делопроизводство в местах компактного проживания национальных меньшинств, разрешено ли будет применение русского, украинского, гагаузского языка в культурной сфере (газеты, телевидение, образование) и т. д. [2, с. 67].

Таким образом, пестрый этнонациональный состав населения республики способствовал возникновению острых споров по поводу статуса государственного языка, которые привели к глубокому расколу общества. Следует отметить, что далеко не все деятели науки и культуры Молдовы поддержали идею «румынизации» молдавского языка. Против «разрушения молдавской самобытности» выступили ученые–молдаване историки А. Лазарев, В. Гросул, Н. Бабилунга, филологи В. Стати, И. Чабану и другие. Но несостоятельность и раскол в правящей коммунистической партии и прочные позиции национал–радикалов, сторонников «румынизации» не позволили прислушиваться к противникам принятия «языковых» законопроектов и учесть их аргументацию [6, с. 48]. Поэтому, несмотря на отсутствие в молдавском обществе согласия и единой позиции по вопросу перевода молдавского языка на латинскую графику и предоставления ему статуса государственного, 31 августа 1989 сессия Верховного Совета МССР принял вышеназванные законопроекты. Таким образом, законодательно был закреплен статус государственного молдавского языка.

Закрепив государственным молдавский язык с латинской графикой, официальный Кишинев фактически лишил себя канала коммуникации с русскоязычным населением Приднестровья, которое отреагировало на принятие закона политическими забастовками, видя в нем угрозу для себя и своих потомков. Кишинев попытался преодолеть эти страхи и беспокойства, апеллируя к аргументу, что Законом «О функционировании языков на территории Молдавской ССР» признано право на развитие и свободное употребление языков национальных групп, населяющих республику. В республике была разработана Государственная комплексная программа обеспечения функционирования языков на территории Молдавской ССР, идентичное издание которой осуществлено на молдавском, русском, украинском, гагаузском, болгарском и еврейском языках. Но такие шаги не удовлетворяли социально-политических и культурных запросов этнически неоднородного населения Приднестровья, поскольку закон предусматривал замещение всех руководящих должностей и рабочих мест, связанных с общением, исключительно лицами, владеющим государственным языком[7, с. 32].

Русскоязычная часть населения Приднестровья оказалась выключенной как из культурного, так и из информационного пространства Республики Молдова. Резкое изменение условий лингвистической среды послужило толчком для формирования враждебного отношения населения Приднестровья к официальному Кишиневу и стало одной из базовых причин возникновения конфликта в Приднестровском регионе Молдовы.

Таким образом, проанализировав этнонациональные причины и предпосылки конфликта в Приднестровье, можно сделать вывод, что именно национальный и языковой факторы были первичными для зарождения конфликта. В перспективе дальнейших исследований выбранной нами проблемы актуальным представляется изучение внешнеполитических причин и факторов, которые способствовали возникновению и эскалации конфликта в Приднестровском регионе Молдовы.

Источники и литература

1. Andersen, A. The Conflict in Transnistria: National Consensus is a Long Way off (1990 – present) / A. Andersen [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.conflicts.rem33.com/images/moldova/nistru_konflikt.html. – Дата доступа: 12. 01. 2020.
2. Грек, И. Межнациональные отношения в Молдове (конец 80-х – 90-е гг. XX в.: процесс формирования, состояние, перспективы) / И. Грек // Мысль. – 1999. – № 4. – С. 62–75.
3. Перепелица, Г. Н. Конфликт в Приднестровье: причины, проблемы и прогноз развития / Г. Н. Перепелица. – К.: СтилоС, 2001. – 147 с.
4. История Приднестровской Молдавской Республики: в 2-х т. / ред. колл.: В. Я. Гросул, Н. В. Бабилунга, Б. Г. Бомешко и др. – Тирасполь: РИО ПГУ, – 2001. – Т. 2, ч. 2. – 512 с.
5. Петрова, I. В. Зовнішньополітичні чинники врегулювання Придністровського конфлікту / I. В. Петрова. – Чернівці, 2006. – 248 с.
6. Бабилунга, Н. В. История Приднестровья / Н. В. Бабилунга // Феномен Приднестровья. – Тирасполь: РИО ПГУ, 2000. – 95 с.
7. Бомешко, Б. Г. Приднестровье: годы создания / Б. Г. Бомешко // Феномен Приднестровья. – Тирасполь: РИО ПГУ, 2000. – 95 с.
8. Бессарабский вопрос и образование Приднестровской Молдавской республики. Сборник официальных документов. – Тирасполь: РИО ПГУ, 1993. – 315 с.
9. Кава, О. С. Причины виникнення придністровського конфлікту наприкінці 80-х років XX ст. / О. С. Кава [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ekmair.ukma.edu.ua/handle/123456789/14125>. – Дата доступа: 12. 01. 2020.
10. Коцур, В. В. Историко-політичні витоки Придністровської проблеми / В. В. Коцур // Гілея: науковий збірник. Збірник наукових праць / гол. ред. В. М. Вашкевич. – К.: ВІР УАН, 2010. – Вип. 42 (12). – С. 670–678.
11. Нечаєва-Юрійчук, Н. В. До питання про причини виникнення та розвиток Придністровського конфлікту / Н. В. Нечаєва-Юрійчук // Исторична панорама. – 2010. – Вип. 11.
12. Єрмоленко, Д. Придністровський конфлікт у міжнародних відносинах: витоки, сучасний стан та перспективи розв'язання / Д. Єрмоленко // Віче. – 2009. – № 9 (березень) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.viche.info/journal/1377/> – Дата доступа: 12. 01. 2020.

УДК 811'42:398.8(=161.2):398.8(=161.3)

Т. П. Беценко

Сумской государственной педагогической
университет имени А. С. Макаренко

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ УКРАИНСКИХ И БЕЛОРУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН: КАНОНИЧЕСКИЕ ТЕКСТОВО-ОБРАЗНЫЕ СТРУКТУРЫ КАК ФАКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ И ЯЗЫКОВО-КУЛЬТУРНОЙ РОДСТВЕННОСТИ

Статья посвящена рассмотрению понятия каноничности (формульности, универсальности) языкового текстообразования украинского и белорусского песенного фольклора. Канонические структуры осмысливаются как традиционные, закономерные единицы, которые формируют национально-песенный словесно-образный континуум. Представлена попытка проанализировать текстово-образные канонические структуры, характерные для украинского и белорусского народного творчества. Выделены атрибутивные, субстантивные, вербальные, адвербиальные, предикативные текстово-образные универсалии – формулы. Для сравнения предложен разнообразный иллюстративный материал с белорусского и украинского песенного фольклора.

Резюмируется мысль о древности, самобытности и украинской, и белорусской народнопесенной культуры песнетворчества, что подтверждается богатым и разнообразным языковым материалом, в частности – синтаксическими структурами-единицами наивысшего уровня языка.

Народнопесенное творчество является той языково-культурной средой, которая тесно взаимосвязана с народным мышлением, мировоззрением, бытовыми представлениями, то есть со всеми сторонами жизнедеятельности этноса.

Актуальность исследования состоит в том, чтобы убедительно засвидетельствовать языковые каноны народного песнетворчества, наблюдаемые в украинском и белорусском фольклорно-песенном континууме, которые служат доказательством самобытности, оригинальности словесно-образной песенной культуры украинцев и белорусов и вместе с тем – их родственности, близости.

Цель статьи – выявить и описать словесно-образные конструкции, характерные для украинского и белорусского народнопесенного текстообразования, с точки зрения их каноничности, универсальности, также уникальности; установить и обосновать родственность двух славянских культур на примере анализа словесно-образной организации фольклорно-песенных текстов. **Основная задача** – типизировать текстообразные формулы (универсалии) как системоорганизующие единицы фольклорного дискурса украинских и белорусских народных песен.

Каноничность словесно-образной организации народнопесенных произведений рассматриваем как фольклорную категорию, свидетельствующую о сложившейся языковой традиции, и вместе с тем – о своеобразии, самобытности, оригинальности отдельной культуры, в частности – украинской и белорусской. Каноничность по-другому понимаем как традиционность, формульность, универсальность. Без канонов текстообразования немыслимо существование народного творчества. Поэтому традиция – свидетельство бытия этнической культурной реальности. Наличие текстообразных формул (универсалий) – показатель устойчивой, сформировавшейся по правилам (нормам), законам, песенной традиции, закреплённости последней за отдельным национально-языковым континуумом.

К сожалению, нам известна только одна работа, посвященная изучению формульного состава белорусского народного творчества, – статья, автором которой является Т. А. Ивахненко. В исследовании глубоко и конкретно изложен материал, подтверждающий факт формульности народнопесенного творчества.

Наблюдения за текстообразной организацией народнопесенной культуры двух родственных этносов дают возможность констатировать, что народное творчество (по параметрам художественности, языковой эстетики, языкового оформления, также по форме и содержанию), – в обоих случаях – явление неповторяющееся, отличительное от других культур славян.

Итак, формульность, то есть текстообразная универсальность, – факт реальной языковой текстовой организации фольклорных произведений. В украинской, как и в белорусской народнопесенной традиции, фиксируем характерные разновидности формул – текстообразных универсалий. В белорусском и украинском народнопесенном творчестве, за нашими наблюдениями, представлены канонические текстообразные универсалии – атрибутивные, субстантивные, вербальные, адвербиальные, предикативные структуры. Аtribuтивные конструкции – структурные образования типа «прилагательное + существительное». Распространенные модели – контаминации прилагательного с семантикой цвета и существительного, обозначающего часть тела человека: *русае касы* [8, с. 40], *з белых плеч* [10, с. 81], *белыя ручки* [8, с. 43], прилагательного с цветовым признаком и

существительного с семантикой ландшафта местности, рельефа: *зяленымі лугамі* [8, с. 27], *зялёну дубраву* [8, с. 287], прилагательного-цветообозначения и существительного – названия предмета: *белі ручнічкі* [8, с. 41], *чорны шоўк* [8, с. 53], *белы жэмчуг* [8, с. 53], *зяленую скрыню* [8, с. 281], прилагательного-цветообозначения и существительного – флорономена: *сінія васілёчкі* [8, с. 41], *зялёны явар* [8, с. 27], прилагательного-цветообозначения и существительного-фаунонима: *вараны конік* [8, с. 296], *зязюльку шэрую* [8, с. 48], *барашачка чорненькі* [10, с. 415], *сізыя голубы* [8, с. 53], *шэра вутачка* [10, с. 207], *белыя лябёдки* [8, с. 54], прилагательного со значением размера и существительного – названия части тела, особенностей человека: *дробныя слёзкі* [8, с. 9] и др.

В белорусском народном творчестве естественными есть универсальные для славянского фольклора формулы *буйныя ветры* [8, с. 37], *дробныя дажджы* [8, с. 37], *маманька родная* [8, с. 51], *дзіўненькі сон* [8, с. 54], *ясен сокал* [8, с. 54], *халодная вада* [8, с. 290], *драмучымі лясамі* [8, с. 427], *цёмная ночачка* [8, с. 428], *ясен месяц* [8, с. 428], *луг зялёны* [10, с. 47], *быстрай ракі* [10, с. 206], *быстра вада* [10, с. 80]. Очень близки такие конструкции к тем, что наблюдаем в украинском народном эпосе: *бистрі води* [12, 327, 333], *біле каміння* [12, с. 163, 183, 188, 197, 202], *білий камінь* [12, с.109, 124, 125, 128, 312, 314, 315 та ін.], *білі руки* [4, с. 145, 284], *буйні вітри* [12, с. 176, 291], *дрібен дощик* [12, с. 107, 108, 223, 254], *дрібні сльози* [12, с. 94, 96, 97, 182, 184, 193, 265 та ін.], *зелені явори* [12, с. 161, 206], *зелена діброва* [12, 363, 378], *холодна вода* [12, с.91, 92, 93, 94, 95, 97], *ясні соколи* [12, с.103, 154], *ясне сонце* [12, с.138, 182], *темная нічка* [12, с. 206, 208].

Только в белорусском фольклоре засвидетельствованы формульные структуры *зялёная ліпка* [10, с. 146], *ліпачка кудравая* [10, с. 146], *бязрозка белая* [10, с. 147], *белая бязрозка караністая* [10, с. 402], *ялінчанка зялёная* [10, с. 278], *зязюлька баравая* [10, с. 223]. Существование таких структур связываем с наблюдаемой картиной мира и ее непосредственной фиксацией в языковых конструкциях.

Универсальность подобных словосочетаний усматриваем в том, что, во-первых, это самые простые структуры и самые употребляемые в языке конструкции, во-вторых, это единицы, обладающие эстетической окраской, образностью, тропеические по своей сущности, в-третьих, национально обусловленные. В украинском народном эпосе актуальными являются структуры *бистра куля* [12, с. 93], *бистра річка* [12, с. 276], *бистра супротивна хвиля* [12, с. 386, 388], *бистра хвиля* [12, с. 98, 108, 110, 112, 395, 397, 398] , *бистрі ріки–озера* [12, с. 300], *прудкі річки* [12, с. 332], *битий гординський шлях* [12, с. 74], *бідні невільники* [12, с. 13], *бідні козаки* [12, с. 95, 97, 126, 209], *запорозьке войско* [12, с. 149], *сизопірі орли* [12, с. 156], *православні християни* [12, с. 115, 165, 181] и др.

Атрибутивные конструкции есть непосредственным отображением неязыковых фактов – картины мира этноса.

Субстантивные текстово-образные формулы – сочетания существительного с существительным. В белорусском народном творчестве – это сложные слова: *рута-мята* [8, с. 36], *зязюлька-кукушка* [8, с. 47], *мёд–гарэланьку* [8, с. 50], *мёд–віно* [8, с. 50], *мурагу-сена* [8, с. 287], *віно-мёд* [8, с. 295], *паніч-королік* [8, с. 295], *сад-віноград* [8, с. 296], *званы-калакалы* [8, с. 382], *бары-сасна* [10, с. 81], *шчуцы-рыбаньцы* [10, с. 179], *каліна-маліна* [10, с. 222]. Во многих случаях украинского народнопесенного словоупотребления фиксируем наличие аналогичных структур, например, в думах: *слава-рицарство* [12, с. 231, 232, 236], *сокіл-брат* [12, с. 114] , *срібло-злото* [12, с. 100], *час-пора* [12, с. 305], *щастя-доля* [12, с. 127, 155, 201, 212, 361], *щука-риба* [4, с. 317], *шлях-дорога* [12, с. 367]. Это свидетельствует об языково-этнической, языково-культурной родственности двух народов.

Сложные слова составляют неотъемлемую часть народнопесенной словесной культуры славян. В белорусской народной культуре также очевидным есть факт употребления сложных существительных. Природа сложного слова связана с представлениями в сознании человека о многоаспектности, равноуровневости,

всеобъемности понятия, его разностороннего видения индивидуумом – носителем этнической культуры. Поэтому сложное слово в фольклоре понимаем как неоднозначное, разноаспектное поэтизирование реальных вещей, попытку образно обыграть их характерные детали, признаки, характеристики, указать на взаимосвязь, подчеркнуть частное и общее как единое целое в понимании сущности предмета. Для фольклора сложная словесно-образная конструкция – речемыслительный способ реализации многоаспектности видения мира, сегментация и синтез описываемого явления, предмета.

Вербальные тексто-образные формулы–универсалии в белорусской фольклорной традиции также подчинены законам канонической внутренней архитектоники. К этим формулам принадлежат сложные глагольные конструкции типа *сёлы-пасёлы* [8, с. 37], *сячыце-рубайце* [8, с. 285], *стучыць-гручыць* [8, с. 297, 298], *лець-палець* [7, с. 570], *едзь-паедзь* [8, с. 370] и структуры, образованные по модели “глагол + глагол”: *не гніся, не ламайся* [8, с. 433], *хоць маем, хоць не маем* [10, с. 427], *не гніся, не ламаюся* [8, с. 432], *хаджу, малачу* [10, с. 80].

Аналогичные модели наблюдаем в украинских думах: *сікти–рубати* [12, с. 163, 164, 177 та ін.], *бере-хапає* [12, с. 203, 205], *бити-карати* [12, с. 218], *бігти-доганяти* [12, с. 216], *грати-вигравати* [12, с. 98 и др.]. Как убеждаемся, принцип конструирования структур – тот же, компонентный состав близкий, похожий, хотя в большинстве случаев не одинаковый, не повторяющийся.

Интерес представляют адвербиальные тексто-образные универсалии. Предназначение этих структур – поэтизировать пространственные, временные и другие характеристики измерения бытия. Формульные структуры с семантикой места указывают на местоположение описываемого предмета, явления, события, на направление, движение к определенному предмету в пространстве и проч. Пространство в фольклоре, как и время, – реальное обобщенное бытие, мыслящееся в тесной связи с человеком. Для белорусского носителя культуры актуальным есть макропространство: *на Русь, на Україну* [8, с. 282], *на ціхім Дунаї* [8, с. 282], *за ціхім Дунаєм* [8, с. 288], *на Україну* [8, с. 282], *на Русь* [8, с. 283], *з поля* [8, с. 37], *на Дунаечку* [10, с. 126, 127], *на рыначку* [8, с. 36], *у луг, у бор* [8, с. 40], *у крыніцу* [8, с. 41], *у садзе* [8, с. 41], *на саду* [8, с. 42], *у садочку* [8, с. 42], *да з гары на даліну* [8, с. 283], *пад круту гару* [8, с. 430], *да на моры, на моры, на сіньнім возеры* [8, с. 283], *у бору* [8, с. 289], *у чыстым полі* [8, с. 299], *за лесам* [8, с. 302], *па чысту поле* [8, с. 302], *за гарой, за гарой круценькай* [8, с. 392], *за гумном, за новенькім* [8, с. 289], *чэраз тры лясы* [8, с. 303], *чэраз тры сялы* [8, с. 303], *між гор, між далін* [8, с. 292], *да й у чыстым у полі, да й на бітому шляху* [8, с. 430], а также и микропространство: *на камені на бялюсенькім* [8, с. 37], *у каморы* [8, с. 42], *у хаце* [8, с. 48], *па сянех* [8, с. 51], *на бярозах* [8, с. 50], *на дварэ* [8, с. 293], *каля коніка* [8, с. 287], *на коніку* [8, с. 55], *у новым калодзежы* [8, с. 281], *з-пад крыніцы* [8, с. 290], *на масту* [10, с. 427]. Употребление многих адвербиальных тексто-образных конструкций, характерных для белорусского фольклора, наблюдаем в украинских народных эпических произведениях: *з чужої сторони* [12, с. 116], *із чистого поля* [12, с. 312], *з криниці Салтанки* [12, с. 94, 96], *із чужого дому* [12, с. 360], *у тихий Дунай* [12, с. 409], *в чисте поле, в широке роздолля* [12, с. 216], *у чужий дім* [12, с. 217], *через темні луги* [12, с. 328], *через високі ліси* [14, с. 338].

Поэтизацию пространства связываем с намерением песнетворцев зафиксировать местопребывание, местонахождение существенных для этнического бытия реалий духовной и материальной жизни человека. Локус есть частью этноса, составляющей мировоззрения носителей культуры, компонентом национальной (генетической) памяти. Для белорусов важными локативами считаем такие, как *лес, сад, поле, бор, гай, гора, дубрава, море* и др. Для украинцев – *степь, поле, лес, сад, бор, гора, дубрава, море* и др. Сходство пространственного обозначения действительности и в белорусском, и в украинском фольклоре – очевидное.

Время в словесно-образном оформлении тоже есть обязательным показателем

національно-образного видення быття. Для белорусського носителя мовної культури характерним засвідчено час, яке визначено словами *ранюсенька* [8, с. 51], *з суботкі на нядзелку* [8, с. 5], *у суботу на нядзелю* [8, с. 52] *з суботкі на нядзелку* [8, с. 53], *у нядзелю рана* [8, с. 55], *у нядзелечку* [8, с. 56], *з суботы на нядзелю* [8, с. 56, 57], *у нядзелю да рана параненька* [8, с. 280], *у надзелку рана* [8, с. 280], *ой, рана, рана, на зарэ* [8, с. 429]. Для української фольклорної традиції примічальні конструкції *ранньою зорею* [12, с. 325], *у святую неділеньку рано-пораненьку* [12, с. 190, 366, 367], *до схід сонця* [12, с. 359], *в неділю рано-пораненьку з світовою зорею* [12, с. 340, 341], *ясною зорею* [12, с. 206]. Як видно – словесні формульні конструкції дуже схожі.

Текстово-образні предикативні конструкції–універсалії в белоруському народному творчестві – структури, співвідносні з реченнями. Такі одиниці достатньо активізовані. Наприклад: *дробныя слёзкі роніць* [8, с. 43], *дробныя дажджы паліваюць* [8, с. 36], *коніка сядлае* [8, с. 47], *зязюлька кукавала* [8, с. 48], *по сенях пахадзіла* [8, с. 51], *сон сасніла* [8, с. 53], *сон відзела* [8, с. 53], *на коніку сядзіць* [8, с. 55], *цякла рэчачка* [8, с. 56], *русяя каса да да паяса* [8, с. 280], *два конікі да ваду пілі* [8, с. 280], *коні пьюць* [8, с. 289], *вада ручаём цячэ* [8, с. 290], *вада цячэ халодная* [8, с. 290], *вадзічка ручаём бяжыць* [8, с. 292], *быстра рэчка цячэ* [8, с. 294], *на чысту поля стралою імчыся* [8, с. 302], *не вей, вецер* [8, с. 431], *каля рэчанькі хадзіла, каля быстрае гуляла* [10, с. 390], *я над ракою стаяла, белыя ручкі ўмывала* [10, с. 391], *з адной гары вецер вее, з–над другой гары павявае* [10, с. 279], *кукавала зязюля* [10, с. 222] і др. По своїй сутності (ураховуючи лексический склад, значущість конструкції) подібні текстово-образні універсалії, на наш погляд, споріднені з епіческими формулами пісень слав'янського фольклору. Порівняємо в українських народних думах: *став з Дніпра тихий вітер повівати* [12, с. 388], *будуть козаки чистим полем гуляти* [12, с. 89], *дрібен дощик накрапає* [12, с. 254], *став буйний вітер повівати* [12, с. 186], *не буйні вітри повівали* [12, с. 79].

Фольклорно-пісенне творчтво – осмислення в національно-культурному втіленні, з допомогою етнознакових одиниць, в яких кодуються уявлення етносу о бытті, сутності народно-культурної дійсності – духовної і матеріальної її природи. Домінанти цієї дійсності – концепти національної культури – теж вимагають пристального уваги і компаративних слав'янських студій, що важливо для роз'яснення універсального і унікального, самобитного в народнопісенному творчестві споріднених етносів.

Як видно, і українське, і белоруське фольклорно-пісенне творчтво – формульне по своїй складі. Розглядані формульні канонічні структури представлені лише окремими моделями, в загальних рисах. Але навіть на незначительних прикладах можна спостерігати міцно сформовану давню мовну пісенну традицію в фольклорі двох народів. Вивчення фольклорно-пісенних текстообразуючих елементів фольклорного континуума слав'ян – дуже важливо і необхідно. Детальна, класифікована універсально-формульних образів надасть можливість порівняти мову давньої пісенної традиції різних слав'янських культур і пр.

Источники и литература

1. Беценко, Т. П. Адвербіальні текстові універсалії з семантикою місця в українських народних думах / Т. П. Беценко // *StVlistVka: Opole.* – 2006. – XV. – С. 183–219.
2. Беценко, Т. П. Атрибутивні епіческі формули в українських народних думах / Т. П. Беценко // *Стереотипність і творчтво в тексті.* – Пермь, 2005. – С. 322–331.
3. Беценко, Т. Мова думового епосу: Словник епітетів, складних слів, тавтологічних і плеонастичних структур, географічних найменувань і релігійних понять / Т. Беценко. – Суми, 2008. – 346 с.

4. Беценко, Т. П. Мова українських народних дум: Словник текстово-образних одиниць / Т. П. Беценко. – Суми, 2016. – 248 с.
5. Беценко, Т. П. Поэтическая фразеология украинских народных дум / Т. П. Беценко // Слово и контекст: Филологический сборник к 75-летию Н. С. Валгиной. – Суми, 2002. – С. 180–194
6. Беценко, Т. П. Текстово-образні універсалії думового епосу: структура, семантика, функції: монографія / Т. П. Беценко. – Суми, 2008. – 288 с.
7. Беценко, Т. П. Текстово-образні універсалії – системні одиниці / Т. П. Беценко // Карповские научные чтения : сборник научных статей : в 2 частях. – Минск, 2012. – Выпуск 6. Часть 1. – С. 12–25.
8. Вяселле: песні: у 6 книгах. – Мінск: Навука і тэхніка, 1981. – Книга 1. – 642 с.
9. Вяселле: песні: у 6 книгах. – Мінск: Навука і тэхніка, 1981. – Книга 2. – 562 с.
10. Восеньскі талочныя песні. – Мінск: Навука і тэхніка, 1981. – 484 с.
11. Евгеньева, А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв. / В. П. Евгеньева – М. – Л.: Изд-во АН СССР. Ленингр. отд-ние, 1963. – 348 с.
12. Украинские народные думы. – М.: Наука, 1972. – 481 с.

УДК 94(477):908

О. В. Бобина

Национальный университет кораблестроения
имени адмирала Макарова

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ И «ДЕКОММУНИЗАЦИЯ» В УКРАИНЕ: НИКОЛАЕВСКИЙ ТОПОНИМИЧЕСКИЙ КОРПУС (1991–2020)

«Декоммунизация» – особая политика на постсоветском пространстве. В той или иной мере она осуществлялась во всех «новых» государствах. Автор освещает отдельные вопросы «декоммунизации» в Украине. Основное внимание уделяется переименование улиц г. Николаева в 2015–2016 гг. как элементу данной политики.

Дискуссии о коллективной, социальной памяти идут в Европе с 20-х гг. XX в., с работ М. Хальбвакса (1877–1945) [1]. Европейская историческая наука имеет обширную историографию по этой теме, и по этим дискуссиям. И не только теоретическую рефлексию, но и «практическую» традицию, обусловленную социально-политическими реалиями. Так, в Германии в 1980-х гг. дискуссии «о социальной памяти», «о коллективной памяти» переросли в «Спор историков». В основе т. н. спора идея немецкого патриотизма, «коррекция» подхода к теме ответственности за нацизм и преступления Третьего рейха. В Польше в конце 1990-х гг., началась дискуссия «о здоровом патриотизме», которая привела к появлению рядом с термином «политика памяти» термина «историческая политика». Пьер Нора (1931), условно начавший новую волну дискуссии по этому вопросу в 1986–1992 гг., вместе со ста коллегами материализовали свои идеи в семитомную работу «Места памяти» [2]. Именно П. Нора сформулировал аксиому, о которой все знали, но периодически забывали: «память привязывается к определенным местам – местам памяти» [3]. Но теоретические и педагогические дискуссии, и нарративы переросли с легкой руки польских, и особенно, российских политиков / историков, в «войны политиков по поводу истории» и в инструмент гибридной войны (медиа-войны и психологической войны) за умы и сознание людей. Российская историческая наука выступила по большой степени, на стороне политики.

В Украине эти «войны» наложились на процессы «декоммунизации» и отпора экспансии России в Крыму и на Донбассе. «Декоммунизация» в Украине объясняется переформатированием массового сознания украинского общества (коллективной памяти) на т. н. европейские ценности. В основе этих ценностей индивидуализм, индивидуальная свобода и ответственность, гражданское общество и его ответственность, ответственность государства и т. д. Необходимость «декоммунизации» в Украине объясняется такой практикой в восточно-европейских государствах в 1990-е гг. и приблизительной аналогией с «денацификацией». У небольшой части национальной верхушки «декоммунизация» до 2013–2014 гг. объяснялась искренним желанием порвать с влиянием России и «русского мира». С 2014 г. в связи с событиями в Крыму и на Донбассе «декоммунизация» стала идентификатором независимости Украины как государства и украинского общества. «Декоммунизация» диктовалась необходимостью разорвать символическую связь с Россией.

«Декоммунизации» в Украине столько же лет, сколько и независимой Украине. Под «декоммунизацией» мы понимаем и рассматриваем систему государственных и общественных мер, теоретическую и практическую деятельность, направленную на отказ от существующего влияния и последствий коммунистической идеологии советского образца после деконструкции (снятия) советско-коммунистического режима. «Декоммунизация» в Украине прошла несколько этапов и включала в себя комплекс практик «прощания с идеологией». К ним мы относим демонтаж памятников и других скульптурных форм, процесс реабилитации репрессированных по политическим мотивам, деидеологизация процесса обучения в общеобразовательной и высшей школе, переименование (смена названий) топонимики, запрет (ограничение деятельности) коммунистической партии. Последними по времени стали «декоммунизация» армии (новые приветствия, новые уставы, новые названия военных частей и подразделений) и запрет изготовления и пропаганды т. н. георгиевской ленты. Можно выделить такие этапы «декоммунизации»: 1) стихийно-общественный, позднеперестроечный (1990–1994) частично санкционированный властью; 2) умеренно-санкционированный период времен президента Л. Кучмы (1994–2004); 3) первый официальный при президенте В. Ющенко (2005–2010); 4) откат «декоммунизации» при президенте В. Януковиче (2010–2014); 5) «стремительная декоммунизация» при президенте П. Порошенко (2014–2019).

Проблемы «декоммунизации» вызывают активное обсуждение в профессиональной среде. Но эти обсуждения «забывает» медиа-война российских пропагандистов. Российские историки, в большей степени, приравнивают «декоммунизацию» к «дерусификации», причём вообще не учитывая войну России против Украины [4]. Украинское профессиональное сообщество поделилось на два, условно, открытых лагеря. Первый возглавляет Г. Касьянов. Он недоволен «быстротой» «декоммунизации» и отсутствием дискуссии по этому поводу. Хотя кто ему мешал дискутировать неизвестно. Второй лагерь составляют историки, поддерживающие «декоммунизацию». Среди наиболее известных имен данного направления – Н. Яковенко. Она одна из топовых историков Украины поддержала «стремительную декоммунизацию», которую проводил В. Вятрович на посту директора Украинского института национальной памяти. Третий лагерь составляют историки, которые разделяют идеи «декоммунизации», понимая, что её критики действуют по недомыслию или выполняют политический заказ.

До принятия четырех базовых законов, касающихся «декоммунизации», уже были наработаны некие правовые и практические шаги. Четыре основных закона дали инструменты для нового этапа «декоммунизацию». Имеем в виду такие законы: 1) «Об увековечении победы над нацизмом во Второй мировой войне 1939–1945 годов» (09.04.2015 г.); 2) «О доступе к архивам репрессивных органов коммунистического тоталитарного режима 1917–1991 годов» (09.04.2015 г.); 3) «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрет пропаганды их символики» (09.04.2015 г.); 4) «О правовом статусе и

увековечивании памяти борцов за независимость Украины в XX в.» (09. 04. 2015 г.). Наша задача – осветить один из аспектов «декоммунизации» топонимического ландшафта одного из «сложных» южных городов, на сепаратизм которого делалась ставка во время «русской весны», – г. Николаева.

С точки зрения топонимической истории г. Николаев очень интересен. Так первое массовое наименование улицы города произошло на шестом десятилетии его истории, в 1832 г. Известный николаевский историк Ю. С. Крючков выделяет шесть этапов топонимической истории города [5]. Первое частичное переименование улиц произошло в 1890 г. Городская Дума к столетию города переименовала ряд улиц. Второе массовое переименование произошло после т. н. большевистской революции – к десятилетию прихода к власти коммунистов (1927). После изгнания нацистов началась следующая волна переименований и распространение новых названий в связи со строительством новых районов города. Послевоенное пятидесятилетие было самым бессистемным в топонимической истории города. К 1991 г. и 2015 г. город оказался в уникальной ситуации. На территории города, вместе с поселениями насчитывалось 11 улиц Витовских (от 1-ой до 11-ой), 6 улиц Военных, 7 улиц Гайдамацких, 16 улиц Казацких, 8 Линий (1-ая Линия и т. д.), 4 улиц Ольвийских, 10 улиц Продольных, 4 улицы Поперечных, 5 улиц Сичевых, 5 улиц Слободских, 5 улиц Ингульских. Нередко, рядом с улицами идут переулки с аналогичными названиями. Естественно, присутствовал достаточно большой коммунистическо-ленинский массив топонимики. В Николаеве насчитывалось три памятника Ленину, стела с изображением Ленина, памятник Ленину на территории университета Петра Могилы. Естественно, мы имели площадь Ленина, проспект Ленина и улицы Ленина в ближайших поселениях. Кроме того – несколько улиц Ильича, Ульяновых, семьи Ульяновых, Марии Ульяновой, Юных Ленинцев и др. В «коммунистический набор» входили улицы Р. Люксембург, К. Либкнехт, Ф. Энгельс, К. Маркса, Коминтерна, 25 Октября, Коммунаров, Красных Маёвщиков, Комсомола и Комсомольские, Чекистов, Латышских стрелков, Дзержинского и других деятелей большевистской революции, коммунистической партии и советской власти.

Первые «антикоммунистические» переименования произошли еще при коммунистах в 1989 г. К 200-летию города власти абсолютно спокойно без идеологических терзаний переименовали ул. Плехановскую в ул. Потемкинскую. Таким образом, имперские принципы коммунистической идеологии абсолютно спокойно перевесили европейскость Георгия Плеханова. В течение 1990-х гг. ул. Свердлова вернули старое название – Спасская, а ул. Розы Люксембург – Никольская. «Декоммунизация» было забыта до т. н. Оранжевой революции. Небольшая часть украинской интеллигенции города Николаева поднимала вопрос о переименовании улиц и переносе памятников. Но всё ещё преобладающая великодержавная коллективная память «о центре судостроения империи» и надежды на «великую Россию» быстро подавляли эти маргинальные потуги. В 2005–2009 гг. президент В. Ющенко сосредоточился на увековечивании памяти жертв голодомора 1932–1933 гг. Под окончание своей каденции, 12 июня 2009 г., он издал Указ об общем демонтаже памятников и памятных знаков, посвященных лицам причастным к организации и осуществлению голодоморов и политических репрессий в советское время. Практического значения этот Указ не имел. В марте 2010 г. к власти пришёл В. Янукович и Партия регионов. Стоит признать, что В. Ющенко был достаточно органичен в своих действиях. До 2014 г. в Украине активно действовали пророссийские властные политические силы, блокирующие действия демократических инструментов по «декоммунизации». А компартия было влиятельной политической силой, имеющей фракцию в парламенте.

Антикриминальная революция (ноябрь, 2013 г. – февраль, 2014 г., «Революція гідності») снова сделала «декоммунизацию» актуальной. «Декоммунизация» началась с «ленинопада». 8 декабря 2013 г. был разрушен памятник Ленину в Киеве. В Николаеве памятник был демонтирован 22 февраля 2014 г. работниками городской коммунальной службы. Во время демонтажа произошли столкновения между сторонниками и

противниками демонтажа. Милиция не вмешивалась в противостояние. До 2015 г. «декоммунизация» ограничилась «ленинопадом» и переименованием площади Ленина в Соборную площадь. Российская агрессия и сепаратизм, и их поддержка коммунистами обострили проблему «декоммунизации». «Получив» в апреле 2015 г. законные инструменты, городские власти до последнего оттягивали переименование топонимов. На официальном сайте была создана страница для горожан. Там любой мог высказать свои предложения, обсудить уже предложенные названия. Страница «работала» два месяца. Несколько раз собиралась комиссия по топонимике, вопрос обсуждался на сессиях горсовета. Но лишь к зиме 2016 г., к концу отведенного срока, были приняты соответствующие решения.

В процессе обсуждения переименований сформировалось несколько «партий». Первая партия – партия возвращения к историческим названиям. Адепты этой партии игнорировали закономерности функционирования украинского языка. Поэтому вернулись названия, которых нет в украинском языке: «Кузнецька», «Погранична». Вторая партия – «виноградно-яблочная». Это партия любила историю, но не любила её сложных моментов. Они, во главе с городским головой, старались «декоммунизировать» улицы фруктово-цветочными названиями. Третья партия – партия охранителей всего, что можно. Самая маленькая была проукраинская партия. Наиболее активными национальными общинами были болгары и евреи. Но, несмотря на все перипетии, основные переименования были осуществлены. Проспект Ленина стал Центральным, ул. Советская – Соборной, Ленинский район – Ингульским, ул. К. Либкнехта – Шнеерсона, переулок Павлика Морозова стал Сарматовским. Всего было изменено 129 названий. Николаевская топонимика была частично украинизирована. Всего около двух десятков названий имеют украинское содержание. Одиннадцать новых топонимов «имеет» болгарская община микрорайона Терновка. Наиболее скандальными стали переименование ул. К. Либкнехта в ул. Шнеерсона, и ул. К. Маркса в ул. А. Шептицкого. Но еврейская община сумела отстоять «свое» название, а украинцы не смогли. Скандал возник с переименованием проспекта Героев Сталинграда. Лишь единоличное решение главы областной государственной администрации дало новое название – проспект Героев Украины. Пророссийские, сепаратистские политические силы соглашались лишь на название проспект Героев. Особенностью «топонимической декоммунизации» в Николаеве стало игнорирование правил украинского языка, игнорирование мнения профессиональных историков. Хотя, стоит признать, что сами историки вели себя достаточно позитивно.

Процесс «декоммунизации» затронул не только топонимику города. Но изменил названия и ряда других объектов. Это касается названий заводов и предприятий, демонтажа советской символики (снят орден на фасаде НУК имени адмирала Макарова), Парк Победы 1941–1945 гг. переименован в Парк Победы 1939–1945 гг., демонтированы мемориальные доски, связанные с событиями и деятелями советского периода (например, Героям-сивашцам). Последними, во времени, шагами «декоммунизации» в г. Николаеве стало изменение название буханки «черного» хлеба: «Стахановский» стал «Галицким» (апрель 2019 г.), и демонтаж памятной доски Г. Жукову, где он «неоднократно останавливался» (октябрь 2019 г.).

Важным элементом в процессе «декоммунизации» стало создание памятника «Героям небесной сотни». Это единственный «украинский» памятник в центре города. В целом в городе три «украинских» памятника: памятник Т. Шевченко, бюст В. Черновола и памятник «Героям небесной сотни». Но мемориал в честь николаевцев, погибших в боях на Донбасе, до настоящего времени не создан, хотя, уже около двухсот жителей Николаева и Николаевской области погибли там, защищая Украину. На сайте областной государственной администрации и города события «декоммунизации» и войны не отражены совсем.

«Декоммунизация» топонимики даже в таком усечённом виде сыграла свою роль в расставании с контраверсионными моментами прошлого.

Источники и литература

1. Романовская, Е. В. Морис Хальбвакс: культурные аспекты памяти [Электронный ресурс] / Е. В. Романовская // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2010. – № 3. – С. 39–44. – Режим доступа: <https://www.sgu.ru/sites/default/files/journals/izvestiya/pdf/2013/12/13/2010-3-9.pdf>. – Дата доступа: 08. 04. 2020.

2. История и память в эпоху государства идентичности (Интервью с действительным членом Французской Академии историком Пьером Нора) // Этнографическое обозрение. – 2011. – № 4. – С. 75–84.

3. Нора, П. Всемирное торжество памяти [Электронный ресурс] / П. Нора // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3. – С. 40–41. – Режим доступа: <https://fly-uni.org/stati/per-nora-vsemirnoe-torzhestvo-pamyati/>. – Дата доступа: 08. 04. 2020.

4. Миллер, А. И. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы / А. И. Миллер, Д. В. Ефременко. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. – 632 с.

5. Крючков, Ю. С. История Николаева от основания до наших дней / Ю. С. Крючков. – Николаев: «Возможности Киммерии», 1996. – 300 с.

ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ

- Барахвостаў
Павел
Аляксандравіч** дацэнт кафедры паліталогіі Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта, кандыдат палітычных навук
- Шыляеў
Антон
Паўлавіч** старшы выкладчык кафедры ўсеагульнай гісторыі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны, магістр гістарычных навук
- Кандрацьеў
Ігар
Віктаравіч** дацэнт кафедры ўсеагульнай гісторыі Інстытута гісторыі, этналогіі і правазнаўства імя Лазарэўскага Чарнігаўскага нацыянальнага педагагічнага ўніверсітэта імя Т. Р. Шаўчэнкі, кандыдат гістарычных навук, дацэнт
- Цыватый
Вячаслаў
Рыгоравіч** дацэнт кафедры новай і навейшай гісторыі замежных краін Кіеўскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Тараса Шаўчэнкі, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, Заслужаны работнік адукацыі Украіны
- Нікіцянкава
Людміла
Паўлаўна** дацэнт кафедры гісторыі славянскіх народаў Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна, кандыдат філасофскіх навук
- Верамееў
Сяргей
Фёдаравіч** дацэнт кафедры гісторыі славян і спецыяльных гістарычных дысцыплін Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны, кандыдат гістарычных навук, дацэнт
- Ерашэвіч
Аляксандр
Уладзіміравіч** дацэнт кафедры паліталогіі Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук, дацэнт
- Мязга
Мікалай
Мікалаевіч** загадчык кафедры ўсеагульнай гісторыі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны, доктар гістарычных навук, прафесар
- Бусько
Сяргей
Іванавіч** дацэнт кафедры філасофіі і гісторыі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта фізічнай культуры, кандыдат гістарычных навук

Жыхараў Сяргей Барысавіч	дацэнт кафедры гісторыі славян і спецыяльных гістарычных дысцыплін Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны, кандыдат гістарычных навук, дацэнт
Лугавік Таццяна Віктараўна	метадыст цэнтра інжынернай адукацыі, аховы працы і прамысловай бяспекі Інстытута павышэння кваліфікацыі і перападрыхтоўкі кадраў Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны, кандыдат гістарычных навук
Маторавя Надзея Сяргееўна	дацэнт кафедры ўсеагульнай гісторыі і сусветнай культуры Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П. М. Машэрава, кандыдат гістарычных навук, дацэнт
Міхедзька Валянцін Аляксевіч	дацэнт кафедры гісторыі Беларусі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны, кандыдат гістарычных навук, дацэнт
Фядзькоў Аляксандр Мікалаевіч	загадчык кафедры архівазнаўства, спецыяльных гістарычных і прававых дысцыплін Камянец-Падольскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Івана Агіенка, доктар гістарычных навук, дацэнт
Кротаў Андрэй Міхайлавіч	дацэнт кафедры ўсеагульнай гісторыі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны, кандыдат гістарычных навук, дацэнт
Чуткі Андрэй Іванавіч	дацэнт кафедры старажытнай і новай гісторыі Украіны Кіеўскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Тараса Шаўчэнкі, доктар гістарычных навук, дацэнт
Камарніцкі Аляксандр Барысавіч	акадэмік НАН Украіны, прафесар кафедры гісторыі Украіны Камянец-Падольскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Івана Агіенка, доктар гістарычных навук, дацэнт
Лазько Рыгор Рыгравіч	прафесар кафедры ўсеагульнай гісторыі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны, доктар гістарычных навук, прафесар
Бабкоў Анатоль Міхайлавіч	дацэнт кафедры ўсеагульнай гісторыі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны, кандыдат гістарычных навук, дацэнт

Федарэнка Міхаіл Аляксандравіч	дацэнт кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін Нацыянальнага ўніверсітэта караблебудавання імя адмірала Макарава, кандыдат гістарычных навук, дацэнт
Бранцаў Міхаіл Васільевіч	загадчык кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Бранскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя акадэміка І. Г. Пятроўскага, доктар гістарычных навук, прафесар
Хмялеўская Гізела	Быдгашч, Польшча.
Яноўскі Алег Антанавіч	загадчык кафедры гісторыі Расіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук, прафесар
Дуброўка Алена Мікалаеўна	дацэнт кафедры ўсеагульнай гісторыі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны, кандыдат гістарычных навук, дацэнт.
Кораткава Дар'я Аляксандраўна	старэйшы навуковы супрацоўнік Інстытута славяназнаўства Расійскай акадэміі навук, кандыдат гістарычных навук, дацэнт
Колас Андрэй Віктаравіч	суіскальнік Інстытута гісторыі НАН Беларусі
Ражкова Святлана Мікалаеўна	асістэнт кафедры гісторыі славян і спецыяльных гістарычных дысцыплін Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны
Талочка Дзмітрый Міхайлавіч	дацэн кафедры ўсеагульнай гісторыі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Францыска Скарыны, кандыдат гістарычных навук, дацэнт
Куцікаў Ілля Міхайлавіч	магістрант гістарычнага факультэта Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны
Снапкоўскі Уладзімір Еўдакімавіч	прафесар кафедры міжнародных адносін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, доктар гістарычных навук, прафесар

- Гаўрылавец
Людміла
Уладзіміраўна** загалчык кафедры гісторыі і грамадазнаўчых дысцыплін Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна, кандыдат гістарычных навук, дацэнт
- Садоўнік
Аляксандр
Васільевіч** аспірант Вінніцкага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя М. Кацюбінскага
- Бяценка
Таццяна
Пятроўна** прафесар кафедры ўкраінскай мовы і літаратуры Сумскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя А. С. Макарэнкі, доктар філалагічных навук, прафесар
- Бабіна
Алег
Валер'евіч** дырэктар вучэбна-навуковага гуманітарнага інстытута Нацыянальнага ўніверсітэта караблебудавання імя адмірала Макарава, кандыдат гістарычных навук, дацэнт

Навуковае выданне

БЕЛАРУСЬ І СУСЕДЗІ:

ШЛЯХІ ФАРМІРАВАННЯ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ, МІЖНАЦЫЯНАЛЬНЫЯ І МІЖДЗЯРЖАЎНЫЯ АДНОСІНЫ

Зборнік навуковых артыкулаў

Заснаваны ў 2012 годзе

Выпуск 7

Падпісана да друку 11.06.2020. Фармат 60x84 1/8.
Папера афсетная. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 19,30.
Ул.-выд. арк. 16,81. Тыраж 40 экз. Заказ 257.

Выдавец і паліграфічнае выкананне:
установа адукацыі

“Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны”.
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вырабніка,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 3/1452 ад 17.04.2017.
Спецыяльны дазвол (ліцэнзія) № 02330 / 450 ад 18.12.2013.
Вул. Савецкая, 104, 246019, Гомель.